Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Липецкий филиал

Заочная Всероссийская научно-практическая конференция

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

4 февраля 2022 года

Сборник трудов участников

Липецк – 2022

УДК 34
ББК 67.4

Противодействие преступности: современное состояние, особенности и проблемы. Электронный ресурс: Сборник трудов участников заочной научно-практической конференции (4 февраля 2022 г., Липецк) / Под общ. ред. Шагуновой В.М.- Липецк: Липецкий филиал РАНХиГС, 2022. – 490 с.

В издание представлены материалы всероссийской научно-практической конференции «противодействие преступности: современное состояние, особенности и проблемы», проходившей 4 февраля 2022 года в Липецком филиале РАНХиГС. Организатором конференции выступила кафедра «Уголовное право, процесс и криминалистика».

Статьи сборника посвящены исследованию различных аспектов борьбы с коррупцией, в том числе на государственной службе, выявления проблем и определения основных направлений совершенствования законодательства в данной области.

Настоящее издание может представлять интерес для научных и практических работников различных отраслей знания, интересующихся проблематикой коррупции.

© Липецкий филиал РАНХиГС
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

Аксенов М.А. Проблемы квалификации преступлений против порядка управления, посягающих на личность представителей власти	5
Акулова Е.А. Некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ	12
Анисимов Д.А. Меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним	18
Арсентьева Е.В. Профилактика как элемент противодействия коррупции	21
Балашов Н.И. Личность преступника –похитителя	26
Бобылева Е.Г. Проблемы квалификации убийств, совершенных с особой жестокостью	32
Болдырева Ю.В. Современный аспект мошенничество. Мошенничество по телефону	37
Бочарова А.Х. Правовое положение лиц отбывающих наказание в виде лишения свободы	42
Бочарова А.Х. Правовое положение и современный уровень защищенности прав лиц, осужденных к лишению свободы	46
Веденеева О.А. Проблемные вопросы профилактики преступности несовершеннолетних	53
Воробьева К.И. Особенности квалификации хулиганства	58
Гейдаров Т.Р. Массовые убийства в школах (скулшуттинг): уголовная ответственность и предупреждение	66
Гнездилов А.А. Ответственность за нарушение правил охраны труда на предприятии	70
Гончарова М .А. Особенности криминологической характеристики незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	84
Гусейнова А.Г. Кибербезопасность и киберугрозы: основные подходы к определению понятий	90
Демин П.В. Правовая ответственность за нарушение принципа равенства прав и свобод человека и гражданина	98
Дрокина Д.А. Проблемы квалификации нецелевого расходования бюджетных средств	105
Егорова А.Ю. Актуальные вопросы, связанные с преступлениями против свободы	111
Жигулина Н.К. Актуальные проблемы предупреждения	117

насильственных преступлений в России	
Зубов А.В. Преступления против половой неприкосновенности личности	122
Иванеев Д.А. Особенности уголовно-правовой характеристики незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ)	129
Ильин Е.С. Понятие, сущность и правовая природа института условно-досрочного освобождения	137
Исаев К.И. Особенности квалификации преступлений, посягающих на здоровье человека	143
Карпова В.А. Посредничество в незаконном обороте наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ	148
Кобзев В.О. Коррупция и ее виды	156
Коротаев Е.В. Система составов преступлений, связанных с шантажом, в современном уголовном законодательстве	161
Карпова В.А. Посредничество в совершении преступления в институте соучастия	170
Короткова С.А. Современное проблемы формирования уголовно-правовой основы противодействия преступлениям, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	175
Котенев Н.Ю. Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации	180
Котенев Н.Ю. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	184
Котенев Н.Ю. Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации	193
Кочкина Д.Ю. Уголовно-правовая характеристика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем	198
Кочкина Д.Ю. Сущность, причины и условия легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем	203
Кретова В.В. Ответственность за захват заложников и его отличие от незаконного лишения свободы и похищения человека	211

Куделин И.Б. Теоретические основы обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве	218
Лапырис А.Д. Классификация преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина	224
Лапырис А.Д. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина в системе особенной части УК РФ	230
Леонова Ю.С. Преступления, посягающие на реализацию конституционных принципов правосудия	235
Лысенко Т.С. Проблема квалификации изнасилования и действий сексуального характера	240
Мелихова Я.Ю. Хулиганство	245
Мелихова Я.Ю. Ответственность за хулиганство	252
Меринова А.С. Зарубежная практика реализации института помилования	258
Мишин Д.В. Исполнение наказаний в отношении военнослужащих в разные временные периоды	270
Мовчан К.С. Противодействие незаконному обороту наркотических веществ прекурсоров и их аналогов	275
Насырин А.О. Преступления, посягающие на экономическую безопасность в уголовном законодательстве зарубежных стран	280
Наумова О.В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру российской федерации (ст. 274.1 УК РФ)	285
Наумова О.В. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ)	292
Нефёдов С.В. Разграничение взяточничества от смежных составов преступлений	297
Осипова А.Р., Особенности разграничения вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий со смежными составами преступлений	302
Полозова А.Н. Исправительная колония-поселение разновидность лишения свободы	308
Полозова А.Н. Особенности правового положения, отбывающих наказание в колониях-поселениях	315
Попова Ж.А. Проблемы обеспечения равенства доказывания в уголовном процессе	324
Прилепин Д.О. Органы и организации, занимающиеся вопросами киберпреступности на территории России	329

Репина И.М. Проблемы института освобождения от уголовной ответственности в современном российском законодательстве	335
Севостьянов А.Д. Проблемы назначения наказания по ст. 159.1 УК РФ «мошенничество в сфере кредитования»	341
Синельникова С.Г. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы квалификации	346
Сосницкий В.В. Проблемы квалификации преступлений против жизни	351
Сундеева Д.В. Причины женской преступности и факторы, ее детерминирующие	361
Талалина Ю.В. Ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы	368
Талалина Ю.В. Проблемы расследования преступлений за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы	372
Татарина А.М. Уголовная ответственность несовершеннолетних. цели и возможности освобождения от наказания	382
Телегин М.К. Мошенничество в сфере страхования транспорта: проблемы квалификации	386
Толчеев Н.С. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	391
Угольков И.А. Государственно-правовое регулирование национальной безопасности РФ	397
Фарафонова О.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности за детоубийство в англо-американском уголовном праве	402
Федотов А.Р. Направления и особенности противодействия преступлениям экстремистской направленности	407
Фролов Д.Ю. Образование и профессиональное обучение осужденных к лишению свободы как средство исправления и ресоциализации	412
Фролов Д.Ю. Эффективность профессионального образования осужденных к лишению свободы	418
Харламова О.И. Общественный контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания	426
Харламова О.И. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы в современной России	430
Хофизов М.Х. Незаконный оборот наркотических средств в сети интернет	437

Чеботарев Д.Д. Воздействие на преступность, как один из способов борьбы с преступностью	442
Черешнев Д.Н. Актуальные проблемы квалификации множественности преступлений	448
Шальнев Н. Наказание в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения	455
Шацких С.М. Социальная обусловленность криминализации хищения наркотических средств и психотропных веществ	460
Ширяева О.В. Уголовная ответственность за совершение преступлений в информационной сфере	466
Ширяева О.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации в России и зарубежных государствах	473
Щербаков А.Е. Особенности квалификации хищений грузов при перевозке	478
Эртель А.А. Определение и состав преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности	483

Аксенов М.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Aksenov M.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor Klimov A. S.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЛИЧНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST THE ORDER OF MANAGEMENT, ENCROACHING ON THE IDENTITY OF GOVERNMENT REPRESENTATIVES

Аннотация.

В статье исследуются особенности проблемы квалификации преступлений против порядка управления, связанных с посягательством на личность представителей власти. Исследуются актуальные проблемы, анализируется практика Верховного суда, подводятся итоги

Abstract.

The article examines the features of the problem of qualification of crimes against the order of government, associated with an encroachment on the personality of representatives of power. Actual problems are investigated, the practice of the Supreme Court is analyzed, the results are summed up

Ключевые слова: преступления против порядка управления, посягательство на личность представителей власти, проблемы квалификации

Key words: crimes against the order of government, encroachment on the personality of representatives of power, problems of qualification

Установление ответственности за преступления против порядка управления, посягающих на личность представителей власти представляется возможным расценивать, с одной стороны, как стремление законодателя активизировать противодействие преступлениям, а с другой стороны, как признание имеющихся правоприменительных проблем в части квалификации данных составов преступлений. Анализ материалов следственно-судебной практики демонстрирует, что правоприменитель столкнулся с вопросами о квалификации преступлений против порядка управления, посягающих на личность представителей власти.

Применение насилия в отношении представителя власти характеризуется различными формами противодействия субъектам управленческой деятельности и является одним из наиболее опасных преступлений против порядка управления.

В уголовно-правовой науке и следственно-судебной практике достаточно часто возникают проблемы с отнесением тех или иных должностных лиц к категории представителя власти.

Законодательное понятие «представитель власти» сформулировано в примечании к ст. 318 УК РФ. Согласно примечания представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», к исполняющим функции представителя власти относятся «лица, наделенные правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к ст. 318 УК РФ, иные лица правоохранительных или контролирующих органов, наделенные в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности».

Новеллой отечественного уголовного законодательства является положение в определении должностного лица, осуществляющего функции представителя власти по специальному полномочию. Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 16 октября 2009 г. № 19 дал определение выполнения функции по специальному полномочию. В соответствии с его положениями: «Исполнение функций должностного лица по специальному

полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом (например, функции присяжного заседателя). Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой. При временном исполнении функций должностного лица или при исполнении их по специальному полномочию лицо может быть признано должностным лишь в период исполнения возложенных на него функций».

На практике возникают трудности также при определении понятия «близкие лица» представителей власти в составе ст. 318 УК РФ, которых законодатель относит к числу потенциальных потерпевших в данном составе преступления. Понятие «близкие» раскрывается в п.6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в соответствии с которым близкими потерпевшему, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ними в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновной дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений.

Объективная сторона исследуемого состава преступления обладает спецификой и выражается в применении насилия либо угрозе применения насилия в отношении представителей власти или их близких. При этом по ч. 1 ст. 318 УК РФ квалифицируется применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителей власти или их близких. Применение насилия опасного для жизни и здоровья указанных лиц квалифицируется по ч.2 ст.318 УК РФ.

Указанное понятие не отражает законность или незаконность принуждения, а также не охватывает случаи, когда насилие преследует цель причинения физических или психических травм. Особенно сложным является определение психического насилия, потому как его ограничение только угрозами причинения физического вреда представляется неверным.

Ю.М. Антонян выделяет три вида психического насилия: угрозы жизни и здоровью самих потерпевших, их близких либо иных лиц; угрозы, не направленные против жизни и здоровья и «интеллектуальное» насилие. Отличительным признаком последнего вида насилия является то, что оно совершается должностными лицами путем оформления определенного документа [1, с. 100].

На наш взгляд, «интеллектуальное» насилие является не видом насилия, а отражает форму психического и физического насилия. Например, при вынесении заведомо неправосудного приговора суда осужденному причиняется психическое насилие, а в последующем при исполнении приговора - физическое насилие. То есть «интеллектуальное» насилие не ограничивается какой-либо одной из форм насилия.

Насилие - это категория социально-правовая. В связи с этим Л.В. Сердюк обоснованно выделяет в качестве обязательных признаков насильственных действий их умышленный характер и противозаконность. По определению этого автора, насилие представляет собой «внешнее со стороны других лиц умышленное, противозаконное физическое или психическое воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действий» [3, с. 22].

На наш взгляд, представленное определение в полном объеме отражает сущность понятия «насилие» в его правовом смысле.

В соответствии с п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под насилием, не опасным для жизни или здоровья необходимо понимать «побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.). Под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности».

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.318 УК РФ, выражается не только в применении насилия, но и в угрозе его применения (психическое насилие). Угроза применения насилия охватывает угрозу не только причинением вреда здоровью любой тяжести, но и убийством.

Однако при реализации угрозы, если умысел виновного направлен на убийство, содеянное необходимо квалифицировать по ст. 317 УК РФ. Противоправные действия в отношении представителей власти или их близких квалифицируются по ст. 318 УК РФ только при условии, если указанные деяния были совершены в связи с исполнением служебных обязанностей представителями власти.

Субъективная сторона преступления заключается в умышленном характере действий виновного. Однако А.В. Кладков и А.П. Кузнецов отмечают, что обязательными признаками субъективной стороны применения насилия в отношении представителя власти, является не только вина в форме прямого умысла, а также цель и мотив [5, с. 587].

На наш взгляд, цель и мотив не являются конструктивными элементами состава преступления. Основным элементом субъективной стороны является прямой умысел. При этом умыслом виновного охватывается то, что насилие в отношении представителя власти или его близких применяется в связи с исполнением должностным лицом его служебных обязанностей.

При применении насилия, опасного для жизни или здоровья состав ст. 318 УК РФ превращается в его квалифицированный вид, предусмотренный частью второй данной статьи. Субъект применения насилия в отношении представителя власти характеризуется общими признаками.

В литературе нет разногласий по данному вопросу. Субъектом применения насилия в отношении представителя власти выступает физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Лица в возрасте 14 лет за применение насилия в отношении представителя власти привлекаются к уголовной ответственности в соответствии с нормами уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против личности.

Применение насилия в отношении представителей власти является тем видом преступления, который в случае отсутствия должного внимания к проблеме может пошатнуть правильное функционирование всей государственной власти в Российской Федерации. При этом рассмотрение регионального аспекта данной проблемы продиктовано тем, что каждый регион своей экономикой, структурой общественных отношений и проблемами не похож на другой, в связи с чем и появилась необходимость рассмотрения вопроса применения насилия в отношении представителей власти в контексте региональной проблемы. Анализ правоприменительной практики данного вопроса поможет понять причины совершения данного вида преступления, а также позволит наметить пути решения данной проблемы.

Так, по данным Судебного департамента Российской Федерации, за первое полугодие 2018 г. было осуждено 3254 лица за совершение насилия в отношении представителя власти. При этом статистика имеет следующую динамику: - по итогам 2017 г. за совершение насилия в отношении представителя власти было осуждено 7158 граждан. - по итогам 2016 г. за совершение насилия в отношении представителя власти было

осуждено 8031 лицо. - по итогам 2015 г. за совершение насилия в отношении представителя власти было осуждено 8230 граждан [2].

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что, хотя с 2015 г. наметилась тенденция медленного снижения совершения насилия в отношении представителя власти, но уровень ее все равно остается высоким, что не может остаться незамеченным с точки зрения необходимости совершенствования законодательства.

Для того чтобы понять, каким образом снизить количество вышеизложенных преступных проявлений, необходимо разобраться с тем, а какие цели преследуются осужденными при совершении насилия в отношении представителя власти, для чего является целесообразным провести анализ судебной практики по данному вопросу.

Анализ приговоров, размещенных на портале судебных и нормативных актов, позволил сделать выводы о том, что все приговоренные к уголовной ответственности по ч. ч. 1 и 2 ст. 318 УК РФ находились в состоянии алкогольного опьянения и не могли контролировать свои действия; по трем делам присутствует дополнительная квалификация по ст. 319 УК РФ – оскорбление представителя власти, у двух лиц дополнительная квалификация – кража.

Примечателен тот факт, что большинство случаев совершения насилия в отношении представителя власти было связано, наряду с алкогольным опьянением, еще и с несогласием пройти в ближайшее отделение полиции для оформления административного материала по ст. 20.21 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, которая устанавливает административную ответственность за появление на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность.

Во многих случаях поведению человека, в том числе и преступному, свойственна множественность мотивов и целей. Те из них, что определяют направленность умысла на конкретный объект, равнозначны, вследствие чего между собой они являются конкурирующими. Относительно квалификации преступлений, совершенных при наличии конкурирующих мотивов и целей, в теории уголовного права нет единогласия.

Список цитируемой литературы:

1. Антонян Ю.М. Преступная жестокость. М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 1994. 216 с.

2. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 25.12.2021).
3. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Юрлитинформ, 2010. 384 с
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2021, № 2, ст. 3301.
5. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / под редакцией д.ю.н., профессора А.П. Рарога. М.: Юнипресс, 2018. 795 с.

Акулова Е.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Кузнецов В.А.

Akulova E.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor Kuznetsov V.A.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 322.3 УК РФ

CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF ORGANIZATION OF ILLEGAL MIGRATION

Аннотация.

В статье исследуются вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ. Авторы показали трудности в определении признаков объективной стороны и субъекта преступления. Авторы используют миграционное, уголовное, административное и иное законодательство, материалы судебной практики. Приводятся статистические данные по исследуемой проблеме.

Abstract.

This article takes a look at the issues the offence provided for in art. 322.3 CC RF. The authors demonstrated the difficulties in identifying signs of actus and perpetrator. The authors use migration, criminal, administrative and other legislation, jurisprudence. Statistics on investigated the problem.

Ключевые слова: квалификация преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ, законодательство о миграции, миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, объективная сторона, субъект, статистические данные.

Keywords: characterization of an offence under the Criminal Code, art. 322.3, legislation on migration, migration registration of foreign citizens and stateless persons, objective party, subject, statistics.

В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента В.В. Путина от 14 ноября 2013 г. , отражено, что незаконное пребывание в Российской Федерации иностранных граждан и осуществление ими трудовой деятельности на территории страны зачастую ухудшают социальную обстановку в местах их проживания, создают условия для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма, национализма (п. 17 Концепции).

Противодействие организации каналов незаконной миграции является приоритетным направлением государственной миграционной политики Российской Федерации.

За последние тридцать лет во всем мире происходят миграционные и интеграционные процессы, в том числе в России и на территории бывшего СССР. По данным органов по вопросам миграции Российской Федерации, на начало 2019 г. в России находилось 10,4 млн иностранных граждан, из них 3,7 млн были отнесены к так называемой группе риска. В 2020 г. по докладу замминистра МВД России А. Горевого на территории страны находились свыше 9 млн иностранных граждан.

Миграционные процессы напрямую влияют на все сферы жизни общества и государства, затрагивают интересы всех категорий граждан. По официальным данным ГИАЦ МВД РФ, иностранными гражданами и лицами без гражданства (далее - иностранные граждане) в 2019 г. 43 933 преступления, в 2020 г. - 41 047. данных достаточно преступности граждан.

претворяя в государственную принимает меры административного, характера.

из мер является уголовного Так, 21 2013 г. Федеральным N 376-ФЗ "О внесении в законодательные Российской в УК РФ ст. 322.3 об уголовной за фиктивную на иностранного по месту в помещении в Практика статьи устойчивый к уголовной лиц за совершение ст. 322.3 УК РФ. По данным департамента при РФ, число лиц, за совершение ст. 322.3 УК РФ, выросло с 3 344 в 2015 г. до 6 963 в 2017 г.

изменения в сложности в деятельности, вопросов и в следственной и

В связи с необходимо преступления, ст. 322.3 УК РФ.

Непосредственным преступления общественные в сфере учета В юридической большинство объектом преступления порядок на учет по месту в жилых в [4]. Порядок миграционного

Федеральным от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ "О иностранных и лиц без гражданства в (далее - N 109-ФЗ) и Постановлением РФ от 15 2007 г. N 9 "О порядке миграционного граждан и лиц без в Российской учет граждан - учет) - деятельность по и предусмотренных Федеральным об иностранных и о перемещениях (ст. 2), предусматривает уведомительный (ст. 4) [2]. МВД России N 881 от 23 2017 г. разработан по предоставлению услуги по учета граждан.

В возникающих в с постановкой на гражданина по жительства и несколько С одной - миграционного как федеральный власти, правоприменительные по контролю, и оказанию в миграции, и его органы. С - в принимающей граждане или юридических лиц санаториев, и т.п.), иностранные лица без При каждая из обязана в сроки определенные граждане, России или лиц обязаны территориальный МВД (органы учета), а тот, в произвести сведений о иностранного

Объективная заключается в постановке на гражданина по пребывания в в России. постановка на гражданина по пребывания фиксацию в порядке учета о нахождении в месте Основанием для по пребывания временное иностранного в месте, не его жительства, отсутствие у гражданина жительства. на иностранного по месту как деяние, из взаимосвязанных лиц, будет после как лицо миграционного фиксацию о месте гражданина в документах и в информационной миграционного

Под постановкой на иностранных постановка их на по месту в жилых на основании: а) недостоверных сведений или б) их на учет по пребывания в без намерения (проживать) в в) без намерения стороны эти для пребывания Законодатель сторону преступления в альтернативных деяния.

недостоверных сведений или формой Это могут подложные аренды найма, и т.п. Постановка без (проживать) в или постановка без стороны помещения для на наш взгляд, являются Все три формы о введении в лица органа МВД миграционного со стороны лиц, в деяния, т.е. идет об состоит в сообщении не соответствующих сведений, об истинных либо в направленных на лиц в [1]

При описании преступления, ст. 322.3 УК РФ, законодатель на пребывания гражданина - В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 2 N 109-ФЗ местом жилое не являющееся иностранного а также учреждение или по адресу гражданин постановке на по

пребывания. местами гостиницы или оказывающие санатории, отдыха, и т.п., а также исполняющие или наказание.

В с Жилищным РФ помещением изолированное как имущество, для постоянного (отвечает санитарным и и нормам). В очередь, помещения, от фактического площади и собственности, на учет в нем по пребывания У миграционного нет никаких при оснований для в постановке на в жилом поскольку на носит характер.

Но назвал пребывания за помещений, не на возможность в них как в помещении.

На очень лица на миграционный граждан, местом адрес не являющегося

Законодатель, термины ложные "без намерения "без намерения стороны для пребывания фактически о постановке на учет Описывая сторону законодатели сложный "намерение", под понимается деятельности с выбором Это, на наш взгляд, трудности у органов в уголовного трудности в доказывания иностранного проживать в принимающей предоставить для Последнюю деяния могут проверить, на поставлено большое граждан на площади при возможности их

Обязанность иностранного по постановке на в передаче стороне его личность, а миграционной же информации места лиц, напротив, на принимающую и в исключительных на иностранного

Как действия гражданина при у намерения по заявленному иностранный представляет с недостоверными сведениями с данными, не пребывать по жительства представляющего то его действия квалифицировать по ст. 322.3 УК РФ. В лицо о намерениях не по месту то следовало бы к уголовной иностранного и представляющее сторону.

в их усматривается в незаконной на учет. Они действиями в должностных лиц миграционного в ст. 322.3 УК РФ отсутствует признак - по предварительному группой лиц, что, на наш пробелом в

Состав Деяние с момента на миграционный

Законодатель при ст. 322.3 УК РФ не раскрывает субъекта

Ряд рассматривает данных как Часть утверждают, что лица субъектами [1], поскольку на учет после как должностное миграционного произведет о месте иностранного в документах и в государственной миграционного

На наш взгляд, должностное лицо не может нести уголовную ответственность за совершение рассматриваемых преступлений,

поскольку постановка на миграционный учет носит уведомительный характер. Однако должностное лицо может быть субъектом этого преступления, когда оно, используя свое служебное положение, ставит заведомо незаконно на миграционный учет иностранных граждан из своей личной заинтересованности. В этих случаях действия такого должностного лица следует квалифицировать по совокупности преступлений по ст. 322.3 и 285 УК РФ.

В связи с этим предлагаем дополнить ст. 322.3 УК РФ нормой с указанием, что субъектом данного преступления может быть лицо, использующее свое служебное положение.

Субъектами могут быть как иностранные граждане, так и граждане РФ, являющиеся собственниками жилья или обладающие правом распоряжения жилым помещением на территории РФ.

На практике суды привлекают к уголовной ответственности только лиц, представляющих принимающую сторону, действиям же иностранного гражданина правовой оценки не дается.

Несознательные граждане часто пользуются пробелом в миграционном законодательстве. Примером этого могут быть материалы отдела ОМВД России по району Липецкому району по делу гр-ки С. Так, гр-ка С. в течение 2020 г. осуществила постановку на учет по адресу своего проживания в однокомнатной квартире 57 иностранных граждан. В каждом случае иностранное лицо проживало в данной квартире от одного до трех дней, тем самым вышеуказанное деяние не соответствует термину "фиктивная постановка", указанному в ст. 322.3 УК РФ. За каждый указанный факт гр-ка С. получила материальное вознаграждение с каждого иностранного гражданина в размере до 5 000 рублей. В ходе объяснений, полученных от гр-ки С., было установлено, что гр-ка С. намеревалась предоставить жилое помещение, а иностранное лицо намеревалось проживать в вышеуказанном помещении, однако проживание иностранного лица по данному адресу прекращалось по истечении 1 - 3 суток под различными предлогами. Таким образом, в действиях гр-ки С. нет состава преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ. На наш взгляд, чтобы исключить такую возможность уйти от ответственности, следует в Законе № 109-ФЗ включить:

- норму об обязательном уведомлении органов миграционного учета гражданами (представителями принимающей стороны) об убытии иностранных граждан;
- норму, обязывающую юридических лиц (принимающую сторону) предоставлять не просто помещения для фактического проживания, а жилые помещения. Также добавить в

КоАП РФ норму об ответственности за несообщение в органы миграционного учета об убытии иностранных граждан.

Кроме этого, на наш взгляд, следует совершенствовать уголовное законодательство. Диспозицию ч. 1 ст. 322.3 УК РФ изложить в следующей редакции: "Незаконная постановка на миграционный учет путем обмана". Дополнить ст. 322.3 УК РФ нормой, где предусмотреть ответственность за незаконную постановку на миграционный учет: а) по предварительному сговору; б) лицом с использованием своего служебного положения.

Таковы, на наш взгляд, перспективы совершенствования законодательства и практики применения норм об ответственности за незаконную постановку на миграционный учет иностранных граждан.

Список цитируемой литературы:

1.Квык А.А. Преступления против порядка регистрационного учета в Уголовном кодексе России // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. N 3. С. 198 - 203.

2.Лейба А. Анализ изменений законодательства РФ, направленного на борьбу с "резиновыми" квартирами // Жилищное право. 2014. N 3. С. 7 - 18.

3.Уголовное право России: Учебник. Т. 2: Особенная часть / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2018. 836 с.

4.Уголовное право России: Учебник. Общая и Особенная части / Под ред. Н.М. Мацкевича. М.: Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. 990 с.

Анисимов Д.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Anisimov D.A., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

EDUCATIONAL IMPACT MEASURES TO THE MINORS

Аннотация.

Меры воспитательного воздействия, наряду с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних является первостепенной задачей и обязанностью общества. Особенно тщательно необходим контроль за несовершеннолетними. Уголовная ответственность несовершеннолетних требует углубленного изучения. Причиной этому является психологические, а также возрастные особенности лиц. Таким образом, исследование порождает особенность оказания максимальной поддержки и способствует их воспитанию.

Abstract.

Measures of educational influence, along with the protection of the rights and legitimate interests of minors, is the primary task and responsibility of society. Monitoring of minors is especially necessary. The criminal responsibility of minors requires in-depth study. The reason for this is psychological, as well as age characteristics of individuals. Thus, the study generates a feature of providing maximum support and contributes to their upbringing.

Ключевые слова: уголовное правонарушение, меры

воспитательного воздействия, несовершеннолетние, наказание.

Keywords: criminal offense, measures of educational influence, minors, punishment.

Нельзя отрицать тот факт, что в современном мире сознание подростка формируется исходя из многочисленных факторов. Им, как никому другому требуется защита законных прав и интересов, и потому это, разумеется, является обязанностью государства.

Преступления, где участвуют несовершеннолетние, несет особый характер не только потому, что происходит развитие нравственного характера лица, но, во многом потому, что как следствие происходит формирование преступности следующего поколения.

У несовершеннолетнего происходит неправильное формирование ценностей, и, как следствие, происходит прямая деформация работоспособности общественных отношений.

Отмечается, что среди основных мер наказания, которые могут применяться в отношении несовершеннолетних правонарушителей, выделяются принудительные воспитательные меры. Назначение таковых приводит в целом к освобождению от уголовной ответственности. Ссылаясь на ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации –меры воспитательного воздействия к несовершеннолетнему применяются в случае места небольшой тяжести.

Главная цель таких принудительных мер - воспитательный характер. Возможность освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия рассматривается судом на основе анализа преступного деяния, характеристики личности, его совершившего, в результате которого суд может прийти к выводу, что существует возможность исправления несовершеннолетнего без реального исполнения и отбывания наказания [2, с. 273-276].

Система применения мер воспитательного характера, согласно УК РФ, состоит из четырех мер. Стоит отметить, что каждая их них содержит в себе собственные отличительные особенности.

Во-первых, предупреждение – легкая, и, более того, самая незначительная мера принудительного воздействия.

Основная суть заключается в том, что несовершеннолетнему правонарушителю разъясняют его правонарушение и последующий вред от данного нарушения как людям, так и обществу в целом. Так как данная мера не содержит в себе какого-либо безотлагательного

момента, она применяется как мера, применимая для лиц, совершивших правонарушение впервые.

Во-вторых, передача под руководство родителей, опекунов, лиц их заменяющих, а такжегосударственного органа, специализирующемся на данном вопросе. Суть заключается в том, что на родителей, либо иных лиц, их заменяющих, возлагается ответственность воспитания несовершеннолетнего, либо же на обязанность государственного органа, специализирующемся на данном вопросе.

В-третьих, обязательство ликвидации, исправления причиненного вреда. Суть в данном случае подразумевает возмещенное денежными средствами части, либо полной правонарушения.

В-четвертых, ограничение досуга и, как следствие, установление ограничительных мер и требований в сторону несовершеннолетнего. Суть данной меры состоит в первую очередь в том, чтобы несовершеннолетний изолировался от среды, которая является для него негативной.

При неисполнении данных мер воспитательного характера в сторону несовершеннолетнего происходит снятие таковых обязанностей исполнение. Как альтернатива применяется уголовная ответственность в полном объеме согласно данному законодательству.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Рос. Газета. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Тюрина И.Н. Пути повышения качества правового регулирования принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 273-276

Арсентьева Е.В, магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.ю.н., доцент, Никонович С.Л.

Arsentieva E.V., Master's degree
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch
Scientific supervisor: Doctor of Law, Associate Professor, Nikonovich S.L.

ПРОФИЛАКТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

PREVENTION AS AN ELEMENT OF COUNTERING CORRUPTION

Аннотация.

В статье рассматриваются понятие коррупции, анализируются различные меры профилактики коррупционных правонарушений. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего противодействие коррупции.

Abstract.

The article discusses the concept of corruption, analyzes various measures to prevent corruption offenses. Proposals are formulated to improve the legislation regulating anti-corruption.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, коррупция, коррупционные правонарушения, противодействие, профилактика.

Keywords: state civil service, corruption, corruption offenses, counteraction, prevention.

Коррупция – это сложное правовое, социальное и политическое явление. Она воспроизводится самим государством и является следствием несовершенства его механизма и правовой надстройки. Она обусловлена низкой правовой и общей культурой, отсутствием национальной идеи, низким уровнем правосознания и другими негативными процессами.

С древних времен коррупция является одним из наиболее устоявшихся видов отклоняющегося поведения. Она возникает в тех сферах общественного организма, где интересы частных лиц, групп, предпринимательских структур пересекаются с властными функциями государственного аппарата и представляющих его чиновников. В этой связи совершенствование законодательства о противодействии коррупции и повышение эффективности его реализации возможны лишь при условии осознания тех социальных механизмов, которые детерминируют коррупцию».

Коррупция характеризуются следующими признаками:

- общественной опасностью и антисоциальностью;
- наличием различных уровней проявления;
- запрещенностью уголовным, административным и иными отраслями законодательства под страхом наказания (взыскания);
- использованием служебных полномочий не в государственных целях, не в соответствии с их действительным целевым предназначением;
- получением с периодичностью (систематичностью) вознаграждения;
- сращивание с бизнесом, организованными преступными группировками; бюрократизация государственного аппарата.

Ю.С. Самсонова справедливо отмечает: «Государственная гражданская служба является существенной частью системы управления, в связи с чем она несет на себе ответственность за эффективность и конкурентоспособность ее функционирования. А поэтому данное обстоятельство обусловливает обращение к проблеме повышения ее имиджа в глазах населения нашей страны. В этой связи необходимы соответствующие средства по оздоровлению нравственной среды государственной службы во взаимосвязи с реализацией таких мер по формированию позитивного имиджа госслужбы, как изменение системы мотивации труда госслужащих. Кроме того, необходимо совершенствование нормативной правовой основы, которая обеспечила бы нормальное функционирование государственной гражданской службы; совершенствование системы контроля и надзора за соблюдением законодательства о госслужбе; создание системы качества регламентации публичных услуг, оказываемых госслужащими; формирование социально-ориентированной системы госслужбы, соответствующей новой парадигме общественного развития российского общества» [2, с. 10].

Е.В. Черепанова указывает на то, что система государственного управления по сути является конфликтной зоной. В ней переплетаются

личные интересы государственного служащего с публичными интересами, которые реализуются им в ходе выполнения должностных обязанностей. В связи с этим меры по противодействию коррупции в системе государственного управления должны носить комплексный характер [3, с. 101].

Организация противодействия коррупции представляет собой взаимосвязанный и взаимообусловленный комплекс мероприятий правовой, социальной, организационной и иной направленности, охватывающий разнообразные сферы деятельности субъектов антикоррупционных отношений и имеющий своей целью создание необходимых условий для эффективного противодействия коррупции.

В связи с этим важное практическое значение приобретает профилактика коррупции в различных сферах.

Правовые основы профилактики коррупционных проявлений заложены в статье 6 Федерального закона Российской Федерации 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1].

«Профилактика коррупции реализовывается путем применения следующих основных мер:

1) вырабатывание в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

2) антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов;

3) предъявление в установленном законом порядке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы, а также проверка в установленном порядке сведений, представляемых указанными гражданами;

4) установление в качестве основания для увольнения лица, замещающего должность государственной или муниципальной службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, или для применения в отношении его иных мер юридической ответственности за непредставление им сведений либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также представления заведомо ложных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своей супруги (супруга) и несовершеннолетних детей;

5) внедрение в практику кадровой работы федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов

Российской Федерации, органов местного самоуправления правила, в соответствии с которым длительное, безупречное и эффективное исполнение государственным или муниципальным служащим своих должностных обязанностей должно в обязательном порядке учитываться при назначении его на вышестоящую должность, присвоении ему воинского или специального звания, классного чина, дипломатического ранга или при его поощрении;

6) развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции».

Как справедливо отмечает Е.Ф. Фоменко, и мы солидарны с ее позицией, одним из приоритетных направлений в профилактике коррупционных преступлений и иных правонарушений в России является участие в данном процессе представителей гражданского общества, основа которого - обратная связь государства с гражданским обществом. А один из рычагов повышения уровня эффективности профилактики коррупции - это осуществление правового мониторинга, которым занимаются не только уполномоченные органы публичной власти, но и общественные институты. Ведь без формирования полноценного института общественного контроля и участия представителей гражданского общества в антикоррупционных механизмах едва ли можно эффективно противодействовать коррупции [4, с. 35].

Совершенствование законодательства о противодействии коррупции осуществляется постоянно на протяжении последних нескольких лет, однако не все привносимые изменения однозначно можно оценить в качестве позитивных. К сожалению, имеют место несогласованность, противоречия, юридико-технические недостатки, нарушения основных принципов противодействия коррупции и другие проблемы, негативно влияющие на качество правового регулирования антикоррупционной деятельности.

Список цитируемой литературы:

1. О противодействии коррупции: федера. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
2. Самсонова Ю.С. Имидж государственной службы в условиях административного реформирования в российском обществе: автореф. дисс. ... канд. социолог. наук. Р-нД, 2011. 15 с.

3. Черепанова Е.В. Противодействие коррупции в государственном управлении / Е.В. Черепанова // Журнал российского права. 2017. N 4. С. 100 - 105.
4. Фоменко Е.В. Отдельные проблемы реализации мер профилактики коррупционных правонарушений // Юстиция. 2017. № 4. С. 35-38.

Балашов Н.И., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Шауро И.Г.

Balashov N.I., Master's student Russia,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor Shauro I.G.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА-ПОХИТИТЕЛЯ

THE CAUSES OF FEMALE CRIME AND THE FACTORS DETERMINING IT

Аннотация.

В статье приводятся сведения, характеризующие личность преступника, совершающего похищение человека, раскрываются основные признаки структуры личности преступника.

Abstract.

The article provides information characterizing the identity of a criminal who commits a kidnapping, reveals the main features of the criminal's personality structure.

Ключевые слова: личность преступника, человек, похититель, криминология, общественная опасность.

Key words: the identity of the criminal, the person, the kidnapper, criminology, public danger.

«Проблема изучения личности преступника - похитителя одна из сложных и спорных криминологических проблем, которая остается самой актуальной, так как причины отдельного преступления, как и причины преступности в целом, не могут быть правильно определены без учета личности преступника». «Изучение личности преступника необходимо для совершенствования предупреждения преступлений, в первую очередь, индивидуальных форм, сущность которой состоит в выявлении и устранении негативных факторов, которые заключены в

личности, т.е. в корректировке ее взглядов, ориентации, установок» [1, с. 156].

Как отмечает Лебедева А.А.: «личность преступника представляет собой собирательный криминологический образ, состоящий из множества элементов и признаков, зачастую противоречивых и противоположных, объясняемых разными социально-демографическими, социально-политическими и социально-правовыми чертами, присущими конкретным похитителям. Однако криминологическое исследование позволило выявить общие закономерности, проявляющиеся в социально-правовом портрете похитителя человека» [2, с. 133].

Если рассматривать со стороны социально-демографического аспекта, то по официальной статистике данная категория преступления совершается мужчинами (88%) в возрасте от 24 до 35 лет, не состоящие в официальном браке, со средним образованием, безработных и без постоянного источника доходов, ранее к административной либо уголовной ответственности, страдающих повышенной возбудимостью, агрессивностью, им свойственна чрезмерная грубость, эгоизм, озлобленность, дерзость, склонностью к насилию, завышенная самооценка и патологическая алчность. Женщины чаще всего, выступают в роли пособников и/или подстрекателей похищения. Женщины чаще всего выступают в роли исполнителя при похищении детей, что объясняется ее психологическими и биологическими особенностями по отношению к данной категории жертв. По мнению Симбагаева Р.Р.: «наиболее криминально - активной возрастной группой (более 80 %) являются лица в возрасте 25-50 лет, в том числе в возрасте 25-30 лет (28,7%). Лица в возрасте 18-25 лет составляют 9,4 %, и всего 1,0 % приходится на похитителей моложе 18 лет, то есть лиц, не достигших совершеннолетия» [5, с. 10]. При этом по мнению Новиковой О.В.: «доля молодых похитителей (18-30 лет) составляет 66.4% и что наиболее криминогенный возраст все таки это 20-25 лет» [3, с. 15]. Средний возраст похитительниц-женщин составляет более 30-35 лет. Среди женщин, похищающих детей с целью их присвоения и воспитания, есть много одиноких людей в преклонном возрасте, очень часто страдающих психическими заболеваниями.

В последние время все чаще похищение людей совершается организованными преступными группами, где каждый участник имеет определенную роль в цепочки действий, связанных с похищением, удержанием и получением материальной выгоды, но при этом задействовано небольшое количество соучастников. Около 10%

составляют группы 3 человека и менее, большинство приходится на группы, состоящие из 3-4 человек в среднем это 59%, 26% составляют группы из 5-8 человек, из 9 и более человек приходится всего 7%. При этом ранее судимых лиц, участвующих в составе преступных групп составляет всего 20%. Данное обстоятельство, обусловлено тем, что в преступных группах сильные лидеры, которые могут психологически влиять на лиц, ранее не привлекавших к себе внимание со стороны правоохранительных структур, с целью вовлечению их в свои преступные формирования.

По социальным особенностям, характеру и содержанию мотивации похитителей, принято выделять следующие типы:

1) **«Профессиональные похитители»** - к ним относятся преступники, специализирующиеся на профессиональном похищении людей, при этом данный вид деятельность является их основным источником дохода. Отличительной особенностью данной категории является то, что, похищение людей совершаются в составе преступной группы, которая действует слаженно и на регулярной основе с четко распределены ролями между участниками, а также данная группа чаще всего имеет покровительство «группы прикрытия» из числа сотрудников МВД и иных силовых структур.

2) **«Похитители-вымогатели»** - к ним относятся преступные группы, из лиц без постоянного источника доходов, а также ранее судимых.

3) **«Похитители- самоуправщики»** - к ним относятся преступные группы, основная деятельность которых связана с возвратом и «выбиванием» долгов с должников. Для достижения результатов используется шантаж, физическое насилие в отношении жертвы, иногда с применением членовредительства, угроза расправы над похищенным либо членами его семьи и т.д.

4) **«Брачные похитители»**, считаются самыми «безобидными» и преследуют в основном благородные цели. Проблемы возникают только в случаях неприязненного отношения между семьями или социальным неравенством, национальными особенностями между похитителем и «жертвой».

5) **«Похитители общеуголовной направленности»** - это группа похитителей с ярко выраженной преступной направленностью, совершающие корыстные и насильственные преступления. Похищения человека данными группами сопровождаются причинением тяжкого вреда здоровью, изнасилованиями, а также чаще всего жертву убивают, шансы на освобождения у жертвы очень маленькие. Для них свойственна демонстративность, стремление к системному

совершению преступных деяний, агрессивность, склонность к насилию. Единственным мотивом совершения преступления является - корысть.

6) **«Сексуальные похитители»** - это «организованный несоциальный сексуальный похититель», основная цель которую они преследуют похищение с целью последующего сексуального насилия над жертвой.

7) **«Дезорганизованный асоциальный похититель с социально-психической недостаточностью».** К ним относятся люди с определенными психическими отклонениями (маньяки-убийцы, сексуальные - маньяки). Данные преступники отличаются хорошим самообладанием, социально адаптированы и вполне могут иметь достаточно высокий общественный статус. Очень тщательно планируют преступления, у них весь процесс расписан по полочкам. Как правило они не ограничиваются только сексуальным насилием. Обычно план преступления включает выслеживание, похищение, пытки и собственно все заканчивается каким - нибудь диким способом убийства. Такое поведение, как еще в 1966 г. XX века отмечал Фрейеров О.Е.: «не свободно от психических аномалий, в частности, от нарушения сознания, ситуативного мышления, расстройства памяти» [4, с. 10]..

8) **«Похитители-работорговцы»**, которых принято делить на две категории. Первая категория похищает и насильственно удерживает с целью продажи человека для принудительной работы, либо для использования их руда в своих нуждах, а вторая категория – это похищение с целью продажи на «черном» рынке для занятия проституцией либо удовлетворения сексуальных потребностей самому похитителю. Похитители завлекают жертву путем обмана, либо посредствам нападения или захвата. Торговля людьми одна из самых прибыльных преступных промыслов.

9) **«Похитители-фанаты»**. Основной мотив похищения - «неадекватное» отношение поклонников таланта к публичным личностям, к которым относятся артисты театра и кино, певцы, художники, писатели, преступник преследует цель обратить на себя внимание и таким образом выразить определенные эмоциональные «чувства» к конкретному лицу, фанатом которого он является.

10) **«Похитители-мстители»**. В последнее время все чаще создаются группировки и организации по мононациональным и религиозным признакам, т.е. происходит активизация социальных

движений по этническому признаку, что явно обусловлена и политизацией.

11) **«Похитители детей»**. Данную категорию преступников принято разделять на две группы. Первая группа – это так называемые «псевдоматери», женщины с психическими отклонениями, которые желают иметь ребенка в силу различной мотивации. Вторая группа – это «похитители детей с корыстной направленностью», целью похитителей является получения материальной выгоды с целью продажи его иным лицам, последующей замены вместо другого похожего ребенка и т.д.

Личность похитителя – это социальное лицо человека, совершившего преступление с набором социальных, психических, духовных характеристик, черт и качеств участника и носителя социальных отношений. Стоит не забывать, что в любом преступлении психические особенности личности преступника всегда выступает как субъективная сторона преступника. Чаще всего, неблагоприятные социальные условия, при которых возникают противоречия в сфере экономики, досуга и повседневной жизни, моральных ценностей и т.д., становятся условия, порождающими социальные конфликты и вызывают негативные психологические и психические черты личности преступника, приводящие к актам насилия. Есть и другие объективные противоречия, которые приводят к возникновению криминальных мотивов, в результате которых совершаются похищения людей.

Список цитируемой литературы:

1. Дуюнов В. К. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: монография. 2-е изд. М.: ИЦ РИОР: НИЦ ИНФРА-М. 2019. 431 с.
2. Лебедева А.А. Похищение человека //Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 4. С. 132-135.
3. Новикова О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика похищения людей: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.
4. Сахаров А.Б. Актуальные вопросы учения о личности преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника. 1979. С. 10-18.
5. Симбагаев Р.Р. Криминологические проблемы изучения и предупреждения преступлений, связанных с похищением человек: дисс. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2006. 23 с.

Бобылева Е.Г., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Bobileva E.G., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

PROBLEMS OF QUALIFYING A MURDER COMMITTED WITH SPECIAL BRUTALITY

Аннотация.

Данная статья посвящена анализу проблемы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью, с точки зрения единства объективных и субъективных признаков. В статье рассматриваются признаки особой жестокости, а также дискуссионные вопросы определения особой жестокости

Abstract.

This article is devoted to the analysis of the problem of qualification of a murder committed with special cruelty, from the point of view of the unity of objective and subjective features. The article deals with signs of special cruelty, as well as debatable issues of determining special cruelty.

Ключевые слова: убийство совершенное с особой жестокостью, квалификация особой жестокости, истязание, пытки, особо мучительный способ убийства, прямой умысел, страдания, жертва.

Keywords: murder committed with special cruelty, qualification of special cruelty, torture, torture, especially painful method of murder, direct intent, suffering, victim.

Убийство — это особо тяжкое преступление против личности. Убийство, совершенное с особой жестокостью, является квалифицирующем признаком убийства, ответственность за которое закреплена в п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. На сегодняшний день проблема особой жестокости является актуальной среди ученых, а также правоприменителей, так как российское уголовное законодательство не уточняет, что представляет собой «особая жестокость». Эта неопределенность порождает множество вопросов и трудностей в науке уголовного права и судебной практике.

Данное понятие является оценочным, ни в действующем УК РФ, ни в УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. законодатель не закрепляет определение особой жестокости. Именно поэтому на практике очень часто возникают трудности при квалификации такого вида убийства [2, с. 430]. В связи с отсутствием определения жестокости в законодательстве мнения ученых относительно определения этого термина расходятся. К примеру, О. В. Артюшина под особой жестокостью понимает ильные физические или психические страдания жертвы. [1, с. 56].

Ткаченко В. В. и Ткаченко С. В. полагают, что особая жестокость должна характеризовать деяния виновного, как своим проявление его безжалостности, циничного попрания норм нравственности, демонстрацию садизма и бесчеловечности. [6, с. 144]. На взгляд Тришиной Ж. В., под особой жестокостью следует понимать пытки, мучения, истязания и иное воздействие на человека, причиняющее прижизненные страдания физическому или психическому состоянию потерпевшего. [7, с. 11].

В словарях слово «жестокий» определяется как безжалостный, бесчеловечный, крайне суровый, беспощадный. Синонимами этого слова являются: озлобление, ожесточение, бесчеловечность, бессердечие. Любое убийство это и есть проявление бесчеловечности и бессердечия и поэтому для того, чтобы правильно применять п. «д» ч.2 ст.105 УК РФ необходимо точно понимать формулировку «особая жестокость».

Из выше сказанного следует, что основным свои критерием определения особой жестокости следует считают страдания жертвы. Аналогичной позиции придерживается и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по

делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в котором указывается, что особая жестокость имеет место в случаях причинения жертве убийства особых страданий. [3].

Признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязания или совершалось глумление над жертвой, либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды, тепла и т.д.). Особая жестокость может выражаться в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания.

Глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное в таких случаях, если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, следует квалифицировать по соответствующей части ст.105 и по ст.244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших. Уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления не может быть основанием для квалификации убийства как совершенного с особой жестокостью.

После изучения судебной практики выяснилось, что признаков множественных ранений и побоев недостаточно для квалификации преступления. Конечно, чтобы лишить человека жизни, не обязательно наносить 20-30 ножевых ранений, длительные издевательства и истязания жертвы и т.п. Поэтому, если целью преступника была смерть потерпевшего, то этот признак нельзя считать особой жестокостью. Следовательно, действия насильственного характера в данном случае совершались для достижения конечного результата – смерти потерпевшего, а не для того чтобы жертва испытывала особые страдания.

Также не было бы особой жестокостью, если бы в короткий срок были нанесены множественные телесные повреждения для ускорения наступления смерти. Но если лицо совершило убийство двух или более лиц подряд и желало причинить им особые нравственные страдания, то здесь это преступление должно уже определяться как убийство с особой жестокостью. [4, с. 15]. Это второй признак, характеризующий особую жестокость, - время (длительность)

совершения преступления. Чем дольше это время, тем больше мучений и страданий причинялось жертве. И третий признак – порядок совершения преступления. Как правило, этот признак используется в совокупности с остальными и в меньшей степени в судебной практике.

Для исследуемого квалифицированного состава преступления недостаточно объективных признаков, следует учитывать и субъективное отношение к особой жестокости. Типичный признак особо жестокого убийства - множественность побоев и телесных повреждений, не может быть единственным условием, указывающим на особую жестокость, он должен охватывать умысел виновного.

Затруднения возникают при квалификации содеянного по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Это связано с решением вопроса, что же означает "охватывание умыслом виновного совершения убийства с особой жестокостью", и с учетом каких обстоятельств дела следует делать вывод о том, что умыслом виновного действительно охватывалось совершение убийства с особой жестокостью. На практике выяснение такого или иного субъективного отношения виновного к особо жестокому способу совершения им убийства нередко вызывает определенные трудности при применении уголовного закона. В данном случае квалификация убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ возможна при наличии факультативного признака субъективной стороны – цели причинения особых мучений или страданий жертве. Таким образом, для признания убийства виду совершенным с виде особой жестокостью необходимо установить наличие прямого умысла и цели причинения особых страданий. [5, с. 64].

Особая жестокость, как способ лишения жизни, свидетельствует лишь о прямом умысле. Субъективная сторона убийства с особой жестокостью характеризуется умыслом в отношении причинения смерти и умыслом в отношении особой жестокости. При этом субъект должен осознавать особо жестокий характер избранного им способа лишения, предвидеть особо жестокие последствия своего поступка, а также сознательно желать или допускать такой характер лишения жертвы жизни. М. Д. Шаргородский очень верно подметил в своем труде, что «особо мучительный способ характерен тем, что субъект преступления не только хочет смерти потерпевшего, но и желает самим способом убийства причинить ему мучения, которые для наступления смерти не являются необходимыми» [9, с. 18].

Большинство ошибок, допущенных при квалификации убийства с особой жестокостью, связано с тем, что не выяснена субъективная сторона преступления, т.е. умысел на особую жестокость. Закон,

установив повышенную опасность и наказуемость за убийство, совершенного с особой жестокостью, не дает четкой формулировки и понятия особой жестокости. Отсюда и разные подходы к применению этого квалифицирующего обстоятельства.

Таким образом, неправильное понимание этой категории оказывает негативное влияние. Проблема в том, что жесткость в обычном понимании часто принимают за «особую жесткость». Поэтому уголовное законодательство в этой сфере необходимо совершенствовать во избежание необоснованного расширения границ применения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: диссертация ... канд. юр. наук. Казань, 2011. 198 с.
2. Павалаки, А. Вопросы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью // Молодой ученый. 2017. №12. С. 428-432.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 января 1999 г. № 1 ст. 2748.
4. Потапова Л. А. Защитительная речь адвоката в отечественном уголовном процессе: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2006. 21 с.
5. Стельмах Т.А Проблемы теории и судебной практики квалификации убийства по признаку особой жестокости // Российский судья. 2010. № 10. С.17-19.
6. Ткаченко В.В., Ткаченко С. В. Уголовная ответственность за убийство. Монография. М.: ИНФРА-М. 2016. 144 с.
7. Тришина Ж.В., Насреддинова К.А. Проблемные аспекты законодательной регламентации убийства, совершенного с особой жестокостью // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3 (40). С. 125-128.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021)(с изм. и доп. От 30.12.2021) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
9. Улитин И.Н. особенности субъективной стороны убийства, совершенного с особой жестокостью // Sciences of Europe. 2020. №47-4 (47). С. 63 – 65.

Болдырева Ю.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Boldyreva Y.V., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ МОШЕННИЧЕСТВО. МОШЕННИЧЕСТВО ПО ТЕЛЕФОНУ

MODERN ASPECT FRAUD. PHONE FRAUD

Аннотация.

В статье исследуется проблема квалификации мошенничества, признаки квалификации и особенности. Затрагивается такой вид мошенничества, как телефонное мошенничество.

Abstract.

The article examines the problem of qualification of fraud, the signs of qualification and features. Affects such a type of fraud as telephone fraud

Ключевые слова: преступность, мошенничество, телефонное мошенничество, проблемы квалификации

Keywords: crime, fraud, telephone fraud, qualification issues

Экономические и финансовые преступления в любой их форме и характере потенциально оказывают разрушительное воздействие на экономику, безопасность и социальное благополучие людей. Возможно, уместно подчеркнуть, что по мере того, как современная финансовая система поощряет и облегчает местную и международную торговлю, финансовые преступники также получают возможность благодаря современной финансовой глобальной либерализации мгновенно переводить миллионы долларов по всему

миру через доступные информационно-коммуникационные инфраструктуры, такие как интернет, электронные денежные переводы (банковский перевод) и другие средства.

Преступления в сфере экономики - это уголовно наказуемые деяния, совершаемые в сфере производства, распределения, потребления товаров, услуг, в том числе связанные с незаконным использованием служебного статуса: хищение, обман потребителей, нарушение правил торговли, нарушение государственной дисциплины цен, уклонение от уплаты налогов и др. [1. с. 356].

В 21 веке возможности мошенников достигли новых высот, вплоть до того, что теперь они представляют опасность дестабилизации мировой экономики и правительств ведущих мировых держав. Мошеннические схемы постоянно меняются, поскольку меняются способы взаимодействия людей друг с другом. Мошенничество сильно эволюционировало, двумя самыми значительными факторами стали рост глобальных коммуникаций и огромные достижения, которые мы наблюдаем в области технологий и использования данных.

Мошенничество обходится дорого во многих аспектах. Так, мошенничество в экономической сфере уничтожает пенсионные счета, разрушает репутацию и причиняет душевные страдания. Отечественные предприятия, собственники и инвесторы теряют миллионы от хищения денежных средств и других активов, девальвации и утраты экономических возможностей [3 с.246].

Мошенничество характеризуется следующими признаками:

- намерение совершить противоправное деяние или достичь цели, несовместимой с законом или публичной политикой;
- маскировка цели: фальсификации и искажения, используемые для достижения этой цели;
- зависимость преступника от невежества или небрежности жертвы (жертв);
- сокрытие нарушения.

Наиболее заметные случаи мошенничества в банках и правительственных учреждениях, выявленные в России в последнее время [1. с. 214]

Тип причиненного вреда может быть трудно или даже невозможно точно измерить. Например, если мошенничество широко разрекламировано, то чрезвычайно трудно, если вообще возможно, измерить влияние этого мошенничества на текущую и будущую прибыль компании.

Большинство лиц, совершающих мошенничество в

экономической сфере, сосредоточивают свои усилия на обогащении себя за счет кражи наличных денег. Учитывая этот фокус, наряду с преднамеренным сокрытием мошенником преступления в бухгалтерских отчетах компании, часто лучше всего сосредоточиться на наличных деньгах в качестве отправной точки при расследовании и измерении убытков, понесенных от мошеннической деятельности.

Многие компании также страдают от потери экономических возможностей из-за мошенничества. Примеры включают упущенные инвестиции (например, процентные доходы, новые возможности для бизнеса и другие), потребность в денежных вливаниях со стороны владельцев компаний, дополнительные расходы, уплаченные из-за несвоевременных платежей, понесенных из-за нехватки средств, и т.д.

И.А. Никитина считает, что разработка и введение в Уголовный кодекс РФ самостоятельных специальных составов, предусматривающих уголовную ответственность за отдельные, наиболее широко распространённые и общественно опасные виды финансового мошенничества, представляется нам одной из актуальных и первоочерёдных задач российского законодательства [2. с. 260].

Мошенничество является очень распространенным преступным явлением в нашем обществе и затрагивает как частные предприятия, так и государственные структуры. Однако в последнее время годы, разработка новых технологий также предоставила преступникам более изощренный способ совершения мошенничества и требуются более продвинутые методы для обнаружения и предотвращения таких событий.

Телефонное мошенничество, о котором пойдет речь в данной статье, является одной из широко известных в мире форм мошенничества. Используя различные схемы, мошенники ежегодно крадут около 300 миллионов долларов со счетов российских пользователей сотовых телефонов. Операторы мобильной связи теряют примерно столько же.

Дело в том, что количество способов мошенничества с клиентами растет буквально с каждым днем. Несколько основных мошенничеств существуют уже довольно давно, и, несмотря на то, что они хорошо известны, они продолжают приносить доход ворам. Вот топ-5 самых распространенных видов мошенничества с сотовыми телефонами в России:

1. Получено текстовое сообщение о запросе на перевод денег. Мошенники выдают себя за родственников, оказавшихся в сложной ситуации и срочно нуждающихся в деньгах. «Мама, отправь 50 долларов на мой счет, и я все объясню позже», - это наиболее широко

используемый текст. Мошенники делают ставку на то, что жертва будет паниковать и не задавать никаких вопросов.

Также используется другой метод: человек получает сообщение с незнакомого номера о внесении депозита на свой счет. Затем абонент получает вызов, ему сообщают, что одна цифра в номере была перепутана, и ему предлагается отправить ту же сумму на другой номер. Большинство людей не проверяют свой баланс и не замечают, что текст о депозите поступил не от оператора сотовой связи.

2. Другой популярный метод также основан на человеческих слабостях. Человек получает сообщение, в котором говорится, что он что-то выиграл - предположительно, от компании мобильной связи или радиостанции. Чтобы получить приз, победители должны сделать одну маленькую вещь: позвонить или отправить текст на короткий код. Если они это делают, конечно, деньги снимаются с их телефонного счета.

3. На третьем месте - мошенническая блокировка компьютеров. При посещении определенных вебсайтов на компьютере на экране появляется окно с сообщением: «Ваш компьютер заблокирован. Чтобы разблокировать его, отправьте текст на номер...». Люди могут сами закрыть это окно, но, к сожалению, не все знают, как это сделать. Мошенники рассчитывают на этот недостаток технических знаний.

Основным способом борьбы с мошенничеством является блокирование номеров, используемых ворами

Как свидетельствует международная статистика, ежегодные совокупные потери операторов связи и абонентов от телефонного мошенничества составляют примерно $10-40 млрд. Точно подсчитать невозможно - операторы о своих потерях делятся неохотно, а абоненты, обманутые на 100-500 и даже 900 руб. зачастую никуда не обращаются. Вместе с тем, по данным МВД России, каждый пятый из ста обладателей сотовых телефонов становился жертвой мошенничества.

Проанализировав вышеизложенный материал, можно утверждать, что мошенничество в экономической сфере проходит стадию модернизации также быстро, как и развитие новых информационных технологий. В настоящий момент существует множество видов и составов мошенничества, которые сложно выявить правоохранительным органам. Законодательство РФ всеми силами старается вводить новые законы, которые будут регулировать сие процесс, но они всё время требуют каких-либо доработок, так как

развитие современных махинаций происходит слишком стремительно. А это значит лишь то, что мошенничество в настоящий момент играет большую роль в развитии экономики нашей страны.

Список цитируемой литературы:

1. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной IX Международная научно-практическая конференция: «Актуальные вопросы науки и практики» 23 (коллективной) уголовной ответственности. М.: Юридический центр, 2015. 432 с.
2. Зиниша О.С., Страхова А.В., Масловец Д.С. Проблема мошенничества в банковской сфере: сущность и методы борьбы с преступностью // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 5 (22). С. 259-262.
3. Костина О.И. Экономическая безопасность как важнейший элемент национальной безопасности государства // Стратегия устойчивого развития в исследованиях молодых ученых. С. 245-249.
4. Никитина И.А. Мировой опыт законодательной борьбы с финансовым мошенничеством // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. №4 (21). С. 208-212.

Бочарова А.Х., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент Егоров В.А.

Bocharova A.H., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: candidate of pedagogical sciences, associate professor Egorov V.A.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

LEGAL STATUS OF PERSONS SERVING A PENALTY IN THE FORM OF DISCLAIMER

Аннотация.

Статья посвящена правовому статусу осужденного. В ней предпринята попытка сформулировать понятия правового статуса осужденного, а также уточнены структурные элементы, его образующие.

Abstract.

The article is devoted to the legal status of the convict. It attempts to formulate the concepts of the legal status of the convict, and clarifies the structural elements that form it.

Ключевые слова: осужденный, право, свобода, законный интерес, юридическая обязанность.
Key words: convict, right, freedom, legitimate interest, legal duty.

Правовой статус личности всегда вызывал и продолжает вызывать научный интерес у ведущих ученых. Указанная категория еще больше актуализируется, когда она анализируется во взаимосвязи с человеком, отбывающим наказание. Такое лицо в период отбывания наказания, во-первых, лишается или ограничивается некоторых прав, свобод и обязанностей гражданина Российской Федерации, во-вторых,

приобретает новые специфические права, свободы и обязанности. По нашему мнению, правовой статус осужденного базируется на общем правовом статусе гражданина Российской Федерации, поскольку человек не может быть лишен своего гражданства ни в каких случаях. Данный вывод соответствует нормам и положениям Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК РФ). В частности, основы правового положения осужденных излагаются в ст. 10 УИК РФ, в которой установлен основополагающий статус гражданина Российской Федерации, на основе которого, посредством ограничений и изъятий, установленных уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством определено правовое положение осужденного. Вместе с тем, во время отбывания наказания он приобретает права, свободы и обязанности специального характера, которые не присущи другим гражданам. Скажем, юридическая обязанность явиться по вызову администрации органа и учреждения, исполняющего наказания.

Такая обязанность предусмотрена ч. 5 ст. 11 УИК РФ и возлагается только на осужденное лицо. Более того, отбывание уголовного наказания является основанием для отказа в выходе из гражданства по желанию осужденного, следовательно, на такое лицо распространяются общие конституционно-правовые положения. Несмотря на наличие большого количества научных и учебных работ, посвященных категории «правовой статус осужденного», в юридической доктрине отсутствует единое мнение относительно содержательной составляющей рассматриваемого феномена.

В юридической литературе можем встретить десятки категорий, которые авторы рассматривают в качестве основных элементов правового статуса осужденных, которые составляют содержание их правового статуса. Сюда относят: правоспособность, дееспособность, гражданство, гарантии, принципы, правосубъектность, юридическая ответственность и другие [1. с. 101].

Мы солидарны с авторами, которые в содержание правового статуса осужденного включают его субъективные права, свободы, законные интересы и юридические обязанности [2. с. 45]. Именно об указанных структурных элементах речь идет в Конституции РФ и они, на наш взгляд, определяют связь между гражданином и государством.

При оценке правового статуса осужденных нужно анализировать три сферы: социально-экономическую, политическую и личные права и свободы. Группа социально-экономических прав, как известно, состоит из: права на отдых, охрану здоровья и медицинскую помощь, жилище и т. д. Тут можно отметить, что они приближены к

тем, какими обладают и обычные граждане, и ограничены в меньшей степени.

Если говорить о личных конституционных правах лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, то эти права значительно ограничены или видоизменены.

Глава 2 Конституции РФ закрепляет права, свободы человека и гражданина, а также гарантирует их соблюдение. Однако не всегда эти права и свободы могут быть реализованы гражданами Российской Федерации в полном объеме. Уголовные наказания, связанные с изоляцией от общества, включают в себя ряд правоограничений.

Это в первую очередь касается осужденных к лишению свободы. Например, данное наказание включает в себя изоляцию осужденного от общества, следовательно, ограничивает свободу его передвижения. Неприкосновенность жилища, охрана личной жизни, тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, указанных в Конституции, не распространяются на данную категорию граждан, так как осужденные подвергаются полному и неполному личному обыску, а их вещи - досмотру. Телефонные разговоры осужденных к лишению свободы прослушиваются, посылки, передачи, бандероли подвергаются досмотру. Тайна переписки применяется к осужденным не в полном объеме.

Несмотря на неотъемлемое право человека на жизнь, оно так же может быть ограничено в местах лишения свободы, в случае побега осужденного.

Часовому на посту разрешается применять оружие на поражение во время преодоления основного ограждения осужденным [3. с. 89].

Не ограничивается также свобода совести и вероисповедания лиц, находящихся в местах лишения свободы, то есть каждый может исповедовать любую религию, также разрешается совершение каких-либо религиозных обрядов в специально отведенных местах.

Политические права предоставляют гражданам реальную возможность для участия государственных делах: право избирать и быть избранным, право на доступ к государственной службе в период отбывания наказания. Существуют дискуссии по поводу того, что права осужденных в избирательной сфере ущемлены, и нужно ли предоставить им право голоса. Данный вопрос остается открытым и достаточно сложным в урегулировании.

Осужденные должны понимать, что в ходе реализации своих правовых статусов, разрешенных законом, они обязаны соблюдать следующие ограничения: не ущемлять прав других лиц; не нарушать

порядок и условия отбывания наказания; соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов.

Таким образом, правовой статус осужденного, как специальный статус, представляет собой совокупность закрепленных в отечественном законодательстве прав, свобод, законных интересов и обязанностей, предоставляемых и возлагаемых на лиц, отбывающих наказание.

Список цитируемой литературы:

1. Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказание. М.: Просвещение, 1992. – 148 с.
2. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. 396 с.
3. Уткин В. А. Проблемы уголовно-исполнительного права: учебно-методический комплекс для магистратуры. Томск: Изд. НТЛ, 2017. 120 с.

Бочарова А.Х., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент Егоров В.А

Bocharova A.H., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: candidate of pedagogical sciences, associate professor Egorov V.A.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ ЗАЩИЩЕННОСТИ ПРАВ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

LEGAL STATUS AND THE PRESENT LEVEL OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF PERSONS SENTENCED TO DESERVATION OF FREEDOM

Аннотация.

В статье рассматривается проблема социальной защищенности и уровня реализации прав осужденных к лишению свободы в России. В силу специфики правоотношений, возникающих в связи с исполнением уголовных наказаний, лица, осужденные к лишению свободы, являются наименее защищенной категорией, поскольку меры и способы защиты их прав и законных интересов довольно ограничены. В связи с этим нарушение прав данной категории граждан является достаточно распространенным явлением.

Abstract.

The article deals with the problem of social security and the level of realization of the rights of those sentenced to imprisonment in Russia. Due to the specifics of legal relations arising in connection with the execution of criminal penalties, persons sentenced to deprivation of liberty are the least protected category, since measures and methods for protecting their rights and legitimate interests are rather limited. In this regard, violation of the rights of this category of citizens is a fairly common phenomenon.

Ключевые слова: государство, уголовно-исполнительная система, осужденный, права, лишение свободы, закон.

Key words: state, penitentiary system, convict, rights, deprivation of liberty, law.

В ст. 1 Конституции Российской Федерации Российское государство провозглашено демократическим. Права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью для государства, а его обязанность - полная реализация и защита этих прав. Такой государственной политики придерживается не только Россия, но и такие государства, как Норвегия, Швеция, Исландия, Дания, Новая Зеландия и др.

В настоящее время охрана и защита прав и свобод человека и гражданина является основополагающим направлением международного взаимодействия стран мира. Большое количество нормативных правовых актов по этому вопросу, имеющих законную силу на сегодняшний день, издано с момента образования международных сообществ. Одним из основополагающих документов является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, вступившая в силу 3 сентября 1953 года.

Данный нормативный правовой акт называет такие права, как право на жизнь, запрет пыток, запрет рабства и принудительного труда, право на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, наказание исключительно на основании закона, право на уважение частной и семейной жизни, свободу выражения мнения и иные.

Таким образом, лица, осужденные к лишению свободы, могут осуществлять гражданские, финансовые, брачно-семейные, трудовые и иные права и нести обязанности.

Однако правовой статус лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, имеет непосредственные отличия. Все права, которыми обладает каждый человек, можно формально разделить на несколько групп: политические, личные, имущественные и социально-культурные. Теперь стоит более подробно рассмотреть вопрос, затрагивающий отдельные правомочия лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Во-первых, осужденные обладают правом на получение достоверной информации о своих правах и обязанностях, о порядке и условиях отбывания наказания. Данное право закрепляется в первую очередь в ч. 2 ст. 24 Конституции РФ. В ней указано, что одной из обязанностей органов государственной власти и местного самоуправления является обеспечение предоставления каждому

материалов и документов, каким-либо образом затрагивающих его права и законные интересы.

Во-вторых, иностранные граждане, осужденные к лишению свободы, имеют право на получение достоверной информации о возможности поддержания связей с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств. К таким правам могут относиться право на переписку, телефонные переговоры, право на подачу жалоб на незаконные действия или бездействия органов уголовно-исполнительной системы, заявлений и предложений и др.

В-третьих, осужденные к лишению свободы обладают правом на вежливое обращение со стороны органов и учреждений, осуществляющих исполнение уголовного наказания. Данный вопрос является довольно дискуссионным как в теории, так и на практике. Многочисленные международные нормативные правовые акты, касающиеся прав и свобод человека и гражданина, внедряют в данное положение основополагающее значение.

В-четвертых, одним из важнейших правомочий лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, является право на охрану жизни и здоровья. Сюда включено также и право на получение данной категорией граждан квалифицированной медицинской помощи, которая оказывается им вне зависимости от каких-либо ранговых показателей — пола, расы, национальности, религиозной принадлежности, материального и финансового положения и т. д., а также оказание психологической помощи нуждающимся в этом лицам только с их согласия.

В-пятых, осужденные обладают правом на социальное обеспечение. Сюда включается право на получение образования, право на получение пенсий и социальных пособий, право на социальное страхование и другие в этой сфере.

Существуют специальные формы и методы защиты прав осужденных и их реализации. В первую очередь необходимо разобраться с понятиями охраны и защиты прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы.

Подчеркнем, что правозащитные отношения между сотрудниками уголовно-исполнительной системы и осужденными лицами образуют самостоятельную структуру элементов. В теории уголовного права к ним относят субъекты, объекты и содержание [3. с. 125]. Основанием возникновения данных правоотношений является нарушение первыми его участниками субъективных прав и законных интересов вторых. Субъектами здесь выступают, в первую очередь,

государственные и межгосударственные органы, органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие организации, а также иные учреждения, осуществляющие контрольные, надзорные функции, функции по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина и др. К ним могут относиться суды, прокуратура, следственный комитет, иные правоохранительные органы. Субъектами также являются сотрудники уголовно-исполнительной системы, которые следят за поддержанием порядка и условий содержания в местах лишения свободы осужденными. И завершающим элементом субъектов правозащитных правоотношений считаются непосредственно лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы.

Одним из таковых является мнение Т. П. Бутенко о том, что механизмом защиты прав осужденных к лишению свободы является установленная законом упорядоченная система способов, приемов и средств, применяемых правозащитными органами в установленных формах, в целях оказания помощи осужденным лицам по восстановлению нарушенных прав и свобод [1. с. 63].

Механизм защиты прав осужденных имеет специфические, присущие только лишь ему особенности. Во-первых, нарушение прав и свобод данной категории граждан представляется наиболее легким по сравнению с нарушением субъективных прав и законных интересов обычных граждан. Вторая особенность, непосредственно вытекая из первой, говорит о том, что самозащита прав лиц, находящихся в местах лишения свободы, минимальна и практически не осуществляется в связи с невозможностью. В-третьих, существует довольно актуальная проблема нарушения законности собственных действий сотрудниками уголовно-исполнительной системы, что может выражаться в сфере дисциплинарной политики или применения мер безопасности к осужденным.

Такими способами являются признание права, его восстановление, возмещение вреда, компенсация морального ущерба, признание нормативного правового акта не соответствующим требованиям закона и нарушающим права и свободы граждан. Также к средствам и способам защиты относят право осужденных на подачу жалоб, обращений, заявлений, ходатайств, предложений, а кроме того, участие правоохранительных органов в сфере своих контрольных и надзорных полномочий.

Первоисточником защиты субъективных прав и законных интересов осужденных являются правовые источники в сфере защиты граждан от незаконных действий (бездействий) государственных

органов, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц. Указанных нормативных правовых актов огромное количество, поэтому для более четкого понимания и раскрытия их сущности необходимо привести классификацию данных источников.

Во-первых, в зависимости от действия в пространстве правовые источники в сфере защиты прав и интересов граждан можно разделить на международные и внутригосударственные. Рассматривая первую группу документов, можно выделить основополагающий международный нормативный правовой акт «Всеобщая декларация прав человека», который был принят Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. Именно в тексте Декларации впервые были сформулированы основополагающие права и свободы человека и гражданина, которые явились образцом и стандартом для ряда внутригосударственных документов. Основной мыслью данного нормативного правового акта выступает мнение о том, что каждый человек от рождения наделяется неотъемлемыми правами, служащими уровнем его свободы и справедливости. В конце Декларации указано, что, несмотря на наличие субъективных прав, каждый человек обязан нести ответственность за свое общество и признавать права и свободы других лиц наравне со своими.

Немаловажными нормативными правовыми актами на международном уровне являются «Пакт о гражданских и политических правах» и «Пакт об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года. Данные документы призывают государства, их ратифицировавшие, к неукоснительному исполнению и обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина. По результатам анализа международных и внутригосударственных нормативных правовых актов в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина можно сделать вывод о том, что данное направление является основополагающим в политике различных государств.

Как отмечалось выше, лица, осужденные к лишению свободы, имеют минимальный уровень защиты субъективных прав и свобод, именно поэтому обеспечение защиты данной категории граждан в РФ приобретает свои уникальные особенности.

Под обеспечением правовой защиты осужденных к лишению свободы в теории понимается деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, общественных организаций, отдельных граждан, а также самого осужденного, направленная на восстановление нарушенных прав и свобод с применением различных форм контроля [2. с.22].

Одной из таких форм выступает судебный контроль на стадии исполнения наказания. Она заключается в деятельности суда и иных участников уголовного судопроизводства по недопущению нарушений прав осужденных к лишению свободы при исполнении приговора. Для более эффективного осуществления данного направления деятельности необходимо повышение уровня профессионализма судей. При этом пенитенциарный судья должен рассматривать следующие вопросы: о подаче жалоб осужденных; о заключении под стражу лиц, пытающихся уклониться от отбывания наказания в местах лишения свободы; о принятии и исполнении приговора суда иностранного государства в отношении гражданина РФ.

Следующая форма защиты прав осужденных - это прокурорский надзор за исполнением законов в местах лишения свободы. В это понятие включается контроль за соблюдением прав этой категории лиц, законностью нахождения их в данных местах, условиями и порядком содержания, правильностью осуществления оперативно-розыскных мероприятий и т. д.

Ведомственный контроль не менее важен при исполнении наказания. Его целью служит изучение уровня и условий содержания в исправительных колониях и в иных органах, осуществляющих исполнение наказания. Видами такого контроля выступают различные инспекторские проверки, проверка деятельности отдельных служб, проверка обеспечения законности и фактов ее нарушения, проверка плановой документации и иные.

Следующая форма защиты - общественный контроль. Это деятельность институтов гражданского общества по проверке законности органов и учреждений, исполняющих наказание. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» относит к его субъектам Общественную палату РФ, общественные палаты субъектов РФ, общественные палаты муниципальных образований и общественные советы при федеральных органах исполнительной власти. Также для осуществления данного вида контроля могут создаваться общественные наблюдательные комиссии, группы общественного контроля, общественные инспекции и иные структуры.

Проанализировав возможные способы защиты прав осужденных, можно сделать вывод о том, что их довольно большое количество. При этом каждая инстанция осуществляет возложенные на нее функции, обладает собственной спецификой, тем самым помогая осужденным к лишению свободы в отстаивании их прав и свобод.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовое положение лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, имеет свои специфические особенности в силу имеющихся ограничений прав данной категории граждан. В связи с этим способы защиты субъективных прав минимизированы, при этом они значительно отличаются от общих форм защиты. Несмотря на это, лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, не лишаются своего правового статуса гражданина и обладают таким же набором неотъемлемых прав и свобод, предоставленных им от рождения различными правовыми документами. Международные и внутригосударственные органы являются гарантом реализации и защиты своих полномочий данными лицами, что позволяет определить уровень социальной и правовой защиты в государстве.

Список цитируемой литературы:

1. Бутенко Т.П. Проблемы реализации осужденными к лишению свободы права на образование // Российская юстиция. 2007. № 8. С. 63-66.
2. Земскова А.И. К вопросу о сущности правозащитной функции государства // Общество и право. 2009. № 9. С. 21-27.
3. Селиверстов В.И. Правовое положение лиц, отбывающих наказание: теория и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1992. 435 с.

Веденеева О.А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Vedeneeva O.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor Klimov A. S.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

PROBLEM ISSUES OF PREVENTION OF PURPOSE CRIME OF MINOR

Аннотация.

В статье проведен анализ профилактики корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Автором рассмотрены направления повышения эффективности программ профилактики корыстной преступности несовершеннолетних

Abstract.

The article analyzes the prevention of mercenary crimes committed by minors. The author considers the directions of increasing the effectiveness of programs for the prevention of selfish juvenile delinquency.

Ключевые слова: мотив, преступления корыстной направленности, несовершеннолетние, профилактика
Keywords: motive, mercenary crimes, minors, prevention

Преступления несовершеннолетних корыстного плана - это результат искаженного восприятия действительности в нравственном и правовом контексте под действием неблагоприятных факторов.

Одной из приоритетных задач современной криминологии является профилактика данных процессов, сохранение и защита несовершеннолетних от неблагоприятных факторов [4, с. 126].

Осуществление данной задачи возможно лишь при серьезной многоплановой стратегии предупреждения преступлений. Процесс предупреждения совершения корыстных преступлений несовершеннолетними, как и предупреждение рецидива преступления, является целью организации плана выявления и реагирования на факторы риска, которые могут спровоцировать общественно опасное поведение детей и подростков [1, с. 627].

В настоящее время недостаточно использовать краткосрочные меры воздействия на несовершеннолетних в рамках профилактики, необходимо прогнозировать конкретизировать пространственно-временные границы, учитывать общественные, финансовые, культурные, экономические составляющие, чтобы сократить риски рецидива у тех, кто совершил преступления и факторы для тех, кто еще и не вступил на путь нарушенного правопослушания.

Меры по снижению и недопущению криминальной деятельности несовершеннолетних осуществляются органами государственной власти, местного самоуправления, органами государственного контроля и надзора, которые выступают непосредственными субъектами профилактики [5, с. 67].

В профилактике преступлений другие участники в рамках своей
деятельности могут выполнять функции криминологического предупреждения, среди них можно отметить в качестве примера, такие неспециальные субъекты профилактики, как некоммерческие общественные организации, благотворительные фонды, религиозные организации и др.

Особую значимость при профилактике корыстной преступности несовершеннолетних играют факторы, способствующие совершению преступления. Меры по предупреждению преступности несовершеннолетних должны включать в себя выявление, установление таких факторов.

Особенности детерминации имеют важное значение, и игнорировать их нельзя, иначе это негативно отразится на всей профилактики преступлений среди несовершеннолетних. Создание условий для социального благополучия социально незащищенных категорий граждан будет содействовать профилактики преступлений среди правопослушных несовершеннолетних, а для асоциально настроенных на преступную деятельность несовершеннолетних они не окажут никакого влияния.

Кроме того, со стороны несовершеннолетних преступников может быть явное противостояние субъектам профилактики.

Учет данной обстановки в практике нуждается в реализации современных подходов по профилактике корыстных преступлений среди несовершеннолетних, безусловно здесь большую ценность сыграют общественные подходы, социальные программы, проектные разработки для благополучного достижения цели. Здесь можно говорить как об единичных мероприятиях профилактической направленности, а также и об особых (специальных, специфических профилактических мероприятиях) как индивидуальной, так и групповой составляющей.

Информационная составляющая при организации профилактики корыстных преступлений среди несовершеннолетних требует постоянного совершенствования. В связи с этим в качестве дополнительного объекта криминологической профилактики могут выступать также несовершенство профилактики на уровне местного самоуправления и в работе госорганов. Необходимо также учитывать международный опыт в профилактики преступлений среди подростков и рецидивной преступности осужденных несовершеннолетних.

Один из принципов профилактической работы является соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Также объектом криминологического предупреждения и пресечения должен выступать сам несовершеннолетний преступник, как личность, как индивид, а также те негативные его черты способствовавшие преступлению буквы закона.

Важно также учитывать все обстоятельства, которые способствовали совершению преступления, и в последствие их необходимо исключить, а в ряде случаев устранить. Это можно сделать законным способом, с использованием законодательной регламентации.

Уровнями правового обеспечения профилактики корыстных преступлений могут выступать: муниципальный, областной, федеральный,
международный.

Здесь важно распределение полномочий у субъектов профилактики корыстных преступлений среди несовершеннолетних, которое позволяет быстро и эффективно реагировать на любые правопроступки и преступления среди несовершеннолетних.

Меры профилактики требуют, чтобы был обозначен субъект их применяющий, а объекты профилактики корыстных преступлений выступают в качестве объектов правоотношений. Получается субъекты госорганы, органы местного самоуправления органы контроля и надзора выступают в правоотношениях с субъектами

криминологического предупреждения. Т.е. субъекты профилактики реализующие профилактические программы, направленные на предупреждение правонарушений и преступлений должны в пределах компетенций соблюсти все правовые нормы и гарантии в отношении несовершеннолетних.

Сегодня в России есть ведомственные и социальные центры, чья непосредственная деятельность направлена на предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних.

Но какова эффективность» этих центров, если работа ведется, например всего на 11 несовершеннолетних в год, преступивших закон в год (при рекомендуемом охвате более 100 человек), где территориальная составляющая ограничена только муниципальным образованием – безусловно, маленькая.

Невозможно эффективно реализовать программу профилактики преступлений среди несовершеннолетних, если такой маленький объем самих несовершеннолетних задействован. Таким образом, эффективность профилактических программ маленькая, в связи с низким охватом целевой аудитории, можно сказать даже точнее неполноценным охватом.

Необходима переоценка критериев эффективности профилактики существующих программ с учетом коэффициента преступности несовершеннолетних и индекса судимости.

При оценке эффективности профилактических программ и оценки уровня ее охвата, большое значение имеет и оценка качества профилактической работы с несовершеннолетними гражданами.

На основании изложенного, можно предложить следующие направления совершенствования профилактики корыстной преступности несовершеннолетних: выявление причин, установление условий способствующих возникновению корыстных преступлений, использование в работе новых научно подтвержденных криминологических методов и техник, установление несовершеннолетних граждан, готовящих возможное корыстное преступление (проработка возможно «потенциальных» преступников среди несовершеннолетних граждан); создание информационной безопасной среды. Данное направление предполагает разработку программы (специального бота) для отслеживания в социальных сетях и мессенджерах связи несовершеннолетних цифрового следа о планируемом преступлении или уже совершенном. Для этого необходимо организовать отделы по кибербезопасности на базах субъектах профилактики для реализации данного направления; разработка индивидуальных профилактических подпрограмм для

нивилирования криминогенной мотивации и предупреждению рецидивной преступности.

Таким образом, для повышения эффективности профилактики корыстной преступности несовершеннолетних необходима переоценка критериев эффективности профилактики существующих программ. Действующие программы профилактики должны быть подвергнуты ретроспективному анализу на основе анализа документации, где соответственно производится учет статистических данных в плане динамики корыстной преступности. Также необходимо проводить текущий контроль и аудит качества профилактики. Благодаря этому, можно оценить уровень качества профилактики, что в целом даст подробную картину о необходимости внедрения изменений в профилактическую работу иных подходов или об отсутствии таковой.

Все реализуемые мероприятия в рамках предложенных направлений не должны быть формализованными, а должны реализовываться на уровне высокой организации с привлечением всех субъектов профилактики. Слаженная работа, которых не допустит, предупредит корыстную преступность и ее рецидивы.

Список цитируемой литературы:

1. Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4. С.627 – 630.
2. Идрисова С.Ф. Уголовно-правовые и криминологические аспекты предупреждения преступности несовершеннолетних. Ижевск: Ижевский филиал Нижегородской академии МВД России, 2008. 99 с.
3. Лелеков В.А. Преступный рецидив несовершеннолетних и его предупреждение // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. №4. С. 15 – 19.
4. Новикова Г.А. Личность несовершеннолетнего преступника // Арктические исследования: от экстенсивного освоения к комплексному развитию. 2020. С. 126 – 130.
5. Новикова Г.А. Обстоятельства, определяющие формирование личности несовершеннолетнего преступника // Научное творчество XXI века. 2020. С.67 – 70.

Воробьева К.И., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Vorobieva K.I., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor Klimov A. S.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF HOOLIGANDISM

Аннотация.

В статье исследуется целесообразность образом выделения более хулиганства очевидно в самостоятельный случае состав данным преступления, исследуется мнения различных ученых на исследуемую тему, а также рассматривается судебная практика, делаются выводы.

Abstract.

The article examines the expediency of highlighting more hooliganism, obviously in an independent case, the composition of this crime, examines the opinions of various scientists on the topic under study, and also considers judicial practice, draws conclusions.

Ключевые слова: хулиганство, уголовное законодательство, особенности квалификации, судебная практика.

Key words: hooliganism, criminal law, qualification features, judicial practice.

Для предупреждения же преступлений необходимо, прежде всего, выявить причины и условия, способствующие их совершению. Под причинами хулиганства следует понимать явления, непосредственно вызывающие его совершение, а условиями данного преступления - явления, способствующие формированию и развитию причин в следствие - совершение хулиганства. При этом условия хулиганства сами по себе не

порождают его совершение, но, сопутствуя причинам во времени и в пространстве, обеспечивают такое их развитие, которое ведёт к непосредственному осуществлению хулиганских действий.

А. А. Герцензон выделял две основные группы обстоятельств, способствующих совершению преступления: 1) причины и условия объективного характера и 2) причины и условия субъективного характера. По его мнению, первая группа характеризует внешние условия формирования и развития личности (воспитание, условия быта и т.д.), а вторая - саму личность, её индивидуальные особенности (навыки, привычки, психологию, характер) [1].

Н. Ф. Кузнецова разделяет рассматриваемые обстоятельства на следующие группы: 1) условия, способствующие совершению преступных деяний (так называемые ситуативные, в том числе виктимогенные, условия); 2) условия, формирующие криминогенную мотивацию. При этом данные условия находятся в информационном взаимодействии, хотя первые из них более приближены к моменту совершения преступного деяния, в силу чего являются в большей степени конкретными, ярко выраженными; а вторые - более отдалены от факта преступления, из-за чего установить и устранить их гораздо сложнее [3, с. 51].

Уголовно наказуемое деяние совершается под влиянием взаимодействия внешних и внутренних по отношению к виновному причин и при наличии благоприятных к тому условий. Кроме того, следует отметить, что помимо обстоятельств, способствующих совершению преступления, необходимо выделять и обстоятельства, этому препятствующие. Соответственно, чем многочисленнее и весомее первые из них по отношению ко вторым, тем больше вероятность совершения преступления, и наоборот.

Учитывая определяющую роль хулиганских побуждений в генезисе рассматриваемого преступления, непосредственные причины его совершения, на наш взгляд, следует выводить исходя из мотивационной сферы личности хулигана и специфики её формирования. Соответственно, все внешние обстоятельства, влияющие на формирование указанных побуждений, а также определяющие благоприятную обстановку совершения хулиганства, по нашему мнению, необходимо относить не к причинам, а к условиям его совершения.

Нами уже были рассмотрены некоторые особенности формирования хулиганских побуждений. Здесь же отметим, что такие мотивы не возникают неожиданно, вдруг, а закладываются в психику личности под влиянием внешних обстоятельств, существующих в социуме, и преломляющихся через внутренний мир индивида. На основе анализа уголовных дел о хулиганстве нами выделены факторы, формирующие

внутреннюю побудительную основу совершения хулиганства и сходных с ним по мотиву преступлений.

1. Негативные условия нравственного формирования личности будущего хулигана, заключающиеся в отрицательно влияющем ближайшем окружении. Среди прочих таких условий, наибольшее значение имеет психологический климат в семье, в школе, на работе: если перед глазами ребёнка постоянно пьяные родители, потакающие его антисоциальным наклонностям и не брезгующие домашним насилием; старшие товарищи, имеющие криминальный опыт и подстрекающие к различным правонарушениям, то нетрудно предположить наиболее вероятный «карьерный» путь этой личности. Как правильно отмечает М.Д. Давитадзе, «неблагоприятные условия формирования личности в семье способствуют возникновению нежелательных связей вне ее», а это, в свою очередь, может привести к отклоняющемуся, а затем и к преступному поведению несовершеннолетнего [2, с. 16].

2.Постоянное столкновение индивида с ситуациями несоответствия между имеющимися у него притязаниями и практически освоенными им (или осознаваемыми им как наличные) средствами их удовлетворения. Как было указано ранее, значительная часть хулиганов не имеет постоянного источника доходов, достаточного уровня образования и, соответственно, по своим социальным качествам не могут, как они считают, надеяться на правомерное самоутверждение в обществе.

3.Связанное с первыми двумя факторами повышенное стремление потенциального хулигана оценивать ситуации только с позиции своего «Я», со временем приобретающее гипертрофированные черты. «Когда такая узкоиндивидуалистическая ориентация соединяется с низким культурным уровнем индивида (для хулиганов это особенно характерно), то образ его «я» исчерпывается отражением в сфере сознания повседневных, по существу духовно ограниченных потребностей». В результате практически любой поступок другого лица, не совпадающий с поведением и ожиданиями данного индивида, может быть воспринят последним не только как препятствие для осуществления испытываемой им потребности, но и как прямое посягательство на это «Я». Сходным образом хулиган оценивает и такие качества окружающих, которые, не будучи связаны с конкретным поведением, тем не менее, напоминают ему о его социальной «неполноценности».

На формирование и развитие данных факторов значительное влияние оказывают общие причины и условия преступности в целом, а именно объективные противоречия, существующие в различных сферах общественной жизни. К таким причинам и условиям следует относить, например, противоречия между группами внутри общества (по

национальным, религиозным, материальным и другим признакам), и т.д. Данные противоречия, проходя через сознание и подсознание личности, затрагивают эмоции и чувства, а через них - мотивационную сферу, «подпитывая» её негативные составляющие.

Относительно условий правонарушений современного российского общества в теории права выделяются следующие факторы: «кризис власти, поляризация социальных интересов, низкий уровень материальной жизни населения, кризис морали, низкий уровень правовой культуры граждан, различные виды отклоняющегося поведения (речь идет, прежде всего, об алкоголизме и наркомании), несовершенство законодательства, недостаточно эффективная работа правоохранительных органов и др.».

И. Н. Данынин определяет условия хулиганства как внешние обстоятельства, облегчающие совершение этого преступления и относит к ним «случаи плохой организации отдыха и досуга населения, пьянство, терпимость, равнодушие, безучастное, безразличное отношение со стороны отдельных граждан к фактам нарушения общественного порядка и ошибки в работе некоторых государственных и общественных органов, ведущих борьбу» с рассматриваемыми деяниями.

В учебных пособиях, предназначенных для сотрудников полиции, осуществляющих профилактику и предупреждение хулиганства, отмечалось, что «обстоятельствами, способствующими хулиганским действиям, являются пьянство, бескультурье, невежество, эгоизм, вседозволенность, бесцельное времяпровождение и др., а условия, порождающие их, - это в основном недостатки в проведении общей и индивидуальной профилактики, в частности такие, как упущения в правовой пропаганде, реализации принципа неотвратимости ответственности, воспитательной работе с подучетными, невнимательное отношение к организации досуга населения, к занятости молодежи полезной деятельностью и др.». При этом основной причиной совершения хулиганства признавалось пьянство.

Если алкоголизм и пьянство во многом определяют формирование субъективного причинного комплекса хулиганства, то своё объективное выражение данные обстоятельства находят за счёт воздействия на них внешних по отношению к виновному условий и поводов. Как показывает изучение уголовных дел о хулиганстве, данное преступление совершается преимущественно в таких условиях и при наличии таких поводов, которые не выходят за рамки обычных для общественной жизни. «Однако эти обстоятельства приобретают иное значение для субъекта, чувства и разум которого затуманены алкоголем, а в общей системе свойств его личности

значительное место занимают антиобщественные взгляды, навыки и привычки.

Различные жизненные ситуации, воздействуя на сознание человека, могут вызвать у него чувство обиды, оскорбленности, раздраженности, озлобленности и т.п. У лиц же с неустойчивым характером, с ослабленной волей, со сниженным моральным и интеллектуальным уровнем они вызывают реакцию, которая по своей силе не соответствует вызывавшим её обстоятельствам и может способствовать превращению неправильных взглядов в преступное намерение. Это намерение, как правило, сразу же воплощается в хулиганские действия, поскольку в психике нетрезвого человека сдерживающие центры значительно ослаблены». Такие ситуации содержат в себе конкретные обстоятельства, воспринимаемые потенциальным хулиганом как достаточные для проявления агрессии.

Связь поведения потерпевшего с преступным деянием не является непосредственной, но такая связь возникает в сознании виновного. При этом неправомерное или аморальное поведение потерпевших снижает самоконтроль виновного лица, приводит его в эмоционально напряжённое состояние, в котором и принимается решение о совершении преступления. Такое «решение принимается не по убеждению в его правильности, а потому, что лицо не обладает достаточной выдержкой и не может тщательно обдумать его». Впрочем, последнее обстоятельство нисколько не извиняет совершение таким лицом преступления, однако может учитываться при квалификации (исключение из обвинения хулиганских побуждений содеянного) и в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Среди прочих причин и условий совершения преступлений многими учёными выделяется негативное влияние средств массовой информации, особенно на несовершеннолетних и так называемых неустойчивых граждан [4, с. 14]. При этом к отрицательно воздействующей информации следует относить не только «смакование» сцен насилия, криминальных способов разрешения различных конфликтов и преступного образа жизни, но и формирование у общественности негативного образа сотрудника правоохранительных органов. Благодаря такому освещению событий у населения создается впечатление, что, с одной стороны, кто сильнее, тот и прав, а, с другой, - никто не защитит слабых от произвола сильных.

Одним из условий совершения хулиганства является наличие в незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ.

Изучение уголовных дел о вооружённом хулиганстве приводит к выводу, что подавляющее большинство таких преступлений совершается с применением не оружия, а предметов, используемых в этом качестве (палки, отрезки металлических труб, разбитые стеклянные бутылки, и т.п.). Среди оружия при совершении хулиганства преобладает холодное (ножи, кастеты и др.); огнестрельное же в основном представлено охотничьими ружьями либо обрезами таковых. Кроме того, в последние пять лет участились случаи совершения преступлений, в том числе и хулиганства, с применением газового и пневматического оружия. Устранение уголовной ответственности за незаконное хранение, ношение и другие действия, совершённые с охотничьим гладкоствольным оружием, а также практически полное выведение из уголовно-правового поля действий с холодным и газовым оружием, никоим образом нельзя отнести к факторам, способным стабилизировать ситуацию борьбы с преступностью в нашей стране. Доступность газового, пневматического и холодного оружия, а также их распространённость облегчает преступникам их применение. В качестве условий совершения уличных преступлений, в том числе и хулиганства, в криминологии обоснованно выделяются особенности застройки жилых районов (повышенная плотность домов, наличие тупиков и неосвещённых парковых зон, и т.д.).

Практическое воплощение перечисленных причин и условий хулиганства в конкретном преступлении во многом находится в зависимости от эффективности деятельности правоохранительных органов. К условиям совершения хулиганства относятся недостаточная численность и оснащённость патрульных нарядов, их бессистемная расстановка, отсутствие гибкости при руководстве такими нарядами, недостаточная осве¬омлённость сотрудников об оперативной обстановке, о причинах и условиях хулиганства, а также о способах выявления последних и возможных мерах по их нейтрализации. Кроме того, срок проверки по заявлениям и сообщениям граждан о хулиганстве безосновательно затягивается, как, впрочем, и расследование соответствующих уголовных дел.

На основе анализа причин и условий, способствующих совершению хулиганства, необходимо разрабатывать соответствующие предупредительные мероприятия.

По нашему мнению, индивидуальное предупреждение хулиганства должно корреспондировать со стадиями генезиса криминогенной личности и заключаться в следующих этапах: 1) раннее предупреждение (профилактика); 2) непосредственное предупреждение, в том числе пресечение; 3) пенитенциарное предупреждение; 4) постпенитенциарное предупреждение.

Профилактика хулиганства должна осуществляться во взаимодействии правоохранительных органов, муниципальных органов власти и представителей общественности. Необходимо осуществить «постепенный переход к полному осуществлению охраны общественного порядка на самоуправляемых территориях силами муниципальных правоохранительных формирований; активное внедрение в практическую деятельность органов внутренних дел новых тактических форм несения службы в условиях городских улиц; организация контроля над уличной преступностью с помощью местных общин и других механизмов участия граждан в деле защиты личной безопасности; осуществление сотрудничества между силами правопорядк.

Непосредственное предупреждение и его этапы заключаются в предотвращении замышляемых и подготавливаемых хулиганских действий (склонение лица к отказу от замысла или продолжения приготовительных действий, устранение условий, способствующих реализации умысла или приготовления, в том числе изъятие незаконно хранящегося оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия; а также привлечение к уголовной ответственности за приготовление к совершению квалифицированного хулиганства или совершение другого уголовно наказуемого деяния); в пресечении совершаемого хулиганства (задержание, в том числе за действия, содержащие состав мелкого хулиганства).

Пенитенциарное предупреждение в настоящее время с наибольшей эффективностью возможно только в условиях изоляции осуждённого от общества. Саму же изоляцию от общества нельзя признать панацеей в противодействии хулиганским появлениям. Для того чтобы осуждённый не совершал хулиганство или другие преступления не только в период отбытия наказания, последнее должно достигать цели исправления, закреплённой в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Поэтому необходимо стимулировать и обеспечивать образовательный процесс в местах лишения свободы, приобщать осуждённых к общественно полезному труду.

Постпенитенциарное предупреждение своей целью должно иметь недопущение совершения преступления лицом, отбывшим наказание. Представляется, что такая работа только тогда будет эффективной, когда как нормативно, так и фактически будет создана единая система профилактики и предупреждения преступлений и правонарушений, включающая в себя не только правоохранительные органы, но и иные государственные, а также муниципальные органы власти и учреждения.

Борьба с правонарушениями включает два основных направления - предупреждение совершения правонарушений и последовательную реализацию юридической ответственности за уже совершенные правонарушения». Остановившись на первом из указанных направлений,

необходимо перейти к рассмотрению юридических признаков хулиганства и особенностей квалификации последнего, правильное понимание которых составляет основу реализации уголовной ответственности за уже совершённое деяние.

Список цитируемой литературы:

1. Герцензон А. А. Вопросы предупреждения преступлений в новом законодательстве союзных республик // Советское государство и право. [Электронный ресурс]. Российская национальная библиотека URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01001109513 (дата обращения 17.10.2021).
2. Давитадзе М.Д. Групповое молодежное хулиганство и его предупреждении: автореф. дисс. ... канд.юрид. наук. М., 2003. 25 с.
3. Криминология: учебное пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. 489 с.
4. Чебан В.В. Преступность в России: геополитические и внутренние причины: Лекция. М.: Московский институт МВД России, 2018. С. 14 - 15.

Гейдаров Теймур Рауф оглы, студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Heydarov Teymur Rauf, bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА В ШКОЛАХ (СКУЛШУТТИНГ): УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

MASS MURDER IN SCHOOLS (SKULSHUTTING): CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PREVENTION

Аннотация.

В статье рассматривается понятие скулшутинга, выделяются его признаки, рассматриваются вопросы предупреждения скулшутинга в образовательных учреждениях.

Abstract.

The article discusses the concept of schoolshuting, highlights its features, discusses the prevention of schoolshuting in educational institutions.

Ключевые слова: школьная стрельба, массовые убийства, молодежь, экстремизм, терроризм.

Keywords: school shooting, mass urderer, youth, extremism, terrorism.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время назрела необходимость в повышении эффективности работы законодателя по повышению уголовной ответственности и предупреждению массовых убийств в школах.

В последние годы все более часто в России возникает обсуждение такого негативного криминального явления, как

скулшутинг. Своим происхождением рассматриваемый термин обязан английской лексике и означает сочетание слов «школа» и «стрельба». Из буквального толкования рассматриваемого термина можно сделать вывод о том, что он означает стрельбу в школе, но в настоящее время им охватывается более широкий круг действий. Фактически термином скулшутинг сейчас называют различные способы нападения в целях причинения смерти в образовательных учреждениях с использованием огнестрельного или холодного оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ.

В России данное явление начинает развиваться достаточно активно, несмотря на то, что исследователи не отмечают такой его распространенности как в США. В частности, данные Департамента статистических исследований свидетельствуют о том, что в США в 2017-2018 году в учебных заведениях было совершено 175 актов массовых убийств, в то время как в России в указанный период – 24 [3, с. 163]. Даже единичные случаи совершения таких деяний влекут огромное количество жертв и вселяют страх в российских граждан [1, с. 127].

Проанализируем наиболее известные и резонансные случаи скулшутинга в России. 17 августа 2018 года в Керченском политехническом колледже учащийся 4 курса Владислав Росляков использовал взрывные устройства и помповое ружье, что повлекло смерть 21 человека, ранения были причинены 67. Рослякову было инкриминировано убийство (п. «а» и «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ). 11 мая 2021 года в Казани Галявиев с помповым ружьем пришел в школу, где совершил расстрел одноклассников, 9 человек погибло, пострадало 32 человека. 20 сентября 2021 года в университет г. Перми прибыл студент 1 курса Тимур Бекмансуров, который имел при себе находящееся у него на законных правах помповое ружье. Жертвами Бекмансурова стало 6 погибших, пострадало 40 человек. Остановить расправу удалось сотруднику полиции, который ранил Бекмансурова, разоружил и задержал его [4].

После совершения убийств в школе в г. Казани, Государственный совет республики Татарстан внес на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации законопроект о дополнении УК РФ статьей 207.3, диспозиция которой состоит в установлении объективной стороны в виде организации деятельности, направленной на побуждение к совершению насилия в отношении граждан и (или) нанесения вреда собственному здоровью путем публичного распространения информации, оказывающей деструктивное воздействие либо создающей угрозу такого воздействия

на граждан с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Подобная инициатива заслуживает внимания, однако, не решает проблемы ужесточения уголовной ответственности за скулшутинг, полагаем, что имеется необходимость ввести в УК РФ соответствующую отдельную норму, устанавливающую ответственность за данное деяние.

Несмотря на, казалось бы, достаточно небольшое количество подобных случаев, следует отметить, что массовым убийствам в образовательных организациях России присуща динамически развивающаяся тенденция, что и обуславливает необходимость комплексного исследования скулшутинга, с позиций криминологии, психологии, уголовного права, для того, чтобы определить эффективные меры предупреждения данного явления. Прежде всего, необходимо понимание, что же по своей сути представляет скулшутинг.

Среди исследователей по данному вопросу существуют различные мнения, он рассматривается и как проявление экстремизма, и как террористический акт, и как массовое убийство. Представляется, что следует согласиться с теми исследователями, которые предлагают рассматривать скулшутинг в качестве самостоятельного криминологического феномена, обосновывая, чем именно он отличается от иных актов криминального насилия, которые также направлены против неограниченного количества лиц [2, с. 58].

Изучение особенностей квалификации скулшуттнга позволяет сделать вывод о том, что от убийств, совершаемых на почве межличностных конфликтов, скулшутинг надлежит отличать тем, что преступление совершается в отношении людей, не выступавших в качестве первоначальной цели, то есть, конкретные жертвы не определены, принимается решение об убийстве возможного числа лиц на территории выбранного для реализации умысла образовательного учреждения. От серийных убийств данное деяние надлежит разграничивать по ограниченности во времени – скулшутинг является единой акцией.

Исходя из сущностных признаков рассматриваемого явления, предлагаем среди них выделить следующие: это осознанное планирование нападения; место нападения - образовательное учреждение; совершаемое либо в одиночку (что наиболее часто), либо в соучастии; демонстративно, с привлечением публичного внимания; с целью массового (неперсонифицированного) убийства, посредством оружия, взрывных устройств; по мотивам противопоставления себя обществу, желания собственного признания, возвышения над

остальными.

Список цитируемой литературы:

1. Борисова, Н.А. Скулшутинг – новая криминальная угроза обществу // Российский правовой журнал. 2021. № 1 (6). С. 127-132.
2. Карпова, А.Ю., Максимова, Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. № 1. С. 57-67.
3. Повсюнина, С.Э. Скулшутинг: актуальные проблемы уголовно-правового регулирования // Проблемы совершенствования законодательства и актуальные вопросы юриспруденции. 2021. С. 162-168.
4. Скулшутинг по-русски. Случаи стрельбы в российских учебных заведениях [Электронный ресурс]. Сайт «The Insider.ru». URL: https://theins.ru/news/187715 (дата обращения 31.01.2022).

Гнездилов А.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Gnezdilov A.A., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A

ОТВЕТСВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИИ

RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF LABOR PROTECTION RULES AT THE ENTERPRISE

Аннотация.

В России основным нормативным актом, содержащим нормы по охране труда, является Трудовой Кодекс Российской Федерации (ТК РФ). В статье 419 ТК РФ определены виды ответственности за нарушение трудового законодательства и иных нормативно-правовых актов, содержащих нормы трудового права. Гражданин, виновный в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, привлекается к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном настоящим Кодексом и иными федеральными законами, а также привлекается к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном федеральными законами.

Abstract.

In Russia, the main regulatory act containing labor protection standards is the Labor Code of the Russian Federation (Labor Code of the Russian Federation). Article 419 of the Labor Code of the Russian Federation defines the types of liability for violation of labor legislation and other normative legal acts containing labor law norms. A citizen guilty of violating labor legislation and other acts containing labor law norms shall be brought to disciplinary and material responsibility in accordance with the

procedure established by this Code and other federal laws, as well as brought to civil, administrative and criminal liability in accordance with the procedure established by federal laws

Ключевые слова: охрана труда, трудовой кодекс, уголовный кодекс, ответственность, федеральный закон.

Keywords: labor protection, labor code, criminal code, responsibility, federal law.

Общественная опасность рассматриваемого преступления определяется тем, что посягательство осуществляется на предусмотренное Конституцией РФ право на безопасные условия труда. Степень опасности таких деяний определяется и значительным производственным травматизмом.

По мнению И.М. Тяжковой это преступление посягает на безопасность в сфере обеспечения защиты жизни и здоровья граждан при осуществлении производственных процессов в различных отраслях. Поместив данный состав преступления в гл. 19, законодатель подчеркнул значимость такого провозглашенного Конституцией демократического принципа как право на здоровые и безопасные условия труда, поставив тем самым на 1-е место это право. Другим, дополнительным, но также обязательным непосредственным объектом являются жизнь или здоровье человека.

И.В. Бесонова считает, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, следует признавать общественные отношения, обеспечивающие конституционное право граждан на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Выделение здоровья и жизни работника в качестве дополнительного (обязательного) объекта необоснованно. Во-первых, для уголовного закона представляет интерес безопасность не сама по себе, а такое ее состояние, которое обеспечивает неприкосновенность жизни и здоровья граждан в процессе исполнения ими своих трудовых обязанностей. В этом случае, во-вторых, дополнительный объект (жизнь и здоровье) находится в одной плоскости с родовым объектом - личностью, что противоречит теоретическим положениям о двухобъектных преступлениях. Методологически ошибочно объектом преступных нарушений правил охраны труда считать нормы права либо относить их к предмету преступления.

На мой взгляд, непосредственным объектом нарушения правил охраны труда являются общественные отношения, обеспечивающие конституционное право гражданина на труд в

условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, в целях сохранения его жизни и здоровья в процессе трудовой деятельности.

В доктрине уголовного права высказывалось мнение, что «конкретные, надлежащим образом утвержденные и доведенные до исполнителей предписания по правилам техники безопасности и охране труда должны быть признаны предметом преступления». С этим утверждением вряд ли можно согласиться. Как известно в УК содержится довольно большое количество норм с бланкетными диспозициями. Все они имеют определенные предписания, однако предметом преступления эти предписания не являются.

Объект преступления и потерпевший выступают в качестве самостоятельных объективно существующих правовых явлений. Они находятся между собой в определенной связи: объект преступления - это общественные отношения, а потерпевший, будучи участником этих отношений, выступает одним из его структурных элементов. По ст. 143 УК РФ к их числу относятся две категории лиц:

а) постоянные работники предприятия (учреждения, организации не зависимо от формы собственности);

б) временные работники, чья деятельность связана с данным производством (командированные, практиканты и т.д.).

Потерпевший в преступных нарушениях правил охраны труда не является субъектом уголовного правоотношения. Его роль в генезисе данного преступления может оцениваться, во-первых, при решении вопроса об уголовной ответственности лиц, ответственных за соблюдение правил охраны труда, и, во-вторых, при определении конкретного вида и размера (срока) наказания.

К потерпевшим в результате нарушения правил охраны труда могут быть отнесены как лица, состоящие в официально оформленных трудовых отношениях с работодателем (независимо от оснований возникновения этих правоотношений), так и лица, трудовые отношения с которыми не были оформлены в порядке, предусмотренном трудовым законодательством РФ. В последнем случае необходимо исходить из установления фактических трудовых отношений между работодателем (на производстве которого произошел несчастный случай) и работником-потерпевшим.

Потерпевшим может быть лишь лицо, состоящее в трудовых отношениях с организацией или работодателем - физическим лицом. Применительно к ст. 143 УК трудовые отношения понимаются в широком смысле слова. Согласно ч. 2 ст. 2 ФЗ от 17 июля 1999 г. "Об основах охраны труда в Российской Федерации" нормативные предписания об охране труда распространяются на: работодателей;

работников, состоящих с работодателями в трудовых отношениях; членов кооперативов, участвующих в совместной производственной и иной хозяйственной деятельности, основанной на их личном трудовом участии; студентов образовательных учреждений высшего профессионального и среднего профессионального образования; учащихся образовательных учреждений начального профессионального, среднего профессионального образования и образовательных учреждений среднего (полного) общего, основного общего образования, проходящих производственную практику. Нормы об охране труда распространяются также на лиц, осужденных к лишению свободы и привлекаемых к труду администрацией, на других лиц, участвующих в производственной деятельности организации или индивидуального предпринимателя.

Таким образом, потерпевшим может быть не только работник, выполняющий трудовые обязанности на постоянной основе, но и лицо, выполняющее работы по заданию организации или индивидуального предпринимателя, а также обучающийся, проходящий практику. Главное, что отличает этих лиц, - наличие у работодателя обязанностей по организации и охране их труда. Поэтому важно выяснить, был ли пострадавший в момент несчастного случая связан с производственной деятельностью организации или индивидуального предпринимателя и объяснялось ли его нахождение в месте происшествия исполнением им трудовых обязанностей или иной работы по заданию организации.

Потерпевшие зачастую сами нарушают правила по технике безопасности. Это обстоятельство специально отмечал Верховный Суд в Постановлении Пленума: указывая на необходимость в каждом конкретном случае выяснить роль потерпевшего в происшествии и при установлении того, что несчастный случай произошел «вследствие небрежности потерпевшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным - учитывать при назначении наказания факт небрежности, допущенной самим потерпевшим»".

В тех случаях, когда потерпевшим оказывается иное лицо, трудовая деятельность которого не связана с производством, где получено увечье, виновный в нарушении правил охраны труда может быть привлечен к ответственности за должностное преступление (например, ст. 285, 293), преступление против личности (например, ст. 111), нарушение правил по технике безопасности (например, ст. 216).

Должностное лицо не может нести ответственность за несчастный случай на производстве, если рабочие нарушили требования инструктажа и допустили грубую небрежность" - отмечалось в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности горных, строительных и иных работ.

С объективной стороны рассматриваемое деяние совершается путем действия или бездействия, выразившегося в нарушении правил техники безопасности или иных правил охраны труда.

Объективная сторона деяния, предусмотренного в ст. 143 УК, состоит в нарушении правил техники безопасности и иных правил охраны труда.

В зависимости от вида деятельности коммерческой организации или индивидуального предпринимателя, от характера выполняемых их работниками трудовых функций, в зависимости от профессии, специальности, должности и т.п. работника работодатель должен обеспечивать неукоснительное выполнение требований правил техники безопасности. Они охватывают правила как выполнения работ, так и поведения в производственных помещениях, на строительных площадках, при работе на транспортных средствах, принадлежащих работодателю, в иных местах.

Нарушения правил техники безопасности, упомянутые в ст. 143 УК РФ, могут состоять также в том, что:

с работниками не проводились вводный, специальный, очередной, внеочередной и т.п. инструктажи, хотя их проведение обязательно (ст. 225 ТК);

виновный не контролирует соблюдение установленных правил обращения с машинами и механизмами;

работники не обеспечены средствами индивидуальной или коллективной защиты (ст. 221 ТК);

виновный не осуществляет возложенную на него законом обязанность контролировать знание работниками действующих правил техники безопасности и охраны труда (ст. 14 Основ об охране труда);

не обеспечено прохождение медосмотров в случаях, когда это обязательно (ст. 213, 266 ТК);

не соблюдены особые правила охраны труда, установленные для отдельных категорий работников (например, инвалидов, беременных женщин, несовершеннолетних, ст. 224, 253, 265 ТК),

не соблюдены другие правила техники безопасности;

б) в нарушении иных правил охраны труда.

К последним, в частности, относятся:

действующие санитарно-гигиенические правила;

правила контроля за уровнем воздействия вредных или опасных производственных факторов на здоровье работников (п. 2 ст. 14 Основ об охране труда);

правила ввода в эксплуатацию предприятий, цехов, участков производств, обеспечивающие здоровье и безопасные условия труда на этих объектах (ст. 215 ТК, ст. 16 Основ об охране труда);

единые межотраслевые и отраслевые правила по охране труда (ст. 3-6 Основ об охране труда) и т.д.

Так, прокуратурой города Димитровграда Ульяновской области расследованы обстоятельства взрыва, приведшего к гибели группы работников общества с ограниченной ответственностью «Завод нефтяного и химического машиностроения «Зенит».

Ответственность за происшедшее лежит на заместителе директора по производству ООО «Зенит-Химмаш» Геннадии Яковенко и начальнике цеха по сборке металлоконструкций этого же предприятия Александре Вишнякове. В нарушение своих должностных обязанностей эти руководители организовали допуск людей на работы с повышенной опасностью (в закрытом металлическом сепараторе без постоянно действующей приточной вентиляции). В работе использовались переносные светильники неизолированные от соприкосновения с воздухом, содержащим пары растворителей. Светильники работали от электросети, напряжение в которой почти в три раза превышало допустимые нормы.

февраля 2009 года примерно в 23 часа 30 минут внутри водного нефтегазосепаратора произошло воспламенение паров растворителя, что привело к взрыву. В это время там находилась бригада из шести человек, производивших технологические работы.

Один из них получил ожоги лица и от госпитализации отказался. Пятеро рабочих, находившихся внутри сепаратора, получили тяжёлые травмы и были доставлены в реанимационные отделения медучреждений городов Димитровграда и Тольятти с диагнозом - ожоги от 70 до 100% кожного покрова. Несмотря на усилия врачей, в живых остался лишь один из рабочих.

Александр Вишняков приговорен к 2 годам колонии-поселения с лишением права занимать руководящие должности на 1,6 года; Геннадий Яковенко - к 1 году 6 месяцам колонии с лишением аналогичного права на 1 год.

Диспозиция ст. 143 УК бланкетная, и для признания факта нарушения правил техники безопасности или иных правил охраны

труда необходимо обратиться к соответствующим правилам с обязательным указанием конкретного пункта.

Правила об охране труда представляют собой систему правовых, технических санитарных норм, обеспечивающих безопасные для жизни и здоровья человека условия выполнения работ. Основным компонентом правил охраны труда являются правила по технике безопасности и санитарно-гигиенические правила.

Правила по технике безопасности и иные правила охраны труда устанавливаются Правительством, министерствами и ведомствами по согласованию с профессиональными союзами и содержат требования, обеспечивающие сохранение жизни и здоровья работников. Как показала практика, наиболее распространенными являются следующие нарушения: отсутствие надлежащего технического руководства и надзора за безопасностью выполнения производственных работ, допуск к работе непроинструктированного, необученного или недостаточно обученного работника, отсутствие предохранительных сооружений, оборудования, устройств и других средств защиты.

Правила по технике безопасности и правила охраны труда весьма многообразны и в значительной степени определяются спецификой как отрасли, так и конкретного производства. Они могут быть общими, установленными для любых организаций, и специальными, предусмотренными для конкретных объектов различных отраслей.

Под иными правилами охраны труда, о которых говорится в ч. 1 ст. 143 УК РФ, понимаются правила промышленной санитарии и гигиены.

Бланкетность статьи Уголовного кодекса означает еще и то, что уголовно-правовая норма, выраженная в данной статье, включает в себя и неуголовную норму, регулирующую отношения, которым причиняется вред преступлением. Отсюда следует, что для определения содержания тех или иных юридических терминов, посредством которых законодатель сконструировал состав преступления, мы должны обратиться к специальному нормативному акту, где дается понятие указанному термину.

Так, разъяснение термина "охрана труда" мы находим в ст. 1 Федерального закона РФ "Об основах охраны труда в Российской Федерации" от 17.07.99, №181-ФЗ, согласно которой "охрана труда - система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-

гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия".

Статья 8 Федерального закона перечисляет конкретные права работника на охрану труда, называя в их числе право на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда; отказ от выполнения работ в случае возникновения опасности для его жизни и здоровья вследствие нарушения требований охраны труда, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами до устранения такой опасности; обеспечение средствами индивидуальной и коллективной защиты работников в соответствии с требованиями охраны труда за счет средств работодателя; обучение безопасным методам и приемам труда за счет средств работодателя и др.

Ответственность за нарушения правил охраны труда наступает независимо от формы собственности организации.

Преступление признается оконченным с момента наступления указанных в законе последствий, находящихся в причинной связи с допущенным нарушением правил охраны труда.

Последствиями, предусмотренными ст. 143УК РФ, могут быть тяжкий вред здоровью человека (ч. 1) и смерть человека (ч. 2). В соответствии с п. 2 Постановления Правительства РФ от 17 августа 2007 г. №522 ”Об утверждении правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека” (в действующей редакции от 17.11.2011 г. №938) под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды. Квалифицирующими признаками в отношении тяжкого вреда, причиненного здоровью человека, являются:

вред, опасный для жизни человека;

потеря зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрата органом его функций;

прерывание беременности;

психическое расстройство;

неизгладимое обезображивание лица;

значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть;

полная утрата профессиональной трудоспособности.

Для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, достаточно наличия одного из квалифицирующих признаков. При наличии нескольких квалифицирующих признаков

тяжесть вреда, причиненного здоровью человека, определяется по тому признаку, который соответствует большей степени тяжести вреда.

Преступление признается оконченным при наличии хотя бы одного из этих последствий. При их отсутствии нарушение правил охраны труда является дисциплинарным или административным правонарушением.

Вред здоровью может проявиться в виде острого отравления, теплового удара, ожога, обморожения, утопления, поражения электрическим током, излучением, в виде иных профессиональных или общих заболеваний.

Уголовный кодекс РФ в ст. 111 определяет тяжкий вред здоровью как вред, опасный для жизни человека или повлекший за собой потерю зрения, речи, слуха или какого-либо органа, либо утрату органом его функций, или выразившийся в неизгладимом обезображении лица, а также иной вред здоровью, опасный для жизни или вызвавший расстройство здоровья, соединенное со значительной стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть или с заведомо для виновного полной утратой профессиональной трудоспособности, либо повлекшее за собой прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией или токсикоманией.

Квалифицирующими признаками в отношении средней тяжести вреда, причиненного здоровью человека, являются:

длительное расстройство здоровья;

значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть.

Что же касается вреда здоровью средней тяжести, то о нем ст. 112 УК РФ говорит как о вреде, не опасном для жизни человека и не повлекшем последствий, указанных в ст. 111 УК, но вызвавшем длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть. Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется врачом - судебно-медицинским экспертом медицинского учреждения либо индивидуальным предпринимателем, обладающим специальными знаниями и имеющим лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая работы (услуги) по судебно-медицинской экспертизе (далее - эксперт).

Для установления признаков тяжкого вреда здоровью проводится судебно-медицинская экспертиза. Эксперт, проводя исследования и отвечая на вопросы, содержащиеся в постановлении

следователя, при определении значимой для квалификации преступления тяжести вреда здоровью руководствуется Правилами судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью.

Тяжесть наступивших последствий является основным критерием для отграничения уголовно наказуемого нарушения правил охраны труда от дисциплинарного проступка или административного правонарушения. Если вред здоровью не является тяжким, все содеянное образует административное правонарушение (ст. 5.27 КоАП).

Пример из судебной практики. Приговором Автозаводского районного суда города Тольятти осужден Павел Антонов за нарушение правил охраны труда, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 143 УК РФ).

Государственный обвинитель представил суду доказательства того, что Антонов 07.12.2009 г., находясь при исполнении своих служебных обязанностей, с целью выполнения договорных обязательств ОАО «Самаравтормет» перед ООО «Печатный Дом «Современник», в нарушение должностной инструкции начальника цеха и требований Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», «Правил устройства и безопасной эксплуатации грузоподъемных кранов - манипуляторов», Трудового кодекса РФ, не обеспечив при использовании крана-манипулятора присутствие лица, ответственного за безопасное производство работ краном, в также технически правильную эксплуатацию оборудования, направил на территорию ООО «Печатный Дом «Современник» бригаду работников для производства демонтажа, погрузки и вывоза металлолома. Рабочий из состава бригады приступил к погрузке последней части демонтированного газорезательного оборудования весом, превышающей грузоподъемность крана, которая составляет, вследствие чего при подъеме демонтированных частей произошло падение груза на человека, который от полученных повреждений скончался на месте происшествия.

Тем самым Антонов, как начальник цеха, допустил нарушение правил техники безопасности и иных правил охраны труда, что повлекло по неосторожности смерть человека.

Подсудимый в судебном заседании виновным себя признал, пояснил, что совершал указанные действия и ходатайствовал о вынесении приговора без судебного разбирательства. Прокурор против предложенного порядка не возражал.

Суд, согласившись с мнением государственного обвинителя, признал Антонова виновным и, учитывая тот факт, что причинение смерти носило не умышленный, а неосторожный характер, назначил ему наказание в виде 1 года лишения свободы условно с испытательным сроком на 6 месяцев.

Целесообразно было бы включить в ч. 2 ст. 143 УК РФ такой квалифицирующий признак, как причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью двух или более лиц. ФЗ от 08.12.2003 г. №162-ФЗ в нормах, устанавливающих ответственность за нарушение специальных правил безопасности в отдельных отраслях производства, был предусмотрен особо квалифицированный состав в виде нарушений, повлекших по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 215, 216, 217, 219 УК РФ). При этом нарушение общих правил охраны труда, повлекшее наступление названных последствий, охватывается квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 2 ст. 143 УК РФ. Подобная непоследовательность законодателя в регулировании ответственности за рассматриваемые деяния приводит к назначению виновным в нарушении правил охраны труда лицам необоснованно мягких наказаний.

В качестве самостоятельного критерия дифференциации ответственности за нарушение правил охраны труда было бы целесообразно учитывать возраст потерпевшего. Это обосновано необходимостью повышенной уголовно-правовой охраны труда отдельных категорий работников, в частности, несовершеннолетних. Обеспечение безопасных условий труда несовершеннолетних находится под особой охраной трудового законодательства РФ (гл. 42 ТК РФ «Особенности регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет»). В связи с этим было бы целесообразно дополнить ст. 143 УК РФ частью 3, в которую включить особо квалифицирующий признак - деяние, повлёкшее по неосторожности смерть несовершеннолетнего.

Рассматриваемый состав преступления сконструирован законодателем по типу материальных составов. Поэтому обязательными признаками объективной стороны являются указанные в ст. 143 последствия и причинно-следственная связь между этими последствиями и допущенным нарушением, т. к. во многих случаях общественно опасные последствия наступают в результате неосмотрительного поведения нескольких лиц, непрофессиональных действий других работников и т. п., поскольку общественно опасные последствия зачастую бывают вызваны действиями механизмов или иных устройств, а не тем лицом, которое ранее нарушило

установленные на данном объекте правила, обеспечивающие безопасные условия труда.

"При рассмотрении каждого дела о нарушении правил и норм охраны труда и производственной санитарии, - говорится в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 апреля 1991 г., - особое значение приобретает тщательное и всестороннее исследование причинной связи между этими нарушениями и наступившими вредными последствиями".

Правила техники безопасности в отличие от уголовного закона регламентируют не только поведение, поступок в целом, но и нередко отдельные телодвижения человека (физического и вербального, т.е. словесного, характера). Поэтому для установления причинной связи между нарушением правил и наступившими общественно опасными последствиями необходим детальный анализ действия (бездействия). Например, для соблюдения правил безопасности при включении или выключении газового обогревателя котельной требуется соблюдение четко определенной последовательности движений и операций. Даже если в целом все требуемые операции будут совершены, но нарушена предусмотренная правилами техники безопасности последовательность, это деяние может повлечь за собой тяжкие последствия. Отсюда при установлении причинной связи учитываются все детали деятельности оператора.

Если не установлена причинная связь - нет и состава преступления даже при наличии формальных нарушений правил. При наличии нескольких нарушений правил техники безопасности, совершенных разными лицами, необходимо тщательно выяснить, какие из допущенных нарушений повлекли за собой причинение вреда здоровью и, следовательно, действия (или бездействие) какого конкретно лица находятся в причинной связи с наступившими последствиями.

На практике нередки случаи, когда правила одновременно нарушены двумя и более лицами и один или несколько из них оказываются пострадавшими. При этом возможны различные варианты в зависимости от того, чьи действия стали причиной наступившего результата:

а) последствия наступили в силу неправомерных действий каждого нарушителя правил и пострадавшего;

б) нарушение правил потерпевшим не повлияло на развитие причинной связи;

в) несчастный случай произошел исключительно вследствие нарушения правил самим пострадавшим, тогда как нарушение правил

техники безопасности другим лицом не связано с причинением вреда. В первых двух случаях нарушитель правил несет ответственность за вред, причиненный им самим или при "содействии" потерпевшего, в последнем ответственность нарушителя правил исключается, поскольку его действие или бездействие хотя и содержит признаки нарушения правил техники безопасности, но не находится в причинной связи с наступившими последствиями.

В связи с исследованием причинной связи между названными нарушениями и наступившими вредными последствиями суду следует выяснить также роль потерпевшего в происшествии. Если при этом будет установлено, что несчастный случай на производстве произошел вследствие небрежности потерпевшего, суд должен при наличии к тому оснований решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным - учесть при назначении наказания факт небрежности, допущенной самим потерпевшим.

При рассмотрении уголовных дел о нарушении правил охраны труда важно отграничить преступление от невиновного причинения вреда. Статья 28 УК РФ имеет особое значение для установления наличия или отсутствия вины в преступлении, предусмотренном ст. 143 УК РФ, поскольку приведенные в ней ситуации чаще всего встречаются в сфере повышенного производственного риска. Правила техники безопасности довольно часто регламентируют трудовую деятельность в экстремальной ситуации, когда интеллектуальные и волевые возможности человека играют важную роль. Важным условием привлечения к уголовной ответственности за нарушение правил техники безопасности и производственной санитарии является наличие у лица фактической возможности выполнения предписаний в условиях, при которых причинен вред потерпевшему. В таком случае необходимо учитывать содержание ч. 2 ст. 28 УК РФ: "Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам".

Отсутствие причинной связи между допущенными нарушениями правил охраны труда и наступившими, указанными в ст. 143 УК, последствиями также исключает уголовную ответственность.

Список цитируемой литературы:

1. Куликов О.Н. Охрана труда в строительстве: Учебник для нач. проф. Образования. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
2. Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: учебник. М. : Статус, 2009. Т. 1. 877с.
3. Справочник специалиста по охране труда. Сборник нормативных документов - Екатеринбург: ИД «Урал Юр Издат», 2007 - 488 с.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации (по состоянию на 20 февраля 2016 года). Новосибирск: Сиб. Унив. Из-во, 2008. 191 с.

Гончарова М.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Корнев А.С.

Goncharova M.A., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Candidate of Law, Associate Professor Kornev A.S.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

PECULIARITIES OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PREVENTION OF ILLEGAL TRAFFIC OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Аннотация.

В статье представлены особенности криминологической характеристики и предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Abstract.

The article presents the features of criminological characteristics and prevention of illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, наркомания, наркопреступность, криминологическая характеристика, предупреждение.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, drug addiction, drug crime, criminological characteristics, warning.

В настоящее время преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

представляют существенную угрозу обществу и наносят огромный ущерб генетическому фонду нации. В соответствии с данными официальной статистики из 7 миллиардов человек, проживающих на земле, 210 млн. употребляют наркотики, то есть 3% людей со всей планеты являются потенциальными наркоманами. Ежегодно в стране совершаются десятки тысяч преступлений и административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков [1, с. 100].

В большей степени риску подвержены подростки, потому что они являются в большей степени внушаемыми, чем взрослые люди, и ими проще манипулировать. Потребление наркотических средств и психотропных веществ подростками имеет ряд негативных последствий, которые отражаются как на состоянии здоровья, так и на личностных их характеристиках. В подростковом возрасте очень велик риск того, что однажды попробовавший наркотики и психотропные вещества человек станет наркоманом. Наиболее опасная форма незаконного оборота наркотиков – это наркобизнес, поскольку он характеризуется высокой общественной опасностью.

Рассмотрим динамику зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом средств и психотропных веществ в 2016-2020 гг. количество данных преступлений снижается. В частности, в 2020 г. их общая величина снизилась на 5,6% по сравнению с 2016 г., однако количество преступлений, связанных со сбытом или представляющих собой сбыт, увеличилось на 13,3%. В январе - декабре 2020 года выявлено 189,9 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 0,2% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 182,8 тыс. преступлений (0,0%). По сравнению с январем - декабрем 2019 года на 0,3% сократилось число выявленных преступлений, совершѐнных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также незначительно сократился их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 59,2% в январе - декабре 2019 года до 59,1% [4].

Рассмотрим криминологическую характеристику личности лиц, которые становятся участниками преступной деятельности по незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Как считают эксперты, чаще всего производством и распространением указанных средств являются мужчины. Наркозависимость уже после первой дозы чаще всего встречается у подростков и женщин. Говоря о возрастных критериях, отметим, что обвиняемыми в данных преступлениях чаще всего бывают лица от 15 до 25 лет. Наркоманами

чаще становятся подростки от 15 до 19 лет, а в обороте наркотиков и их аналогов чаще всего обвиняются лица от 19 до 25 лет. На преступный путь подростков и молодежи толкает чаще всего семейное неблагополучие, низкий доход, нищета, отсутствие работы, социально неблагоприятное ближнее окружение и т.д. В переходном возрасте подростки нередко принимают радикальные решения, которые имеют в дальнейшем крайне негативный исход [2, с. 133].

Основными чертами наркомана являются эгоизм, слабая воля, негативное отношение к окружающим и родным, лживость, скрытность. Систематическое употребление наркотиков способствует формированию беспричинной агрессии и озлобленности, тревожности, образует различного рода страхи. Зачастую лица, являющиеся наркозависимыми, не имеют постоянного места работы, страдают такими хроническими заболеваниями, как гепатит, ВИЧ-инфекция. Данные лица нередко совершают кражи, грабежи и иные преступления, с целью добыть средства на наркотики. Совершение преступления в состоянии наркотического опьянения по решению суда может быть признано обстоятельством, отягчающим наказание.

Существует ряд условий, которые способствуют росту преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Они делятся на следующие виды: социально-экономические, культурологические, семейно-педагогические, досуговые, правовые и правоприменительные.

Социально-экономические причины – это низкий уровень дохода, криминогенное окружение, отсутствие работы, реальных жизненных перспектив и т.д.

Культурологические причины – это ценностные ориентации, влияние средств массовой коммуникации на формирование сознания молодежи, смена представлений молодых людей о морально-нравственных ценностях и т.д.

Семейно-педагогические причины во многом связаны с перечисленными выше причинами. Важнейшими из них являются воспитание, семейная обстановка, отношения в школе. Часто предпосылками для возникновения преступного поведения являются отношения в семье: гиперопека, слабая опека, характеризующаяся редким общением родителей и детей и неэффективным исполнением с их стороны своими обязанностями. Уже с рождения у ребенка формируется ближайший круг общения, которым являются его родители. В случае, если родители ребенка ведут асоциальный образ жизни, сами потребляют наркотики, не уделяют времени своим детям, не воспитывают их должным образом, то такие дети, вырастая,

нередко становятся на преступный путь. Родители, который сами росли в неблагополучных семьях, нередко экстраполируют каноны своего воспитания на своих детей. Говоря о досуговых причинах, отметим, что большое значение в воспитании человека имеет его свободное времяпрепровождение вне учебы и работы. К сожалению, закрытие бесплатных государственных кружков и секций, замена их платными, которые из-за низкого уровня дохода не все могут себе позволить, приводит к тому, что свободное время заполняется непродуктивным досугом. Именно досуговые причины восполняют собой пробелы воспитания, сферы трудовых отношений, коммуникативного обмена информацией и т.п. [9, с. 44].

Правовые и правоприменительные причины связаны с особенностями законодательства, регулирующего нормы ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также с возможностями пенитенциарной системы, эффективностью мер, по предупреждению и пресечению данных преступлений.

Внедрение эффективных мер по предупреждению и пресечению оборота наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных или одурманивающих веществ – это одно из важнейших направлений работы правоохранительных, контрольно-надзорных органов, а также общественных организаций. Их системная и комплексная работа в данной сфере направлена на решение важнейших государственных задач, связанных с ликвидацией контрабандной и уличной наркопреступности. Во главе этой деятельности должно лежать введение эффективной административной практической работы в области контроля за незаконным оборотом наркотиков. В системе мероприятий, направленных на противодействие незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ существенное место захватывает предотвращение. Непосредственно оно дает возможность никак не позволять общественного преступного действия с абсолютно всеми его негативными последствиями. Значимое место в системе таких мер занимает профилактика наркопреступности несовершеннолетних, которая может достигаться посредством реализации в РФ в полном, в субъектах РФ, муниципальных образованиях – общесоциальных, финансовых, организационных мер, исполняемых местными органами власти. К подобным мерам относится:

1) формирование успешного уровня профилактической деятельности напрямую в учебных заведениях и должностными лицами на местах;

2) исследование всех негативных качеств личности несовершеннолетнего, которые в конкретных обстоятельствах могут детерминировать противозаконное поведение в специально сформированных психолого-педагогических центрах;

3) использование организационно-тактических способов индивидуального влияния в не достигших совершеннолетия:

– проведение бесед работниками органов внутренних дел, привлечение их в общественно нужные обучения рабочего, социального, спорт, цивилизованного и другого нрава;

– проведение профилактической работы с неблагополучными семьями, где живут несовершеннолетние, а кроме того направление работниками ПДН предложений в государственные органы и учреждения об оказании материальной, общественной и психологической поддержки с целью оздоровления обстановки в неблагополучных семьях [8, с. 14].

Таким образом, с учётом вышеизложенного, а также в целях повышения качества и содержательности антинаркотической деятельности, совершенствования взаимодействия субъектов профилактики, необходимо:

1. Проводить регулярный (не реже раза в квартал) мониторинг наркоситуации в субъектах РФ с подготовкой докладов в Государственный антинаркотический комитет.

2. Обеспечить изучение деятельности муниципальных антинаркотических комиссий, в том числе с выездом на места, а также оказание им необходимой практической и методической помощи.

3. Организовать сбор, обобщение и анализ информации о результатах исполнения решений антинаркотической комиссии в субъектах Российской Федерации, а также обеспечить формирование и отправку отчётов, предусмотренных Перечнем сведений (отчётов), направляемых аппаратами антинаркотических комиссий субъектов Российской Федерации в ГУНК МВД России.

4. Подводя итоги проведенному исследованию, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ остается острейшей проблемой, представляющей угрозу национальной безопасности и оказывающей негативное влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Российской Федерации. Для предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, необходимо

осуществлять эффективную, грамотно скоординированную деятельность правоохранительных и пенитенциарных органов, а также органов власти. При этом очень важными являются меры по профилактике наркомании среди молодёжи, совершенствованию системы лечения и реабилитации наркоманов.

Список цитируемой литературы:

1. Абдрахимова А.М. Криминологическая характеристика преступности в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник магистратуры. 2019. №8-2 (95). С. 100-102.
2. Агагасанов А.Ш. Криминологическая характеристика преступлений в сфере оборота наркотиков // Контентус. 2019. №5 (82). С. 130-134.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек.1993 г. (в ред. от 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184 (дата обращения: 15.12.2021).
5. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон Рос. Федерации от 8 января 1998 г. №3-ФЗ (в ред. от 08 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст.219.
6. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 (в ред. от 03 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.
7. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.
8. О результатах борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействия наркомании на территории государств – участников СНГ: аналитический обзор / под общ. О.Ф. Коновалова, Ю.Н. Демидова. Домодедово: ВИПК МВД России, 2020. 30 с.
9. Сбирунов П.Н. Криминологическая характеристика лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков // The Scientific Heritage. 2020. №53-1. С. 42-47.

Гусейнова А.Г., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор Соловьёва В.В.

Huseynova A.G. , Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Doctor of Historical Sciences, Professor Solovyova V.V.

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И КИБЕРУГРОЗЫ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

CYBER SECURITY AND CYBER THREATS: BASIC APPROACHES TO THE DEFINITION OF CONCEPTS

Аннотация.

Развитие технологий в современном мире не только позволяет человечеству решать множество проблем его прогрессивной эволюции, но одновременно с этим порождает новые вызовы и угрозы в области виртуального кибернетического пространства, которое в большинстве случаев исследователи называют информационным. Также отдаётся предпочтение термину «информационная безопасность». Однако различия между «кибернетической безопасностью» и «информационной безопасностью», по мнению автора, вполне очевидны.

Abstract.

The development of technologies in the modern world not only allows humanity to solve many problems of its progressive evolution, but at the same time creates new challenges and threats in the field of virtual cybernetic space, which in most cases researchers call information. The term "information security" is also preferred. However, the differences between "cyber security" and "information security", according to the author, are quite obvious.

Ключевые слова: кибернетическая безопасность, кибернетические угрозы

Keywords: cyber security, cyber threats

Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей позволяет сделать вывод, что в содержание «информационной безопасности» включаются, в том числе, аспекты обеспечения информационной безопасности Интернета, что значимо как в целом для государства (борьба с информационными угрозами, киберпреступлениями, в том числе кибертерроризмом), так и для каждого человека (проблема защиты личных данных, кредитных карт и т.д.). Также отмечается использование информационно-коммуникационных технологий в целях, несовместимых с задачами поддержания международной стабильности и безопасности: для подавления и подчинения других государств.

В результате широкого применения к отношениям, складывающимся в сети Интернет, понятия «информационная безопасность», вопросы «кибернетической безопасности» государства в научной литературе разработаны незначительно и, как следствие, отсутствует законодательное их закрепление. Такая же ситуация сложилась с дефиницией «кибернетическое пространство».

Автор полагает, что используя различные подходы к определению феноменов «кибернетическое пространство» («киберпространство»), «виртуальное пространство», «виртуальная реальность», «среда Интернет», можно выделить особые содержательные элементы именно «кибернетического пространства» и на этом основании предложить соответствующую дефиницию.

Таким образом, кибернетическое пространство - это особое информационное пространство со специфическими пространственно-временными характеристиками (трансграничность, экстерриториальность, децентрализованность, разветвлённость, многоканальность, виртуальность, имитационность, «гипертекстовость»), возникшее и функционирующее с помощью компьютерных и других электронных устройств (мобильных средств связи, игровых консолей, телевизионных устройств, спутников и т.д.) на базе информационно-телекоммуникационных сетей, преимущественно сети Интернет, в связи с чем обладающее параметрами глобального информационного объёма, выполняющее функции коммуникации, размещения и использования информации, предоставления информационных и иных социально значимых услуг, взаимодействия институтов государственной власти, гражданского общества и отдельной личности, являющееся моделирующим фактором воздействия на индивидуальное, групповое и массовое

сознание, социально-политическую, экономическую, духовную (культурную, религиозную, идеологическую, научную, образовательную) и иные сферы жизнедеятельности социума.

Исходя из данного определения, киберпространство может являться и объектом защиты (информационных ресурсов, аппаратных и программных средств связи и т.д.), и одновременно при определённых негативных условиях источником угрозы другим объектам национальной безопасности.

Рассмотрим угрозы, возникающие в кибернетическом пространстве, традиционно классифицируя их по характеру направленности: на внутренние (имеющие источником своего зарождения - пространство Рунета, или российский сегмент глобальной информационно-коммуникационной сети) и внешние (возникновение которых обусловливается трансграничностью сети Интернет). Следует в этом контексте помнить, что имеющие один и тот же характер угрозы могут одновременно быть причислены и к внутренним, и к внешним источникам, как, например, хакерские атаки и их подвид - кибертерроризм, пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, компьютерные мошенничества и т.п.

Интернет из-за своей экстерриториальности нивелирует понятие источника угрозы, так как позволяет регистрировать доменные имена сайта в одной стране, а распространять информацию (за счёт действия поисковых систем, ссылок, запросов и т.д.) - в другой, в связи с чем достаточно сложно установить виновное в распространении вредоносной информации лицо.

Говоря о внешних угрозах (в чистом виде) кибернетической безопасности, необходимо исходить из того, что в настоящее время информационная сфера представляет собой настоящий театр боевых действий1. Особенно это актуально в настоящий период, когда использование новых информационно-пропагандистских технологий приводит к достаточно быстрой смене режимов в различных странах. Значительное внимание в этих процессах отводится формированию общественного мнения.

В данном контексте необходимо упомянуть такое явление, как «астротерфинг», которое представляет собой создание искусственного общественного мнения, проведение фальшивых массовых компаний, создающих видимость требования большим количеством граждан проведения определенного политического курса или выступающих против него. Для астротерфинга характерно применение специальных программ - «persona management software», позволяющих создать для

астроферов все необходимые элементы, идентифицирующие их в сети как реальную личность: имя, почтовый ящик, сайты, аккаунты в социальных сетях. С учётом данной информации «онлайн-революции», произошедшие в странах Ближнего Востока и Северной Африки, представляются в ином свете. Констатируя сложное геополитическое положение Российской Федерации, обусловленное разрывом ранее существовавших политических и внешнеэкономических связей с её стратегическими партнерами и выходом противоречий интересов с потенциальными геополитическими соперниками на новый уровень, угроза информационной войны для России с театром военных действий в кибернетическом пространстве является особенно актуальной. Поражение в информационной, в том числе кибернетической войне может неизбежно повлечь за собой распад российского государства.

В современных условиях многие важные системы промышленного и оборонного сектора экономики, например, система управления воздушным сообщением, предприятиями энергетической отрасли и электросети, работающие на основе информационно-коммуникационных технологий, составляют потенциальные объекты риска по причине уязвимости их для вторжения извне.

Таким образом, к внешним угрозам кибернетическому пространству относятся и собственно хакерские атаки, осуществляемые с территорий других государств, преследующие своей целью нарушение работы компьютерных систем, хищение информации конфиденциального характера, и просто проведение акций эпатажного, бунтарско-вызывающего свойства.

Киберпреступность - это следующий вид угроз, явление, характерное как для России в отдельности, так и для всего мирового социума в целом. Использование понятия «киберпреступление» зафиксировано ещё в 60-х гг. XX столетия в зарубежной прессе применительно к первым преступлениям, совершённым с использованием ЭВМ.

В Европейской конвенции о киберпреступности сделана попытка нормативно закрепить и систематизировать правонарушения в кибернетическом пространстве.

Говоря о попытке регламентировать и систематизировать виды правонарушений, связанных с использованием компьютерных средств, имеется в виду, что за границами конвенции о киберпреступности остаются деяния, не квалифицируемые как уголовные, но очевидно причиняющие в той или иной степени ущерб информационным отношениям и их субъектам в кибернетическом

пространстве.

К ним можно отнести: киберсквоттерство (приобретение доменных имён с целью их дальнейшей перепродажи или размещения рекламы); рассылку спама; создание специальных наборов и инструментов для проведения хакерских атак, поиска и использования уязвимостей в информационных системах (при этом большинство таких средств - вредоносным программным обеспечением не является).

Новым социальным явлением, требующим детальной правовой проработки, становится кибердиффамация (от латинского «diffamatю» - порочить), т. е. распространение посредством средств массовой информации в сети Интернет не соответствующих действительности сведений, позорящих чьи-либо честь, достоинство, деловую репутацию, доброе имя. От данного рода посягательств добропорядочные граждане и государство фактически не защищены.

Следующая угроза кибернетической безопасности: наличие правовых коллизий и пробелов в законодательстве, что влечёт за собой несвоевременное и неадекватное реагирование правоприменителя на факты причинения вреда информации, информационно-телекоммуникационным сетям, репутации граждан и т.д. При этом следует указать и на такое важное обстоятельство, как привязка понятия «киберпреступность» только к сфере функционирования компьютеров, она существенно обедняет данное понятие и не позволяет оценивать в качестве киберпреступлений правонарушения, совершенные с использованием, к примеру, мобильных средств связи, выражающиеся, в частности, в форме распространения детской порнографии по сотовой связи и мошенничества с оплатой услуг связи. Поэтому авторы разделяют мнение исследователей, которые считают, что киберпреступления включают в себя «не только деяния, совершенные в глобальной сети Интернет, но и в информационно-телекоммуникационной сфере, где информация, информационные ресурсы, техника могут выступать предметом преступных посягательств, средой, в которой совершено правонарушение, и средством или орудием преступления»[2. с. 187].

Данный подход является более удачным, поскольку больше соответствует существу кибернетического пространства, образуемого, как указывалось ранее, на базе всех возможных (локальных, глобальных) информационно-телекоммуникационных сетей, сеть Интернет среди которых просто является преимущественной.

Таким образом, кибернетические преступления - это правонарушения экономического, политического и

этнодискриминационного характера, выражающиеся в форме незаконной политической борьбы (кибертерроризме, киберэкстремизме), совершения мошеннических операций во всех сферах общественной жизнедеятельности, в том числе в виде размещения в Интернете, иных средствах электронной коммуникации материалов, пропагандирующих радикальные идеи национального и иного превосходства, информации, имеющей заведомо вредоносный характер и касающейся незаконной торговли оружием, взрывчатыми веществами, взрывными устройствами, их изготовления; торговли людьми, человеческими органами, наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами, рецептами по их производству.

В данном контексте в качестве новых видов возможных внутренних и внешних угроз в кибернетической сфере можно назвать: инициирование кибернетических революций, распространение электронных вирусов, «спама», нелицензионных софт-программ, несоответствующей действительности информации, несанкционированное проникновение на сайты, бесконтрольность информации криминального характера.

Также следует выделить следующие уровни кибернетической безопасности: безопасность государства, безопасность общества, безопасность личности.

В основу данного разделения положены конституционно закреплённые принципы защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства. Только на первое место применительно к кибернетической безопасности всё-таки выведены интересы государства, поскольку от соблюдения интересов государства в киберпространстве будет зависеть и реализация интересов личности. Иными словами, обеспечение кибернетической безопасности государства является предпосылкой для обеспечения кибернетической безопасности каждой личности.

Также следует указать, что техническая (технологическая) составляющая становится своеобразным сигналом, требующим выделения особого понятия - кибернетической безопасности- применительно к информационным отношениям, складывающимся в киберпространстве. При этом, если информационная безопасность, с технологической точки зрения, включает в себя компьютерную безопасность[1, с.157], то кибербезопасность не может быть сведена только к компьютерной безопасности по причине включения в себя, помимо собственно «технической оболочки», информационного содержания с его влиянием на жизнедеятельность общества.

Таким образом, кибербезопасность, как и регулируемая ею сфера отношений - киберпространство, также имеет две содержательных составляющих - информационную сторону и техническую, что кардинально, существенно расширяет область её действия и выводит за рамки безопасности собственно информационной. Иными словами, кибернетическая безопасность представляет собой отдельное, ёмкое направление, существующее параллельно с информационной безопасностью и требующее самостоятельной проработки.

Подытоживая различные, вышеприведённые подходы, имеющие право на существование, следует всё же исходить из характера объекта защиты - киберпространства, образующего собой неразрывный сплав, синтез двух сторон: информационной (в виде функционирующей и используемой в разнообразных целях информации) и технической (представляющей собой технологические условия для этого).

Кибернетическую безопасность также следует рассматривать как часть духовной, а именно информационно-психологической безопасности и, придавая ей значение как одной из важнейших в современных условиях, характеризующихся состоянием информационного противоборства с потенциальными геополитическими соперниками России, понимать под данным феноменом один из видов национальной безопасности, представляющий собой состояние защищённости от внутренних и внешних угроз кибернетического пространства социума, средств массовой коммуникации военного, общегосударственного и гражданского назначения, а также общественного сознания как одного из основных национальных информационных ресурсов.

На основании вышеизложенного можно предложить следующую научную дефиницию: кибернетической безопасностью является состояние защищённости от внутренних и внешних угроз основных прав и свобод граждан на жизнь, здоровье, физическую и духовную неприкосновенность, доступ к информации, законных интересов личности, общества и государства в киберпространстве, выражающееся в соблюдении легально и легитимно установленных ограничений на распространение заведомо вредоносной и недостоверной информации, в сохранности информационных ресурсов, их конфиденциальности, целостности и недоступности для третьих лиц и неуязвимости информационно-коммуникационных сетей и устройств, обеспечивающих информационный обмен, размещение и использование информации.

В свете рисков и угроз, связанных с обеспечением кибербезопасности, заслуживает внимания справедливое утверждение о том, что «конструкция Интернета влияет на социальные отношения, выстраиваемые вокруг глобальной сети, и способствует формированию киберкультуры - специфической формы культуры информационного общества». В контексте этого суждения Интернет, или виртуальная реальность, явившаяся плодом мыслительной и рукотворческой деятельности человека, становится мощным моделирующим фактором социальной действительности, в свою очередь оказывающим влияние на индивидуальное, массовое и общественное сознание. В частности, подтверждением этому служит использование понятия «виртуальный» в разнообразных сочетаниях, например, таких, как «виртуальные деньги», «виртуальные магазины», «виртуальная демократия», «виртуальное обучение», «виртуальные корпорации», «виртуальные университеты». И это свидетельствует о «виртуализации» общества, глубоком проникновении виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь.

В информационном пространстве Интернета (киберпространстве), являющегося универсальным телекоммуникационным медиасредством, раскрываются огромные возможности коммуникативного, когнитивного, игрового, маркетингового характера, а равно возможности осуществления платежных переводов (проведения on-line транзакций) и реализации принципа непосредственной (прямой) демократии в результате выражения мнений людей в ходе голосований и социологических опросов. В связи с этим киберпространство прочно вплетается в социальную и политическую жизнь общества, в практику реализации государственных функций, что подразумевает необходимость реализации государственной политики в данной области общественных отношений, в том числе в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности в кибернетическом пространстве, т.е. обеспечения кибернетической безопасности.

Список цитируемой литературы:

1. Батурин Ю.М., Жодзишский А.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. М.: Юрид. лит., 1991. 160 с.
2. Щетилов А. Некоторые проблемы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. 2002. С. 186-188.

Демин П.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Demin P.V., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

LEGAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF EQUAL RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZEN

Аннотация.

В данной статье автор рассматривает примеры нарушения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации на основе Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях в РФ. Также автор рассматривает принцип равенства прав и свобод и приводит в пример нововведения, которые способны улучшить систему борьбы с нарушениями прав и свобод в РФ.

Abstract.

In this article, the author considers examples of violation of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation on the basis of the Criminal Code and the Code of Administrative Offenses in the Russian Federation. The author also considers the principle of equality of rights and freedoms and gives as an example innovations that can improve the system of combating violations of rights and freedoms in the Russian Federation.

Ключевые слова: право, свобода, гражданин, государство, личность, борьба.

Keywords: law, freedom, citizen, state, personality, struggle

Принцип равенства имеет большое значение для государства, в частности, для установления справедливости в общественных отношениях. Дискриминация личности, что с латинского языка означает «ущемление в правах», представляет серьёзную угрозу для общества. В большинстве развитых стран проводится политика, которая направлена на устранение ограничений прав и свобод человека и гражданина во всех областях общественной жизни в любых проявлениях. На международном уровне принцип равенства провозглашает Всеобщая декларация прав человека, в которой в статье 1 установлено, что все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. В Российской Федерации права и свободы человека являются высшей ценностью, согласно положениям статьи 2 Конституции РФ, в которой также установлена обязанность государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Принцип равенства закреплён в 19 статье Конституции РФ, которая гарантирует равенство всех людей перед законом и судом, а также равенство прав и свобод человека и гражданина в государстве вне зависимости от пола, расы, национальности, положения в обществе и иных обстоятельств. Запрещаются любые ограничения в правах и свободах человека и гражданина по вышеуказанным признакам. Стоит отметить, что перечень обстоятельств, по которым запрещена дискриминация, является открытым.

Для полноценного обеспечения соблюдения конституционного принципа равенства прав и свобод человека и гражданина, государством предусмотрена правовая ответственность за совершение действий, связанным с ограничением прав и свобод, то есть за нарушение принципа равенства. Так, ответственность за нарушение принципа равенства закреплена в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации и в Уголовном Кодексе Российской Федерации. В статье 5.62 КоАП РФ дополнительно к конституционным признакам, по которым запрещена дискриминация, дополнительно устанавливается ответственность за ограничение прав человека и гражданина по цвету кожи, возрасту, а также по семейному или социальному положению. Объектом правонарушения, предусмотренного в вышеуказанной статье, являются права и свободы человека и гражданина, которые гарантируются государством на основании принципа равенства, в соответствии с Конституцией РФ. Объективная сторона в большинстве случаев выражается в действиях, препятствующих осуществлению и защите своих конституционных прав, таких как право на труд,

образование, охрану здоровья, свободу передвижения и других прав. Состав правонарушения формальный, то есть правонарушение является оконченным с момента выполнения действий, ограничивающих равноправие в общественных отношениях. Субъектом правонарушения, установленного в статье 5.62 КоАП РФ, может являться любой гражданин, а также юридическое лицо, если в ней совершаются дискриминационные действия, которые каким-либо образом нарушают права работников данной организации. Субъективная сторона выражается в виде прямого умысла.

Вышеуказанное административное правонарушение следует отличать от уголовно наказуемой дискриминации. Уголовная ответственность за дискриминацию предусмотрена статьей 136 УК РФ. Объектом преступления, как и в правонарушении, установленном статьей 5.62 КоАП РФ, являются права и свободы человека и гражданина, нарушение принципа равенства. Объективная сторона также выражается в дискриминационных действиях, нарушающих права и свободы гражданина и человека. Состав преступления является формальным, а значит для квалификации содеянного как дискриминации достаточно факта нарушения прав и свобод человека и гражданина по признакам, указанным в статье. Субъективная сторона преступления выражена в умышленной форме вины в виде прямого умысла. Отличием от административного правонарушения является то, что субъектом преступления, предусматривающего ответственность за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, выступает должностное лицо. Рассматриваемый состав преступления будет иметь место только в том случае, если деяние совершено с использованием служебного положения, т. е. с использованием тех возможностей, прав и полномочий, которыми лицо обладает в связи с занимаемой должностью. В этом заключается повышенная степень общественной опасности, в соответствии с чем, совершение указанных действий влечет за собой уголовную ответственность. По мнению авторов юридической литературы, нарушение принципа равенства может быть выражено в представлении к поощрению, награде, выдвижении на конкурс, присуждении конкурсной премии, предпочтениях при приеме на работу и так далее, притом, что такие действия обусловлены национальным или имущественным происхождением, служебным положением или иными обстоятельствами, указанными в статье 136 УК РФ. Необходимо отметить, что мотивы совершения дискриминационных действий могут быть самыми разнообразными, например, ненависть к другой национальности, расы, языка,

утверждение их мнимого превосходства, равно как места жительства или гражданства [1, с. 46].

Как показывает правоприменительная практика, дискриминация сложна в доказывании, так как факты ограничения прав человека и гражданина в официальных документах прикрываются другими обстоятельствами, следовательно, публично не обнародуются. В особенности лица, занимающие государственные и иные руководящие должности, даже при совершении дискриминационных действий, опубликовывают официальные документы с иными обстоятельствами, не нарушающими принцип равенства прав и свобод человека и гражданина. Вышеуказанное положение доказывается отсутствием судебной практике по данному составу преступления за последние годы. Однако данное обстоятельство не означает отсутствие фактов нарушения прав и свобод человека и гражданина в общественных отношениях. Вероятно, невозможность применения судами статьи 136 УК РФ связано с тем, что указанная статья является неконкретной, охватывает слишком широкий круг общественных отношений. Представляется, что включение данной статьи в УК РФ вызвано намерением установить ответственность за нарушение конституционного принципа равенства. Фактически статья 136 УК РФ дублирует положения Конституции РФ, что является недостаточным для квалификации дискриминационных действий как преступления в полной мере. При этом, стоит отметить, что большинство правонарушений дискриминационного характера совершается в сфере трудовых отношений, например, при приёме на работу или увольнении с неё, а также при продвижении по службе того или иного лица. Право на труд является конституционным правом человека и гражданина. В соответствии со статьей 37 Конституции РФ, труд свободен, каждый вправе свободно распоряжаться способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. В юридической литературе более часто встречаются примеры ограничения трудовых прав граждан по половому или возрастному признаку, когда в объявлениях о вакансиях указывается требование, например, требуются мужчины не старше 50 лет с опытом работы от трёх лет. В таком случае наблюдается ограничение сразу по нескольким признакам, являющихся дискриминационными [3, с. 51]. В трудовом законодательстве не определено понятие дискриминации. Только лишь в Постановлении Пленума Верховного Суда от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами ТК РФ» указывается, что под дискриминацией в трудовом праве следует понимать прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при

заключении трудового договора в зависимости от тех или иных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников. В отношении деловых качеств работника указано, что это способность лица выполнять трудовую функцию в соответствии с его профессиональными, квалификационными и личными качествами. Более того, работодатель вправе предъявлять лицу, который претендует на должность, и другие требования, например, владение специальными навыками.

Учитывая данную трактовку Верховного Суда Российской Федерации, можно говорить о весьма широком понимании «деловых качеств» работника, что позволяет работодателю «обоснованно» принять решение об отказе в приеме на работу, а суд его в этом поддержит. Принятие решения о приеме на работу конкретного работника, как и прежде, является правом лишь работодателя, а будущий работник при заключении трудового договора (контракта) вынужден либо считаться с требованиями работодателя, либо искать новое место работы [4, с. 188]. Как было указано выше, статья 136 УК РФ используется правоприменительными органами крайне редко в силу неопределенности правовой нормы и охраняемого государством блага. Следует отметить, что, в отличие от других норм гл. 19 УК РФ, охраняющих трудовые права граждан, диспозиция ст. 136 кодекса по своему содержанию бланкетной не является. Если смысл таких понятий, как «нарушение требований охраны труда», «необоснованный отказ в приеме на работу», «необоснованное увольнение», «заработная плата», необходимо уяснять, обратившись к специальному законодательству, прежде всего трудовому, то понятие дискриминации четко сформулировано в диспозиции ст. 136 УК РФ, а ее критерии расширительному толкованию не подлежат. Уголовный закон защищает права, свободы и законные интересы граждан только в том случае, если они нарушаются по признакам, указанным в ст. 136 УК РФ. В случае если нарушение осуществляется по другим основаниям, указанный состав преступления не образуется. Вместе с тем Конституция РФ содержит одно положение, серьезным образом отличающее ее от ст. 136 УК РФ, а именно поясняется, что государство гарантирует равенство не только по основаниям, перечисленным в данной статье, но и по иным обстоятельствам. Другими словами, набор обстоятельств не является исчерпывающим и может конкретизироваться в специальном законодательстве. Уголовный закон такой возможности не оставляет, что, очевидно, существенно сужает сферу действия ст. 136 УК РФ, не позволяет применять ее в случае нарушения некоторых основополагающих прав

граждан. С учетом сказанного вполне обоснованным выглядит суждение о наличии совокупности преступлений в тех случаях, когда деяние заключается в нарушении равноправия граждан путем посягательства на конституционные права и свободы человека и гражданина, дополнительно охраняемые уголовным законом. Более конкретными статьями в Уголовном кодексе РФ, которые предусматривают ответственность за дискриминацию в трудовых отношениях, являются такие статьи, как 144.1, 145, 145.1 УК РФ.

Статья 145 УК РФ, запрещающая необоснованный отказ в приеме на работу и увольнение беременной женщины и женщины, имеющей ребенка до трех лет, предназначена для дополнительного обеспечения реализации принципа равноправия граждан, то есть является специальной по отношению к статье 136 УК РФ. Для более всесторонней защиты конституционных прав граждан некоторые авторы предлагают придать диспозиции ст. 136 УК РФ бланкетный характер, позволяющий уточнять основания дискриминации в зависимости от сферы ее выражения. Так, А. В. Бутко настаивает на необходимости сделать открытым перечень признаков дискриминации в ст. 136 УК РФ, указав лишь основные из них [2, с. 51]. Нельзя не согласиться с данным мнением, так как на конституционном уровне в Российской Федерации запрещена дискриминация в любых возможных формах, то и Уголовный кодекс РФ должен содержать открытый перечень дискриминационных признаков. Аналогичный вывод можно сделать насчёт статьи 5.62 КоАП РФ, в диспозиции которой также установлен закрытый перечень дискриминационных признаков. Для полноценной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, следует внести изменения в статьи 5.62 КоАП РФ и 136 УК РФ, дополнив диспозиции указанных статей словами «или других обстоятельств». Выводы: Необходимо внести изменения в статью 5.62 КоАП РФ, изложив её в следующей редакции: «Дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, или иным обстоятельствам — влечёт…» Требуется внести изменения в статью 136 УК РФ, изложив её в следующей редакции: «Дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения,

имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, или иным обстоятельствам, совершенное лицом с использованием своего служебного положения — наказывается…» Представляется, что вышеуказанные нововведения позволят наиболее точно квалифицировать те или иные действия, связанные с нарушением принципа равенства, как правонарушение или преступление. Так как дискриминационные действия могут быть осуществлены не только по тем признакам, установленным в вышеуказанных статьях. Однако привлечь лиц, нарушающих принцип равенства, к ответственности в таких случаях окажется невозможным, тем самым, невозможно обеспечить принцип равенства. Вышеуказанная формулировка позволит полноценно обеспечивать гарантированность прав и свобод человека и гражданина, позволяя привлекать к ответственности лиц, нарушающих права и свободы других лиц, не только по указанным в статье признакам, но и иным признакам.

Список цитируемой литературы:

1. Боброва Н. А. Уголовная ответственность за дискриминационные преступления. // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 2. С. 44–49.
2. Бутко А. В. Правовое регулирование в сфере предотвращения дискриминации по национальному, расовому и религиозному признаку // Адвокат. 2016. № 1. С. 47–52.
3. Воробьев С. М. Дискриминация в трудовых правоотношениях в России. // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 4 (49). С. 45–52.
4. Лаврентьева М. С. К вопросу о дискриминации. // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 187–189.
5. Новиков В. А. Дискриминация: преступление и административное правонарушение. // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 168–173.
6. Сабитов Р. А. Юридическая квалификация дискриминации. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 71–80.

Дрокина Д.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Drokina D.A., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

A HEART SHUTTERED IN MYSTERIES ACHES IN CAPTURE, WOUNDED BEAST IN BLOOD

Аннотация.

В статье дается уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного статьей 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Основным исследовательским вопросом, который решает автор, является установление возможности и необходимости сохранения в уголовном законе самостоятельной нормы о нецелевом расходовании бюджетных средств, а также дальнейшей дифференциации ответственности за тождественные деяния. На основе анализа положений доктрины уголовного права, практики применения статьи 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также общей нормы о злоупотреблении должностными полномочиями формулируются выводы и предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Abstract.

The article presents the criminal law characteristics of the corpus delicti provided by Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research problem stated by the author is establishing the possibility and necessity of maintaining a specific rule concerning the misuse of budget funds in the criminal law, as well as further differentiation

of responsibility for identical acts. Having analyzed the provisions of the doctrine of criminal law and the practice of applying Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the general rule on abuse of official powers (Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation), the author of the article has formulated the conclusions and proposals aimed at improving legislation and law enforcement practice.

Ключевые слова: бюджетные средства; нецелевое расходование; государственные и муниципальные закупки; коррупционное преступление; должностное преступление; квалификация преступлений.

Keywords: budget funds; misappropriation; state and local governments purchasing process; corruption offence; malfeasance; qualification of crimes.

Целевое использование бюджетных средств – один из основополагающих принципов бюджетного законодательства Российской Федерации. В соответствии со ст. 38 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) принцип адресности и целевого характера средств бюджета означает, что бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования.

В 2003 году в уголовный закон была введена статья 285.1, устанавливающая ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств. На первый взгляд, появление подобной нормы оправданно: стабильность бюджетной системы, от которой зависит устойчивое развитие экономики, реализация фундаментальных функций государства напрямую связаны с соблюдением принципа целевого использования бюджетных средств.

Соответственно, общественные отношения, формирующиеся в этой области, должны быть защищены всеми возможными правовыми средствами, в том числе путем установления уголовной ответственности. Однако официальная судебная статистика свидетельствует о крайне редком привлечении к уголовной ответственности по ст. 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В частности, в 2018 году по ст. 285.1 УК РФ был вынесен только один обвинительный приговор; в 2019 году – три; в 2020 году – вновь один [5, с.57].

Осуществление государственных и муниципальных закупок – один из основных способов использования бюджетных средств. Посредством закупок происходит обеспечение работы государственных и муниципальных органов, бюджетных учреждений, реализация основных задач государства в социальной, культурной, экономической сферах. Оборот денежных средств в сфере государственных и муниципальных закупок исчисляется триллионами рублей.

Например, только за первую половину 2020 года объем государственных закупок составил 4,1 трлн. рублей [1, с.105]. Соответственно, риски совершения преступлений, в том числе связанных с нецелевым расходованием денежных средств, велики, но, как уже отмечено, практика привлечения к уголовной ответственности по ст. 285.1 УК РФ почти отсутствует. В связи с этим возникает вопрос о причинах незначительного количества вынесенных по данной норме приговоров. Реальное отсутствие подобных деяний вызывает сомнения. Недостаточная эффективность настоящей уголовно-правовой нормы обусловлена техническим несовершенством законодательной конструкции диспозиции статьи, наличием так называемых норм-конкурентов, как правило, более общих по содержанию и, как следствие, наиболее простых для квалификации. С учетом вышеизложенного в настоящей статье исследуется вопрос о степени необходимости сохранения нормы о нецелевом расходовании бюджетных средств в качестве самостоятельной, а также о возможности эффективного противодействия подобным деяниям посредством привлечения к ответственности по общим нормам уголовного закона.

Для решения поставленной исследовательской задачи необходимо представить комплексную уголовно-правовую характеристику ст. 285.1 УК РФ. Относительно установления объекта преступления, предусмотренного указанной статьей, в юридической литературе сформировались следующие подходы:

1) преступление относится к посягательствам на установленный порядок использования бюджетных ассигнований. Приведенный подход является одним из наиболее общих и, по нашему мнению, не отражает существо посягательства и его последствий, а именно расходование денежных средств на иные цели, нежели те, которые определены в соответствующем бюджете и, как следствие, недостижение тех самых целей – общественных, культурных, социальных и т.д.;

2) объектом преступления признаются общественные отношения, связанные со злоупотреблением служебным или должностным положением. В данном определении приоритет отдается не общественным отношениям, а, скорее, механизму преступного поведения – злоупотреблению полномочиями в определенной сфере;

3) общественные отношения, обеспечивающие деятельность власти и управления в сфере бюджетных отношений, а именно законный порядок осуществления должностным лицом полномочий по расходованию бюджетных средств.

При квалификации нецелевого использования бюджетных средств по признакам объективной стороны представляется необходимым соблюдать следующие правила:

1) под нецелевым расходованием бюджетных средств следует понимать осуществление расчетов за счет средств бюджета вопреки целям, установленным в бюджете соответствующего уровня, с нарушением кода бюджетной классификации. Бюджетное финансирование во всех случаях имеет определенное назначение, цель.

Общим для всех целей является то, что оно направлено на финансовое обеспечение задач и функций государства в социально-экономической, культурно-образовательной, политической и других сферах жизнедеятельности общества, финансируемых за счет средств соответствующего бюджета;

2) исходя из положений, изложенных в первом пункте, не подлежат квалификации по ст. 285.1 УК РФ деяния в том случае, если цель бюджетного финансирования достигнута, но деятельность по ее достижению сопровождалась неправомерными действиями.

Например, при заключении государственного контракта не были соблюдены все предусмотренные законом требования, однако контракт исполнен, результат исполнения соответствует всем предъявляемым нормативным требованиям и имеет потребительскую ценность для заказчика.

В настоящее время в практике арбитражных судов сложился подход к пониманию подобных действий как нецелевого использования бюджетных средств (оплата по ничтожному договору).

Но если фактически государственный контракт исполнен, результат принят, претензий к качеству построенного объекта у заказчика нет, то признаки состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, отсутствуют, так как цель бюджетного финансирования достигнута [3, с.85];

3) не могут быть квалифицированы по ст. 285.1 УК РФ деяния, выразившиеся в совершении следующего: использование денежных средств бюджета при несоответствии показателей бюджетной сметы критериям и целям формирования лимитов бюджетных обязательств, если эти средства израсходованы согласно обоснованиям бюджетных ассигнований, на основании которых сформированы такие лимиты.

Подобные деяния, как справедливо отмечено, имеют иное правовое содержание и являются нарушением порядка составления, утверждения и ведения бюджетной сметы;

4) еще один вопрос, возникающий в практике применения ст. 285.1 УК РФ, – это разграничение с ч. 2 ст. 176 УК РФ в части ответственности за использование государственного целевого кредита не по прямому назначению.

Полагаем, что данные нормы соотносятся как общее и частное. Статьей 285.1 УК РФ установлена ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств, выделяемых согласно с бюджетной росписью по любому основанию, предусмотренному в соответствующем бюджете.

Частью 2 ст. 176 УК РФ предусмотрена ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, выделяемых в качестве государственного целевого кредита, то есть на возвратной основе. Использование государственного целевого кредита не по назначению предполагает распоряжение полученными средствами в целях, отличных от указанных в кредитном договоре. Например, если кредит был получен на приобретение сельскохозяйственного оборудования, однако потрачен на ремонт офиса.

В связи с этим следует согласиться с авторами, высказывающими мнение о необходимости разработки универсальных принципов, которые будут положены в основу реформирования законодательства как в сфере экономических и должностных преступлений, так и в целом уголовного закона. В данном случае, по нашему мнению, допустимо применение принципа экономии уголовной репрессии, руководствуясь которым, на основе глубокого и всестороннего изучения научных исследований и практики применения ст. 285.1 УК РФ необходимо сделать обоснованный вывод о возможности сохранения ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств в качестве самостоятельной нормы.

Список цитируемой литературы:

1. Арбатская Ю.В., Васильева Н.В., Христюк А.А. Нецелевое расходование бюджетных средств: криминологическая и уголовно-правовая характеристика // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. N 4. С. 104-113.
2. Басова Т.Б. Преступления, совершаемые по службе: современные проблемы законодательной регламентации // Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения. 2018. С. 20-27.
3. Мариненко В.Ю. Некоторые особенности объективной стороны нецелевого расходования бюджетных средств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. N 3. С. 84-87.
4. Нудель С.Л. Проблемы ответственности за нецелевое расходование (использование) бюджетных средств // Актуальные проблемы российского права. 2012. N 3. С. 179-189.
5. Уголовно-правовая охрана бюджетных средств: монография / под ред. Н.И. Пикурова, Е.Н. Карабановой. М.: Проспект, 2016. 98 с.
6. Фазылов Р.Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 179 с.
7. Шурпаев Ш.М. Криминологическая классификация преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок // Безопасность бизнеса. 2019. N 6. С. 37-41.

Егорова А.Ю., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Egorova A.Y., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

АКТУЛАЬНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ СВОБОДЫ
CURRENT ISSUES RELATED TO CRIMES AGAINST FREEDOM

Аннотация.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует об отсутствии единообразного толкования отдельных признаков незаконного лишения свободы, что обуславливает необходимость соотнесения теоретических положений уголовного права с практикой применения уголовного закона. Незаконное лишение свободы является длящимся преступлением. В связи с этим возникает проблема квалификации действий лица, использующего незаконные лишение свободы в процессе совершения другого преступления. На практике в отношении противоправного лишения свободы определенную сложность представляет проблема определения малозначительности деяния. В данной статье анализируются основные проблемы, связанные с незаконным лишение свободы, которые актуальны на сегодняшний день.

Abstract.

An analysis of judicial and investigative practice indicates the lack of a uniform interpretation of certain signs of unlawful deprivation of liberty, which necessitates the correlation of the theoretical provisions of criminal law with the practice of applying criminal law. Unlawful confinement is a continuing crime. In this regard, there is a problem of qualification of the actions of a person who uses illegal imprisonment in the

process of committing another crime. In practice, with regard to unlawful deprivation of liberty, a certain difficulty is the problem of determining the insignificance of an act. This article analyzes the main problems associated with illegal imprisonment, which are relevant today.

Ключевые слова: незаконное лишение свободы, удержание, похищение человека, захват, преступление, квалификация.

Keywords: illegal deprivation of liberty, detention, kidnapping, seizure, crime, qualification.

Среди личных прав и свобод человека центральное место занимает право на свободу. Это конституционное право обеспечивается различными способами, в том числе и уголовно-правовыми. Право человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность приобрело наибольшую ценность сравнительно недавно, и стремительно было закреплено во многих главенствующих законодательных документах человечества. К таким относятся как Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций еще 10 декабря 1948 года (ст. 3 «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность»), так и основные законы большинства государств. В России это право нашло свое отражение в статье 22 Конституции Российской Федерации, в которой прямо прописано: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Следует понимать, что нарушение кем-либо этого естественного права влечет за собой уголовную ответственность, которая предусмотрена особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, нарушить право на свободу можно не только разными способами, но и при разных обстоятельствах, из-за чего и уделяется пристальное внимание правильной квалификации того или иного деяния с целью избежать совершения грубейшей процессуальной ошибки и правильного применения.

Группу преступлений против свободы составляют: похищение человека (ст. 126 УК), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК), торговля людьми (ст. 127.1 УК), использование рабского труда (ст. 127.2 УК), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128 УК). Все они объединены в главе 17 вместе с преступлениями против чести и достоинства личности. Кроме того, ряд составов преступлений против свободы личности расположены в других разделах и главах Особенной части УК, где свобода и личная неприкосновенность выступают в качестве дополнительного объекта

посягательства (ст. 206 УК – захват заложника; ст. 301 УК – незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей и т.д.).

Объектом нашего исследования являются только «Преступления против свободы, чести и достоинства личности». Стоит отметить, что все преступления, посягающие на свободу личности, целесообразно было бы объединить в одну главу, учитывая приоритет основного конституционного права на свободу личности. В этой связи следует согласиться с Т. Нуркаевой, которая считает, что любое из этих преступлений посягает в первую очередь на гарантированную Конституцией РФ и нормами международного права личную неприкосновенность [6, с. 55].

По своей структуре состав незаконного лишения свободы является длящимся преступлением, под которым в теории уголовного права понимается такое «преступление, при совершении которого действие или бездействие сопряжено с последующим более или менее продолжительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного наказания». Прекращено незаконное лишение свободы будет только в том случае, когда лицо явится с повинной либо будет задержано правоохранительными органами, либо когда отпадет обязанность, которую не выполняет виновное лицо — в данном случае, например, в связи со смертью потерпевшего, незаконно лишенного свободы. Обязанность, о которой идет речь, заключается в том, чтобы не препятствовать потерпевшему распоряжаться своей свободой передвижения, гарантированной ему государством.

Похищение человека было присуще каждой исторической эпохе, но отношение к данному деянию в зависимости от экономического развития, нравственных воззрений и правовой культуры общества менялось.

Очень часто возникают проблемы при квалификации незаконного лишения свободы, связанного с совершением других преступлений. Основная проблема в правоприменительной практике - разграничение незаконного лишения свободы и похищения человека. Критерии такого разграничения отражены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года № 58. Исходя из структуры УК РФ, в качестве родового объекта и того и другого преступления выступает личность, а в качестве видового — свобода, честь и достоинство личности. Также в обоих случаях основным объектом посягательства является личная свобода человека, а к дополнительным можно отнести здоровье, жизнь, половую

неприкосновенность, собственность и другое. Потерпевшим в обоих случаях может быть физическое лицо любого пола, возраста, гражданства и так далее. Также и для того, и для другого состава преступления характерен прямой умысел, при котором виновный осознает, что ограничивает личную свободу другого человека и ради достижения своих целей желает совершить похищение и удержание. Теперь рассмотрим отличия. Указанные преступления различаются по объективной стороне состава. Общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 126 УК РФ, содержит три обязательных действия: захват, перемещение, удержание. Преступление считается оконченным с момента захвата лица и начала его перемещения хотя бы на непродолжительное время в другое место, при этом на квалификацию преступления не влияет дальность перемещения потерпевшего и длительность его удержания. Незаконные захват, перемещение и последующее удержание могут быть осуществлены путем обмана или введения в заблуждение лица. В таком случае преступление считается оконченным с момента захвата и принудительного перемещения лица или же с момента захвата и удержания лица, если оно более не перемещалось. Действия лица, удерживающего потерпевшего, ранее похищенного другими лицами, с которыми он не состоит в сговоре, образуют состав незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ).

Указанные преступления следует разграничивать также по месту осуществления удержания. Так, при разграничении похищения человека от незаконного лишения свободы следует обращать внимание на обстоятельства, при которых осуществлено перемещение потерпевшего. Было ли лицо перемещено в другое место путем обмана, введения в заблуждение, путем угроз или применения насилия, или оно оставалось и удерживалось в месте своего изначального нахождения. В первом случае содеянное следует квалифицировать как похищение человека, а во втором – как незаконное лишение лица свободы. Таким образом, если виновное лицо удерживает человека без намерения переместить его в другое место, то содеянное подлежит квалификации по ст. 127 УК РФ. По ст. 127 УК РФ следует квалифицировать также удержание потерпевшего в неволе, если этому не предшествовало перемещение его в другое место. Субъект преступлений, предусмотренных ст. 127 и 126 УК РФ, – общий. Вместе с тем согласно ст. 20 УК РФ в отличие от незаконного лишения свободы возрастом уголовной ответственности за похищение человека является четырнадцатилетний возраст.

Как правило, действия виновного направлены на то, чтобы потерпевший, лишенный свободы, согласился на выполнение

предъявленного ему преступного требования, выполнение незаконно навязываемых ему работ, чтобы: не помешать преступнику, выполнить противоправное действие; не предупредить кого-либо о противоправном действии преступника; шантажировать путем его удерживания, других лиц; отомстить или унизить, обидеть, наказать за что-либо. Поэтому обычно такие преступления не имеют самостоятельной подоплеки для незаконного удержания, а связаны с другими, более тяжкими преступлениями. При незаконном удержании человека и применении к нему физической силы ему могут быть нанесены побои или случайные травмы, которые влекут дополнительную квалификацию по соответствующим статьям Особенной части УК РФ. Представляется спорной позиция законодателя, который не закрепил поощрительную норму в виде освобождения от уголовной ответственности виновного лица, несмотря на наличие соответствующего примечания к ст. 126 УК РФ.

На основании вышеизложенного можно сделать обоснованный вывод о том, что основное отличие двух рассмотренных составов преступления состоит в их объективной стороне, а одной из основных проблем квалификации по одной или другой статье УК РФ является отсутствие описательных диспозиций. Учитывая, что степень общественной опасности незаконного лишения свободы относительно ниже степени общественной опасности похищения, отсутствие такой поощрительной нормы в ст. 127 УК РФ представляется не вполне оправданным, в связи с чем считаем необходимым внести соответствующие изменения в уголовный закон.

Список цитируемой литературы:

1. Воронин В. Н. Уголовная ответственность за похищение // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 3. С. 68-72.
2. Карпелянская Н. Н. Незаконное лишение свободы и похищение человека // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. № 11-2. С. 80-84.
3. Ковалев А. А. Разграничение похищения человека и незаконного лишения свободы // Отечественная юриспруденция. 2018. № 6 (31). С. 13-15.
4. Никулов Д.И. Состояние и перспективы уголовно-правовой защиты свобод личности в Российской Федерации // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы. 2019. С. 136-140.

5. Нуруллин А.А. Ответственность за похищение человека и незаконное лишение свободы по УК РФ // Вестник Нижегородской правовой академии. 2017. № 12 (12). С. 42-43.
6. Огородова Е.Ю. Похищение человека и незаконное лишение свободы: проблемы квалификации и разграничения // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 48-4. С. 51-54.
7. Панина Ю.А., Горячих С.А. Сравнительно-правовой анализ правовых норм РФ и США, связанных с похищением человека и незаконным лишением свободы // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы. 2019. С. 251-255.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73232426/ (дата обращения: 19.10.2021).
9. Сокова Г.Е. Конструирование санкций в особо квалифицированных составах преступления (на примере ст. 126 и 127 УК РФ) // Via scientiarum - Дорога знаний. 2018. № 1. С. 197-200.
10. Токарева В.О. Ответственность за похищение человека и незаконное лишение свободы по законодательству России и зарубежному законодательству // Государство и право. 2020. С. 401-404.

Жигулина Н. К., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Zhigulina N.K., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

CURRENT PROBLEMS OF VIOLENT CRIMES PREVENTION IN RUSSIA

Аннотация.

Раскрываются особенности насильственной преступности. Проводится анализ официальных статистических данных, подтверждающих актуальность проблемы насильственной преступности, ее предупреждения.

Abstract.

The features of violent crime are revealed. The analysis of official statistical data confirming the relevance of the problem of violent crime and its prevention is carried out.

Ключевые слова: государство, закон, насилие, предупреждение, преступление, проблема, профилактика.

Keywords: state, law, violence, prevention, crime, problem, prevention.

В качестве главных трендов развития насильственной преступности в России в течение последнего десятилетия можно выделить, с одной стороны, снижение ее абсолютных показателей, а с другой – трансформацию ее качественных характеристик под влиянием ряда социальных факторов.

Снижение количества зарегистрированных насильственных преступлений, отмечаемое в официальных источниках с 2007 г., продолжается. Анализ статистических данных Госкомстата и МВД России о числе убийств и покушений на убийство, совершенных в России в 2006–2018 гг., свидетельствует о стабильном снижении числа таких общественно опасных деяний. Так, в 2006 г. зарегистрировано 27,5 тыс. убийств и покушений на убийство, в 2007 г. – 22,2 тыс., в 2008 г. – 20,1 тыс., в 2009 г. –17,7 тыс., в 2010 г. – 15,6 тыс., в 2011 г. – 14,3 тыс., в 2012 г. – 13,3 тыс., в 2013 г. – 12,4 тыс., в 2014 г. – 11,9 тыс., в 2015 г. – 11,5 тыс., в 2016 г. – 10,4 тыс., 2017 г. – 9736 преступлений, в 2018 г. – 8574. Следовательно, в течение последних двенадцати лет количество убийств и покушений на убийство уменьшилось на 68,8%.

Отмечается также устойчивая тенденция сокращения числа умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (например, с 22834 в 2017 г. до 21609 в 2018 г.), изнасилований. Количество истязаний в 2006–2016 гг. сократилось с 6433 до 4145, побоев – с 105752 до 81646 случаев [2].

Отметим, что при оценке данных уголовной статистики необходимо учитывать латентные преступления, количество которых, согласно отдельным исследованиям, соответствует числу официально зарегистрированных противоправных деяний [5].

Так, официальные данные о количестве убийств не учитывают преступления, которые не были раскрыты и попали в статистику с иной предварительной квалификацией. По-прежнему остается значительным число лиц, пропавших без вести, за такими фактами тоже могут скрываться убийства [1, с. 68]. Традиционно высокой степенью латентности отличаются изнасилования и иные сексуальные преступления, побои и истязания.

При этом проведенная в 2017 г. декриминализация так называемых бытовых побоев, совершенных впервые, только осложнила оценку реального состояния данного вида насильственной преступности. Более того, на фоне видимого (официального) сокращения показателей уголовно наказуемых побоев отмечается рост числа побоев, совершенных впервые по бытовым мотивам, за которые с 3 июля 2016 г. предусмотрена только административная ответственность. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2015 г. 16,2 тыс. человек были привлечены к уголовной ответственности за нанесение побоев, а всего за 5 месяцев 2017 г. 51 тыс. человек подверглась административному наказанию, по сути, за аналогичные деяния. Безусловно, такой рост (не менее чем в

пять раз) связан с упростившимся, административным, порядком привлечения виновных лиц к ответственности, что дает основания подвергнуть критике проведенную декриминализацию домашних побоев, ослабившую предупредительную работу. Данные вопросы являются предметом обсуждения ученых и специалистов-практиков, которые говорят о необходимости возвращения в норму о «домашних» побоях уголовной ответственности.

Известно, что наказание за насильственные преступления небольшой тяжести является достаточно мягким, что обусловливает рост тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, а лица, в отношении которых не применяются меры исправления со стороны государства, как правило, совершают более тяжкие преступления.

Д.А. Бражников, О.Р. Афанасьева, В.И. Коваленко, С.В. Маликов среди опасных трендов, оказывающих влияние на состояние современной насильственной преступности, отмечают процессы алкоголизации, наркотизации, бытового пьянства, домашнего насилия, маргинализации населения, ужесточения и увеличения случаев агрессивных столкновений в подростковой среде [1, с. 69]. Ученые отмечают, что 62,3% всех регистрируемых убийств и 64% фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью происходят в жилом секторе. При этом более половины лиц, совершивших указанные преступления (51%), находились в состоянии алкогольного опьянения, 60% – ранее уже совершали противоправные деяния [3, с. 57–79].

Вышеизложенное указывает на то, что насильственные преступления возникают вследствие семейно-бытовых конфликтов, злоупотребления спиртными напитками, наркотическими и иными психоактивными веществами и требуют комплексного подхода к их профилактике.

Начать необходимо с восстановления уголовной ответственности за бытовые побои. Данную разновидность уголовно наказуемых побоев, а также умышленное причинение легкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 115 УК РФ) следует отнести к категории уголовных дел частно-публичного обвинения, поскольку, когда они считались делами частного обвинения, наряду с истязанием, приговоры по ним выносились не чаще, чем один на десять уголовных дел, остальные девять заканчивались примирением сторон [3, с. 106]. В этих случаях виновные лица уходили от уголовной ответственности и, чувствуя свою безнаказанность, вновь совершали преступления.

Весомым аргументом, подтверждающим необходимость «обратной» криминализации «домашних» побоев, является то, что, в соответствии со ст. 2 УК РФ, только совершение преступления выступает основанием для применения иных мер уголовно-правового характера, в том числе принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ). Следовательно, только в случае установления уголовной ответственности за бытовые побои, при наличии оснований и судебного решения ПММХ могут быть применены.

Среди лиц, совершающих преступления насильственной направленности, высок процент имеющих психические расстройства, а также различные формы девиаций и психических аномалий. Д.А. Бражников, например, указывает, что в 2016 г. на профилактических учетах в органах внутренних дел состояли 109474 лица, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющих опасность для окружающих [1, с. 70].

Суть предлагаемой психотерапии заключается в профессиональной медицинской помощи, оказываемой психотерапевтом, направленной на изменение мышления и поведения лица, совершившего насильственное преступление, таким образом, чтобы в будущем оно не совершало насилия. Прохождение курса психотерапии не должно связываться с наличием у лица психического заболевания.

Применение принудительных мер медицинского характера, уже закрепленных в гл.15 УК РФ, возможно: в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости либо ограниченной вменяемости; лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания; вменяемых лиц старше 18 лет, совершивших преступление против половой неприкосновенности лица, не достигшего 14 лет, при этом страдающих педофилией. Цель существующих принудительных мер медицинского характера – излечение психических заболеваний и предупреждение совершения новых преступлений. Психотерапия, назначаемая принудительно, направлена на недопущение усугубления психического состояния лица, обусловливающего его преступное поведение, «перерастания» особенностей психического статуса в диагностируемое психическое заболевание, а также предупреждение совершения новых насильственных преступлений.

Таким образом, правовой коллизии при определении конкретного вида ПММХ при разграничении психотерапии и иных ПММХ не возникает.

Прохождение курса психотерапии возможно на базе специализированных психоневрологических государственных медучреждений, в штат которых включены психотерапевты или в структуре которых имеются психотерапевтические отделения (например, в областных, городских психоневрологических диспансерах).

С целью усиления противодействия насильственной преступности необходимо провести обратную криминализацию «домашних» побоев, а дела данной категории, равно как и об умышленных причинениях легкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков, отнести к категории дел частно-публичного обвинения.

Список цитируемой литературы:

1. Бражников Д.А., Афанасьева О.Р., Коваленко В.И., Маликов С.В. Криминальная ситуация в Российской Федерации: состояние и тенденции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41). С.66-78.
2. Варыгин А.Н., Матушкин П.А. Побои и истязания в структуре российской преступности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 6-10.
3. Гриценко Т.В. Преступления, совершаемые с особой жестокостью, как объект криминологического исследования: дисс. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. 297 с.
4. Статистика: преступность в России. URL: https://ruxpert.ru/ (дата обращения: 13.03.2022).

Зубов А.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Zubov A.V., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРЕКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

CRIMES AGAINST SEXUAL INFLEXIBILITY OF PERSONALITY

Аннотация.

В статье представлены результаты анализа понятия и структуры преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Рассматриваются точки зрения разных авторов на проблему дефиниции половых преступлений, а также приводится данное нами обобщенное определение. Предлагаются классификация данных деяний по характеру посягательства и практические рекомендации по виктимологической профилактике половых преступлений.

Abstract.

The article presents the results of the analysis of the concept and structure of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual. The points of view of different authors on the problem of the definition of sexual crimes are considered, and the generalized definition given by us is also given. The classification of these acts by the nature of the assault and practical recommendations on victimological prevention of sexual crimes are proposed.

Ключевые слова: уголовное право, криминология, преступность, сексуальное насилие, сексуальная неприкосновенность, сексуальная свобода.

Keywords: criminal law, criminology, crime, sexual assault, sexual inviolability, sexual freedom.

Все государства, которые относят себя к правовым, обязаны охранять права и законные интересы своих граждан. Жизнь, здоровье, достоинство и неприкосновенность личности должны защищаться, невзирая на политическую обстановку в стране.

Органы государственной власти должны делать все, чтобы права человека действительно имели высшую ценность, создавать такие условия, при которых все, кто посягает на личность человека, несли ответственность, установленную законом.

Современное состояние криминогенной обстановки в Российской Федерации отражает внутреннее неблагополучие нашего общества. Наиболее тяжело определить влияние на общее состояние преступности преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, так как на основе статистических данных очень нелегко выявить действительный уровень преступности на сексуальной почве ввиду того, что большое количество таких деяний остается вне поля зрения правоохранительных органов. При этом даже относительно небольшое количество подобных преступлений не может не вызывать тревоги в силу повышенной общественной опасности и необратимости последствий физических, моральных и психологических травм.

В соответствии с п. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [6], в том числе на такие ее неотъемлемые элементы, как половая свобода и половая неприкосновенность. Посягательства на данную сферу являются противоправными и относятся Уголовным кодексом Российской Федерации к преступлениям против личности [7].

В уголовном законодательстве Российской Федерации не закреплено понятие «половые преступления», однако различные дефиниции данного явления предлагаются отдельными авторами. В настоящее время существуют различные определения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Ниже рассмотрим некоторые из них.

В частности, Я. М. Яковлев дает данным преступлениям следующее определения: «предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на половые отношения, присущие сложившемуся в обществе половому укладу, заключающиеся в умышленном совершении с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица

сексуальных действий, нарушающих половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола» [8, с. 64].

Другое определение предлагает А. Н. Игнатов, характеризуя половые преступления как «общественно опасные деяния, грубо нарушающие установленный в обществе уклад половых отношений и основные принципы половой нравственности, направленные на удовлетворение сексуальных потребностей самого виновного или иных лиц» [4, с. 6-7].

Также приведем дефиницию данных преступлений, предложенную Б. В. Дани-эльбеком, определяющим их как «общественно опасные деяния, имеющие сексуальный характер, посягающие на нормальный уклад половых отношений в обществе, совершаемые для удовлетворения своей или чужой потребности» [3, с. 26].

В настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации четко очерчены границы половых преступлений, выделенных в отдельную 18-ю главу УК РФ. В соответствии с этим современные ученые склонны придерживаться приведенных выше определений. При этом нам представляется целесообразным дополнить их указанием на то, что они также учитывают умышленные действия, направленные против половой неприкосновенности и нормального физического, умственного и морального развития лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Таким образом, обобщая мнения указанных выше авторов, можно сделать вывод, что половые преступления - это общественно опасные и умышленные деяния против охраняемых законом половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также действия, направленные против нравственного и физического развития лиц, не достигших совершеннолетия.

Видовой объект половых преступлений - половая неприкосновенность и половая свобода личности. При этом важно отметить, что общим для всех половых преступлений является то, что их объективная сторона выражается в активных действиях, посредством которых причиняется вред либо создается угроза его причинения половым интересам личности. Субъектом половых преступлений могут быть вменяемые лица, достигшие в зависимости от состава 14, 16 или 18 лет. Наиболее важно то, что все половые преступления совершаются только с прямым умыслом.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что сексуальный мотив не является для половых преступлений

обязательным признаком, так как изнасилование возможно, например, из хулиганских побуждений, из мести, а также с целью добиться согласия потерпевшей на вступление в брак.

Систему данных преступлений составляют следующие противоправные действия: изнасилование; насильственные действия сексуального характера; понуждение к действиям сексуального характера; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста; развратные действия [2, с. 119].

Проанализируем преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности для того, чтобы в дальнейшем лучше понять роль жертвы в них.

Изнасилование - это одно из наиболее тяжких преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Данное преступление в частях первой - второй ст. 131 УК РФ относится к категории тяжких, а в частях третьей - пятой ст. 131 УК РФ - к категории особо тяжких.

Объективная сторона изнасилования состоит в половом сношении с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Объектом изнасилования может выступать только женщина.

В настоящее время в следственной и судебной практике существуют сложности при решении вопроса о том, имело ли место беспомощное состояние потерпевшей и воспользовался ли виновный таким состоянием жертвы при совершении изнасилования. При этом важным моментом является то, что не имеет значения, привел ли сам виновный потерпевшую в такое состояние или же воспользовался тем, что она сама находилась в данном состоянии независимо от его действий.

Насильственные действия сексуального характера - это деяние, посягающее на половую свободу не только женщин, но и мужчин. Новая редакция ст. 132 УК РФ предусматривает ответственность за мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей).

Как мы видим, данная норма УК РФ способствует равной защите половой свободы как мужчин, так и женщин, поскольку потерпевшими могут быть лица обоего пола.

Понуждение к действиям сексуального характера посягает не только на половую свободу женщины или мужчины, но и на честь и достоинство личности. Важно отметить, что характер угрозы отличается тем, что при понуждении к осуществлению угрозы возможно в будущем и исключается насилие или угроза его применения и жертва вступает в половую связь вынужденно, находясь под давлением. Можно сделать вывод, что подобная ситуация затрудняет избирательность поведения, однако не лишает жертву такового.

При этом от понуждения к действиям сексуального характера необходимо отличать ситуацию, когда человека соблазняют на совершение сексуальных действий посредством обещания определенных материальных и нематериальных благ. В таком случае согласие на вступление в интимную близость будет основываться на личном выборе человека, который при таких обстоятельствах потерпевшим считаться не может.

Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, также интересно с юридической стороны тем, что потерпевшие должны понимать характер и значение совершаемых с ними действий. При этом важно, что при разграничении изнасилования потерпевшей, не достигшей четырнадцати лет, или несовершеннолетней и полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, необходимо установить, могла ли потерпевшая в силу своего возраста и психического развития понимать характер и значение совершаемых с нею действий.

Гл. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации завершается ст. 135, предусматривающей ответственность за развратные действия. Данная статья предусматривает ответственность за совершение развратных действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Исследователи отмечают, что из всех половых преступлений развратные действия входят в тройку самых распространенных, после изнасилования и насильственных действий сексуального характера [5, с. 23].

Таким образом, объективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется совершением общественно опасного деяния, которое чаще выражается в форме активного поведения - действия, однако, на наш взгляд, возможны ситуации совершения отдельных посягательств путем бездействия. Основные составы всех половых преступлений по конструкции являются формальными, то есть считаются оконченными с момента совершения общественно

опасного деяния. Квалифицированные составы некоторых половых преступлений - материальные, то есть для признания их оконченными преступлениями необходимо наступление определенных указанных в законе общественно опасных последствий (например, изнасилование, повлекшее заражение потерпевшей венерическим заболеванием, - п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ).

Субъективная сторона половых преступлений выражается в умышленной форме вины в виде прямого умысла. Виновный осознает общественную опасность совершаемого им сексуального посягательства и желает совершить его. Отдельные квалифицированные составы характеризуются двумя формами вины (например, изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей, - п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ).

Субъектам рассматриваемых преступлений присущи специфические особенности. Так, изнасилование может совершить только лицо мужского пола (специальный субъект), достигшее четырнадцатилетнего возраста. Женщина может выступать лишь в качестве соисполнителя или иного соучастника (организатора, подстрекателя, пособника) изнасилования. В качестве субъекта насильственных действий сексуального характера могут выступать лица как мужского, так и женского пола, достигшие четырнадцатилетнего возраста. За понуждение к действиям сексуального характера к уголовной ответственности привлекаются лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, независимо от половой принадлежности. Субъектом развратных действий может быть и мужчина, и женщина, достигшие восемнадцатилетнего возраста. За половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а равно возраста четырнадцати и двенадцати лет, могут быть привлечены к уголовной ответственности лица мужского и женского пола, достигшие восемнадцатилетнего возраста.

Отечественный криминолог Ю. М. Антонян считает, что «половые преступления неэффективно предупреждаются и плохо раскрываются. Общество, в свою очередь, ждет большего количества превентивных мер и считает, что наказание должно быть таким, чтобы исключить возможность рецидива» [1, с. 47-49].

Однако стоит отметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации категория преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности представлена весьма полно и последовательно.

Таким образом, мы можем характеризовать преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности как актуальную угрозу жизни и здоровью, правам и свободам гражданам Российской Федерации, иностранным гражданам, лицам без гражданства, требующую разработки научно обоснованных мер превенции данных противоправных деяний.

Список цитируемой литературы:

1. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. М., 2009. 464 с.
2. Власов А. Э. Понятие и структура преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в современном российском законодательстве // Концепт. 2015. № 5. С. 116-120.
3. Даниэльбек Б. В. Половые извращения и уголовная ответственность. Волгоград, 2012. 126 с.
4. Игнатов А. Н. Квалификация половых преступлений. М., 2004. 254 с.
5. Кибальник А. В. Насильственные действия сексуального характера // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 22-24.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 1 июля 2020 г.) // Рос. Газета. 1993. 25 дек.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 8 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Яковлев Я. М. Половые преступления. Душанбе, 1969. 453 с.

Иванеев Д.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Ivaneev D.A., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor Klimov A. S.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (СТ. 171 УК РФ)

FEATURES OF THE CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF ILLEGAL BUSINESS

Аннотация.

В статье рассматриваются некоторые особенности применения статьи 171 УК РФ. Обращается внимание на ее соотношение с нормами административного и гражданского законодательства. На основе анализа юридической литературы высказаны определенные предложения по оптимизации норм о незаконном предпринимательстве.

Abstract.

The article discusses some features of the application of Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is drawn to its relationship with the norms of administrative and civil legislation. Based on the analysis of the legal literature, certain proposals were made to optimize the rules on illegal business.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, предпринимательская деятельность, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона, квалифицирующие признаки.

Key words: illegal entrepreneurship, entrepreneurial activity, object, objective side, subject, subjective side, qualifying signs.

В статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится понятие предпринимательской деятельности. «Предпринимательская деятельность является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено законом» [2].

Умышленное неисполнение предписаний по порядку регистрации субъектов предпринимательской деятельности либо по получению лицензий на занятие отдельными видами предпринимательской деятельности влечет за собой либо административную, либо уголовную ответственность. Ответственность наступает либо по статье 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях либо уголовную ответственность по статье 171 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В уголовном кодексе дано следующее определение незаконной предпринимательской деятельности. Это: «осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра ТС, когда лицензия/аккредитация является обязательной» [9] (27 июля 2020 г. вступили в силу изменения в статью 171 Уголовного кодекса Российской Федерации.).

По мнению И.А. Попова, объект преступления – определенный законом порядок, обеспечивающий нормальное ведение данной деятельности. Предмет преступления – полученные денежные ресурсы в рублях или иностранной валюте, ценные бумаги и пластиковые карты, обеспечивающие расчетные операции между субъектами предпринимательской деятельности [5,с. 193].

Объект рассматриваемого преступления составляют общественные отношения в экономической сфере. Ведь незаконная предпринимательская деятельность, осуществляется в отсутствие регистрации либо лицензии, либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра ТС.

В этом случае преступное посягательство направлено на:

1) состояние национальной экономики;

2) защиту экономических интересов хозяйствующего субъекта, региона, государства;

3) устойчивость к внутренним и внешним угрозам экономике.

«Непосредственный **объект** рассматриваемого преступления – определенный государством и предусмотренный нормативными актами порядок осуществления предпринимательской деятельности. Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается, в первую очередь, в утрате государственного контроля за лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью, в возможности перехода предпринимательства в «теневую» экономику» [1, с. 82].

Исходя из определения диспозиции ст.171 УК РФ, можно утверждать, что **объективная сторона** данного состава преступления включает в себя два самостоятельных альтернативных действий:

1) осуществление предпринимательской деятельности без регистрации;

- осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации;

- представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения;

2) осуществление предпринимательской деятельности без лицензии/аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра ТС в случаях, когда такая лицензия/аккредитация обязательна».

- осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований и условий лицензии/аккредитации.

«Под осуществлением предпринимательской деятельности без регистрации следует понимать ведение такой предпринимательской деятельности субъектом преступления, которому заведомо было известно, что при регистрации были допущены нарушения, которые дают основания для признания регистрации недействительной» [6]. Например, когда документы представлены не в полном объеме. Процедура государственной регистрации представляет собой установленный порядок последовательно совершаемых действий органов государственной власти и физических лиц, направленных на признание государством факта возникновения субъекта предпринимательской деятельности, прекращения его деятельности или изменения его правового статуса с одновременной фиксацией такого факта в соответствующем государственном реестре.

Под осуществлением предпринимательской деятельности с нарушением лицензионных требований и условий, следует понимать занятие предпринимательской деятельности на основании специального разрешения (лицензии) лицом, не выполняющим лицензионные требования и условия, которые лицензиатом обязательны.

Под аккредитацией в национальной системе аккредитации понимается подтверждение национальным органом по аккредитации (Федеральной службой по аккредитации) соответствия юридического лица или индивидуального предпринимателя критериям аккредитации, являющееся официальным свидетельством компетентности юридического лица или индивидуального предпринимателя осуществлять деятельность в определенной области аккредитации.

Вопросы лицензирования предпринимательской деятельности регламентируются Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 года [4]. Этот закон дает легальное определение лицензирования, определяет основные принципы лицензирования и порядок его осуществления, содержит перечень видов деятельности, на которые требуется лицензия. Статья 12 указанного закона дает исчерпывающий перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии. В него включено 58 видов деятельности.

Обязательным элементом для возбуждения уголовного дела по статье 171 УК РФ является последствие. Это причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо сопряженное с извлечением дохода в крупном размере. В случае извлечения дохода в особо крупном размере ответственность наступает по статье 171 части 2 пункта «б» УК РФ. В Примечании к статьи 170.2 УК РФ указано,

«крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере в статье 171 УК РФ признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей двух миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – девять миллионов рублей».

При этом вопрос о том, что такое доход от предпринимательской деятельности, вызывал и продолжает вызывать безусловный интерес, ведь

содержание данного понятия не раскрывается непосредственно в уголовном законе.

«Существует множество мнений в трактовке понятия «доход» от незаконного предпринимательства, в связи с этим мы сталкиваемся с проблемой двоякого толкования рассматриваемого понятия:

1) доход - это все, что получено от реализации продукции и

2) доход - это полученная выручка за минусом затрат, связанных с реализацией товара.

До 1998 г. в большинстве случаев юристы-практики руководствовались разъяснениями ряда комментаторов уголовного закона, согласно которым доход следовало исчислять как всю сумму выручки, полученную от незаконной предпринимательской деятельности, без учета расходов на эту деятельность. Но 25 ноября 1998 г. Президиум Верховного Суда РФ рассмотрел по протесту Председателя Верховного Суда РФ дело в отношении Кондратьевой, осужденной по ч.1 ст.171 Уголовного кодекса РФ. В принятом по делу постановлении Президиум дал разъяснение по поводу используемого в ст.171 Уголовного кодекса РФ термина «дохода в крупном размере», приравняв его по значению к «выгоде, полученной от незаконной предпринимательской деятельности, за вычетом расходов, связанных с ее осуществлением» [3, с. 63]. Данную позицию поддержали В. Котин, и Т.Д. Устинова отмечая, что «доходом следует считать разницу между продажной и покупной ценой реализованного товара».

Если нет указанных последствий, то виновное лицо привлекается к административной ответственности по статье 14.1 КоАП «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)».

Субъективная сторона данного преступного деяния характеризуется виной в форме умысла. Судебная практика часто не конкретизируется вид умысла. Например, Д. умышленно, из корыстных побуждений, с целью получения дохода в крупном размере, посредством осуществления незаконной предпринимательской деятельности, осознавая общественную опасность своих действий, совершил действия, направленные на сбыт части полученной алкогольной продукции.

Приведем другой пример. Отменяя приговор и возвращая дело прокурору, суд апелляционной инстанции указал, что в обвинительном заключении и в приговоре, «...не приводятся условия, имеющие существенное значение для дела, а именно, наличия у З. умысла на получение незаконного дохода, соединенного с незаконной предпринимательской деятельностью и связанных с этим преступлением общественно опасных последствий».

В другом приговоре указано, что субъективная сторона незаконного предпринимательства характеризуется умышленной

формой вины. Установление умысла подразумевается исходя из того, что предпринимательская деятельность, и незаконная в том числе, обязательно направлена на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг

При этом в УК РФ не предусмотрены мотивы и цели рассматриваемого преступного деяния. «Такие признаки, отмечает А.Г. Бешуков, не являются обязательными признаками для субъективной стороны рассматриваемого преступления, в связи с чем, виновный может иметь разные мотивы или различные цели» [1, с. 81].

По мнению Таймасхановой А.Б. большое число оправдательных приговоров по делам о незаконном предпринимательстве (в 2017 году оправдан каждый третий) связано с превалированием объективного вменения дохода или ущерба, не выяснением психического отношения виновных к объективным и субъективным признакам преступления, иным юридически значимым обстоятельствам и т.п. У виновных, как правило, нет осознания общественной опасности своих действий (бездействия), предвидения общественно опасных последствий. Корыстный мотив часто отсутствует, а осуществление деятельности, например, в сфере жилищно-коммунального хозяйства, связано не с излечением прибыли, а с выполнением общественно значимых задач (например, сбором отходов, отоплением и др.) [8, с. 106].

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ, может быть как лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя, так и лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Независимо от форм собственности субъектом преступления по статье 171 УК РФ является лицо, на которое в силу его служебного положения возложены полномочия по руководству организации либо иное лицо, имеющее право без доверенности действовать от имени юридического лица, а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации.

Изучив состав преступления, предусмотренный ст. 171 УК РФ можно сделать следующий вывод.

Предлагается совершенствование правоприменительной практики, принятием нового постановления Пленума ВС РФ о незаконном предпринимательстве. Проблема исчисления дохода при незаконном предпринимательстве, когда в нее включают и произведенные лицом расходы, связанные с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности, представляется по

мнению Таймасхановой А.Б. неубедительной, свидетельствующей об объективном вменении. Если часть предпринимательской деятельности вполне законная, то размер дохода подлежит снижению на эту часть. Предлагается:

1. В п. 12 постановления Пленума ВС РФ от 18.11.2004 внести изменения, согласно которых под доходом в ст. 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности за вычетом произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением законной предпринимательской деятельности. Это позволит обеспечить соблюдение принципов виновности и справедливости в уголовной политике государства, соблюсти права и интересы граждан.

2. «Дополнить ст. 171 УК РФ примечанием аналогичного содержания: «Под доходом в ст. 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности за вычетом произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением законной предпринимательской деятельности. В размер дохода или ущерба в целях применения ст. 171 УК РФ не включается стоимость товаров (работ, услуг, их часть), которые произведены в установленном законом порядке».

Список цитируемой литературы:

1. Бешуков А.Г. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия незаконному предпринимательству // Современная научная мысль. 2012. № 1. С. 81-84.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гидиятуллина И.Н. Эволюция развития понятия «доход» в незаконном предпринимательстве //Правовое государство: теория и практика. 2010. №2. С. 62-64.
4. О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. закон РФ от 04 мая 2011 г. №99-ФЗ (ред. от 06 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.
5. Попов И.А. Борьба с преступностью в сфере экономики: Учебное пособие. Москва : МПГУ, 2017. 393 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.
7. Таймасханова А. Б. Доход и ущерб при незаконном предпринимательстве: дискуссионные вопросы судебной практики//Юридическая наука история и современность. 2018. №3. С. 81-85.
8. Таймасханова А.Б. Субъективное вменение по делам о незаконном предпринимательстве: правоприменительная практика и необходимость законодательных изменений//Юридическая наука: история и современность. 2018. №2. С.103-107.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 8 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Ильин Е.С., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Ключников А.Ю.

Ilyin E.S., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klyuchnikov A.Y.

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

THE CONCEPT, ESSENCE AND LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF PAROLE

Аннотация.

В статье затрагивается проблема определения правовой природы института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Обосновывается характеристика условно-досрочного освобождения от наказания как средства исправления и стимулирования правопослушного поведения осужденного.

Abstract.

The article touches upon the problem of determining the legal nature of the institution of parole from serving a sentence. The article substantiates the characteristics of conditional early release from punishment as a means of correcting and stimulating the law-abiding behavior of a convicted person.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, наказание, исправление.

Key words: conditional early release from serving a sentence, punishment, correction.

В настоящее время институт условно-досрочного освобождения имеет поощрительный характер и непосредственно связан с правомерным поведением осужденного, а также с его честным отношением к труду, образованием и проводимыми воспитательными мероприятиями. Вследствие использования условно-досрочного освобождения, ускоряется исправление осужденных, а также улучшается работа уголовно-исполнительной системы.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания – это освобождение лица от отбывания наказания, назначенного приговором суда. Это освобождение называется досрочным, так как осуществляется до истечения назначенного срока, а условным – по причине имеющихся определенных условий, предусмотренных ч. 7 ст. 79 Уголовного кодекса, связанных с его поведением после освобождения от отбывания наказания. В случае нарушения этих условий, условно-досрочное освобождение может быть отменено. Данные условия возлагают обязанности на осужденного и определяются судом в соответствии с ч. 2 ст. 79 Уголовного кодекса РФ.

А.А. Пионтковский [5, с. 511] считал условно-досрочное освобождение частью карательной системы, служащей переходной ступенью к окончанию карательного воздействия. С его точки зрения, условно-досрочное освобождение – это освобождение, преследуемое страхом обратного возвращения в место лишения свободы в случае нарушения установленных условий. Правовед указывает на то, что условно-досрочное освобождение является специальной мерой воздействия на осужденного, той мерой, которая имеет цель поспособствовать исправлению и адаптации осужденного к жизни на свободе посредством образования, усиления и укрепления, которые помогут сдержаться от влечения к преступной деятельности. Пионтковский относил условно-досрочное освобождение к принудительной мере, указывая на то, что применение этой меры связано с элементами страдания, так как осужденный обязан соблюдать определенные условия, а также ему угрожает возвращение в исправительное учреждение.

Мы считаем, что страх обратного возвращения в исправительное учреждение не относится к явлениям, которые охвачены содержанием кары. Освобожденный условно-досрочно становится гражданином, имеющим возможность свободного передвижения, право выбирать любой род занятий, а именно того, чего он был лишен во время реального отбытия срока наказания. Следовательно, карательное воздействие к условно-досрочному

освобожденному в период не отбытой части наказания является недопустимым и не соответствует действующему законодательству.

С.К. Гогель утверждал, что условно-досрочное освобождение абсолютно никак не связано с карательной системой, и то, что применение условно-досрочного освобождение доказывает бесполезность тюремного режима в плане исправления личности. Ученый считал, что условно- досрочное освобождение дает возможность осужденному решить свою судьбу, совершенно освободившись от наказания либо снова вернуться в исправительное учреждение [1, с. 511].

М.А. Ефимов характеризовал условно-досрочное освобождение как завершительную стадию отбывания наказания. Анализируя данное утверждение, можно сделать вывод, что осужденный продолжает отбывать оставшуюся часть наказания, при этом, не находясь в исправительном учреждении, но в действительности наказание реально не отбывается. Условно-досрочное освобождение способствует переходу из состояния, когда осужденный отбывает наказание, в состояние, когда он находится на свободе под контролем специализированных органов [3, с. 7].

Н.С. Таганцев относил возможность введения института условно-досрочного освобождения к карательной деятельности государства, а также рассматривал его, как внесение изменений в приговор суда. Его точка зрения была основана на том, что применение условно-досрочного освобождения дает право внести изменения срока наказания в самом приговоре [8, с. 739].

В ходе исследования автором было установлено, что утверждения многих ученых об институте условно-досрочного освобождения разнообразны, во мнениях присутствуют разногласия. Однако, большинство правоведов придерживаются такого мнения, что условно-досрочное освобождение является средством поощрения осужденных, которым удалось доказать свое исправление, так как в этом институте значительно выражен характер одобряемого законом поведения и уголовно-правового поощрения. Автор дипломной работы сходится во взглядах с А.С. Михлиным, что, условно-досрочное освобождение можно считать мотиватором к исправлению осужденных, к правомерному поведению в местах лишениясвободы [4, с. 176].

УДО предполагает активные усилия лица, направленные на досрочное исправление, вместе с усилиями, которые прилагают государственные органы и общественные формирования в этих же целях.

В ходе реализации УДО как освобождения от наказания особенно выделяются принципы справедливости, гуманизма и законности.

В ст. 6 УК РФ, принцип справедливости изложен так:

«1. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

1. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» [7, с. 77].

Итак, на уровне уголовного законодательства в общем справедливость выражается в его ограниченном использовании в качестве юридического критерия допустимости поступков людей, в признании преступлениями лишь такого их поведения, в борьбе с которым все другие социальные нормы, кроме уголовно-правовых, неэффективны. Впрочем, в необходимых случаях, криминализируя конкретное деяние, устанавливая виды и размер наказания за его совершение, следует придерживаться сущностными и содержательными положениями принципа справедливости.

Чтобы для лица, совершившего преступление, угроза отвечать осуществилась в реально претерпеваемое наказание, необходимо установить основание уголовной ответственности, вид и размер наказания, подлежащего применению. Даже если наказание не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей нормой закона, но по своему размеру явно несправедливо как вследствие мягкости, так и вследствие суровости, оно с точки зрения принципа справедливости является неприемлемым.

В ст. 7 УК РФ, принцип гуманизма в законе сформулирован так:

«1. Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека.

2. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Принцип гуманизма заключается в том, что наказание осужденного не связано с физической болью и страданиями, а также унижением его достоинства, и не предусматривает возмездия. Привлечение к ответственности, в первую очередь, имеет цель исправительного характера. Применяя лишение свободы в целях

наказания за тяжкие преступления, причинение страданий и унижений неприемлемо – в этом и заключается принцип гуманизма. Принцип гуманизма не включает в себя предоставление каких-либо льгот или послаблений для лиц, совершивших преступления [2, с. 171].

Принцип законности изложен в Уголовном кодексе (ст. 3) так:

«1. Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно- правовые последствия определяются только настоящим кодексом.

2. Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Данный принцип заключается в том, что такие последствия как преступность и наказуемость должны определяться только в соответствии с действующими уголовными нормативами. Правоохранительные органы, в свою очередь, обязаны точно следовать данным нормативам в процессе определения степени ответственности нарушителя.

Таким образом, условно-досрочное освобождение от отбытия наказания представляет собой досрочное освобождение осужденного от дальнейшего отбытия предназначенного ему наказания при условии, что он своим добросовестным поведением и отношением к работе довел свое исправление [6, с. 90]. Определяя суть условно-досрочного освобождения можно сделать следующий вывод, что осужденный освобождается от отбывания наказания до истечения назначенного судом срока при достижении целей наказания.

При решении вопроса об условно-досрочном освобождении влияют поведение, отношение к труду и учебе, а также отношение к совершенному преступлению. Эти факторы влияют на изменение степени общественной опасности осужденного, впоследствии необходимо вмешательство суда для корректировки применяемых мер в сторону их смягчения либо ужесточения. Исправление осужденного, как основная цель наказания достигается до истечения срока наказания, и, последующее его исполнение является нецелесообразным.

Список цитируемой литературы:

1. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией// С.К. Гогель. СПБ. 1910. 511 с.

2. Дядюн К.В. Принципы равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: понятие и сущность в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 170-174.

3. Ефимов М.А. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой частинаказания более мягким. М. 1981. 32 с.
4. Михлин А.С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее.М. «Дело». 2000. 176 с.
5. Пионтковский А.А. Условное освобождение. Уголовно-политическоеисследование. Казань. 1900. 251 с.
6. Радченко О.В. Некоторые аспекты применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Российская юстиция. 2017. № 2. С. 89-97.
7. Соколова О. Основания применения условно-досрочного освобождения: анализ правоприменительной практики // Уголовное право. 2013. № 1. С. 76-78.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекция. Часть общая. СПБ. 1902. Т. 2. 739 с.

Исаев К.И., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Брусенцева В.А.

Isaev K.I., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Brusentseva V.A.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF CRIMES THAT INFRINGE ON HUMAN HEALTH

Аннотация.

Право на здоровье является важным элементом правового статуса личности и позволяет каждому реализовывать другие права. Государство обеспечивает охрану данного права различными средствами, особое место среди которых занимают репрессивные меры, прежде всего уголовно-правовые нормы.

Abstract.

The right to health is an important element of the legal status of an individual and allows everyone to exercise other rights. The State ensures the protection of this right by various means, a special place among which is occupied by repressive measures, primarily criminal law norms.

Ключевые слова: преступление против личности, здоровье, личность.

Key words: crime against the person, health, personality.

Правила квалификации преступлений базируются прежде все на уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Немаловажное значение имеют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Именно в постановлениях высшей судебной

инстанции осуществляется толкование действующих уголовно-правовых норм, в целях их единообразного понимания и уяснения смысла. Кроме того, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации позволяют устранить пробел, связанный с определением правильной квалификации противоправных деяний.

В научной литературе на протяжении долгого времени ведется спор относительно юридической природы постановлений Верховного Суда Российской Федерации. Прежде всего, следует исходить из того, что в соответствии с п. 1 ст. 7 Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» «в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения» [4]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что разъяснения носят обязательный характер. Требование о необходимости учитывать постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащие разъяснения вопросов, возникших в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих применению в конкретном случае, закреплено также в п. 4 постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» [5]. Следовательно, обязательность постановлений Пленума подтверждается фактическим воздействием, которое они оказывают на субъектов уголовно-правовых отношений.

Процесс официальной квалификации преступления складывается из нескольких этапов [6, с. 16]. «Первый этап связан с установлением фактического элемента квалификации - обстоятельств совершенного деяния, имеющих уголовно-правовое значение». «Второй этап заключается в установлении уголовно-правовой нормы (статьи, пункта и части статьи Уголовного кодекса Российской Федерации), которая с наибольшей полнотой охватывает совершенное деяние». «Третий этап заключается в констатации соответствия признаков совершенного деяния (фактических обстоятельств) признакам, указанным в статье Уголовного кодекса Российской Федерации, и в закреплении такого вывода в соответствующем правоприменительном документе - постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении, в обвинительном приговоре и т. п.».

Нередко при квалификации преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, возникают сложности в разграничении близких по своему характеру преступлений. Рассмотрим наиболее

проблемные ситуации, возникающие в процессе квалификации преступлений, посягающих на здоровье человека.

Так, Т.Н. Нуркаева весьма критично оценивает ряд изменений, внесенных в последние несколько в Уголовный кодекс Российской Федерации. «Непонятно, чем обусловлена декриминализация ряда составов преступлений, связанных с причинением по неосторожности вреда средней тяжести, в том числе и при недобросовестном исполнении лицом своих профессиональных обязанностей. Это такие составы, как Причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 ч. 3 и 4 УК). Это касается и ряда других составов преступлений, предусмотренных разделом IX УК РФ (Преступления против общественной безопасности и общественного порядка), таких, как: Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ч. 1 ст. 216 УК); Нарушение требований пожарной безопасности (ч. 1 ст. 219 УК); Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ч. 1 ст. 263 УК); Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 1 ст. 264 УК). Во всяком случае, вряд ли это обусловлено интересами потерпевшего, поскольку последствия для него явно ощутимы» [3, с. 124].

Значительное число ошибок в судебной практике возникает при разграничении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации) и причинения тяжкого вреда по осторожности (ст. 118 Уголовного кодекса Российской Федерации). Дифференцирование рассматриваемых составов преступлений в основном проводится по субъективной стороне.

Главным признаком, отграничивающим неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью от умышленного, является отсутствие осознания лицом общественно опасного характера его деяния. В первом составе, лицо осознает характер своего поведения и результаты, к которым он стремиться. Оно планирует свои преступные действия. Напротив, для преступления по неосторожности не характерна предшествующая подготовка. В связи с этим, у виновного лица изначально не присутствует преступный умысел. Отсюда вытекают характерные признаки, характеризующие неосторожное преступное деяние. Если субъект осознает, что неосторожное преступление, им совершенное, стало причиной общественно опасного последствия, он испытывает отрицательные эмоции, ведь итог его действий не являлся реализаций его желаний и стремлений. Но решая

вопрос о направленности умысла виновного, в некоторых случаях целесообразно учитывать объективные факторы, в частности способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений, предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения [7, с. 113]. Следующая проблема связана с разграничением ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего по неосторожности с ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации.

И.И. Нагорная также отмечает что правовая конструкция «неосторожность» используется законодателем неоднозначно. В ст. 118 предусматривается отдельная ответственность за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности. А в других составах преступлений указывается на последствия в виде вреда здоровью иной степени тяжести, наступившие по неосторожности. Данный автор считает что «это можно рассматривать и как установление более строгой ответственности за деяния, которые сами по себе представляют большую общественную опасность» [2, с. 73]. В связи с чем, целесообразно было бы рекомендовать законодателю исключить из квалифицирующих признаков, содержащихся в таких составах преступлений с двумя формами вины, которые предусмотрены не только ч. 4 ст. 111 УК РФ понятие «повлекшие по неосторожности» [1, с. 41].

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью следует отличать от покушения на убийство. Если в результате действий, направленных на лишение жизни, был причинен тяжкий вред здоровью потерпевшего, то деяние квалифицируется как покушение на убийство.

Таким образом, право на здоровье является важным элементом правового статуса личности и позволяет каждому реализовывать другие права. Государство обеспечивает охрану данного права различными средствами, особое место среди которых занимают репрессивные меры, прежде всего уголовно-правовые нормы.

Список цитируемой литературы:

1. Коваленко Т.С. Российская уголовная политика и проблемы ее реализации // Российский следователь. 2019. № 8. С. 38-41.

2. Нагорная И.И. Пределы уголовной ответственности за неосторожное причинение вреда здоровью или смерти человеку// Законодательство. 2017. № 4. С. 73-79.
3. Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод. Вопросы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2020. 255 с.
4. О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон Рос. Федерации от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.)// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 6. Ст. 550.
5. О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 (в ред. 23 июня 2015 г.) // Рос. Газета. 2003. 26 дек.
6. Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова, М. Проспект, 2018. 462 с.
7. Сафонов А.Ю., Батыщева Е.В. Квалификация преступлений, связанных с причинением вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 118 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2018. № 11. С. 109-113.

Карпова В.А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Ключников А.Ю.

Karpova V.A., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klyuchnikov A.Y.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ

MEDIATION IN THE ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC, POTENT AND POISONOUS SUBSTANCES

Аннотация.

В данной статье анализируются спорные вопросы посредничества при осуществлении незаконного приобретения и сбыта наркотических средств. Актуальность данной темы обусловлена неоднозначностью правоприменительной практики, существующей на данный момент.

Abstract.

This article analyzes the controversial issues of mediation in the illegal acquisition and sale of narcotic drugs. The relevance of this topic is due to the ambiguity of the law enforcement practice that exists at the moment.

Ключевые слова: посредничество, пособничество, незаконное приобретение, незаконный сбыт.

Key words: mediation, complicity, illegal acquisition, illegal sale.

Посредничество в совершении преступлений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (далее также

– наркотики) в нашей стране приобрело угрожающие масштабы. По своей природе и характеру совершаемых посредниками действий оно близко к посредничеству в совершении коррупционных преступлений, однако объект у этого посягательства еще более важный – это отношения по поводу охраны здоровья населения.

В соответствии с пунктом 13 Постановления от 15.06.2006 № 14 под незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов следует понимать любые способы их возмездной либо безвозмездной передачи другим лицам (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т. д.), а также иные способы реализации, например, путем введения инъекций. Об умысле на сбыт указанных средств и веществ могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим, их количество (объем), размещение в удобной для сбыта расфасовке либо наличие соответствующей договоренности с потребителями и т. п.

Незаконным приобретением без цели сбыта наркотических средств надлежит считать их получение любым способом, в том числе покупку, получение в дар, а также в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, присвоение найденного, сбор дикорастущих растений или их частей, сбор остатков, находящихся на неохраняемых полях посевов указанных растений после завершения их уборки.

При этом в названном Постановлении отсутствует определение понятия посредничества как в сбыте, так и в приобретении наркотиков. Между тем именно отсутствие четкой проработки критериев разграничения данных категорий в настоящее время нередко позволяет лицам, причастным к незаконному обороту наркотиков, уходить от заслуженной уголовной ответственности.

В.Н. Курченко отмечает: «очень редко оперативные сотрудники для выявления сбытчиков делают несколько проверочных закупок наркотиков. Не проводятся так называемые закупки доверия. Ограничиваются лишь одной проверочной закупкой. Этого достаточно, когда происходит «чистый сбыт» наркотиков без посредников. Между тем анализ судебной практики показывает, что одними из самых сложных являются вопросы отграничения «посредничества в сбыте» от «посредничества в приобретении». Средние оптовики и даже различные торговцы все чаще уклоняются от непосредственных функций по сбыту наркотиков. Они используют «посредников-бегунков», которые выполняют функции соисполнителей по реализации наркотиков. Причем наркотики сбывают ограниченному кругу наркоманов» [2, с. 11].

Граница между «чистым» сбытом наркотических средств и посредничеством в их приобретении зачастую бывает размытой. Если под сбытом понимать передачу наркотических средств лицом, у которого эти наркотические средства фактически находятся, другому лицу, то действия посредника в приобретении наркотических средств следует признавать выполнением объективной стороны состава сбыта наркотических средств [3 с. 142].

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки разграничить посредника и сбытчика наркотиков. Анализируя материалы одного из уголовных дел, в котором посредник привлечен для приобретения наркотиков закупщиком, действовавшим в рамках оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», В.Е. Тонков приходит к следующему заключению: «Г., получив от О. 300 рублей, приобрел на них два пакетика с героином и передал последнему лишь один, оставив другой для личного потребления. В этом и выразилась его личная корыстная заинтересованность в сделке, и в подобных случаях на квалификацию не влияет то обстоятельство, с кем из контрагентов у посредника была договоренность, он получил свое вознаграждение за оказанные услуги, о котором приобретателю не было известно. В связи с этим, по-нашему мнению, в данном случае имеет место именно перепродажа наркотического средства, то есть его незаконный сбыт» [4, с. 50].

При рассмотрении вопросов дифференциации сбытчика и посредника возможно отталкиваться от проанализированного в предыдущем разделе работы мнения о способе разграничения взяткодателя и посредника во взяточничестве: главным критерием отграничения должна служить принадлежность имущества, передаваемого от взяткодателя взяткополучателю. В случае с наркоторговлей – это принадлежность наркотика.

Посредник, продавая имеющееся у него наркотическое средство в целях дальнейшего приобретения на вырученные средства наркотика для личного потребления, в полном объеме выполняет объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 228.1 УК РФ, и, тем самым, теряет свой посреднический статус. Связь первичного сбытчика с приобретателем в данной ситуации обрывается, а лицо, изначально выступавшее посредником, становится самостоятельным звеном в системе сбыта наркотиков. В результате своих действий такой посредник получает средства для приобретения наркотиков как у первичного сбытчика, так и у другого лица, причем выбор момента совершения этого преступления уже остается полностью на его усмотрение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что квалифицировать действия лица как «чистый сбыт» наркотических средств надлежит в тех случаях, когда указанное лицо обладает предметом противоправной сделки на момент совершения сделки, независимо от намерения восполнить в дальнейшем эту «утрату» за счет средств приобретателя.

В судебной практике критерий наличия или отсутствия у посредника наркотика во владении до обращения к нему наркопотребителя обоснованно используется при установлении умысла на сбыт.

Между тем П.С. Яни высказывал мнение о возможности признания сбытчиком лица, не обладающего наркотиками на момент совершения сделки. Если первое лицо обратилось ко второму с просьбой продать ему наркотики, зная, что тот их постоянно продает (аналог торговли в розницу). У второго лица наркотики могут оказаться двумя способами: либо он изготавливает, либо сам приобретает. Во втором случае он может приобрести их заранее и ждать покупателя, а может приобрести их и за счет средств, полученных у покупателя, не уведомляя первое лицо, т. е. покупателя, об этом.

В подтверждение своей позиции П.С. Яни приводит следующие доводы. Договор поручения или комиссии, с которыми автор сравнивает посредничество, а равно посредничество предполагает если не инициативу первого лица (доверителя, комитента, лица, обратившегося с просьбой к другому лицу о посредничестве) в совершении вторым лицом сделки с третьим лицом в интересах первого и за его счет, то, во всяком случае, знание первого лица о том, что за его деньги и для него вторым лицом приобретаются у третьего лица наркотики. А отсутствие такой договоренности и, напротив, уверенность первого лица в том, что он обращается ко второму лицу как к продавцу, а не посреднику, исключает вменение второму лицу пособничества в приобретении наркотиков первым лицом у третьего. Такой вывод автора основан на той точке зрения, что нельзя быть соучастником тому, кто не знает о наличии такого соучастника [5, с. 136].

Предложенный П.С. Яни вариант квалификации основан больше на восприятии ситуации приобретателем наркотика, а не на фактических обстоятельствах дела и умысле самого посредничающего лица. Для квалификации подобных действий как сбыта одного этого может быть недостаточно, и следует обратить внимание на восприятие ситуации посредником, сути его договоренности с приобретателем. Если таковая состояла именно в продаже наркотика, и лицо, пообещав их продать, для этого купило их на деньги приобретателя, то один из основных признаков посредничества – поручение их приобрести, отсутствует. Но если, передав деньги, приобретатель указал на заинтересованность купить наркотики, а

посредник, желая оказать ему содействие, на эти деньги их купил и впоследствии передал первому, не сообщая об этом, то признать его сбытчиком уже нельзя.

По смыслу статьи 228.1 УК РФ незаконным сбытом наркотических средств являются любые способы их возмездной либо безвозмездной передачи другим лицам (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т. д.), а также иные способы их реализации. При этом наркотическое средство должно принадлежать лицу, которое осуществляет его сбыт, либо другому лицу, которому осужденный оказывает посреднические услуги в его сбыте.

В целом, основным негативным последствием затруднительности разграничения посредничества и сбыта наркотиков является нередкое постановление оправдательных приговоров по делам рассматриваемой категории.

К примеру, Верховным судом Российской Федерации прекращено уголовное дело в отношении Пушкарева С.С., признанного первой инстанцией виновным в совершении преступления предусмотренного частью 3 статьи 30, частью 1 статьи 228.1 УК РФ. Судом установлено, что Пушкарев по просьбе В., который выступал в роли покупателя при проведении оперативно-розыскного мероприятия – «проверочная закупка» и на деньги последнего, приобрел через Н. у неустановленного лица 02.06.2009 амфетамин, массой 0,09 грамма, который и передал В. Таким образом, исследованные в судебном заседании доказательства свидетельствуют о том, что в момент, когда к Пушкареву обращался В. он (Пушкарев) не имел наркотическое средство, которое мог бы продать (передать) В. При этом Пушкарев приобретал амфетамин по просьбе В. и на его деньги, т. е. лишь оказывал помощь последнему в приобретении наркотических средств.

При таких обстоятельствах суд признал, что Пушкарев являлся посредником в приобретении наркотического средства В., и поскольку масса приобретенного наркотического средства не относилась к крупному или особо крупному размеру, суд признал, что он не может нести уголовную ответственность за пособничество в приобретении наркотического средства.

Действия посредника в сбыте или приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов следует квалифицировать как соучастие в сбыте или в приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в зависимости от того, в чьих интересах (сбытчика или приобретателя) действует посредник. Таким образом, если при разграничении посредника и сбытчика основанием являлась принадлежность наркотика, то при дифференциации посредников

на первое место выведен критерий интереса со всеми соответствующими его недостатками, о которых говорилось в разделе работы, посвященном взяточничеству.

Поэтому для разграничения действий посредника на стороне приобретателя от посредника на стороне сбытчика необходимо исходить из совокупности всех сведений, полученных в ходе предварительного расследования. Основным обстоятельством, указывающим на выступление посредника на стороне сбытчика наркотических средств, выступают данные о наличии у них договоренности о совместной деятельности, направленной на распространение наркотиков.

Кроме того, на наличие факта соучастия в сбыте наркотических средств может указывать проявление инициативы по организации заключения сделки со стороны посредника, предложении им помощи в приобретении наркотиков, действия сбытчика, направленные на организацию деятельности посредников, например организация «безопасных» способов связи между членами группы, указания о том, с кем посредникам надлежит работать и т. д.

Если исходить из этой точки зрения, то главным признаком посредничества в приобретении наркотических средств, в свою очередь, является наличие предварительной договоренности с приобретателем наркотиков об оказании ему помощи в приобретении наркотических средств со стороны посредника.

Анализ уголовных дел, возбуждаемых по результатам проведения оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», показывает, что в большинстве случаев сбыта наркотиков, в которых возникает фигура посредника, указанное лицо выступает на стороне приобретателя. Зачастую это обстоятельство объясняется невозможностью установить наличие предварительной договоренности сбытчика с посредником о совместной деятельности в ходе проведения предварительного расследования и оперативного сопровождения по уголовному делу. Основным негативным последствием указанной проблемы является очевидная возможность для лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств, уходить от уголовной ответственности, используя подобные пробелы в законодательном регулировании.

Подсудимые чаще всего представляют свои действия как однократное оказание помощи покупателю в приобретении наркотиков. Между тем характер действий посредников нередко свидетельствует об их сговоре со сбытчиком и даже о завуалированном сбыте наркотиков. Однако посредники отрицают соучастие в сбыте, заявляют об оказании содействия лишь в приобретении наркотиков [2, с. 11].

Поэтому, не имея данных о договоренности посредника со сбытчиком, для доказывания соучастия именно в сбыте можно исходить из других обстоятельств.

В юридической литературе отмечается, что для посредника соисполнителя в приобретении наркотиков характерно получение вознаграждения таким посредником за счет покупателя наркотиков, а не их продавца, сбытчика. В связи с этим обратное будет свидетельством соучастия в сбыте. Таким образом, именно совокупность вышеперечисленных обстоятельств стала доказательством соучастия в сбыте, что указывает на необходимость серьезного комплексного подхода к отграничению возможного посредничества в приобретении наркотиков от соучастия в сбыте еще на стадии проведения оперативно-розыскных мероприятий, иначе все выявляемые случаи фактического сбыта в силу требований части 3 статьи 14 УПК РФ будут истолкованы в пользу первого варианта, как наиболее выгодного для виновного лица.

А.В. Бриллиантов акцентировал внимание на этой проблематике в одной из своих работ: «специфика действий посредника при совершении этих преступлений как раз заключается в том, что посредник может выполнить не только действия пособника, но и исполнителя. Например, при покупке наркотика по просьбе приобретателя и для передачи ему же посредник непосредственно приобретает наркотическое средство, но он же и передает его заказчику, т. е. объективно выполняет и приобретение, и сбыт. В то же время нельзя не учитывать и то обстоятельство, что действует посредник в интересах другого лица. Отсюда на практике нередки и различные подходы к квалификации действий посредника. Его действия квалифицируются и как сбыт, и как приобретение наркотических средств, и как пособничество в приобретении и сбыте» [1, с. 12].

Зачастую посредник привлекался к уголовной ответственности при наличии в его действиях самостоятельного состава незаконного приобретения, хранения, перевозки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном или особо крупном размере.

В случае посредничества в приобретении сильнодействующих или ядовитых веществ посредник в их приобретении вообще не подлежит привлечению к уголовной ответственности, так как для наличия состава преступления, предусмотренного статьей 234 УК РФ, необходимо доказать умысел на сбыт у лица, оказывающего содействие в приобретении, хранении и перевозке таких веществ. Вместе с тем незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ зачастую сопутствует обороту наркотиков и характеризуется тождественными признаками.

Отсутствие четких положений о квалификации действий посредников с одной стороны и труднодоказуемость выступления

посредника на стороне сбытчика наркотиков – с другой, создают возможность «маскировки» под посредничество в приобретении фактического соучастия в сбыте и даже «чистого сбыта» наркотических средств. «В настоящее время многие сбытчики наркотиков, даже поверхностно ориентируясь в вопросах возможной уголовноправовой оценки своих действий, часто заявляют о том, что они лишь «помогали приобрести наркотик, но не сбывали его», хотя ряд «посредников» такого рода может составлять отдельное звено в системе группового сбыта»

Таким образом, переоценка отношения к общественной опасности посредничества в рассматриваемой сфере и предусмотрение строгой самостоятельной ответственности за таковое, не только станет реализацией закрепленного в части 1 статьи 6 УК РФ принципа справедливости, в также надлежащим исполнением требований подпункта «I» пункта а) части 1 статьи 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, но и будет эффективно способствовать достижению целей борьбы с наркопреступностью.

Вопрос о необходимости модернизации подхода к правовому регулированию уголовной ответственности за совершение наркопреступлений уже давно назрел, и современная правоприменительная практика до принятия соответствующих изменений будет не только малоэффективной, но и весьма условно законной. Однако такое реформирование должно осуществляться лишь не только с учетом данных правоприменительной практики по двум наиболее опасным и характерным его проявлениям, а также применяемого к ним уголовно-правового инструментария, но и по итогам тщательного изучения самого явления посредничества, его места в институте соучастия

Список цитируемой литературы:

1. Бриллиантов А.В. О правовой оценке роли посредника в преступлении // Уголовное право. 2006. № 5. С. 12-16.
2. Курченко В. «Отграничение провокации от действий при пресечении преступлений» // Законность. 2004. № 1. С. 11-16.
3. Майоров А.А., Малинин Б.В. Наркотики: преступность и преступления. СПб. Юридический центр Пресс, 2002. 290 с.
4. Тонков В.Е. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»: некоторые особенности // Российский судья. 2006. № 11. С. 50-60.
5. Яни П.С. Незаконный оборот наркотиков: пособничество в приобретении или сбыт // Уголовное право. 2005. № 5. С. 135-137.

Кобзев В.О., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Kobzev V.O., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

КОРРУПЦИЯ И ЕЕ ВИДЫ

CORRUPTION AND ITS TYPES

Аннотация.

В статье дается характеристика коррупции по некоторым признакам, таких как характер организованности, анализируется и выделяются признаки каждой из видов коррупционных преступлений.

Abstract.

The article characterizes corruption on some grounds, such as the nature of organization, analyzes and highlights the signs of each type of corruption crimes

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, правонарушения, взяточничество, виды коррупции

Keywords: corruption, corruption crimes, offenses, bribery, types of corruption

Коррупция как явление существует и существовало всегда. В бытовом общении и в средствах массовой информации часто употребляется дефиниция «коррупция». Чаще всего в понимание коррупции вкладывается использование должностным лицом служебного положения с получением прибыли и льгот для себя и своих близких. Часто коррупцию понимают лишь как взяточничество. Рассмотрим, как дается определение коррупции в научных кругах.

Частота употребления понятия коррупции не дает общего

понимания термина и существа явления. Образование термина «коррупция» находит свои корни в латинском языке, где «corruptio» означает «порча, подкуп».

Большинство научных дебатов проходило по поводу определения коррупции. Так, например, А.И. Долгова дает следующее определение коррупции: «социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей».

Подобное определение коррупции дают и другие ученые в области криминологии и уголовного права. Они же обращают внимание, что подобное трактование довольно узко и должно рассматриваться значительно шире. Недопустимо и одностороннее толкование коррупции.

Учеными выносятся определения, в которых суть коррупции понимается как процесс, считается что коррупция - это разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в личных целях. Или, например, коррупция - это коррозия власти [2].

Споры в научных кругах призван решить Федеральный закон от 25 декабря 2008 г.

№ 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее закон «О противодействии коррупции»), где законодательно закреплено определение коррупции как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу, другим физическим лицам либо совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица .... »

Закон определил коррупцию как перечень видов противоправных деяний, не раскрывая качественных признаков данных преступлений. Как справедливо отмечает Д.А. Ли-пинский, определение коррупции дается путем перечисления возможных действий, являющихся ее проявлениями [3, с. 103]. Таким образом, определение, предложенное в законе, в большей мере ассоциирует коррупцию со взятками.

Различие в понимании коррупции прослеживается и в

нормативных актах. В отличие от ФЗ «О противодействии коррупции», в ст. 8 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступно-сти признается преступным деянием:

- обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей;

- вымогательство или принятие публичным должностным лицом лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей.

Публичным должностным лицом» является публичное должностное лицо или лицо, предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника.

Конвенцией ООН более широко определяется характер противоправных действий коррупционной направленности.

Существуют и иные точки зрения относительно эффективности законодательно закрепленного определения коррупции. Так, в комментариях к федеральному закону № 273-ФЗ В.В. Григорьев отмечает, что понятие коррупции дается в совокупном понимании отдельных норм Уголовного Кодекса РФ, выраженных в диспозициях статей и опирающихся на некоторые объективные признаки составов [1 с. 208].

Принимая во внимание мнения ученых, обобщая все признаки противоправного действия называемого «коррупция», можно дать собственное определение рассматриваемому событию коррупция это социальное явление, заключающееся в деятельность лиц, имеющих возможность оказывать властное воздействие на граждан, организации и иных лиц, использующих свое положение, определяющееся замещаемой должностью в корыстных целях для личного обогащения, обогащения своих родных и близких.

Для оценки общественной опасности коррупции важно различать её виды. К настоящему времени предложено большое количество классификаций коррупции: бытовая и деловая; низовая, верхушечная и вертикальная; судебная, электоральная и бизнес-коррупция; политическая и бюрократическая, массовая и розничная; деловые

взятки, тормозящие взятки и прямой подкуп (В. М. Рейсмен) [4; с. 124]; «скупка государства», влияние на государство и административная коррупция; политическая, административная, судебная, экономическая, бытовая. Здесь продуктивным является отслеживание векторов коррупции, которых, может быть как минимум два: сверху - вниз и снизу - вверх. В первом случае возникает институциональная форма коррупции, которая включает в себя лоббирование законодательства «с заранее заданными свойствами», формирование коррупционной ренты в бизнесе, управление контролирующими и судебными органами. Во втором случае коррупция выражает стремление решить возникшую проблему и готовность заплатить за это.

Кроме того, актуальна дифференциация коррупции в зависимости от степени и характера её организованности. С этой точки зрения следует выделить коррупцию: сетевую, клановую (семейную) и групповую.

Сетевая коррупция создаёт и эксплуатирует коррумпированные сети. Как показывают исследования, коррумпированные сети должностных лиц, представителей экономической и политической элиты общества, связанные взаимными обязательствами и неформальными кодексами поведения, организуют перераспределение большей доли валового национального продукта, нанося существенный ущерб социальной политике государства и национальной безопасности. Объектом коррупционных сетей в системе государственной власти является дисфункцио-нальность политико-правовых институтов, а главным результатом их воздействия выступают функциональные искажения в системе публично-правовых институтов власти, ведущие к трансформации социальных функций государственных институтов в сетевые, корпоративные и частные интересы.

Клановая (семейная) коррупция формируется на основе родственных отношений. Если интересы кланов традиционно представлены в коррупционных схемах субъектов Федерации Северо-Кавказского федерального округа, то семейственность является атрибутом коррупционных отношений остальных регионов страны и большинства муниципальных образований.

Групповая коррупция создаётся на основе реализации определённых проектов, кото -рые предполагают совместное участие в совершении экономических преступлений представителей власти и бизнеса.

Сетевая, клановая (семейная) и групповая коррупция пронизана

экономической организованной преступностью. Современная экономическая организованная преступность в России в значительной мере легализована и представляет собой принципиально новое явление. Это явление зафиксировано в понятии интрузивно-деструктивно-мимикрийной (ИДМ) преступности, которое разработано А. С. Овчинским. В отличие от «классической» организованной преступности, которая занимается как запрещёнными видами деятельности, так и криминальным контролем над легальной экономикой, ИДМ преступность направляет свои усилия в основном на создание, поддержание и развитие таких правовых и экономических отношений и социально-политических ситуаций в стране, кото -рые позволяют обогащаться определённым слоям общества, уходя от ответственности. При сетевой коррупции экономическая организованная преступность нацелена на «приватизацию» государственно-правовых отношений, при клановой (семейной) - на формирование определённой бюджетной политики в отношении отдельного субъекта

Федерации и создание оптимальных условий для экономической деятельности близких родственников коррупционера, при групповой - на создание коррупционных схем при взаимодействии представителей власти и бизнеса.

Список цитируемой литературы:

1. Григорьев В.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». М., Деловой двор, 2009. 208с.
2. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. / Под ред. Проф. А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация, 2015. [Электронный ресурс]. // http://crimas.ru (дата обращения 03.02.2022 г.)
3. Липинский Д.А. К вопросу о понятии коррупционного правонарушения // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2017. № 3 (41). С. 100-108.
4. Рейсмен В. М. Скрытая ложь. Взятки: «крестовые походы» и реформы. М. : Прогресс, 1988. С. 124-125.

Коротаев Е.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Korotaev E.V., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

СИСТЕМА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ШАНТАЖОМ, В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

THE SYSTEM OF COMPOSITIONS OF CRIMES RELATED TO EXTRACT IN MODERN CRIMINAL LEGISLATION

Аннотация.

В статье рассматривается и анализируется система шантажа в современном уголовном законодательстве, исследуются различные мнения научных деятелей по данному вопросу, делаются соответствующие выводы.

Abstract.

The article discusses and analyzes the system of blackmail in modern criminal law, examines the various opinions of scientists on this issue, draws the appropriate conclusions.

Ключевые слова: шантаж, уголовное законодательство, система составов преступлений, проблемы современного уголовного законодательства.

Key words: blackmail, criminal law, system of elements of crimes, problems of modern criminal law.

Важным элементом уголовно-правовой характеристики шантажа является рассмотрение системы норм уголовного закона,

связанных с установлением ответственности за использование шантажа. Отражение в действующем законодательстве шантажа в различных проявлениях необходимо анализировать системно для выявления закономерностей и специфики уголовно-правового регулирования соответствующих отношений.

Применительно к отражению шантажа в уголовном законодательстве элементами системы будут соответствующие составы преступлений, которые охватывают применение шантажа, существенные связи и организация элементов проявляются в объединение составов в единый комплекс Особенной части УК РФ. Нам необходимо будет определить характеристики конструкции составов, в случаях включения в них шантажа в качестве способа совершения преступления.

Шантаж как альтернативный способ совершения преступления отражается в статьях УК РФ путем указания термина «шантаж» или описывается как угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких. В таких видах шантаж фигурирует в следующих составах УК РФ: п. «г» ч. 2 ст. 127.2 «Использование рабского труда», ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера», ст. 163 «Вымогательство», ст. 179 «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения», ч. 1 ст. 302 «Принуждение к даче показаний», ч. 2 ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу».

Шантаж, как часть более широких по объему способов совершения преступления, охватывается следующими составами статей УК РФ: ст. 120 «Принуждение к изъятию органов и тканей для трансплантации», п. а ч.2 ст. 141 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий», ст. 144 «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов», ст.148 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», ст. 149 «Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них», ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», ст. 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности», п. в, ч. 4, ст. 204 «Коммерческий подкуп», ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», ст. 221 «Хищение либо вымогательство ядерных

материалов или радиоактивных веществ», ст. 226 «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», ст. 229 «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ», ст. 230 «Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ», ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией», п. в, ч. 4, ст. 290 «Получение взятки», ст. 294 «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования».

Объект преступления составов, в которых шантаж является альтернативным способом, различается достаточно широко. Рассмотрим видовые объекты составов. Так видовым объектом в преступлении, предусмотренном ст. 127.2 является свобода личности, в ст. 133 - половая свобода, в ст. 163 - собственность, в ст. 179 - нормальное осуществление предпринимательской деятельности, в ст. 302 и ч. 2 ст. 309 - правосудие. Различие объекта преступления в указанных составах связано, прежде всего, с содержанием требований при шантаже и целью субъекта.

Важным моментом, по нашему мнению, является то, что в конструкции всех составов, связанных с использованием шантажа, имеется одинаковый дополнительный непосредственный объект - общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность личности. Этот объект при шантаже страдает всегда, а уже в зависимости от того, в какие общественные отношения включена личность потерпевшего, различается основной непосредственный объект. По аналогии с предложенным Р.Д. Шараповым выделением собственного родового состава и межнормативной уголовно-правовой категории физического насилия [4, с. 8], можно выделить родовой состав шантажа, в который будет входить в качестве основного и указанный дополнительный объект.

Отметив разнообразие объектов, на которые происходит воздействие при преступном использовании шантажа, в совокупности с воздействием шантажа на отдельную личность, можно заметить, что эта ситуация хорошо объясняется в рамках концепции объекта, предложенной Г.П. Новоселовым. Действительно, если в качестве объекта рассматривать индивида, группу лиц или всех членов общества, то объектом шантажа всегда будет индивид, включенность которого в различные общественные отношения, общепринято считающиеся объектом преступления в настоящее время, мы уже отмечали.

Потерпевшим при использовании шантажа является лицо, к которому предъявляются требования под угрозой распространения

сведений, т.к. именно его право на неприкосновенность страдает. Характеристики потерпевшего, наряду с содержанием шантажного требования и целями субъекта, имеют большое значение для квалификации шантажа и разграничения составов. Так в статьях 302 и 309 УК РФ определены такие характеристики потерпевшего как процессуальное положение: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт или специалист. Если шантаж с целью получения показаний применяется к другому лицу, например, ошибочно принимаемому за свидетеля, то уголовная ответственность наступает в соответствии с общими правилами квалификации при фактической ошибке.

В п. «г» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ шантаж выступает как квалифицирующий признак, особый вид принуждения, повышающий его общественную опасность наряду с физическим насилием и угрозой физическим насилием. В этом составе он является наименее общественно опасным из перечисленных способов и, в этом смысле, служит своего рода нижней границей криминализации способов принуждения к рабскому труду, за которой в ч. 1 ст. 127.2 УК РФ остается еще менее общественно-опасная угроза уничтожением или повреждением имущества.

Говоря о большей общественной опасности шантажа, нежели угрозы уничтожением или повреждением имущества, мы принимаем во внимание то, что шантаж посягает на личность, а не на менее значимое благо - собственность.

В ст. 133 УК РФ шантаж является альтернативой угрозе уничтожением, повреждением или изъятием имущества, либо использованию материальной или иной зависимости потерпевшего. В этом составе шантаж, по сути, служит верхней границей охватываемых составов насилия. Если в тех же целях применяется физическое насилие или угроза его применения, то действия лица необходимо квалифицировать как оконченное или не оконченное изнасилование.

В ст. 163 и ст. 179 УК РФ шантаж является способом совершения преступления, альтернативным угрозе применения физического насилия и угрозе уничтожением либо повреждением чужого имущества. При этом шантаж указывается в конце диспозиции, что позволяет сделать вывод о том, что он является наименее общественно опасным способом совершения данных преступлений. Такая оценка шантажа будет подвергнута критике, прежде всего исходя из того, что при реализации угрозы уничтожением или

повреждением имущества, ущерб вполне может быть возмещен, в то время как ущерб, причиненный клеветой, практически не возмещается.

В ст. 302 УК РФ шантаж называется, как один из видов принуждения, который вместе с угрозами или иными незаконными действиями следователя или лица, производящего дознание, является возможным способом совершения преступления. Сразу стоит отметить, что юридическая техника в формулировке этой статьи далеко не идеальна. Шантаж является разновидностью угрозы, соответственно, в диспозиции имеет место тавтология.

В ч. 2 ст. 309 УК РФ говорится о шантаже как о действии, наряду с угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, сопряженном с принуждением.

Рассмотрев место шантажа среди альтернативных способов совершения группы преступлений, мы можем сделать вывод, что шантаж включается в диспозиции норм наряду с различными другими способами, и отсутствует какая-либо универсальная комбинация способов, включающая шантаж. Шантаж в некоторых случаях (ст. 163 УК РФ, ст. 179 УК РФ) служит границей, отделяющей уголовно-наказуемые способы посягательства на определенные объекты от остальных, за использование которых уголовная ответственность не наступает. В других случаях, шантаж служит одним из способов для разграничения составов, например, ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера». В ст. 302 УК РФ шантаж используется как пример наиболее распространенного проявления более широкого способа совершения преступлений - угрозы.

Учитывая, что все составы преступления, связанных с использованием шантажа, включают в объективную сторону два деяния (угрозу и требование), если совершено только одно из них, а другое, по не зависящим от виновного обстоятельствам, не реализовано, то субъект должен нести ответственность за покушение на соответствующее преступление.

Кроме деяния, к основным признакам объективной стороны состава преступления относят последствия и причинно-следственную связь. Рассмотрение конструкции составов, связанных с шантажом, показывает, что они все являются формальными, а значит, наступление последствий не является обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности за оконченное преступление. Шантаж как стрессовый фактор вызывает, как правило, определенные неблагоприятные изменения в здоровье человека, выполнение же требований, предъявленных при шантаже, может

причинить самые разнообразные последствия: от имущественного ущерба до нарушения нормального функционирования системы правосудия. Многоаспектность и достаточная неопределенность негативного воздействия шантажа делает формулирование формальных составов в данном случае оправданным.

Рассматривая особенности объективной стороны составов, в которых присутствует шантаж, необходимо хотя бы вкратце отметить один момент, выходящий за пределы отдельных составов, но очень важный. Этот момент взаимосвязь шантажа и преступлений, связанных с оборотом информации. Как отмечает И. Ш. Жордания: «Способ совершения преступления включает в себя не сами средства, а приискание, приспособление, употребление и использование средств, с помощью которых и благодаря которым наступает преступный результат». В системе преступлений, связанных с оборотом информации, можно выделить следующие блоки:

- получение информации (ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» ст. 183 УК РФ «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации», другие);

- шантаж как требование, подкрепленное угрозой распространения информации;

- распространение информации (ст. 129 УК РФ «Клевета», ст. 130 УК РФ «Оскорбление», ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)», ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос» и другие).

Указанные преступления могут совершаться как до шантажа, для сбора информации, так и после шантажа для причинения ущерба, мести адресату шантажа. То есть, при расследовании случаев шантажа, правоохранительные органы должны учитывать, что получение сведений, используемых при шантаже, и их распространение, может требовать самостоятельной квалификации по совокупности.

Таким образом, шантаж входит в объективную сторону различных составов преступлений в качестве альтернативы различным действиям и обуславливает взаимосвязь с составами информационных преступлений, которая может отражаться в квалификации.

Рассмотрим взаимосвязь шантажа как способа совершения преступления и характеристик субъекта преступления. Во всех составах субъект общий. Общий субъект в конструкции составов,

связанных с шантажом, вполне уместен, т.к. возможность предъявления требований под угрозой распространения сведений не связана с какой-либо сферой деятельности или психофизиологическими характеристиками виновного.

Необходимо отметить, что в настоящее время только в п. «в» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ в качестве квалифицирующего признака указывается совершение деяния (в том числе шантажа) с использованием служебного положения. Во всех других случаях специальный субъект не используется для конструкции квалифицированного состава. Вместе с тем, можно выделить ряд профессий, которые связаны с доступом к информации, которая может служить основой для шантажной угрозы. К таким можно отнести журналистов, должностных лиц. А.Д. Константинов, формулируя основы профессиональной безопасности для журналистов, даже выделяет специальный принцип: «Не занимайтесь информационным рэкетом. Или, иначе говоря, не злоупотребляйте информацией».

Также шантаж способствует достижению такой цели организованной преступности как оказание влияния на публичную власть. Даже если политик не берет взятки, его всегда можно шантажировать, а, учитывая зависимость политической карьеры от репутации, шантажная угроза для данной категории потерпевших очень реальна и существенна. Соответственно, шантаж, наряду с взяточничеством и личными связями, является одной из основ коррупции как разновидности преступности, связанной с деформацией властных отношений.

В рамках организованной группы при совершении шантажных преступлений возможны различные варианты распределения ролей. Например, одни лица собирают шантажные сведений, другие контактируют с потерпевшим и предъявляют требование или угрозу, все эти действия могут координироваться из единого центра. В этом случае возникает вопрос о квалификации действий каждого из соучастников. Квалификация действий лиц, действовавших в соучастии, за исключением исполнителя, по нашему мнению, может происходить по соответствующей статье Особенной части со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Соответственно, лица, собиравшие шантажные сведения, являются пособниками (ч.5 ст. 33 УК РФ), т.к. предоставляют средства для совершения шантажа, а лицо, распределяющее роли и координирующее действия других соучастников, является организатором [1, с. 34]. (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

Субъективная сторона во всех составах, в которых шантаж является названной в диспозиции альтернативой, характеризуется

только прямым умыслом. В формальных составах прямой умысел состоит в осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействия) и желании совершить эти действия.

Установление содержания умысла субъекта необходимо для правильной квалификации, т.к. оно служит субъективным критерием для разграничения составов, связанных с шантажом. Если умыслом преступника охватывается использования шантажа для подкрепления различных требований, уголовная ответственность должна наступать по нескольким составам, т.е. налицо идеальная совокупность. Если же у виновного был также умысел на причинение какого-либо вреда здоровью лица с помощью шантажа, и это адекватно проявилось в объективной стороне, то необходимо квалифицировать его действия по совокупности преступлений (шантажного и связанного с причинением соответствующего вреда здоровью). В зависимости от того был умысел на причинение вреда здоровью определенным или неопределенным, действие квалифицируется или по направленности умысла или по фактически наступившим последствиям [6, с. 48].

В случае, если умысел виновного не был реализован полностью по независящим от него причинам, т.е. удалось предъявить только угрозу, а требование не было сообщено потерпевшему вообще или не было выражено в форме адекватно отражающей, по мнению виновного, его намерения, деяние необходимо квалифицировать как покушение на преступление в зависимости от содержания умысла.

Мотивы субъекта для квалификации шантажа значения не имеют, также, как и эмоциональное состояние. Сложность шантажа, состоящего из нескольких действий и часто требующего специальной подготовки, определяет индифферентность этих факультативных признаков субъективной стороны.

Таким образом, характеризуя систему предупреждения шантажа в действующем уголовном законодательстве, можно отметить, что:

1. В Особенной части УК РФ можно выделить группу составов, в которых шантаж является одним из альтернативных обязательных способов совершения преступления. В эту группу входят составы статей: п. «г» ч. 2 ст. 127.2 «Использование рабского труда», ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера», ст. 163 «Вымогательство», ст. 179 «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения», ч. 1 ст. 302 «Принуждение к даче показаний», ч. 2 ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу».

Шантаж выступает в качестве способа, альтернативного другим разновидностям психического и физического насилия

2. Основные непосредственные объекты составов, входящие в исследуемую систему, различны, но одновременно можно выделить такой дополнительный объект как неприкосновенность личности.

3. Для разграничения составов, связанных с использованием шантажа, наибольшее значение имеют содержание требования при шантаже и содержание умысла виновного. В зависимости от адекватности реализации умысла субъекта в требовании, возможна квалификация покушения на преступление, связанное с применением шантажа.

Список цитируемой литературы:

1. Галиакбаров Р.Р. Спорные аспекты соучастия в преступлении. Уголовное право: прошлое, настоящее, будущее. Екатеринбург. 2017. 345 с.
2. Курс уголовного права / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2021. 527 с.
3. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Юрлитинформ, 2010. 448 с.
4. Шарапов Р.Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия. СПб., 2019. 467 с.
5. Яни П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 47-49.

Карпова В.А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Karpova V.A., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ СОУЧАСТИЯ

MEDIATION IN THE COMMITMENT OF A CRIME AT THE INSTITUTE OF COMPLICITY

Аннотация.

В статье рассматривается и анализируется вопрос посредничества в совершении преступления в институте соучастия. Исследуются пути совершенствования законодательства, а также современные проблемы и пути их преодоления

Abstract.

The article discusses and analyzes the issue of mediation in the commission of a crime in the institution of complicity. Ways to improve legislation, as well as modern problems and ways to overcome them are explored

Ключевые слова: посредничество, преступление, соучастие, уголовное законодательство, совершенствование уголовного законодательства

Key words: mediation, crime, complicity, criminal law, improvement of criminal law

Исходя из подхода к пониманию явления посредничества в целом, необходимо дать оценку тому, насколько оно укладывается в рамки действующего института соучастия в российском уголовном праве.

Для того чтобы считать посредничество в совершении преступления соучастием, исходя из требований уголовного закона, необходимо установить к какому виду соучастников относится посредник, что позволит определить основание его уголовной ответственности.

В науке уголовного права отмечается, что «общие пределы уголовной ответственности соучастников определяются тем, что совершил исполнитель, но результат этого дела является коллективным плодом усилий и его соучастников, поэтому они несут ответственность с учетом степени и характера участия каждого из них» [2, с. 86]. Посредник в совершении преступления, как правило, вносит довольно внушительный вклад в достижение преступных целей, реализация которых в конечном итоге предопределяет ответственность и посредника.

При этом уместно подчеркнуть, что вследствие содействующей роли посредника в совершении преступления он не является исполнителем. Специфика посредничества заключается в том, что внешне такие действия могут быть сходны исполнительству в определенном преступлении. Например, в случае приобретения наркотиков для конкретного лица посредник покупает такой товар, а затем отдает его заказчику. Казалось бы, данное лицо осуществляет и приобретение, и сбыт наркотиков. Однако посредник действует не в свою пользу, поскольку он является лишь лицом, способствующим выполнению сбыта-приобретения. Приобретая товар, посредник не становится его владельцем и не пользуется им. Также и при отчуждении наркотиков – он сбывает то, что ему не принадлежит. Посредник выступает своего рода инструментом сбыта-приобретения, технически содействуя реализации криминальной сделки.

Исключение в части исполнительства составляют лишь те случаи, когда уголовно-правовой запрет посредничества предусмотрен самостоятельной нормой Особенной части УК РФ. Так, посредник во взяточничестве является исполнителем преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ. Однако относительно основного преступления в виде получения-дачи взятки его действия находятся вне рамок объективной стороны данного преступления.

Как пишет И.А. Хитров, «особенность основания ответственности организатора, подстрекателя и пособника, прежде всего, состоит в том, что состав преступления, содержащийся в деянии каждого соучастника указанных видов, по признакам объективной стороны не совпадает с составом преступления, совершаемого исполнителем. Однако «нестандартность» состава преступления организатора, подстрекателя и пособника является условной, поскольку недостающие признаки объективной стороны преступления, указанного в Особенной части УК и

«приписываемого» исполнителю, восполняются признаками, указанными в ст. 33 УК» [8, с. 86].

Далее разберем вопрос об относимости посредника в категорию организатора, подстрекателя либо пособника преступления. В юридической литературе отмечается, что деятельность организатора преступления связана с вовлечением других лиц в совершение преступления, созданием условий осуществления преступного деяния, руководством соучастниками.

На наш взгляд, такое поведение может быть присуще посреднику в совершении преступления. Посредник нередко склоняет других лиц к преступлению. Например, посредник убеждает должностное лицо получить взятку. Так же не исключена и функция руководства соучастниками преступления. Однако прослеживающееся совпадение ролей организатора и посредника в совершении преступления во многом обусловлено обширным содержанием понятия организатора.

По мнению Н.В. Димченко, «организатор как инициатор и вдохновитель преступления – фигура, близкая к подстрекателю, но, несомненно, более значительная. Для того чтобы организовать преступную группу в любой из известных ее разновидностей, ему приходится, вербуя участников преступления, вступать с ними в контакт, подговаривать, убеждать, подкупать, шантажировать и т.п., т.е. в арсенале организатора могут оказаться все средства, которыми обычно владеет и подстрекатель» » [2, с. 131]. С.Н. Наумов пишет, что организатор преступления, помимо функций подстрекателя может осуществлять и действия, характерные для пособника совершения преступления » [4, с. 98].

В то же время, роль посредника все же несколько шире роли пособника. В отличие от последнего, посредник не ограничивается лишь помощью, поскольку он может выполнять отдельные функции организатора и подстрекателя преступления.

Из числа указанных в ч. 5 ст. 33 УК РФ действий, образующих пособничество, непосредственное отношение к посредничеству может иметь лишь содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации. Названные действия, именуемые в науке уголовного права интеллектуальным пособничеством, как правило, выполняются посредником, поскольку с помощью советов, значимой для совершения преступления информации он оказывает помощь в преступном соглашении между лицами. Вместе с тем, очевидно, что роль посредника не ограничивается интеллектуальным пособничеством. Посредник согласовывает, а нередко и организовывает процесс криминальной сделки, оказывает содействие в выполнении объективной стороны основного преступления, в том числе путем непосредственной передачи предмета

преступления. Как видно, пособничество лишь частично описывает посредничество.

Во многом это подтверждается тем, что законодатель не дифференцирует уголовную ответственность для разных видов соучастников. Так, ст. 67 УК РФ, определяющей специфику назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, установлено, что при назначении наказания за такое преступление, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда.

Поэтому не исключены ситуации, когда, например, действия пособника, предоставившего средства или орудия совершения преступления, будут более общественно опасны по сравнению с действиями организатора, спланировавшего преступление. Представляется, что данные вопросы должны решаться индивидуально в каждом конкретном случае.

Тем не менее, и с учетом обозначенной оговорки, по общему правилу посредничество в совершении преступления представляется более значимым по отношению к пособничеству.

Таким образом, наблюдается ситуация, при которой отнесение посредника в совершении преступления к одному из видов соучастников не находит однозначного решения. В свою очередь данный аспект порождает в уголовно-правовой науке дискуссии, обусловленные определением места посредника в структуре соучастников преступления.

В этих условиях отдельными специалистами высказывается мнение, согласно которому посредничество в совершении преступления не может быть идентифицировано как вид соучастия. Так, Г.Л. Минакова утверждает, что отождествление посредничества с соучастием следует признать применением уголовного закона по аналогии. Автор отмечает, что действия посредника не соответствуют ни одному из видов соучастия.

А.А. Аникин, исследовавший уголовно-правовое значение действий посредника во взяточничестве до вступления в силу ст. 291.1УК РФ, пришел к выводу, что имеется необходимость дополнения ч. 5 ст. 33 УК РФ указанием на более широкий круг деяний, образующих пособничество. По мнению данного автора, целесообразно изложить такое дополнение следующим образом: «пособником должно признаваться также лицо, содействовавшее совершению преступления посредническими действиями» » [1, с. 93].

Тем самым А.А. Аникин предполагал решить проблему ответственности посредника со стороны получателя взятки. При этом автор утверждает, что «уголовно-правовое значение действий как взяткодателя,

так и посредника является идентичным по их объективным и субъективным признакам». То есть, по его мнению, посредничество во взяточничестве может расцениваться в качестве дачи взятки. Однако, например, Л.П. Тумаркина не соглашается с отождествлением посредничества и исполнительства в даче взятки (подкупа). Как пишет данный автор, «посредник обладает этим имуществом временно и только для того, чтобы передать это имущество получателю. Поэтому деяния посредника нельзя рассматривать как исполнительские, даже если он обладает признаками специального субъекта» [7, с. 115]. На наш взгляд, рассуждения Л.П. Тумаркиной в этой части следует поддержать. Основания для приравнивания действий посредника и лица, дающего взятку, отсутствуют. Целью действий посредника является лишь способствование достижению соглашению и проведению соответствующей криминальной сделки, поскольку взятка дается посредником в интересах другого лица.

Список цитируемой литературы:

1. Аникин А.А. Взяточничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему: дисс. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 193.
2. Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 194.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Ю. Девятко, Г.И. Загорский, М.Г. Загорский и др.; под науч. ред. Г.И. Загорского. М.: Проспект, 2020. 1216 с.
4. Наумов С.Н. Оценочные признаки соучастия в преступлении: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.С. 98-99.
5. Петров В. Уголовно-процессуальное право: актуальные новеллы // ЭЖ-Юрист. 2019. N 35. С. 6-12.
6. Петров В. Уголовное право: актуальные новеллы // ЭЖ-Юрист. 2019. N 35. С. 6
7. Тумаркина Л.П. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 194.
8. Хитров И.А. Институт соучастия: проблемы конструирования норм и дифференциации уголовной ответственности: дисс. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. С. 86.

Короткова С.А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Брусенцева В.А.

Korotkova S.A., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Brusentseva V.A.

СОВРЕМЕННОЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

MODERN PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE CRIMINAL LEGAL BASIS FOR COUNTERING CRIMES USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Аннотация.

В условиях распространения больших массивов информации, возникает ряд угроз и рисков, с которыми могут столкнуться пользователи Интернет-ресурсов. Прежде всего, распространение недостоверной, деструктивной, непристойной и иных видов вредоносной информации, которые могут оказать воздействие на поведение людей.

Abstract.

In the context of the spread of large amounts of information, there are a number of threats and risks that users of Internet resources may face. First of all, the dissemination of unreliable, destructive, obscene and other types of malicious information that can affect people's behavior.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационно-телекоммуникационные сети, информационное общество.

Key words: digital economy, information and telecommunication networks, information society.

Современное общество и существующие в нем экономические отношения невозможно представить без активного использования различных цифровых технологий, включая сеть Интернет и иные информационно-телекоммуникационные сети.

Как следует из п. 4 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 гг. [5], соответствующее общество характеризуется такими объемами информации, уровнем ее применения и доступности, которые кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан.

В настоящее время человек обладает возможностью получать информацию из различных источников, как из традиционных (газеты, телевидение), так и электронных (социальные сети, Telegram-каналы, YouTube-каналы, TikTok-каналы и др.).

Вместе с тем, в условиях распространения больших массивов информации, возникает ряд угроз и рисков, с которыми могут столкнуться пользователи Интернет-ресурсов. Прежде всего, распространение недостоверной, деструктивной, непристойной и иных видов вредоносной информации, которые могут оказать воздействие на поведение людей.

Вместе с тем изучение действующего уголовного законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в нем до настоящего времени не уделяется должного внимания формированию системы мер, учитывающих специфику посягательств на цифровую экономику. Думается, что данному направлению совершенствования правовой базы следует придать значение составного элемента комплекса мер по обеспечению стабильного развития национальной цифровой экономики, планируемых и предпринимаемых нашим государством в последние годы [6].

Доктринальные исследования по вопросам развития сферы цифровой экономики также преимущественно затрагивают проблемы совершенствования норм арбитражной процессуальной, гражданской, гражданской процессуальной, информационной, трудовой и других отраслей российской системы права [1, с. 18], тогда как уголовно-правовой аспект соответствующей тематики преимущественно рассматривается фрагментарно, причем основное содержание соответствующих научных работ, как правило, посвящено криминологической характеристике и предупреждению преступлений в указанной сфере [7, с. 182].

В 2012 г. глава 21 УК РФ о преступлениях против собственности была дополнена новыми статьями о различных видах мошенничества, в том числе ст. 159.6 об ответственности за мошенничество в сфере компьютерной информации [2]. При этом в законодательном определении последнего преступления не учтено, что общее понятие мошенничества, содержащееся в диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ, включает такой конститутивный признак, как альтернативный способ его совершения, отличающий мошенничество от других форм хищения чужого имущества, - обман или злоупотребление доверием, которые связаны с введением в заблуждение другого человека. Анализ определения мошенничества в сфере компьютерной информации (ч. 1 ст. 159.6 УК РФ) позволяет заключить, что в нем идет речь о самостоятельной форме хищения или приобретения права на чужое имущество, отличающейся специфическим способом совершения деяния, заключающимся в воздействии на компьютерную информацию (ввод, удаление, блокирование, модификация) или на средства ее хранения, обработки или передачи, а равно на информационно-телекоммуникационные сети (вмешательство в функционирование). То есть в данном случае нет воздействия на человека, а значит, и нет мошенничества, поэтому использование данного понятия для обозначения иного преступления является явным отступлением от указанных требований правовой определенности и системности.

Обозначенная проблема усугубилась после того, как в 2018 г. ч. 3 ст. 158 УК РФ об ответственности за кражу была дополнена новым, особо квалифицирующим признаком, усиливающим наказание за тайное хищение чужого имущества, совершенное с банковского счета либо в отношении электронных денежных средств, если это деяние не содержит признаков мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) [3].

В связи с этим отметим, что первоначально ст. 159.3 УК РФ содержала определение специального вида мошенничества, основанное на его признаках, изложенных в общей норме (ст. 159 УК РФ), и предполагавшее совершение хищения чужого имущества посредством использования поддельной либо принадлежащей иному лицу банковской карты и обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или другой организации. После же изменений, внесенных в ст. 159.3 УК РФ одновременно с указанным выше дополнением ч. 3 ст. 158 УК РФ, законодательная регламентация ответственности за данный вид мошенничества утратила имевшуюся в ней правовую определенность. В настоящее время в диспозиции ч. 1

ст. 159.3 УК РФ отсутствует непосредственное указание на способ совершения преступления и на то, что обман касается именно другого человека, однако это не исключает отсылку к общему понятию мошенничества, изложенному в ч. 1 ст. 159 УК РФ, где такой способ приводится.

Кроме того, в ч. 1 ст. 159.3 УК РФ вместо банковских карт и чужого имущества стали указываться электронные средства платежа, определяемые в п. 19 ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе» как средство и (или) способ, которые позволяют клиенту оператора по переводу денежных средств осуществлять составление, удостоверение и передачу распоряжений в целях проведения переводов денежных средств в форме безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, включая платежные карты и иные технические устройства [4]. Тем самым не только была утрачена правовая определенность данного уголовно-правового запрета, но и возникла практически неустранимая конкуренция последнего с положениями п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ.

Еще одним существенным недостатком ст. ст. 159.3 и 159.6 УК РФ при их сопоставлении со ст. 159 УК РФ и особенно с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ является отклонение от системности и справедливости в регламентации наказания в санкциях данных норм. Так, в санкции ч. 1 ст. 159 УК РФ в качестве наиболее строгого вида наказания предусмотрено лишение свободы на срок до двух лет, в санкции ч. 3 ст. 158 УК РФ - на срок до шести лет, в санкции ч. 1 ст. 159.3 УК РФ - на срок до трех лет, тогда как в санкции ч. 1 ст. 159.6 УК РФ лишение свободы вовсе не указано, а имеющееся в ней наказание в виде принудительных работ не может быть применено, поскольку, как следует из ст. 53.1 УК РФ, суд вправе назначить его только в качестве альтернативы лишению свободы. Считаем, что такая рассогласованность в оценке уровня общественной опасности сходных деяний требует внимания законодателя.

Таким образом, в настоящее время имеется настоятельная потребность в формировании единого комплекса согласованных мер противодействия преступлениям в сфере цифровой экономики, где неотъемлемым элементом выступают уголовно-правовые запреты на совершение определенных общественно опасных деяний, учитывающие особенности последних и отвечающие требованиям правовой определенности и системности регламентации уголовно-правовой охраны отношений в данной сфере, а также позволяющие

применить дифференцированные, справедливые меры уголовной ответственности за такие деяния.

Список цитируемой литературы:

1. Алиев В.М., Соловых Н.Н. Цифровая экономика поставила нас перед необходимостью решения проблемы обеспечения цифрового суверенитета // Безопасность бизнеса. 2018. № 3. С. 18-22.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2018. № 18. Ст. 2581.
4. О национальной платежной системе: федеральный закон Рос. Федерации от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
6. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»): постановление Правительства Рос. Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2019. № 11. Ст. 1119.
7. Решняк М.Г. О некоторых проблемах борьбы с преступлениями в сфере высоких информационных технологий. Проблемы в деятельности органов предварительного расследования и пути их разрешения в России. Ставрополь: СЕКВОЙЯ, 2017. С. 182-189.

Котенев Н.Ю., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Kotenev N.Y., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Egorov V.A.

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE EFFECT OF THE CRIMINAL LAW ON CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION WHO COMMITTED CRIMES OUTSIDE THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация.

В данной статье авторы дали анализ одному из основополагающих положений уголовного законодательства, которое предусматривает наказание за преступления совершенные в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации. Авторы сделали акцент на том факте, что национальной уголовное законодательство подвержено влиянию международных договоров в этой области отношений.

Abstract.

In this article, the authors analyzed one of the fundamental provisions of the criminal legislation, which provides for punishment for crimes committed against persons who have committed a crime outside the Russian Federation. The authors emphasized the fact that national criminal legislation is influenced by international treaties in this area of relations.

Ключевые слова: лицо без гражданства, преступление вне пределов страны, ответственность, международный договор, толкование закона.

Key words: stateless person, crime outside the country, responsibility, international treaty, interpretation of the law.

Преступность в наступившем веке перешагнула традиционные границы между государствами, что оказывает большое влияние на формы, методы привлечения лиц, совершивших преступление за пределами своего государства.

Однако, необходимо сделать акцент, что Российская Федерация уделяет данному вопросу первостепенное значение, что выражено в ст. 12 УК РФ принятого в 1996 году, после принятия Конституции РФ 1993 года.

Данный факт послужил отправной точкой в решение вопроса по принципам действия уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации.

В соответствии со ст. 2 УК РФ, граждане совершившие преступления за пределами границ РФ, подлежат уголовной ответственности в государстве, чьими гражданами они являются, при условии, что судом другого государства не вынесло судебного решения в отношении совершенного преступления. Решение судебного органа, приговор, не может превышать верхнего предела предусмотренного статьей УК иностранного государства, т.е. предусмотренной нормой уголовного закона того государства, где было совершено преступление.

Отечественная уголовная политика придерживаясь мировых трендов в отношении лиц, совершивших преступления, а также исходя из гуманных побуждений и принципа справедливости, которых отражен в ст. 50 Конституции РФ и ст. 6 УК РФ, гласит, «что граждане РФ не несут уголовную ответственность дважды за одно преступление, т.е. в стране, где оно было совершено, и в России. Это положение в буквальном переводе с языка римского права гласит: «Не дважды за одно и то же».

Однако, граждане и лица, проживающие на территории, имеют некоторые особенности в соответствии со ст. 12 УК РФ.

Европейский суд по правам человека принимает данную формулировку с оговоркой, что сегодня после распада Советского Союза многие граждане бывшего СССР, которые остались на территории иностранных государств, например, Украины, Армении и т.д. Однако, после прекращения гражданства СССР, данные граждане не вступили в гражданство Российской Федерации, а также не приобрели гражданство государства, в котором проживают.

По условиям международных договоров данные лица подлежат уголовной ответственности в России за преступление, против интересов, охраняемых ст. 2 УК РФ, совершенное вне ее пределов, если они ныне постоянно проживают в России.

Однако, если бывшие граждане СССР, переехав на постоянное место жительство в РФ без принятия гражданства несут уголовную ответственность по нормам, установленным для иностранных граждан и постоянно проживающих в РФ лиц без гражданства.

Военнослужащие воинских частей РФ, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, за преступления против интересов, охраняемых ст. 2 УК РФ, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по УК РФ.

В то же время данная категория граждан, как утверждают ученые «может быть привлечена к ответственности за совершенное преступления по уголовному законодательству того государства в котором находятся на момент совершения преступления, если это предусмотрено международным договором РФ». Данные обстоятельства позволяют привлекать к уголовной ответственности этих лиц по законодательству РФ [2, с. 45].

Главным в этом случае является условие по отношению гражданину РФ, что преступление совершено за пределами государства. Однако, как и кто будет привлечен к ответственности, если место преступление квартира в Санкт-Петербурге, где хакер, гражданин Российской Федерации разработал программу и запустил её в действие, но сервер находится за пределами государства, например, на острове Крит, Греция, а банк получатель денежных средств находится в Швейцарии. В этом случае, если кресло и компьютер находится в РФ, то действие ст. 12 УК РФ к данному гражданину не применимо. Отечественная правоприменительная практика не содержит конкретной привязки места совершения преступления, данная статья дает комментарий по месту его физического нахождения в момент причинения вреда либо иного преступного действия [4, с. 11].

Лица без гражданства и иностранцы привлекаются к уголовной ответственности в России за преступления, совершенные ими за пределами нашей страны в двух случаях.

К первому случаю относятся, предусмотренные УК РФ, например, посягающие против внешней безопасности нашего государства, за призыв к религиозной и межнациональной розни.

Ко второму случаю можно отнести преступления в соответствии с международным договором, ратифицированным РФ.

При этом статьи международных договоров должны содержать санкции в отношении преступлений предусматривающие ответственность за противодействие захвату гражданских воздушных судов, захвату заложников, пиратству, незаконному обороту наркотиков и др. Но главный принцип нарушать нельзя, который заключается, что «двойное» наказание исключается.

Итогом может быть альтернатива, когда заинтересованное государство для того чтобы привлечь лицо, за совершение преступления, вынуждено задержать его в нейтральной стране и этапировать для судебных действий.

Список цитируемой литературы:

1. Волеводз А. Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3. С. 45-51.
2. Жукова Н. А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2003. 18 с.
3. Королев Г. А. Проблемы применения универсальной юрисдикции in absentia // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 78-83.
4. Королев Г. А. Универсальная юрисдикция государств в отношении серьёзных нарушений норм международного права: автореф. дис. .канд. юрид. наук. М., 2010. 21 с.

Котенев Н.Ю., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Kotenev N.Y., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

SOME PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS

Аннотация.

В статье рассматриваются проблемы уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства в аспекте Федерального закона от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ, внесшего дополнения в ч. 3 ст. 12 УК РФ и ст. 3 УПК РФ. Автор обосновывает необходимость включения в Раздел XVI УПК РФ отдельной главы: «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел», посвященную особенностям производства по уголовным делам в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений вне пределов Российской Федерации, направленных против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, а также определения в УК РФ перечня преступлений, направленных против интересов Российской Федерации.

Abstract.

The article deals with the problems of criminal proceedings against foreign citizens and stateless persons in the aspect of Federal Law No. 375-FZ of 06.07.2016, which amended Part 3 of Article 12 of the Criminal Code and Article 3 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The author justifies the need to include a separate chapter in Section XVI of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: "Peculiarities of proceedings in certain categories of criminal cases", dedicated to the peculiarities of criminal proceedings against foreign citizens and stateless persons who do not permanently reside in the Russian Federation, brought to criminal responsibility for committing crimes outside the Russian Federation directed against the interests of the Russian Federation or a citizen of the Russian Federation or a person permanently residing in the Russian Federation stateless, as well as definitions in the Criminal Code of the Russian Federation of the list of crimes directed against the interests of the Russian Federation.

Ключевые слова: иностранные граждане, лица без гражданства, международное сотрудничество, уголовное судопроизводство, интересы РФ.

Keywords: foreign citizens, stateless persons, international cooperation, criminal proceedings, interests of the Russian Federation.

6 июля 2016 года Федеральным законом № 375-ФЗ в ч. 3 ст. 12 УК РФ и ст. 3 УПК РФ, внесены изменения и дополнения, посвященные иностранным гражданам и лицам без гражданства (в УПК РФ вступили в силу с 01.09.2016г.). Суть нововведений заключается в законодательном оформлении возможности осуществления отдельных процессуальных действий за пределами территории Российской Федерации.

Так, согласно введенной в ст. 3 УПК РФ, ч. 1.1., в случаях, предусмотренных частью третьей статьи 12 УК РФ, отдельные процессуальные действия за пределами территории Российской Федерации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства могут проводиться в соответствии с требованиями УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 12 УК РФ также процессуальные действия могут производиться в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации, в случаях, если преступления направлены против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, а

также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых УК РФ, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации.

В СКР 4 июня 2014 года создано спецуправление для расследования преступлений против мира и безопасности человечества, совершенных представителями силовых структур Украины на территории юго-востока страны. В его компетенцию входит расследование фактов многочисленных убийств гражданского населения, геноцида национальной группы русскоязычных лиц, проживающих в самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республиках, похищения людей, воспрепятствования профессиональной деятельности журналистов и их убийства, наемничества.

Исходя из анализируемых норм УК РФ и УПК РФ, условно разграничим на две группы иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации, в отношении которых возможно осуществление отдельных процессуальных действий за пределами территории Российской Федерации. К первой группе можно отнести иностранных граждан и лиц без гражданства, привлекаемых к уголовной ответственности в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства. Ко второй - иностранных граждан и лиц без гражданства привлекаемых к уголовной ответственности в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых УК РФ, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации.

По смыслу ч. 3 ст. 12 УК РФ, в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, указанных в первой группе, осуществление отдельных процессуальных действий возможно при отсутствии международного договора Российской Федерации или

иного документа международного характера, содержащего обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых УК РФ. Однако из содержания ч. 1.1. ст. 3 УПК РФ, следует, что, в отношении обоих групп отдельные процессуальные действия за пределами территории Российской Федерации могут проводиться в соответствии с требованиями УПК РФ.

Часть пятая УПК РФ посвящена международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, положения которой регулируют отношения, связанные с особенностями проведения отдельных процессуальных действий на территории иностранных государств. На первый взгляд, данные положения применимы к лицам, относящимся ко второй группе. Например, в ст. 453 УПК РФ определен порядок направления запроса о правовой помощи. При необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель направляет запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

Принцип взаимности подтверждается письменным обязательством Верховного Суда Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации или Генеральной прокуратуры Российской Федерации оказать от имени Российской Федерации правовую помощь иностранному государству в производстве отдельных процессуальных действий.

Не углубляясь в подробности изучения проблем международного сотрудничества в рассматриваемой области по действующему уголовно-процессуальному законодательству, заметим, что в нормах части пятой УПК РФ закреплена возможность осуществления процессуальных действий на территории иностранного государства исключительно компетентными органами соответствующего иностранного государства на основании поступившего запроса из Российской Федерации. Доказательства,

полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, заверенные и переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями УПК РФ.

Согласно ч. 1.1. ст. 3 УПК РФ, производство отдельных процессуальных действий возможно именно за пределами территории Российской Федерации. А это значит, что их проведение может осуществляться не только на территориях иностранных государств, но и других территориях, находящихся за пределами территории Российской Федерации - территориях, на которые не распространяется суверенитет какого-либо государства (международная территория); территориях, на которых действуют одновременно как нормы международного права, так и нормы национального законодательства прибрежных государств (территория со смешанным режимом). Следовательно, в отношении лиц, отнесенных к первой группе, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений за пределами РФ, положения части пятой УПК РФ о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства не распространяются.

Для них, проведение отдельных процессуальных действий в условиях, обозначенных ч. 1.1 ст. 3 УПК РФ, должно осуществляться на общих основаниях, без всяких исключений и особенностей.

В УПК РФ нет уголовно-процессуальных норм, в которых был бы четко определен правовой статус иностранных граждан в уголовном процессе РФ. Это объясняется тем, что согласно ст.19 Конституции РФ «Все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Установленное данной статьей положение о равенстве всех перед законом и судом базируется на международных нормах и принципах, которые выработали стандарты защиты прав и свобод человека и гражданина. Россия, являясь непосредственным членом мирового сообщества, признает и

закрепляет на конституционном уровне общепризнанные принципы и нормы международного права в области прав человека и, в частности, принцип равенства всех людей перед законом и судом, а не только граждан своего государства. Содержание ст. 19 Конституции РФ дает основание для вывода о том, что правовой статус иностранных граждан в уголовном процессе РФ не отличается от правового статуса граждан РФ [2, с. 9]. Но дело в том, что законодателем не конкретизирован процессуальный статус лиц, подпадающих под действие ч. 1.1 ст. 3 УПК РФ, в том числе, при проведении какого-либо процессуального действия в условиях отсутствия межгосударственного сотрудничества, где полноценное предварительное расследование осуществляться не может.

Универсальная юрисдикция (in absentia) является видом уголовной юрисдикции, которая основана исключительно на характере совершенного преступления безотносительно места совершения преступного деяния, гражданства лица, совершившего преступление, гражданства жертвы преступного деяния или другой связи с государством, применяющим подобный вид юрисдикции. При её осуществлении могут возникнуть проблемы процессуального характера, и одной из таких проблем является применение универсальной юрисдикции в отсутствие подозреваемого на территории государства, осуществляющего такой вид юрисдикции. Применение универсальной юрисдикции заключается в проведении расследования, следственных действий, но не всегда затрагивает судебное заседание как таковое. Согласно мнению некоторых авторов, судебное разбирательство относится к другому процессуальному институту - заочному производству и, следовательно, не может быть включено в понятие принципа универсальности in absentia [3, с. 105].

В настоящее время в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве (наряду с другими видами юрисдикции) не содержится принципа универсальности. В соответствии со ст. 12 УК РФ, Российская Федерация применяет экстратерриториальную юрисдикцию. В части формулировки «в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации» нельзя усмотреть законодательное установление принципа универсальности, поскольку соответствующие положения международных договоров должны быть трансформированы в правовую систему Российской Федерации, а сам принцип универсальности ясно выражен наряду с процессуальными условиями осуществления [3, с. 111].

Судебная практика Испании привнесла некоторую ясность в процедуру применения принципа универсальности. В частности, в деле Риос Монт Верховный суд Испании определил, что положения законодательства слишком абстрактны, чтобы инициировать уголовное судопроизводство на основе принципа универсальности, и согласно принципу суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела других государств суды Испании могут применять универсальную юрисдикцию только при наличии «элемента связи» с испанским государством. Таким элементом может выступать присутствие подозреваемого на территории Испании в момент судебной стадии уголовного процесса. Следовательно, при возбуждении уголовного дела и проведении следственных действий присутствия подозреваемого на территории Испании не требуется.

Особую значимость для понимания применимости универсальной юрисдикции имеет дело Эйхмана - главы отдела гестапо нацистской Германии по делам евреев и эмиграции, который персонально виновен в организации истребления миллионов евреев. Именно решением по этому делу Верховный суд Израиля постановил, что привлечение виновных лиц за военные преступления, преступления против человечности и геноцид носит универсальный характер. А государство, осуществляющее универсальную юрисдикцию, выступает в качестве «агента мирового сообщества» и действует с целью поддержания мира и всеобщей безопасности [1, с. 56]. Применение универсальной юрисдикции не запрещено нормами международного права. Государства вырабатывают свою позицию в политике применения универсальной юрисдикции. Они стараются следовать одному из главных предназначений универсальной юрисдикции - пресечь безнаказанность независимо от места совершения преступлений [4, с. 8].

На наш взгляд, Федеральный закон от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ, продекларировал в ч. 1.1 ст. 3 УПК РФ некие элементы принципа универсальности, без соответствующего правового механизма, позволяющего реализовать материально-правовые нормы. Так, например, в ч. 1.1. ст. 3 УПК РФ не уточняется перечень процессуальных действий, проводимых за пределами РФ. Очевидно, правоприменителю следует ориентироваться на формулировку, закрепленную п. 32 ст. 5 УПК РФ, из которой следует, что, под процессуальным действием понимается следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ.

Требуются пояснения законодателя о наименовании органов, их статусе, механизме взаимодействия между ними на уровне властно-

распорядительных полномочий на территории их дислокации за пределами РФ, а также порядок их взаимоотношений с заинтересованными органами РФ, находящимися на территории РФ и компетентными органами иностранных государств по поводу проведения соответствующих процессуальных действий, обеспечения безопасности их участников и т. п.

Кроме того, в УПК РФ не определены особые обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений вне пределов Российской Федерации, направленных против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства.

Данная ситуация усугубляется тем, что в УК РФ отсутствует отдельный перечень преступлений, направленных против интересов Российской Федерации. Органам предварительного расследования дана возможность самостоятельно определять виды подобных общественно-опасных деяний. В СКР, например, как правило, возбуждаются уголовные дела в отношении граждан Украины по ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов ведения войны) и 357 УК РФ (геноцид). В настоящее время в одном производстве соединено 53 уголовных дела о совершении представителями силовых структур Украины в Донбассе тяжких и особо тяжких преступлений. В качестве свидетелей и потерпевших допрошено более 130 тыс. человек, из них более 22 тысяч признаны потерпевшими.

В сентябре 2016 г. Главным следственным управлением СКР возбуждены два уголовных дела по фактам воспрепятствования украинскими радикалами проведению выборов депутатов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации - по ч. 2 ст. 360 УК РФ (нападение на учреждения, которые пользуются международной защитой) и по п.п. «а, в» ч. 2 ст. 141 и ст. 329 УК РФ (воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав, соединенное с применением насилия, группой лиц по предварительному сговору и надругательство над Государственным флагом Российской Федерации).

Таким образом, изменения и дополнения, внесенные Федеральным законом от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ в ч. 3 ст. 12 УК РФ и ст. 3 УПК РФ, порождают множество неурегулированных законодателем вопросов.

Как представляется, необходимо ввести в Раздел XVI УПК РФ отдельную главу: «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел», посвященную особенностям производства по уголовным делам в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений вне пределов Российской Федерации, направленных против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства.

Наряду с этим, в УК РФ необходимо определить перечень преступлений, направленных против интересов Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Волеводз А. Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3. С. 52-57.
2. Жукова Н. А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2003. 21 с.
3. Королев Г. А. Проблемы применения универсальной юрисдикции in absentia. // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 104-111.
4. Королев Г. А. Универсальная юрисдикция государств в отношении серьёзных нарушений норм международного права: автореф. дис. .канд. юрид. наук. М., 2010. 18 с.

Котенев Н.Ю., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Kotenev N.Y., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE EFFECT OF THE CRIMINAL LAW ON CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION WHO COMMITTED CRIMES OUTSIDE THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация.

В статье рассмотрено одно из основополагающих положений уголовного закона — действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации.

Abstract.

The article considers one of the fundamental provisions of the criminal law - the operation of the criminal law in relation to persons who have committed a crime outside the borders of the Russian Federation.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный закон, толкование закона.

Key words: criminal law, criminal law, interpretation of the law.

В соответствии с предписаниями действующего уголовного закона, граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие вне пределов Российской Федерации преступления против интересов,

охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом, если в отношении этих лиц по данным преступлениям не имеется решения суда иностранного государства (ч. 1 ст. 12 УК РФ); военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации (ч. 2 ст. 12 УК РФ). Эти положения, будучи результатом длительной законодательной эволюции, отражают современное решение сложного вопроса действия уголовного закона в отношении граждан России, совершивших преступление вне пределов страны, дифференцированное в зависимости от служебного статуса гражданина.

Важно обратить внимание на то, что закон, хотя и при определенных условиях, устанавливает весьма категоричное, императивное предписание о том, что граждане РФ и постоянно проживающие в стране лица без гражданства «подлежат ответственности». Тем самым в УК РФ отражается положение, закрепленное в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, согласно которому «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Согласно ч. 2 ст. 61 Конституции РФ, «Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами».

Правило об ответственности по российскому уголовному закону распространяется на граждан России и лиц без гражданства, постоянно проживающих в РФ.

Представляется интересным рассмотреть вопросы уголовной ответственности лиц, являющихся жителями Крымского полуострова, который до 2014 г. состоял под юрисдикцией Украины, совершивших противоправные преступные деяния до включения республики Крым в состав Российской Федерации. Так, на присоединенных к России территории Крымского полуострова после проведенного референдума, все жители Крымского полуострова (кроме лиц явно выразивших свое несогласие о включении в состав России) признаются гражданами Российской Федерации со всеми правами и обязанностями и ответственностью, при этом, совершенные на территории Крымского полуострова любые противоправные преступные деяния до марта 2014 года, т.е. до момента включения крымского полуострова в состав

Российской Федерации признаются совершенными на территории Российской Федерации.

Таким образом, население Крымского полуострова, отказавшиеся по каким-либо причинам получить гражданство Российской Федерации в отношении противоправных преступных деяний, совершенных до момента присоединения Крымского полуострова к Российской Федерации, признаются (в зависимости от их выбора) иностранцами или постоянно проживающими в России лицами без гражданства, совершившими преступление на территории Российской Федерации.

В рамках анализа круга лиц, подлежащих ответственности на основании правил ч. 1 ст. 12 УК РФ, необходимо обратить внимание и на такой аспект отношений гражданства, как возможность российских граждан иметь гражданство иного государства.

М.И. Блум писала: «Поскольку каждое государство в этих случаях вправе рассматривать такое лицо исключительно как своего гражданина, поскольку это право рассматривается как неотъемлемая часть государственного суверенитета, иностранное гражданство, с точки зрения внутреннего права государства, не имеет значения, постольку следует признать, что двойное гражданство не влияет на применение советского уголовного закона если только лицо находится в пределах юрисдикции Союза ССР» [1, с. 173].

Таким образом, гражданин РФ, имеющий гражданство иного государства, в случае совершения им преступления на территории иностранного государства будет рассматриваться Российской федерацией исключительно как ее гражданин со всеми вытекающими последствиями в части применения ч. 1 ст. 12 УК РФ, даже в том случае если преступление совершено им в государстве своего второго гражданства.

В описании условий ответственности граждан и лиц без гражданства, имеющих вид на жительство, за совершенные вне пределов России преступления, УК РФ устанавливает ряд содержательных ограничений. Первое состоит в том, что указанные лица могут подлежать ответственности по УК РФ только в случае совершения ими преступления против интересов, охраняемых УК РФ.

Ответственность граждан «может иметь место только в том случае, если деяние, совершенное указанными выше гражданами, признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено» [2, с. 29].

Преступления, составляющие основу универсальной юрисдикции (в том числе террористические, экстремистские преступления,

преступления геноцида, наемничества и др.), в случае их совершения за пределами России, безусловно, должны влечь ответственность для наших граждан вне зависимости от того, криминализированы ли они в стране места совершения деяния. Иные, «общеуголовные» деяния должны влечь ответственность лишь при условии их «двойной наказуемости» по законам места совершения преступления и по законам России.

Наряду с ними есть еще специфическая группа преступлений, которые, не обладая статусом международной противоправности, не образуют состава преступления по нормам российского закона, но составляют преступление по законам места совершения. Она, в свою очередь, также неоднородна, в ее рамках можно выделить две подгруппы преступлений.

Первую подгруппу образуют посягательства на национальные интересы иностранных держав (например, шпионаж в пользу России, посягательства на территориальную целостность или конституционный строй иностранного государства), которые объективно не могут быть квалифицированы по нормам отечественного закона. В случае их совершения за границей виновный может подлежать ответственности по законам места совершения преступления, если он привлечен к ответственности в стране, «потерпевшей» от преступления.

Однако в случае его пребывания в России, вопрос об ответственности остается неразрешимым, поскольку УК РФ к таким лицам не может быть применен, а сами лица – не могут быть выданы иностранному государству.

Завершающее условие, позволяющее реализовать ответственность российских граждан и постоянно проживающих в России лиц без гражданства за совершенные вне пределов России преступления, состоит в отсутствии решения суда иностранного государства по факту данного преступления.

В формулировке этого условия произошли значительные изменения. Если ранее закон требовал, чтобы лицо «не было осуждено» в иностранном государстве, то сегодня речь идет об отсутствии «решения иностранного суда».

Таким образом:

1) в современном российском уголовном праве отсутствует двойная наказуемость;

2) граждане Российской Федерации, в том числе граждане Российской федерации, имеющие гражданство иного государства, лица без гражданства, постоянно проживающие в России, несут

ответственность по отечественному Уголовному закону в случае, когда совершили преступление, обладая соответствующим государственно-правовым статусом;

3) в международно-правовом договоре, – условия ответственности за совершенное вне пределов России преступление должны быть дифференцированы в зависимости от особенностей совершенного преступления;

4) наличие решения суда иностранного государства по факту совершенного на его территории преступления должно исключать ответственность по отечественному Уголовному закону российских граждан или постоянно проживающих в России лиц без гражданства, кроме тех случаев, когда иностранное государство не желает или неспособно возбудить уголовное преследование или вести расследование должным образом, либо если судебное разбирательство было проведено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за совершенное преступление.

Список цитируемой литературы:

1. Блум М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве: учебное пособ. Рига: РИО ЛГУ им. П. Стучки, 1974. 262 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2 т. Т.1. / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 792 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021)(с изм. и доп. От 30.12.2021) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

Кочкина Д.Ю., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Левашова О.Н.

Kochkina D.Y., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: : Candidate of Law, Associate Professor
Levashova O.N.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF LEGALIZATION (LAUNDERING) CASH OR OTHER PROPERTY ACQUIRED BY ILLEGAL MEANS

Аннотация.

В статье раскрываются вопросы уголовно-правовой регламентации противодействия легализации денежных средств и имущества, полученных преступным путем в Российской Федерации. Исследуются основные уголовно-правовые характеристики данного вида преступления. Автором рассматриваются проблемы, препятствующие эффективному противодействию легализации денежных средств и имущества, полученных преступным путем.

Abstract.

The article reveals the issues of criminal law regulation of countering the legalization of funds and property obtained by criminal means in the Russian Federation. The main criminal-legal characteristics of this type of crime are investigated. The author considers the problems hindering the effective counteraction to the legalization of funds and property obtained by criminal means.

Ключевые слова: «отмывание» денег, уголовно-правовые аспекты борьбы с отмыванием денег, проблемы квалификации.

Keywords: money laundering, criminal law aspects of combating money laundering, qualification problems.

Современные проблемы борьбы с легализацией денежных средств и иного имущества, имеющих незаконное происхождение, приобретают в последнее время повышенную актуальность во всем мире. В Российской Федерации, так же как и в других странах, процесс развития рыночных отношений существенно определил развитие системы государственного контроля за движением денежных средств [1, с. 45]. Решение этой сложной задачи состояло, в первую очередь, в установлении уголовно-правовой санкции, которая препятствовало бы отмыванию денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем. В частности, 1 января 1997 г. в ст. 174 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) впервые была установлена уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Непосредственным объектом анализируемого преступления выступает установленный уголовным законодательством РФ порядок совершения финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом и их использование для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности.

Предметом данного преступления выступают денежные средства в национальной и иностранной валюте, движимое и недвижимое имущество, имущественные права, работы и услуги, результаты интеллектуальной собственности, в том числе исключительные права на них, иные объекты гражданских прав, приобретенные в Российской Федерации или за ее пределами заведомо преступным путем. Как правило, базовыми преступлениями для последующей легализации их доходов являются: 1) злоупотребления от приватизации и акционировании; 2) хищения и др.

В соответствии с диспозицией анализируемой статьи объективная сторона легализации может выражаться, на наш взгляд, в двух основных формах: 1) в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными заведомо преступным путем; 2) в использовании денежных средств или иного имущества, приобретенными заведомо преступным путем, для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности.

В частности, сделки представляют собой действия физического или юридического лица, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ) [2, с. 174]. Следовательно, финансовая операция, являясь, по сути, разновидностью гражданско-правовой сделки, включает в себя действия граждан или юридических лиц с финансовыми средствами независимо от формы и способа их осуществления, включая операции, связанные с использованием финансовых средств в качестве средства платежа, в том числе: 1) ввоз и пересылка финансовых средств на территорию государства, их вывоз и пересылка с территории государства, а также перевозка и пересылка в пределах государства; 2) осуществление международных денежных переводов на территорию государства и с территории государства; 3) иные сделки и другие действия граждан или юридических лиц, независимо от формы и способа их осуществления, по получению, отчуждению, выплате передаче, перевозке, пересылке, переводу, обмену, хранению финансовых средств, имущества, а равно по удостоверению иди регистрации таких сделок либо иных действий.

Кроме того, к организациям, осуществляющим финансовые организации такого рода, следует отнести:

- кредитные организации и их филиалы;
- казино, другие игорные заведения.

Следует отметить, что использование денежных средств и иного имущества, полученных заведомо незаконным путем, являясь при этом формой легализации незаконного характера их происхождения, может осуществляться и в законной предпринимательской или иной экономической деятельности.

Исходя из практики правоохранительных органов Российской Федерации, основными формами проявления легализации преступных доходов, могут быть:

- занижение в документах фактической стоимости приобретаемого имущества;
- приобретение за пределами Российской Федерации предприятия с участием иностранного гражданина в качестве фиктивного собственника;
- имитация покупки недвижимости по низкой цене;
- приобретение за нелегальные денежные средства иностранной валюты;
- завышение стоимости работ или услуг;
- оформление незаконно полученных денежных средств;

- продажа похищенного имущества через легально работающие торговые точки;

- смешивание на многочисленных банковских счетах легально и нелегально полученных денежных средств;

- реинвестирование в российскую экономику путем скупки акций прибыльных предприятий;

- сдача в банк денежных средств, якобы полученных в качестве дохода за демонстрацию кинофильмов или оказание иных услуг.

Субъектом рассматриваемого преступления является дееспособное лицо, достигшее 16-летнего возраста, - гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства. Кроме того, субъектами преступления являются все лица, участвующие в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или имуществом, приобретенных заведомо незаконным путем. Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в виде прямого умысла. Т.е. лицо должно осознавать, что совершает финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными заведомо преступным путем, либо использует указанные средства для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Кроме того, оно должно осознавать общественную опасность своих действий и желать их совершения. Такая трактовка означает, что совершение деяния не в крупном размере, но с наличием всех квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков охватывается рамками ч. 1 данной статьи, что не является примером для дифференциации ответственности на законодательном уровне.

Таким образом, в уголовном законодательстве России под легализацией преступных доходов понимаются умышленные действия по приданию правомерного вида пользованию, владению или распоряжению доходами, полученными заведомо незаконным путем. Причем, при легализации основной целью является придание имуществу видимости законного приобретения. Впоследствии данное имущество, приобретенное преступным путем, может использоваться для осуществления законной предпринимательской или иной экономической деятельности, при этом смены владельца не происходит.

Решающую роль в данной ситуации играет недостаток высококвалифицированных специалистов, способных эффективно

использовать различные нормы и институты гражданского, финансового, административного и уголовного права.

Список цитируемой литературы:

1. Баньковский А.Л., Михайлов В.И., Трошкин Е.З. Противодействие легализации «грязных» доходов: правовые и организационные формы / Общ.ред. В.И. Михайлова. Минск: Тесей, 2001. 398 с.
2. Сборник международно-правовых документов и национальных нормативных правовых актов по вопросам оперативно-розыскной деятельности / сост. В.В. Бачила, И.В. Ломоть, С.А. Кадушкин, В.Б. Шабанов. Минск: ООО «ИПА «Регистр», 2001. 488 с.

Кочкина Д.Ю., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Левашова О.Н.

Kochkina D.Y., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: : Candidate of Law, Associate Professor
Levashova O.N.

СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

THE ESSENCE, CAUSES AND CONDITIONS OF LEGALIZATION (LAUNDERING) MONEY OR OTHER PROPERTY ACQUIRED BY CRIMINAL MEANS

Аннотация.

Статья посвящена анализу понятия «легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем», разрешению отдельных процедурных вопросов, определяющих сущность легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, выявлению ее причин, а также условий, способствующих совершению данного преступления, анализу эффективности принимаемых профилактических мер. На основе статистических данных изучено состояние преступности в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, произведена оценка эффективности противодействия подобным преступным деяниям как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Проанализированы противоречия в законодательстве, касающиеся понятийного аппарата. На основе данных Росфинмониторинга выделены сферы, наиболее подверженные легализационным рискам. В каждой сфере выделены причины и условия совершения рассматриваемого преступления. Приведены некоторые результаты применения антилегализационных

мер. Сделаны выводы о необходимости внесения изменений в соответствующие нормы уголовного законодательства и о корректировке направленности мер предупредительного характера.

Abstract.

The article is devoted to the analysis of the concept of "legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means", the resolution of certain procedural issues that determine the essence of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, the identification of its causes, as well as conditions conducive to the commission of this crime, the analysis of the effectiveness of preventive measures taken. On the basis of statistical data, the state of crime in the field of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means was studied, and the effectiveness of countering such criminal acts was assessed both at the international and domestic levels. Contradictions in the legislation concerning the conceptual apparatus are analyzed. Based on Rosfinmonitoring data, the areas most exposed to legalization risks are identified. In each area, the reasons and conditions for the commission of the crime in question are highlighted. Some results of the application of anti-legalization measures are presented. Conclusions are drawn about the need to amend the relevant norms of criminal legislation and to adjust the orientation of preventive measures.

Ключевые слова: легализация, отмывание, экономическая деятельность, наркотические средства, финансовые потери, фиктивная легализация.

Keywords: legalization, laundering, economic activity, narcotic drugs, financial losses, fictitious legalization.

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (далее - легализация) (ст.ст. 174, 1741 УК РФ) - один из основных инструментов преступного воздействия на экономическую сферу. Масштабы финансовых потерь от легализации и ее негативное влияние прослеживаются через статистические данные. Так, в 2019 году зарегистрировано 946 фактов легализации (ст.ст. 174, 1741 УК РФ), что лишь на 4,7 % меньше, чем в 2018 г., из них предварительно расследовано 795 преступлений, по которым установлено 723 лица. В суд направлены уголовные дела в отношении 624 лиц по 692 преступлениям.

Актуальной проблема противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, становится и в связи с развитием информационных технологий, переходом рыночных отношений в киберпространство.

Статья 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» предлагает следующее определение легализации: «Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, - придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления». Данное определение обобщенное и требует конкретизации - каким именно способом может быть придан правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом?

Процесс легализации денежных средств, как правило, происходит в три этапа:

1. Размещение предмета легализации (вывоз за пределы Российской Федерации, размещение на счетах, вложение).

2. Наслоение (процесс дальнейшего движения денежных средств или имущества между субъектами экономической деятельности с целью сокрытия следов их происхождения).

3. Интеграция (проведение внешне законных сделок с предметом легализации, слияние денежных средств или иного имущества с имуществом, находящимся у субъекта экономической деятельности на законных основаниях).

Далее разложим на перечисленные этапы деятельность граждан Л. и Ж., совершивших хищение и последующую легализацию денежных средств.

Денежные средства частично были преобразованы в активы на территории Лихтенштейна и Острова Кука (7 млрд руб.), в результате чего Л. и Ж. извлекли прибыль.

Одним из последних ярких примеров легализации денежных средств является уголовное дело, возбужденное в отношении бывшего министра финансов Подмосковья А. Кузнецова, совершившего хищение денежных средств путем мошенничества (ст. 159 УК РФ) и растраты (ст. 160 УК РФ).

Как видно из примеров, сущность легализации денежных средств и иного имущества, добытого преступным путем, может выражаться в различных действиях, направленных на сокрытие следов предикатного преступления и придание правомерного вида владению,

пользованию и распоряжению незаконно добытых денег или имущества. Отсюда и используемый законодателем термин «легализация», т. е. «узаконивание». Однако стоит обратить внимание на тот факт, что законодатель как в названии, так и в диспозиции ст.ст. 174 и 1741 УК РФ, не отказался от слова «отмывание», имеющего мало общего с юридической терминологией и использовавшегося по одной версии известным преступником Аль Капоне, незаконно реализовывающим спиртосодержащую продукцию, а полученные от реализации деньги смешивавшим с наличным оборотом американских прачечных, а по другой - введенного газетой «The Guardian» в ходе освещения факта незаконного финансирования избирательной кампании кандидата в президенты США Ричарда Никсона.

Таким образом, «легализация» - условный термин, используемый законодателем как наиболее полно отражающий суть юридического факта, но тем не менее требующий уточнения за счет термина «отмывание».

Необходимо отметить также, что понимание термина «легализация» в трактовке ФЗ № 115 не совпадает с определением, предложенным международным нормативным актом - Конвенцией против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Конвенция не указывает особую цель легализации - придание правомерного вида пользованию, владению или распоряжению имуществом, добытым преступным путем, в отличие от национального законодательства. УК РФ отсутствие подобной цели при наличии схожих признаков объективной стороны преступления связывает уже с другим противоправным деянием - приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ).

Согласно экономическому словарю легализацию понимают в двух смыслах:

1) узаконение, придание юридической сил, разрешение деятельности организации;

2) подтверждение подлинности и юридической силы документа, выданного в другом государстве, в форме удостоверительной надписи [2, с. 201].

Ни одно из предложенных определений не подходит под вид деятельности, описанный в ст.ст. 174, 1741 УК РФ. Незаконно полученные денежные средства или имущество ни при каких обстоятельствах не смогут приобрести статус приобретенных на законных основаниях.

Рассматривая вопрос о детерминантах преступности и отдельного вида преступлений, в криминологии принято выделять причины и условия. Причины легализации очевидны и являются как бы продолжением причин предикатных преступлений. Их две: алчность и необходимость сокрытия следов предикатного преступления. Чтобы решить вопрос об объективных причинах легализации денежных средств и иного имущества, полученного преступным путем, как негативное социальное явление, выступающих условиями для предикатных преступлений, необходимо рассмотреть особенности общественных отношений в различных сферах.

Росфинмониторинг выделяет четыре сферы, в которых совершаются предикатные преступления, а полученным в результате преступлений денежным средствам в последствии придается легальный статус:

- бюджетная сфера (хищение государственных средств и активов, налоговые преступления);
- коррупция (злоупотребление должностными полномочиями, получение и дача взяток, коммерческий подкуп);
- кредитно-финансовая сфера (мошенничество);
- незаконный оборот наркотиков.

Объективные причины и условия

легализации совпадают с причинами совершения предикатных преступлений в указанных сферах.

1. Бюджетная сфера.

Среди условий совершения преступлений в бюджетной сфере можно назвать следующие:

а) недостатки в организации служебной деятельности должностных лиц: нерациональное распределение обязанностей; недостаточная или чрезмерная загруженность должностных лиц; отсутствие четкой регламентации прав и обязанностей; ненадлежащий внутренний контроль за выполнением должностным лицом действий, связанных с расходованием бюджетных средств;

б) недостатки в подборе и расстановке кадров: принятие на ответственные должности недобросовестных лиц (в том числе в силу коррупционных связей);

в) отсутствие эффективной системы финансового контроля.

С целью устранения перечисленных причин, условий и возникающих в связи с ними рисков органами государственной власти осуществляется межведомственное взаимодействие. Так, например, в результате межведомственного взаимодействия выявлена и пресечена деятельность картеля, действовавшего на тендерах по строительству,

реконструкции (ремонту) аэропортов и взлетно-посадочных полос в рамках Федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010-2020 гг.)». В результате компании договорились не конкурировать на торгах и заключать контракты по начальной (максимальной) цене контракта или с незначительным снижением на общую сумму 24,7 млрд руб.

Причины коррупции принято делить на экономические (которые указаны выше), институциональные и социально-культурные. К институциональным причинам относится высокий уровень закрытости в работе государственных ведомств, громоздкая система отчетности, отсутствие прозрачности в системе законотворчества, слабая кадровая политика государства, допускающая возможности продвижения по службе вне зависимости от действительных результатов работы служащих. Социально-культурными причинами коррупции выступают деморализация общества, недостаточная информированность и организованность граждан, общественная пассивность.

Так, примером выявления преступных деяний на основании представленных сведений о доходах и расходах может служить громкое дело бывшего заместителя руководителя управления Росрезерва по СФО, обвиняемого в получении взяток от предпринимателей на общую сумму около 110 млн руб. Полученные незаконным путем деньги в последствии были легализованы, на них приобретено десять автомобилей, коллекция часов и охотничьих ружей.

Причинный комплекс преступлений в кредитно-финансовой сфере, как и в коррупционной, отличается сложностью и состоит из целых групп причин:

а) социально-экономических: неэффективная модель экономических преобразований; неэффективная социально-экономическая политика; относительно низкое качество аудиторской деятельности; неэффективность контроля за формированием уставного капитала коммерческих банков; недостатки контроля за правомерностью открытия счетов;

б) социально-политических: ослабление государства и институциональные дисфункции; неэффективность системы контроля за деятельностью банков;

в) правовых: несовершенство правовых регуляторов общественных отношений; незащищенность субъектов экономической деятельности от недобросовестных сделок, в том числе и уголовно-правовыми средствами;

г) социально-психологических: неудовлетворенность своим социальным статусом; избегание решения проблем сложным, но законным способом.

Так, на основании анализа информации, поступившей из ЦБ РФ, выявлена группа физических лиц, связанная с А., которая причастна к выводу активов из ряда банков с использованием подконтрольных ей инвестиционных компаний и кредитных организаций. Указанный анализ лег в основу уголовных дел.

Данный вид преступной деятельности характеризуется сложным причинным комплексом. С точки зрения экономики, оборот наркотиков - прибыльный бизнес, поскольку потребители готовы платить большие суммы за требуемый товар. Для стран с низким уровнем экономического развития наркобизнес является едва ли не самым прибыльным видом деятельности. Отсутствие надлежащего контроля за оборотом наркотикосодержащих лекарственных препаратов в фармацевтической и медицинской сферах выступает как причиной, так и одним из условий распространения наркопреступлений. Одной из причин являются и психологические факторы, когда лица, не сумевшие преодолеть жизненные сложности, не могут противостоять желанию употребить наркотические средства якобы для улучшения своего морального состояния.

Схема легализации денежных средств через криптовалюту является сегодня одной из самых популярных. Таким образом, причины легализации вытекают из причин и условий совершения предикатных преступлений (хищений, должностных, налоговых преступлений).

По факту легализацию можно представить в качестве последнего или заключительного этапа переформирования преступности в эффективный и высокодоходный вид нелегального предпринимательства. По справедливому утверждению В. Е. Батюковой, первоочередная роль в противодействии легализации отводится банковским учреждениям, которые выступают своего рода наблюдателями, могут отслеживать законность финансовых операций, предотвращать незаконные действия самостоятельно и передавать информацию в правоохранительные органы [1, с. 131].

Кроме эффективной деятельности банков, огромное значение имеет международное сотрудничество в сфере противодействия легализации, учитывая тот факт, что значительная часть незаконно полученных денежных средств направляется за рубеж. Среди наиболее известных международных проектов «Взаимная "заморозка"», «Типологии отмывания преступных доходов». В настоящее время

свою работу на международном уровне осуществляет ряд совещательных органов, которые реализуют многочисленные проекты, направленные на противодействие легализации:

- ФАТФ, о которой выше уже упоминалось (проводит исследование, касающееся профессиональных сетей отмывания денежных средств);
- МАНИВЭЛ (Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег);
- ЕАГ (Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма);
- АТГ (Азиатско-Тихоокеанская группа);
- СРПФР (Совет руководителей подразделений финансовой разведки Содружества Независимых Государств).

Таким образом, в целях совершенствования законодательного регулирования противодействия легализации преступных доходов необходимо рекомендовать законодателю внести изменения в ст.ст. 174 и 1741 УК РФ, заменив в названии и диспозиции указанных статей слова «легализация (отмывание)» словами «фиктивная легализация». С учетом того, что причины и условия легализации в значительной степени предопределены причинами и условиями предикатных преступлений, первоочередное внимание следует уделить профилактическим мерам по отношению к последним. Особое внимание в предупреждении легализации следует уделить выработке алгоритма взаимодействия банков с правоохранительными органами.

Список цитируемой литературы:

1. Батюкова В. Е. Вопросы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 131-135.
2. Разберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. 476 с.

Кретова В.В, студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Kretova V.V., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

RESPONSIBILITY FOR HOSTAGE TAKING AND ITS DIFFERENCE FROM ILLEGAL DETENTION OF FREEDOM AND KIDNAPPING

Аннотация.

Настоящая статья посвящена особенностям уголовной ответственности за захват заложников как разновидности преступлений против общественной безопасности, в частности, преступлений террористического характера. Рассмотрены критерии отграничения состава преступления, предусмотренного статьей 206 Уголовного кодекса РФ, с незаконным лишением свободы и похищением человека.

Abstract.

This article is devoted to the peculiarities of criminal liability for taking hostages as a variety of crimes against public safety, in particular, crimes of a terrorist nature. The criteria for delimitation of the corpus delicti of the crime provided for by Article 206 of the Criminal Code of the Russian Federation, with illegal imprisonment and kidnapping, are considered.

Ключевые слова: захват заложников, терроризм, преступления террористического характера, общественная безопасность,

посягательства на свободу человека

Keywords: hostage-taking, terrorism, crimes of a terrorist nature, public safety, infringements on human freedom

Захват заложников в любой его форме и проявлении, по своей интенсивности и масштабам, жестокости и бесчеловечности является одним из опаснейших преступлений против общественной безопасности. Акты захвата заложников влекут за собой серьезные человеческие жертвы, поскольку наносят большой урон культурным, материальным, духовным ценностям. Как справедливо отмечает А.М. Гараева, «захват заложника относится к числу транснациональных, конвенционных преступлений, поэтому оно может причинять вред не только общественной безопасности, жизни и здоровью людей, личной свободе, безопасности и неприкосновенности человека, но и отношениям Российской Федерации с другими государствами» [1, с. 173].

Рост террористических ячеек, использующих захват заложников в качестве одного из инструментов для достижения своих целей, обусловил необходимость создания международной системы противодействия им. Вместе с тем широкое распространение в последние годы получил криминальный захват заложников, осуществляемый организованными преступными группировками для уничтожения и устрашения конкурентов, а также для воздействия на государственную власть и принимаемые ей решения, чтобы добиться максимально лучших условий для себя.

В связи с этим проблема правового регулирования уголовной ответственности за захват заложников продолжает оставаться актуальной, а вопросы квалификации незаконных действий, направленных на захват или удержание лица в качестве заложника, совершенных в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника, продолжают оставаться предметом многочисленных теоретических дискуссий.

Уголовная ответственность за захват заложника установлена в статье 206 Уголовного кодекса РФ [5]. Данное посягательство законодательно расположено в главе 24, посвященной преступлениям против общественной безопасности, ввиду чего объектом преступления, исходя из расположения нормы, являются общественные отношения, регламентирующие основы обеспечения безопасных условий существования общества. При этом

дополнительным объектом преступления могут выступать жизнь и здоровье человека.

Объективная сторона преступления выражается в совершении активных действий, которые указаны в диспозиции статьи: захват или удержание лица. Захват заложника - это определенное физическое воздействие, которое ограничивает лицо совершать какие-либо действия самостоятельно, а для освобождения от таких ограничений ставятся определенные условия. Под удержанием следует понимать создание условий, при которых человек не может покинуть того места, в котором находится, и сопряжённое с насильственными действиями.

Рассматриваемое посягательство может совершаться различными способами: тайным, открытым, насильственным, ненасильственным. Насильственный захват, квалифицируемый по ч. 1 ст. 206 УК РФ, должен сопровождаться насилием, не опасным для жизни или здоровья, т. е. не выходить за рамки нанесения побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115. Разновидностью ненасильственного захвата может являться захват путем обмана потерпевшего.

Из текста статьи можно сделать вывод о том, что преступление относится к категории формальных, т.е. для наступления ответственности не требует наступления общественно опасных последствий. Преступления является оконченным с момента фактического ограничения свободы человека либо препятствования лицу покинуть место, в котором он находится.

Захват заложника связан с угрозой причинения вреда его жизни или здоровью в случае невыполнения, предъявленных государству, организации или гражданину требований. При этом для квалификации преступления не имеет значения характер требования, законным или незаконным оно является.

Анализ субъективной стороны преступления позволяет говорить о вине в форме прямого умысла. Обязательная составляющая умысла это цель – принуждение конкретных адресатов к выполнению определенных действий или воздержание от конкретного поведения как условия освобождения заложников. Необходимо отметить, что для данного вида преступления цель является факультативным конструктивным признаком и носит двойственный характер: может быть, как первичной, так и вторичной.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Но, как показывает практика, зачастую это совершеннолетние лица, с уже сформировавшимися взглядами и

идеями. Состав преступления формирует особенности способа совершения преступления, требующего обычно значительной физической силы для преодоления сопротивления жертвы и его удержания при соблюдении мер конспирации.

В свою очередь, квалифицирующие признаки исследуемого состава преступления закреплены в ч. 2 ст. 206 УК РФ. К таковым законом отнесены те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору – представляет собой группу лиц, которые заранее договорились совершить данное преступление вместе;

б) утратил силу;

в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья – которое включает в себя вред здоровью любой степени тяжести;

г) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия – означает фактическое их использование для причинения вреда здоровью человека;

д) в отношении заведомо несовершеннолетнего – в силу своих психоэмоциональных особенностей, а также отсутствия жизненного опыта и правовых знаний, несовершеннолетний гораздо проще поддается влиянию субъекта преступления;

е) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности – обязательно сопровождается заведомостью данного деяния. Как и в случае с несовершеннолетними, такие женщины во многом не в состоянии постоять за себя, поэтому они становятся «легкой добычей»;

ж) в отношении двух или более лиц – характеризуется одновременным совершением посягательства на нескольких потерпевших. Однако возможен и последовательный захват нескольких человек, совершаемый с единым умыслом.;

з) из корыстных побуждений или по найму – предполагает, что виновный стремится получить материальную выгоду либо избавиться от материальных затрат или виновный захватывает или удерживает заложника за вознаграждение от третьих лиц [3, с. 15].

Что касается особо квалифицированных составов захвата заложников, то уголовная ответственность за указанное посягательства предусмотрена в чч. 3-4 рассматриваемой нормы. При этом ч. 3 устанавливает совершение преступления организованной группой либо если оно повлекло по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия; а ч. 4 - если действия повлекли умышленное причинение смерти человеку.

Важно подчеркнуть характер особого условия освобождения от

уголовной ответственности за анализируемое преступление. Так, если лицо добровольно или по требованию властей отпускает заложника, то оно освобождается от уголовной ответственности, но с учетом, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

В рамках исследования дефиниции посягательства, предусмотренного ст. 206 УК РФ, следует отметить наличие смежных составов деяний, которые нередко вызывает проблемные аспекты в процессе квалификации и правоприменения, в частности, разграничение с незаконным лишением свободы и похищением человека.

Под незаконным лишением свободы следует понимать деяния, непосредственно посягающие на свободу человека, а также на честь и достоинства личности как блага, принадлежащие всякому человеку от рождения. Т.е. действия, состоящие в ограничении личной свободы потерпевшего (свободы передвижения), не связанные с его похищением, а именно: насильственное удержание человека, в каком-либо помещении путём водворения в него, запирания в этом помещении, связывания потерпевшего.

Субъектом данного преступления будет являться вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона лишения свободы характеризуется только прямым умыслом, когда виновный осознает, что он незаконно лишает свободы другого человека, и желает этого. Мотивом при незаконном лишении свободы может быть корысть, месть, способствование совершению другого преступления, хулиганские и другие побуждения.

Таким образом, критериями отграничения захвата заложника от незаконного лишения свободы выступают объект: при захвате заложника посягательство совершается на общественную безопасность, в то время как при незаконном лишении свободы – право человека на свободу; объективная сторона: в форме и реализации непосредственных действий, которые были раскрыты выше; а также субъект деяния.

Говоря об особенностях разграничения захвата заложника и похищения человека, следует отметить, что критериями выступают: объект посягательства и объективная сторона. Если при захвате заложника в большей степени страдают общественные отношения по обеспечению безопасности, то при похищении человека – общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации человеком права на свободу местопребывания и перемещения и обеспечивающие безопасность свободы как важнейшего социального блага.

Вместе с тем объективная сторона похищения человека выражается в противоправных действиях, сопряженных с тайным или открытым либо с помощью обмана завладением (захватом) живым человеком, изъятием и перемещением с места его постоянного или временного нахождения с последующим удержанием против его воли в другом месте [4, с. 68]. Таким образом, похищение складывается из двух действий: захвата лица и его перемещения, в то время как захват заложника предполагает захват лица и его удержание. Кроме того, факт удержания при захвате заложников всегда носит открытый характер, а при похищении он известен только ограниченному кругу лиц. Захват заложников, как правило, происходит в местах общего пользования и на транспорте, при похищении местом захвата выступают место жительства, учебы, работы, подступы к ним, прилегающая территория, где жертву легко выследить.

Захват заложников крайне редко связан со строго определенной жертвой. В большинстве случаев преступникам безразлично, кто выступит заложником, хотя для усиления эффекта в качестве заложников могут быть избраны несовершеннолетние.

В рамках анализа соотношения составов похищения человека и захвата заложников, В.А. Гаужаева и А.М. Шамаев обращают внимание на санкции, установленные законодателем за указанные преступления и отмечают, что «состав «Захват заложника» наказуем в большей степени, чем состав «Похищение человека». Такая оценка действиям по захвату заложников обусловлена их дерзким и вызывающим характером, особенностями предъявления требований, которые выдвигаются не тайно, а открыто, и в последующем они становятся известными правоохранительным органам» [2, с. 189].

На основании изложенного, с учетом указанных особенностей уголовной ответственности за захват заложника, предусмотренной в статье 206 УК РФ, следует подчеркнуть, что захват заложников является одним из наиболее опасных посягательств против общественной безопасности и неслучайно обладает террористической направленностью, поскольку способно вызвать серьезный общественный резонанс, нарушить адекватную деятельность органов государства и может окончиться смертью людей, а также иными тяжкими последствиями.

Захват заложников характеризуется формальной конструкцией состава, с общим субъектом, объективная сторона которого заключается в захвате как физическом ограничении, перемещении и удержании лица с невозможностью его добровольно покинуть местонахождения.

В ходе анализа захвата заложников были выявлены смежные составы преступлений, предусмотренных статьями 126 и 127 Уголовного кодекса РФ, а также определены основные признаки, позволяющие отграничивать данные преступные посягательства друг от друга в целях недопущения ошибок в соотнесении конкретно совершенного деяния с нормой закона, предусматривающей ответственность за него.

Список цитируемой литературы:

1. Гараева, А.М. Уголовно-правовая характеристика захвата заложников // Научный электронный журнал Меридиан. 2021. № 5 (58). С. 171-173.
2. Гаужаева, В.А., Шамаев, А.М. Общая характеристика состава захвата заложников // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2017. Т. 3. № 4. С. 188-190.
3. Казарьянц, А.А. Борьба с захватом заложника: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. …канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Казарьянц. Ростов-на-Дону, 2004. 29 с.
4. Романова, А.С. Отграничение похищения человека от захвата заложника // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. 2015. С. 67-70.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Куделин И.Б., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор Соловьёва В.В.

Kudelin I.B., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Doctor of Historical Sciences, Professor Solovyova V.V.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

THEORETICAL FOUNDATIONS OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINALITY IN CRIMINAL LAW

Аннотация.

С момента закрепления в УК РФ института обстоятельств, исключающих преступность деяния, возникли и до сегодняшнего дня остаются нерешенными целый ряд проблем как правотворческого, так и правоприменительного характера, устранение которых необходимо для организации правильного отправления правосудия и укрепления законности в правовом обществе, обеспечения защиты прав граждан от преступных и иных общественно опасных посягательств.

Abstract.

From the moment of fixing in the Criminal Code of the Russian Federation the institute of circumstances excluding the criminality of an act, a number of problems of both law-making and law-enforcement nature have arisen and remain unresolved to this day, the elimination of which is necessary to organize the proper administration of justice and strengthen the rule of law in a legal society, to ensure protection the rights of citizens from criminal and other socially dangerous encroachments.

Ключевые слова: уголовное право, институт обстоятельств, исключающих преступность деяния

Key words: criminal law, the institution of circumstances excluding

the criminality of an act

Существует несколько теорий, касающихся природы таких обстоятельств. Согласно первой, наиболее известной и общепринятой теории преступность деяния исключается ввиду того, что отсутствует материальный признак такой преступности: общественная опасность совершённого деяния; при этом вред, который причиняется деянием рассматривается как «общественно нейтральный» или даже «общественно полезный». Данная концепция была разработана советской уголовно-правовой доктриной.

В последнее время учёными предпринимаются попытки создать новые объяснения юридической природы таких обстоятельств. Интерес представляет, например, теория «внешнего фактора», согласно которой исключается признак не общественной опасности деяния, а его противоправности: причинённый вред считается допустимым при наличии предусмотренных законом оснований такой допустимости[2, с.8].

Согласно ещё одному мнению, обстоятельства данной категории исключают ответственность в силу социальной полезности деяний, совершаемых в предусмотренных законом условиях[7, с.23].

Наконец, некоторые специалисты указывают, что основания исключения преступности деяния носят комплексный характер: отказ государства от уголовного преследования (исключение противоправности) в данной ситуации связано с отсутствием общественной опасности деяния, а также с возможным отсутствием вины лица в его совершении [4, с.33].

Существуют и другие концепции, рассматривающие указанные обстоятельства [10, с. 83].

Нетрадиционной является концепция состава обстоятельств, исключающих преступность деяния. По аналогии с составом преступления и его элементами, предлагал в свое время разрешать вопрос о правомерности или неправомерности содеянного А.А. Пионтковский [8, с.255]. Состав оборонительных действий видел при необходимой обороне В.И. Ткаченко [11, с.30]. Объективную сторону обороны исследовал Э.Ф. Побегайло [9, с.5], выделял объективную и субъективную сторону Т.Г. Шавгулидзе [12, с.25-26].

Состав правомерного поступка, исключающего преступность деяния, разработал в своё время Ю.В. Баулин [1, с. 145], включив в него объект, субъект, объективную сторону и субъективный контроль совершаемого поступка.

Еще дальше пошел Г.С. Курбанов [3, с.35], предлагая

использовать понятие «состав» к любому юридическому факту, в том числе к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Он предпринял попытку рассмотреть указанное поведение в качестве состава обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяния. Однако, по мнению А.И. Ситниковой, «автор совершил подмену понятий и вместо обозначенных им обстоятельств, исключающих ответственность, рассмотрел деяния, совершенные при наличии этих обстоятельств» [10, с.80-81].

Примеру упомянутых ученых последовали: Г.В. Назаренко, развивший идею состава необходимой обороны, крайней необходимости и задержания и В.Н. Винокуров, пришедший к выводу, что использование состава правомерного деяния позволит детально описать законность причинения вреда, выявить наиболее существенные признаки действий по устранению опасности и совершенствовать правоприменительную деятельность.

Значительным событием в развитии института необходимой обороны стала монография В.В. Меркурьева, который предложил модель необходимой обороны как целостной системы, состоящей из элементов аналогичных составу преступления. Мы солидарные с его мнением о том, что таковая модель позволит отграничить правомерную оборону от её эксцесса и простых составов преступлений против личности.

А.И. Ситникова, в свою очередь, полагает «ввести в научный оборот понятие «состав правомерного (непреступного) причинения вреда» в качестве общей модели обстоятельств, исключающих преступность деяния. Под составом правомерного (непреступного) причинения вреда при наличии исключительных обстоятельств следует понимать совокупность признаков, исключающих преступность деяния в случаях причинения вреда правам и законным интересам. Элементами этого состава являются: основание совершаемых действий, объект защиты, цель причинения вреда, способ действий, пределы действий во времени и условия правомерности причинения вреда» [10, с. 139].

Несмотря на, казалось бы, положительные стороны вышеупомянутых концепций, на наш взгляд, все они грешат громоздкостью конструкций, а в конечном итоге сводятся к условиям правомерности причинения вреда.

Таким образом, являясь приверженцем традиционного похода к правовой оценке правомерного причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, позволим себе усомниться в действенности вышеперечисленных предложений и

сконцентрироваться на устоявшемся подходе анализа условий правомерности того или иного обстоятельства. Поскольку таковые обстоятельства имеют ярко выраженную общественно- полезную и социально-значимую окраску, на наш взгляд, следует скорректировать условия их правомерности максимально «комфортно» для адресата этих положений – не только и не столько правоохранителя (полицейского, следователя, судью), но и простого гражданина, далекого от догматических построений юридических конструкций, понятных лишь узкому специалисту.

Эти условия традиционного подразделяются на две группы: характеризующие опасность (угрозу, проблему, которую необходимо разрешить и т. п.); и характеризующие поведение лица по реализации своих прав (обязанностей), в результате которого причиняется вред охраняемым уголовным законом интересам.

Необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние, крайняя необходимость и иные обстоятельства, указанные в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляют собой, несомненно, общественно полезную деятельность (за исключением, пожалуй, обстоятельства, предусмотренного ст. 40 УК РФ). Право на их осуществление имеют все без исключения граждане, а для сотрудников правоохранительных органов (МВД, ФСБ и других) все перечисленное представляет собой прямую обязанность, возложенную на них законами и иными нормативными актами.

С момента вступления в силу действующего уголовного закона прошло более 20 лет, однако практика применения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, до сих пор не выработала единого подхода.

Небезупречны с точки зрения законодательной техники и соответствующие законодательные формулировки статей, содержащихся в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, проблемным вопросом остается согласование положений нормативно-правовых актов, регламентирующих причинение вреда охраняемым законом интересам, с нормами УК РФ (в частности, Федеральных законов «О полиции», «О противодействии терроризму», «О Федеральной службе безопасности»). Причем это регулятивное законодательство также подвержено изменениям. Например, в 2015 г. были расширены полномочия сотрудников ФСБ на применение физической силы, специальных средств и оружия.

Наличие обстоятельств, исключающих преступность деяния, в иных, нежели Уголовный кодекс РФ, нормативных правовых актах, в

том числе, не имеющих статус закона, на наш взгляд, порождает несколько проблем. Во- первых, это снижение статуса самого уголовного законодательства, исключительной прерогативой которого выступает определение преступности и наказуемости деяний, а также их непреступности. Во-вторых, отражение в «отраслевом» или специальном законодательстве порождает коллизии между различными законами, что, в конечном счете, приводит к проблемам их правоприменения. В-третьих, наконец, подобная бланкетность и неудобна и нелогична. Чтобы признать поведения лица правомерным, необходимо обратиться не к единому нормативному правовому акту – Уголовному кодексу, а проверить его поведение на соответствие нормам, прямо не предусматривающим уголовную ответственность.

Важно и то, что нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, являются в большинстве своем дозволительными, т. е. рассчитанными на их активную реализацию гражданами, однако без достаточных юридических знаний, дополнительных разъяснений малоприменимы как гражданами, так и сотрудниками правоохранительных органов.

Актуальным выглядит и наше предложение об изменении нынешнего названия главы 8 УК на «Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния», с изъятием из нее чужеродных в этом отношении обстоятельств, указанных сейчас в ч. 1 ст. 40 и ст. 42 УК РФ [5, с.17].

Разработка концептуальных основ обстоятельств правомерного причинения вреда позволила выработать определение обстоятельств, исключающих преступность деяния [13, с.37], которое, на наш взгляд, в дальнейшем должно получить соответствующее закрепление в уголовном законодательстве.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния – это предусмотренные уголовным законом, объективные условия правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, совершаемые для защиты иных более значимых охраняемых уголовным законом интересов или достижения общественно полезных целей.

Законодательное закрепление подобного определения, как своеобразного эпиграфа к главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, возможно позволит, наконец, положить конец спору о юридической природе указанных обстоятельств, а также позволит сместить акцент в сфере действия норм, закрепленных в иных нормативных правовых актах в уголовно-правовое русло, а также оценивать совершенные при указанных обстоятельствах, деяния,

исключительно с точки зрения уголовного законодательства.

Список цитируемой литературы:

1. Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Х.: Изд-во при Харьк. ун-те 1991. 359 с.
2. Блинников В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2014. 216 с.
3. Курбанов Г.С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния. Баку : Гянджлик, 1991. 121.
4. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 216 с.
5. Милюков С.Ф. Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния. СПб., «Юридический центр Пресс», 2004. 505 с.
6. Назаренко Г.В. Русское уголовное право: Курс лекций. М.: Ось-89, 2000. 253 с.
7. Пархоменко С.А. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 768 с.
8. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. 2. М.: Наука, 1970. 516 с.
9. Побегайло Э.Ф., Ревин В. П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1987. 55 с.
10. Ситникова А.И. Доктринальные модели и законодательные конструкции института обстоятельств, исключающих преступность деяния: монография. Орел: Орел ГТУ, 2009. С. 83- 93. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
11. Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву. М.: Юрид. лит., 1979. 119 с.
12. Шавгулидзе Т.Г. Необходимая оборона. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 158 с.
13. Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения: монография. М.: ИД«Юриспруденция», 2018. 268 с.

Лапырис А.Д., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Шауро И.Г.

Lapyris A.D., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Shauro I.G.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

CLASSIFICATION OF CRIMES AGAINST THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN

Аннотация.

Предметом исследования является классификация преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в главе 19 УК РФ. Анализируются предлагаемые в научной литературе классификации преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, сложности в определении непосредственного объекта отдельных преступлений. Приводятся тенденции развития системы преступлений против конституционных прав. Доказывается, что закрепленные в главе 19 УК РФ составы преступлений не охватывают всех известных уголовному закону посягательств на права граждан.

Abstract.

The subject of the study is the classification of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen in Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation. The classifications of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen proposed in the scientific literature, the difficulties in determining the direct object of individual crimes are analyzed. Trends in the development of the system of

crimes against constitutional rights are given. It is proved that the elements of crimes enshrined in Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation do not cover all the encroachments on the rights of citizens known to the criminal law.

Ключевые слова: классификация, преступление, конституционные права, непосредственный объект, квалификация.

Keywords: classification, crime, constitutional rights, direct object, qualification.

Классификация является одним из методов познания окружающего мира посредством распределения в определенной последовательности либо группировки отдельных элементов изучаемых объектов.

Данный общенаучный прием применим и для классификации преступлений.

Фактически, уголовному закону известны две классификации преступлений, которые встречаются в Общей и Особенной части УК РФ: это их разграничение в зависимости от тяжести санкции и формы вины (статья 15 УК РФ - категории преступлений), которые обусловлены характером и степенью общественной опасности, и их группировка в зависимости от объекта преступления (статьи 105 - 360 УК РФ).

Объект преступления имеет важное теоретическое и уголовно-правовое значение. В теории уголовного права в настоящее время преобладает точка зрении о четырехступенчатой классификации объекта преступления. С учетом деления УК РФ 1996 г. на разделы и главы выделяют общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления.

В то же время и в рамках одной главы УК РФ присутствует выделение различных объектов преступлений. Выражением выделения данного объекта выступает классификация преступлений в рамках главы уголовного закона. Уголовно-правовой наукой разработано большое количество классификаций преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Наиболее распространенной классификацией преступлений является их группировка по непосредственному объекту - в зависимости от вида прав и свобод, которые нарушаются в связи с совершением преступления.

Так, А.Н. Красиков выделяет три группы преступлений против конституционных прав и свобод человека: 1) преступления,

посягающие на гражданские права и свободы (ст. 136 - 140, 148 УК); 2) преступления, посягающие на политические права и свободы человека (ст. 141 - 1421, 144, 149 УК) и 3) преступления, посягающие на трудовые и иные права и свободы человека и гражданина, предусмотренные статьями 143, 145 - 147 УК РФ.

И.М. Тяжкова считает, в зависимости от направленности деяния, определяемой непосредственным объектом, преступления против конституционных прав и свобод подразделяются на три группы: преступления, посягающие на политические права и свободы (ст. 136, 141 - 1421, 149 УК); преступления, посягающие на социально-экономические права и свободы (ст. 143 - 1451, 146, 147 УК); преступления, посягающие на личные права и свободы (ст. 137 - 140, 148 УК). Аналогичная классификация имеет место и еще в одном учебнике по уголовному праву [2, с.142].

В зависимости от непосредственного объекта преступления «конституционной» группы Н.Г. Иванов подразделяет их на три категории: 1) преступления, посягающие на личные права и свободы (ст. 136 - 140, 148 УК); 2) преступления, посягающие на социальные права и свободы (ст. 143 - 1451, 146, 147 УК); 3) преступления, посягающие на политические права и свободы (ст. 141 - 1421, 149 УК) [1, с.508].

Определенной оригинальностью отличается классификация преступлений против конституционных прав и свобод человека гражданина, данная Н.К. Семерневой. Так, она выделяет преступления против принципа равноправия и политических прав граждан (ст. 136, 141 - 1421, 149 УК); преступления против неприкосновенности личной жизни (ст. 137 - 140, 148 УК); преступления против трудовых прав и прав авторства (ст. 143 - 147 УК) [3, с.875].

Бородин С.В. придерживается следующей классификации - по непосредственному объекту посягательства на конституционные права и свободы, охраняемые Главой 19 У К РФ, подразделяются на три группы: преступления против политических прав и свобод (ст. 136, 141 - 1421, 149 УК); преступления против социальных прав и свобод ст. 143 -1451, 146, 147 УК); преступления против личных прав и свобод (ст. 137 - 140, 148 УК). Представителем Санкт-Петербургской школы уголовного права Е.В. Виноградовой ставится вопрос о разделении внутри конституционных прав и свобод человека и гражданина в зависимости от непосредственного объекта.

Так, указанные преступления можно разделить на три группы: 1) преступления против личных конституционных прав и свобод (ст. 136 - 140, 148); 2) преступления против избирательных и иных

политических прав граждан (ст. 141 - 1421, 149 УК) и 3) преступления против трудовых и социально-экономических прав и свобод граждан (ст. 143 - 147 УК) [4, с.215].

Учитывая специфику положения принципа равноправия в ряду прав и свобод человека и гражданина, Л. Г. Мачковский предлагает следующую классификацию: преступления против принципа равноправия (ст. 136 УК), преступления против личных (гражданских) прав (ст. 137 - 140, 144, 148 УК), преступления против политических прав (ст. 141 -1421, 149 УК), преступления против социальных (социально-экономических) прав (ст. 143, 145 - 147 УК).

В зависимости от направленности на конкретную разновидность конституционных прав и свобод человека и гражданина (т.е. по непосредственному объекту посягательства) все преступления, нормы об ответственности за которые предусмотрены Главой 19 УК РФ, А.В. Наумов подразделяет на следующие группы: преступления против политических прав и свобод (ст. 141 - 1421, 144, 149 УК); преступления против социальных прав и свобод (ст. 136, 143, 145 - 147 У К); преступления против личных прав и свобод (ст. 137 - 140, 148 УК).

Таким образом, названные выше классификации преступлений против конституционных прав и свобод в целом повторяют друг друга, так как в их основу положен общий классификационный критерий - непосредственный объект. Различия между ними обусловлены спорами относительно того, какое благо является непосредственным объектом конкретного посягательства, а также количеством выделяемых прав и свобод, которые поставлены под охрану. В связи с этим названные классификации небесспорны уже в силу того, что теория конституционного права ее первооснову - количество прав человека - также относит к числу дискуссионных, предлагая их разное число и группировку в зависимости от выбранного классификационного критерия.

Помимо вышеуказанного, теории уголовного права известны классификации преступлений против конституционных прав и свобод и по иным критериям.

В частности, существенной научной новизной отличается классификация преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, предложенная М.М. Лапуниным. На основе критерия - человеческие потребности - им выделяются: 1) с учетом физиологических потребностей (право на жизнь, здоровье, отдых, получение пенсий и пособий не ниже прожиточного минимума) - ст. 143, 145, 1451 УК; 2) потребности в безопасности и защите (право на

неприкосновенность личности, жилища, частной жизни, личную и семейную тайну, на адвоката, социальное обеспечение, судебную защиту) - ст. 137 - 139 УК; 3) потребности в принадлежности к социальным группам и к любви (право на объединение, вступление в брак, воспитание детей, свободу совести и вероисповедания, избирать и быть избранным) - ст. 141 - 1421, 148, 149 УК; 4) потребность в уважении (право на защиту чести, достоинства, деловой репутации, на защиту от дискриминации) - ст. 136; 5) познавательные потребности (право на образование, на научную деятельность, на поиск и получение информации) - ст. 140, 144, 147 УК; 6) эстетические потребности (право на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям, свободу литературного и художественного творчества) - ст. 146; 7) потребность в самоактуализации (права, удовлетворяющие потребность личности в самореализации) - ст. 136 УК.

При группировке преступлений в Главе 19 УК РФ могут учитываться и методика их расследования, криминалистическая характеристика.

Так, Амрахов Н.И. помимо сферы деятельности в качестве критерия классификации также считает необходимым рассматривать и наличие схожих криминалистических черт, обуславливающих общие особенности расследования соответствующих преступных составов.

Анализ приведенных классификаций посягательств, указанных в Главе 19 УК РФ, показывает, что, во-первых, нет единообразного подхода к наименованию видов данных преступлений, и, во-вторых, отсутствует единство мнений по вопросу о том, какие конкретно преступления должны входить в ту или иную группу. Кроме того, классификации преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в определенной степени носят условный характер. В частности, статья 136 (Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина) УК помимо политических, безусловно, посягает и на личные права и свободы человека и гражданина. Нарушение равноправия может быть многоаспектным и посягать на социально-экономическое право распоряжаться своими способностями к труду.

Статья 144 УК может рассматриваться как преступление против политических, личных прав граждан, так как препятствует реализации свободы средств массовой информации, свободы волеизъявления.

Таким образом, рассматриваемое преступление препятствует неопределенному кругу лиц в получении достоверной информации.

Необходимо также учитывать, что Глава 19 не охватывает все преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Многие преступления в силу важности охраняемого блага или исторических традиций размещены в иных главах или разделах уголовного закона. Так, конституционное право на жизнь охраняется статьями 105 - 1102 УК РФ, а защита отношений собственности обеспечивается статьями 18 - 168 УК РФ. Учитывая, что установление уголовной ответственности за преступления направлено на защиту или частных, или публичных интересов, в определенной степени все преступления против личности (исходя из деления преступления на преступления против личности, общества и государства) направлены на защиту чьих-то прав и свобод.

Кроме того, Конституции Российской Федерации неизвестны некоторые права, например, право на получение жилья. Соответственно, право на жилое помещение не является в полной мере конституционным. Но это не значит, что жилое помещение не может быть предметом преступного посягательства, например, мошенничества.

В связи с этим в Главе 19 УК РФ помещены те составы преступлений, которым или не нашлось места в иных главах уголовного закона, или в силу небольшого их количества выделение в отдельную главу было признано нецелесообразным, либо в силу исторических традиций отечественного уголовного права, которое с советского периода традиционно выделяет такие преступления в самостоятельную группу.

Список цитируемой литературы:

1. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Питер, 2018. С. 508.
2. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.С. Комиссарова. СПб.: Питер, 2018. С. 142.
3. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Просвещение, 2018. С. 875.
4. Уголовное право России. Особенная часть/ Под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Лукьянова, В.Ф. Щепелькова. СПб.: Питер, 2018. С. 215.

Лапырис А.Д., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Шауро И.Г.

Lapyris A.D., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Shauro I.G.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СИСТЕМЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

CRIMES AGAINST THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN THE SYSTEM OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация.

В статье рассматриваются критерии построения Особенной части УК РФ. Анализируются причины выделения преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в отдельной главе УК РФ. Обосновывается тезис о том, что права и свободы охраняются и иными, кроме главы 19, главами УК РФ.

Abstract.

The article discusses the criteria for constructing a special part of the Criminal Code of the Russian Federation. The reasons for the allocation of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen in a separate chapter of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. The thesis is substantiated that rights and freedoms are protected by chapters of the Criminal Code of the Russian Federation other than Chapter 19.

Ключевые слова: Особенная часть УК РФ, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Keywords: Special part of the Criminal Code of the Russian Federation, crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen.

Системность в праве представляет собой атрибутивное свойство, присущее праву, предполагающее наличие у него признаков внутреннего единства, цельности и непротиворечивости. Примером, может служить Особенная часть Уголовного кодекса РФ.

В то же время анализ Особенной части УК РФ позволяет прийти к выводу, что объект преступления не всегда выступает в качестве единственного классификационного основания. В качестве таковых можно рассматривать и сходство объективной стороны ряда преступлений, например, хищений. Первая группа факторов способствует установлению целевой заданности системы Особенной части УК РФ.

Вторая обеспечивает организацию системы Особенной части УК РФ, создание и определение содержания ее элементов. Третья обладает интерпретационным значением и способствует учету международно-правовых актов и конституционных положений при создании и применении элементов системы Особенной части УК РФ, определению критериев формализации уголовно-правовых запретов и исключению из системы тех элементов, которые не соответствуют ее целям и задачам [2, с.8].

Соответственно, с учетом видового объекта преступления в УК РФ выделены главы. Главой 19 УК РФ установлена уголовная ответственность за посягательства на конституционные права и свободы человека и гражданина.

Данные права непосредственно определяют статус личности, ее юридическую и социальную значимость и защищенность.

Соблюдение и охрана конституционных прав и свобод представляет собой одну из приоритетных задач права, так как свидетельствует об уровне развития государства, общества и тех возможностях, которые представляются гражданам. Кроме того, несоблюдение прав и свобод граждан следует признать в качестве дезорганизационного фактора в развитии общества.

Под преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина понимаются «предусмотренные в уголовном законодательстве деяния, непосредственно направленные на нарушение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод любого человека и гражданина» [6, с.578];

«предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на общественные отношения по поводу реализации наиболее важных человеческих потребностей (в творчестве, безопасности и защите, управлении, познании, уважении), права на обеспечение которых закреплены в Конституции Российской Федерации» [7, с.133].

И.М. Тяжкова отмечает, что преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина объединены законодателем в одной главе по признаку видового объекта, каковыми являются общественные отношения, обеспечивающие соблюдение провозглашенных Конституцией РФ основных прав и свобод человека и гражданина [3, с.285].

Ситуация становится еще более сложной с учетом того, что согласно статье 55 Конституции РФ перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, перечень прав и свобод человека и гражданина носит открытый характер.

Такая постановка вопроса представляется вполне справедливой, так как права и свободы человека и гражданина, представляя собой единый комплекс, в случае приложения их к уголовному закону распадаются на отдельные права и свободы, поставленные под охрану в зависимости от родового или видового объекта. Руководствуясь изложенными мотивами, законодатель сгруппировал данные преступные посягательства на права и свободы в различных главах Особенной части УК РФ.

Таким образом, глава 19 УК РФ, которая на первый взгляд может показаться как специально выделенная для уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина, включает в себя не все посягательства на права, обозначенные в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ. Более того, не все основные (конституционные) права и свободы человека и гражданина обеспечены уголовно-правовой охраной. Указанный вывод основан на сопоставительном анализе Конституции РФ и УК РФ 1996 года. А.С. Курманов, опираясь на данное положение, сформулировал внутренне противоречивую идею о том, что «непосредственным объектом преступлений указанной группы следует рассматривать общественные отношения в сфере реализации прав и свобод человека, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, однако в части, охраняемой уголовным законом», то есть

допустил логическую ошибку, введя в определение само определяемое понятие [4, с.10].

Так, статья 37 Конституции РФ устанавливает, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Несоблюдение этого правила не является основанием для привлечения виновного к уголовной ответственности.

Подобное нарушение является существенным нарушением норм процессуального права.

В итоге реализация данного предложения приведет к тому, что один объект уголовно-правовой охраны (конституционные права и свободы человека и гражданина) будет искусственно раздроблен на несколько более мелких, что вызовет неизбежные сложности в их квалификации и отграничении друг от друга. По существу, глава 19 УК РФ является резервной по отношению к иным главам Уголовного закона.

В нее были включены те преступления, определить место нахождения которых в Уголовном законе оказалось затруднительным.

В то же время, безусловно, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина характеризуются наличием собственного объекта. Поэтому «условность» выделения их в отдельной главе УК РФ кажущаяся.

Модельный Уголовный кодекс стран СНГ также предусмотрел выделение специализированной главы 21 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Уголовное законодательство ряда стран содержит как самостоятельные разделы против конституционных прав граждан, так и отдельные разделы в отношении видов данных прав. Так, УК Республики Сербия 1977 года содержит как главу VIII «Преступные деяния против прав и свобод человека и гражданина», так и главу X «Преступные деяния в сфере труда» [5, с.120].

Законодательство третьей группы стран исходит из выделения в УК РФ только отдельных видов преступлений против конституционных прав. Уголовный кодекс Республики Польша 1997 года содержит главу XXVIII «Преступления против трудовых прав» и главу XXXII «Преступления против выборов и референдума», Уголовный кодекс Австрии — восемнадцатый раздел «Преступные деяния, связанные с выборами и всенародным голосованием». В четырнадцатом разделе «Проступки против воли народа» Швейцарского уголовного кодекса 1937 года содержатся общественно опасные деяния против избирательных прав граждан [1, с.320].

Таким образом, выделение в системе Особенной части уголовного закона специального раздела или главы о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина является характерной чертой так называемой «восточной» ветви романо-германской системы уголовного права, то есть уголовного законодательства стран бывшего социалистического лагеря.

В большинстве же стран остального мира вышеуказанные составы преступлений занимают различное место в системе Особенной части и не воспринимаются законодателем как нечто однородное. Место данных преступлений в уголовном законе определяется историческими традициями построения системы Особенной части уголовного закона.

Список цитируемой литературы:

1. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Юнити-Дана, 2017. 400 с.
2. Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 26 с.
3. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: проспект, 2012. 445 с.
4. Курманов А.С. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека: сравнительное теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 46 с.
5. Петрушов А.В. Уголовно-правовые гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина. М.: Просвещение, 2016. 120 с.
6. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Питер, 2018. 578 с.
7. Энциклопедия уголовного права. СПб.: Питер, 2018. 133 с.

Леонова Ю.С., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Leonova Y.S., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ

CRIMES THAT INFRINGE ON THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF JUSTICE

Аннотация.

В статье обращаемся к зарубежному опыту регулирования уголовной ответственности за преступления против правосудия, формируя вывод о возможном заимствовании некоторых норм, содержащихся в иностранном уголовном законодательстве. В процессе написания статьи использовались общенаучные методы познания: анализ и синтез, логический, формально-правовой, статистический, сравнительно-правовой метод в сочетании с систематическим анализом исследуемых правовых проблем (анализ, синтез и др.).

Abstract.

In the article refers to the foreign experience of regulating criminal liability for crimes against justice, forming a conclusion about the possible borrowing of some norms contained in foreign criminal legislation. In the process of writing the article, general scientific methods of cognition were used: analysis and synthesis, logical, formal legal, statistical, comparative legal method in combination with a systematic analysis of the legal problems under study (analysis, synthesis, etc.).

Ключевые слова: правосудие, преступления против правосудия, система преступлений против правосудия, зарубежный опыт, объем уголовной ответственности, авторитет судебной ветви власти.

Keywords: justice, crimes against justice, the system of crimes against justice, foreign experience, the scope of criminal responsibility, the authority of the judicial branch of government.

Предметом привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности (статья 299 УК РФ) [2] является обычная деятельность органов дознания и следствия; дополнительный объект - интересы потерпевшего (свобода, честь, достоинство, здоровье, имущественные интересы).

Объективная сторона выражается в том, что должностное лицо, злоупотребляя своими служебными полномочиями, привлекает лицо к уголовной ответственности за преступление, которого он не совершал. Формы такого насилия могут быть разными. Например, лицо привлекается к ответственности за деяние, не содержащее признаков преступления, или если он явно непричастен к этому преступлению и т. Д. Объективная сторона преступления по ст. 299 УК РФ, имеет место не только в том случае, если лицо вообще не совершало преступления, но и в случае совершения им другого преступления, а не того, за которое он привлекается к уголовной ответственности.

В статье 299 Уголовного кодекса говорится об участии невиновных, т.е. более узкий круг лиц, чем круг лиц, не привлекаемых к уголовной ответственности.

Привлечение лица к уголовной ответственности при наличии законных оснований, исключающих производство по делу (истечение срока давности, психическое заболевание лица, совершившего общественно опасное деяние, амнистия и др.), Не входит в состав рассматриваемого преступления. В таких ситуациях лицо не может быть привлечено к ответственности или должно быть освобождено от нее не по невиновности, а по другим причинам. Неправильная квалификация действий лица не подпадает под признаки рассматриваемой статьи (например, вместо причинения смерти по неосторожности виновному вменяется убийство). При определенных условиях эти действия составляют преступление, предусмотренное статьей 285 Уголовного кодекса [3, с.137].

С субъективной стороны преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Мотивы могут быть разными и не влияют на квалификацию.

Субъект преступления - должностные лица, которым законом предоставлено право выступать в качестве обвиняемых (статья 171 УПК РФ) или составлять обвинительное заключение (статья 225 УПК РФ). Российская Федерация): следователи, следователи.

Объектом незаконного освобождения от уголовной ответственности (ст. 300 УК) является нормальная деятельность органов дознания и следствия, обеспечивающая неотвратимость ответственности за преступление; необязательный объект - интересы потерпевшего (например, невозможность возмещения ущерба).

Объективная сторона выражается в незаконном освобождении от уголовной ответственности подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

Такое освобождение от уголовной ответственности, совершенное с грубым нарушением норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, без учета фактических обстоятельств совершенного преступления, искажения истины, будет считаться незаконным. Должностное лицо, злоупотребляя своими служебными полномочиями, игнорирует эти требования и незаконно освобождает лицо от уголовной ответственности путем прекращения возбужденного дела. Формы злоупотреблений могут быть самыми разными: искажение фактических обстоятельств происшествия, заведомо неверное определение формы вины, исключение уголовной ответственности и др.

Таким образом, по закону совершение данного деяния возможно только на стадии предварительного расследования.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом.

Объектом незаконного задержания, задержания или задержания (ст. 301 УК РФ) является нормальная деятельность суда, прокуратуры, органов дознания, обеспечивающая неприкосновенность личности от необоснованных посягательств, дополнительным объектом является личное свобода потерпевшего, а также другие интересы и выгоды личности (например, честь, здоровье, материальные интересы).

Объективная сторона состоит в заведомо незаконном задержании, задержании или задержании.

Задержание, осуществленное без оснований, указанных в законе, или с нарушением хотя бы одного из ограничительных условий, будет незаконным. Также подпадает задержание, осуществленное с грубым нарушением установленного законом порядка применения данной меры уголовно-процессуального принуждения (например, без составления протокола, без указания

времени задержания или времени его составления и т. Д.) под признаками такого акта [2, с.132].

Задержание является самой строгой мерой пресечения, и ее законность определяется как общими условиями, относящимися ко всем мерам процессуального принуждения, так и нормами, непосредственно регулирующими применение этой меры. Задержание считается незаконным, если: а) для этого нет оснований, установленных законом; б) нарушены правила и порядок выбора данной меры пресечения. В частности, это может выражаться в задержании лица, обвиняемого в совершении преступления, наказание за которое назначено: не предусматривают лишения свободы; при отсутствии определения суда и др.

Уголовно-процессуальным законодательством определены сроки содержания под стражей, нарушение которых образует самостоятельный вид рассматриваемого преступления, предусмотренного частью 2 статьи 301 Уголовного кодекса.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом.

Субъект преступления - должностное лицо судебных органов, имеющее право задержать или задержать. Ответственность за незаконное задержание несут только сотрудники органов дознания или следователи, а за незаконное задержание и задержание - судьи.

Объектом заведомо незаконного приговора, постановления или иного судебного акта (статья 305 УК РФ) является принцип отправления правосудия в строгом соответствии с законом, необязательным объектом могут быть интересы личности. Предметом преступления является приговор, постановление или иной судебный акт.

Объективная сторона формируется вынесением несправедливого приговора, постановления или иного судебного акта.

Издание этих процессуальных актов является решением их судей или только судьи. Преступление возникает, когда приговор, решение, постановление или постановление являются незаконными. Незаконность определяется по нормам уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального законодательства и характеризуется существенными нарушениями процессуального законодательства, ненадлежащим применением норм материального права, несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

Незаконность приговора может выражаться в осуждении невиновного лица или, наоборот, в оправдании виновного, в заведомо неправильной квалификации деяния, в назначении наказания, не

соответствующего строгости наказания. преступление и личность правонарушителя (независимо от того, назначено ли чрезмерно суровое или необоснованно мягкое наказание), в искажении реальных обстоятельств дела и т. д.

Существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства также влечет незаконность приговора. В любом случае это считается незаконным, если: судом при наличии законных оснований уголовное дело не прекращено; приговор вынесен незаконным составом суда; дело рассматривалось в отсутствие ответчика в случаях, когда его присутствие обязательно; было нарушено право на защиту и др. (Статья 381 УПК РФ).

По гражданским делам несправедливым должно считаться решение, согласно которому необоснованно отказано в обоснованном иске или удовлетворено заведомо необоснованное требование, преднамеренно завышена или занижена сумма возмещаемого ущерба, истец заведомо необоснованно восстановлен на работе или отрицал это и т. д.

Субъективная сторона предполагает только прямой умысел, поскольку закон указывает на умышленную незаконность судебных актов.

Список цитируемой литературы:

1. Гладышев Ю.А., Уголовное право России. Общая часть в определениях и схемах: учебное. М. Российский государственный университет правосудия, 2016. 216 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Фунг Ань Зунг. Преступления против правосудия // Молодой ученый. 2020. № 35 (325). С. 133-137.

Лысенко Т.С., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Lysenko T. S., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ И ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

THE PROBLEM OF QUALIFYING RAPE AND SEXUAL ACTIONS

Аннотация.

В статье изучены современные проблемы квалификации преступлений, относящихся к изнасилованию и иных действий сексуального характера. Рассматриваются пути их решения.

Abstract.

The article examines the modern problems of qualification of crimes related to rape and other acts of a sexual nature. Ways to solve them are considered

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, половые преступления, проблемы квалификации

Keywords: rape, sexual assault, sex crimes, skill issues

Преступления, предусмотренные статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляют собой умышленные действия, которые посягают на сексуальное самоопределение личности, направленные на удовлетворение сексуальной потребности. Данные посягательства наносят большой ущерб личным правам и достоинству человека, также влекут за собой не только серьезный

физический и психический вред, но и тяжелые последствия для социальной жизни потерпевшего.

С начала действия Уголовного кодекса Российской Федерации нормы, устанавливающие ответственность за сексуальные преступления конструктивно были подвержены изменениям четыре раза, но, к сожалению, данные изменения не смогли устранить проблемы связанные с квалификацией данных посягательств.

Основной проблемой выявленной в процессе написания работы, в первую очередь хочется выделить проблему квалификации преступлений, также проблему групповых и длящихся изнасилований, разграничения покушения и добровольного отказа и проблемы доказывания. Однако хочется более подробно рассмотреть лишь некоторые из них.

Проблемные моменты, связанные с квалификацией стадий изнасилования не редко встречаются в судебной практике, так как в уголовной литературе отсутствует единство взглядов по вопросу содержания понятия стадий, также как и их количества и видов [3, с 64].

Согласно уголовному законодательству лицо, которое добровольно отказалось от доведения преступления до конца, не подлежит уголовной ответственности. Фактически если лицо отказалось от приготовления к изнасилованию, то оно не понесет ответственности, однако остается открытым вопрос, что будет, если лицо отказалось от доведения преступления до конца в момент фактического нападения на жертву [2, с 237].

Можно заметить, что институт добровольного отказа тесно связан с понятием и разграничением стадий совершения преступления. Тем самым правильное решение вопроса о том, на каких стадиях развития преступной деятельности может иметь место добровольный отказ, имеет важное теоретическое и практическое значение.

«Добровольный отказ как понятие уголовного права предполагает, что действия виновного уже содержали бы признаки состава преступления и подлежали бы наказанию,

если бы виновный не отказался от совершения преступления. Только в этом случае добровольный отказ приобретает уголовно-правовое значение обстоятельства, исключающего ответственность» - утверждает Н.Д. Дурманов [1, с.26].

Добровольный отказ не может иметь места в стадии оконченного преступления, что, так сказать, очевидно. Тем самым, можно сделать вывод о том, что добровольный отказ актуален лишь на стадиях приготовления к преступлению, а также покушения на преступление.

То есть, добровольный отказ возможен лишь до момента наступления стадии окончания преступления.

Добровольный отказ в стадии приготовления к преступлению выражен, как правило, в форме бездействия.

Изучая судебную и следственную практику, можно отметить, что факты добровольного отказа в стадии приготовления к совершению преступления, зачастую остаются для органов следствия и суда неизвестными, так как их установление связано со значительными трудностями. Тем не менее, это не означает, что данный факт в действительности не имеет места. Стоит отметить, что наличие в уголовном праве нормы о добровольном отказе, уже имеет большое предупредительное значение.

В стадии покушения на совершение преступления, добровольный отказ также имеет место быть. Но в данном случае он может проявляться в двух формах, активной и пассивной. Важную роль для определения формы отказа здесь играет вид покушения.

Касаемо добровольного отказа при неоконченном покушении нет никаких сомнений. Что нельзя сказать о возможности добровольного отказа при оконченном покушении, здесь он возможен не во всех случаях.

Основным объектом состава изнасилования является половая свобода и половая неприкосновенность. Дополнительный объект изнасилования - здоровье человека. Объективная сторона преступления определена в законе, как половое сношение с применением насилия к потерпевшей или другим лицам, либо с использованием ее беспомощного состояния. Субъективная сторона изнасилования характеризуется прямым умыслом. Субъектом изнасилования может быть любое физическое, вменяемое лицо, достигшее четырнадцати лет (субъект общий), но исполнителем преступления может быть только лицо мужского пола [4 с 478].

Базовые положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»3 раскрывают основные признаки состава, позволяющие квалифицировать изнасилование, как уголовное преступление.

Постановлением также уточнены основания ответственности за изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера с угрозой применения насилия. Так, в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. №16 указано, что мотив совершения преступления для квалификации

изнасилования не имеет значения. В Постановлении определены особенности квалификации изнасилования, сопряженного с причинением вреда здоровью либо убийством. В частности, в п. 3 и 4 указано, что такой признак изнасилования, как насилие либо угроза насилия, применим для квалификации только в том случае, если данные действия направлены на преодоление сопротивления жертвы, при этом угроза применения насилия должна быть реальной.

Также Пленумом ВС РФ раскрыты признаки беспомощности жертвы изнасилования. Так, Постановление беспомощным состоянием потерпевшей признает: слабоумие; психическое заболевание; бессознательное состояние; болезненное состояние; малолетний возраст; престарелый возраст; иные обстоятельства, исходя из обстановки совершения преступления.

Несмотря на видимую простоту состава преступления, на практике могут возникать проблемы, связанные с квалификацией изнасилования. Вопросы чаще всего возникают при определении пределов половой свободы совершеннолетних лиц. У данной проблемы есть своя социальная обусловленность, которую можно выразить в современном понимании этики, морали и нравственности. Так, в настоящее время значительно переосмыслены устои половой свободы.

Как представляется, одной из проблем уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних является недостаток правовой конструкции пункта «п» части первой ст. 63 УК РФ. Данная норма устанавливает, что отягчающими обстоятельствами признаются совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней). При этом отягчающее обстоятельство не применимо к иным лицам, совместно проживающим с несовершеннолетним, например, если один из родителей несовершеннолетнего находится в разводе и проживает совместно с другим лицом.

На основании вышеизложенного, существует необходимость изменения пункта «п» части первой ст. 63 УК РФ в части включения в перечень лиц иного лица, совместно проживающего с несовершеннолетним.

Еще одной проблемой уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних является действующее правило определения начала срока давности привлечения к уголовной ответственности. Вышеназванная проблема выражается в том, что несовершеннолетние находятся под влиянием лиц, осуществляющих их воспитание и содержание. Данные лица могут внушить ребенку, что у него нет права на половую неприкосновенность, и что действия по нарушению половой неприкосновенности являются допустимыми, что в свою очередь может привести к латентности подобных посягательств.

На основании вышеизложенного, существует необходимость определить начало течения срока давности по данным категориям дел с момента совершеннолетия потерпевшего.

Таким образом, предлагаемые меры, как представляется, могут способствовать не только совершенствованию механизмов борьбы с преступлениями сексуального характера в отношении детей, обеспечению прав и законных интересов детей, но и профилактике совершения новых преступлений, раннему выявлению и защите жизни и безопасности детей, неотвратимости наказания виновных.

Список цитируемой литературы:

1. Аванесян В., Ярославцева Е. Вопросы квалификации ст. 131 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 5. С 24-26.
3. Бимбинов А.А. Актуальные проблемы уголовного законодательства о ненасильственных половых преступлениях// Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 60-70.
4. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник / В. А. Блинников, А. В. Бриллиантов, О. А. Вагин [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. Москва : Проспект, 2017. 1184 с.
5. Коновалов Н. Н. Угроза убийством и угроза причинением тяжкого вреда здоровью при насильственных действиях сексуального характера и при изнасиловании // Российский судья. 2018. № 8. С. 30-35.
6. Поддубная Е. В. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. В. Поддубная. Москва, 2008. 24 с.
7. Попов А. Н. О новеллах в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2016. № 2. С. 43-44.

Мелихова Я.Ю., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Дмитриев А.Л.

Melikhova Ya.Y., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Dmitriev A.L.

ХУЛИГАНСТВО

HOOLIGANISM

Аннотация.

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике некоторых актуальных вопросов квалификации хулиганства. Обосновывается, что квалификация действий уличных пранкеров как уголовно наказуемого хулиганства возможна, если публичный розыгрыш привел к грубому нарушению общественного порядка и сопровождался демонстрацией оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Abstract.

The article is devoted to the criminal-legal characteristics of some topical issues of the qualification of hooliganism. It is proved that the qualification of the actions of street pranksters as criminally punishable hooliganism is possible if the public prank led to a gross violation of public order and was accompanied by a demonstration of weapons or objects used as weapons.

Ключевые слова: хулиганство; хулиганские побуждения; ненависть; вражда; уголовно-правовая оценка.

Keywords: hooliganism; hooligan motives; hatred; enmity; criminal legal assessment

В соответствии с действующей редакцией ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК) состав хулиганства относится к группе сложных альтернативных составов преступлений. Его вменение возможно, если грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождалось хотя бы одним из трех обстоятельств: 1) применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; 2) мотивом противоправных действий виновного была политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы; 3) противоправные действия совершены на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.

Условно данные виды хулиганства можно именовать как «вооруженное хулиганство», «экстремистское хулиганство» и «транспортное хулиганство».

Характеризуя «вооруженное хулиганство», Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее - Пленум) после традиционных для отечественного уголовного права разъяснений того, что понимается под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, сделал неожиданный вывод: «Применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п. дает основание для квалификации содеянного по пункту "а" части 1 статьи 213 УК РФ». Если виновный, совершая хулиганство, использовал предмет, имитирующий оружие, в процессе физического насилия (например, наносил удары потерпевшему рукоятью неисправного пистолета либо макетом пистолета, отлитого из металла), то препятствий для квалификации содеянного по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК нет, так как имитирующий оружие предмет в точности соответствует понятию предметов, используемых в качестве оружия при совершении хулиганства, в трактовке Пленума (любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека).

Аналогичной должна быть квалификация в случаях, если при хулиганстве виновный угрожал заведомо негодным оружием либо имитацией оружия с намерением использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, поскольку такой подход к уголовно-правовой оценке следует из смысла разъяснения, данного в абз. 4 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Если представить, что предметом расследования по уголовному делу является реальная совокупность хулиганства и разбоя, совершенных с применением, скажем, оружия-игрушки, то с учетом указанных разъяснений Пленума выводы суда, изложенные в приговоре, будут содержать существенные противоречия, которые повлияют на правильность применения уголовного закона (п. 4 ст. 389.16 УПК РФ).

Теория и практика уголовного права традиционно исходят из того, что обязательным признаком субъективной стороны состава хулиганства является мотив (хулиганские побуждения), который, содержится в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК в фразе «явное неуважение к обществу». Наиболее развернутое официальное толкование хулиганского мотива дано Пленумом применительно к п. «и» ч. 2 ст. 105 УК, по которой следует квалифицировать убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства).

С большой долей скептицизма в теории уголовного права было воспринято решение включить в состав хулиганства дополнительный, так называемый экстремистский мотив (политическую, идеологическую, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду либо ненависть или вражду в отношении какой-либо социальной группы) в связи с невозможностью придать юридическое значение наличию нескольких побуждений при совершении одного преступного деяния [2, с.38].

При этом Пленум считает недопустимой квалификацию одного и того же убийства по нескольким пунктам части 2 статьи 105 УК, предусматривающим различные мотивы и цели преступления.

Практика, однако, доказала жизнеспособность уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за «экстремистское хулиганство», о чем свидетельствует приговор по одному из самых нашумевших уголовных дел данной категории, так называемому делу женской панк-группы «Pussy Riot». Следовательно, законодательный феномен полимотивированного хулиганства является уголовно-правовой реальностью, а значит, состав преступления,

предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 213 УК, характеризуется двумя мотивами, в одинаковой мере имеющими значение для квалификации хулиганства.

Таким образом, критерием, определяющим квалификацию религиозного экстремизма по статье УК о хулиганстве, является грубое нарушение общественного порядка в результате хулиганско-экстремистских действий. Иначе содеянное может квалифицироваться по ст. 148 УК.

Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» криминализировано хулиганство на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК). Наряду с этим введена статья 267.1 УК, криминализирующая совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Возникшая сразу же проблема разграничения новых составов преступлений по-прежнему является актуальной.

Из пояснительной записки к проекту указанного федерального закона следует, что ст. 267.1 УК рассчитана на применение, например, к попыткам ослепления лазерными лучами пилотов воздушных судов, заходящих на посадку или осуществляющих движение. В связи с этим состав данного преступления будет иметь место и в тех случаях, когда действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, совершены лицом, не находящимся на транспортном средстве железнодорожного, морского, внутреннего водного или воздушного транспорта, а также на любом ином транспортном средстве общего пользования. Обсуждаемый критерий, как представляется, является недостаточным для разграничения рассматриваемых преступлений. Способом уголовно наказуемого хулиганства является грубое нарушение общественного порядка, устанавливаемое с учетом способа, времени, места совершения хулиганских действий, а также их интенсивности, продолжительности и других обстоятельств. Способ совершения преступления, предусмотренного ст. 267.1 УК, состоит в совершении действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств.

Если хулиганские действия совершены виновным непосредственно на борту воздушного судна, на судне морского или внутреннего водного транспорта, на железнодорожном подвижном составе либо на ином транспортном средстве общего пользования

(либо на объекте транспортной инфраструктуры общего пользования) и выражались в грубом нарушении общественного порядка на транспорте общего пользования, то содеянное необходимо квалифицировать как хулиганство (например, учинение драки в вагоне метро).

Если хулиганские действия, совершенные на транспорте общего пользования, угрожали безопасной эксплуатации транспортных средств, однако не обладали свойством грубого нарушения общественного порядка (например, самовольная без надобности остановка поезда стоп-краном, выбрасывание из хулиганских побуждений спасательных кругов с борта прогулочного теплохода во время рейса) [1, с.163], а равно если хулиганские действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, в том числе грубо нарушающие общественный порядок, совершены лицом, не находящимся на транспорте общего пользования (например, опасное вождение, совершенное в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения водителем личного автомобиля [3, с.6], размещение на железнодорожных путях посторонних предметов), то содеянное должно квалифицироваться по ст. 267.1 УК.

Представляется, что по ст. 267.1 УК следует квалифицировать совершение из хулиганских побуждений действий, входящих в объективную сторону правонарушений, предусмотренных ст. 267 УК и ч. 1 ст. 11.1 КоАП РФ, если эти действия угрожали безопасной эксплуатации транспортных средств, но не повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба. Главный вопрос квалификации, однако, заключается в оценке поведения виновного, в действиях которого одновременно имеются как признаки состава «транспортного хулиганства», так и признаки состава преступления, предусмотренного ст. 267.1 УК (например, демонстративная попытка так называемого авиадебошира насильственным способом проникнуть в кабину пилотов воздушного судна во время полета). Кроме того, не ясно, следует ли квалифицировать содеянное по совокупности данных преступлений или по одной из указанных статей как единое преступление.

Если исходить из того, что составы преступлений, предусмотренные п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК, являются смежными и описывают посягательства на различные объекты уголовно-правовой охраны, которые одновременно не защищаются ни одной из данных уголовно-правовых норм в отдельности, то последует вывод о том, что действия виновного, который из хулиганских

побуждений грубо нарушил общественный порядок на транспорте общего пользования, создав при этом реальную угрозу безопасной эксплуатации транспортного средства, должны квалифицироваться по правилу идеальной совокупности указанных преступлений.

Последнее десятилетие характеризуется актуализацией некоторых форм девиантного поведения, создающих угрозу для общественной безопасности и общественного порядка (например, зацепинг, руфинг, сталкерство).

К числу «новых» девиаций относится пранк (от англ. prank - проказа, выходка, шалость, розыгрыш, шутка), который уже не сводится к своему изначальному жанру - телефонному розыгрышу, а нередко выражается в совершении в общественных местах публичных провокаций, связанных с имитацией убийств, причинения телесных повреждений, похищения людей и других общеуголовных преступлений (так называемый живой пранк).

Российское законодательство предусматривает как административную, так и уголовную ответственность за некоторые формы телефонных розыгрышей, представляющих общественную опасность. Статьей 19.13 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за заведомо ложный вызов специализированных служб. Если предметом телефонного пранка было заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, то наступает уголовная ответственность по ст. 207 УК.

Случаи уличного пранка могут расцениваться как мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), если публичный розыгрыш сопровождался нецензурной бранью или оскорбительным приставанием к гражданам. Именно так, например, были квалифицированы действия двоих блогеров из г. Волгограда, которые, выдавая себя за сотрудников полиции (переодевшись в форменную одежду), требовали от прохожих предъявления документов для проверки, предлагали пройти личный досмотр. «Розыгрыш» пранкеры фиксировали с помощью видеозаписи, которую разместили в сети Интернет для увеличения числа подписчиков своего видеоканала. Квалификация действий уличных пранкеров как уголовно наказуемого хулиганства представляется правильной при условии, что публичный розыгрыш с учетом способа, времени, места его совершения, интенсивности, продолжительности и других обстоятельств привел к грубому нарушению общественного порядка (дезорганизации работы

предприятия или учреждения, приостановлению работы общественного транспорта, срыву массового мероприятия, нарушению общественного спокойствия в многолюдных местах и т.п.) и сопровождался демонстрацией оружия или предметов, используемых в качестве оружия (в том числе незаряженного, неисправного, непригодного, декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки), если по обстоятельствам дела такая демонстрация может быть расценена как «иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия». Таковы, например, случаи прилюдного совершения в общественных местах действий, имитирующих убийство или причинение вреда здоровью «потерпевшего» с использованием якобы настоящего оружия или других «опасных» предметов, когда действия пранкеров направлены на устрашение неопределенного круга лиц, ставших случайными очевидцами уличного розыгрыша. Так, гражданин К., выходя на станции метрополитена из вагона поезда, бросил в вагон муляж взрывного устройства - коробку с проводами, а сам стал проводить какие-то манипуляции с мобильным телефоном.

Таким образом, составом уголовно наказуемого хулиганства охватываются действия уличных пранкеров при условии, что эти действия привели к грубому нарушению общественного порядка и сопровождались демонстрацией оружия или предметов, используемых в качестве оружия (в том числе предметов, имитирующих оружие), если по обстоятельствам дела такая демонстрация может быть расценена как иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Список цитируемой литературы:

1. Голик Ю.В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex Russica. 2017. № 8. С. 162-166.
2. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / С.В. Борисов, А.П. Дмитренко, В.А. Осипов, Е.А. Русскевич; отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2012. 117 с.
3. Медведев Е.В., Кузнецова М.А. Стритрейсинг - транспортное преступление или уголовно наказуемое хулиганство // Транспортное право. 2018. № 4. С. 6-9.

Мелихова Я.Ю., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Дмитриев А.Л.

Melikhova Ya.Y., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Dmitriev A.L.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХУЛИГАНСТВО

RESPONSIBILITY FOR HOOLIGANISM

Аннотация.

В статье автор рассматривает один из составов преступлений, которое очень давно известно отечественному законодательству и которое постоянно подвергается изменениям. Это связано со случаями беспричинного нарушения общественного порядка в самолетах, находящихся в воздухе, в поездах и на морском и водном транспорте.

Abstract.

In the article, the author examines one of the elements of crimes, which has been known to domestic legislation for a very long time and which is constantly undergoing changes. This is due to cases of gratuitous violation of public order in airplanes, in the air, on trains and on sea and water transport.

Ключевые слова: хулиганство, ответственность за хулиганство, мотив хулиганства, общественное место, безопасность.

Keywords: hooliganism, responsibility for hooliganism, motive of hooliganism, public place, security.

Последние несколько лет средства массовой информации постоянно сообщают о фактах неподобающего поведения пассажиров на бортах самолетов, находящихся в воздухе, в поездах (очень часто в поездах метрополитенов), реже в других транспортных средствах.

Справедливости ради следует отметить, что это характерно не только для нашей страны, но и для других стран в мире.

Естественно, что законодатель не мог и не должен был пассивно наблюдать за развитием ситуации. 3 апреля 2017 г. Федеральным законом № 60-ФЗ в Уголовный кодекс были внесены соответствующие изменения. Во-первых, ч. 1 ст. 213 «Хулиганство» была дополнена п. «в»: «на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования».

Во-вторых, в Уголовный кодекс была внесена новая статья 267.1 «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств».

На сегодняшний день ч. 1 ст. 213 УК РФ является уникальной. В ней «под одной крышей» законодатель собрал орудия совершения преступления (п. «а» - эта формулировка появилась в УК на основании Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), мотив совершения преступления (п. «б» - появился в УК после принятия Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ) и добавил место совершения преступления (п. «в»).

В теории уголовного права всегда считалось, что все, что указано в диспозиции, должно обязательно присутствовать в каждом конкретном деянии, если нет разделительного союза «либо».

Законодатель это правило проигнорировал, а Верховный Суд его поддержал. В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений» прямо указано, что хулиганство может быть «совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

То есть вполне достаточно какого-то одного признака. Верховный Суд вернул союз «либо» на принадлежащее ему по праву место. Большая часть теоретиков с этим уже согласились и не спорят: смысла нет. Судебная практика следует по этому пути, и проблем, как правило, в этом случае не возникает.

Теперь, следуя логике постановления № 45 и самого закона, стоит добавить еще и третье «либо» - указанное в законе место совершения преступления. Все, казалось бы, просто и понятно.

Однако само по себе место совершения хулиганства значения для квалификации не имеет.

Любое хулиганство совершается в общественном месте, а какое это место - кинотеатр, кладбище, остановка общественного транспорта и т.п., на квалификации не отражается, но может быть учтено судом при определении меры и размера наказания виновному. Под общественным местом обычно понимается место скопления людей. Это не совсем так. Речь должна идти о месте общения людей. Недаром у нас достаточно давно существует понятие «телефонное хулиганство». Сегодня к нему добавилось и хулиганство в социальных сетях и в Интернете в целом. Расхожий термин «троллинг» отчасти покрывает этот тезис.

При таком понимании общественного места становится более понятна формулировка законодателя о нарушении общественного порядка, используемая им в ч. 1 ст. 213 УК РФ. Очевидно, что общественный порядок может наличествовать и может нарушаться только в общественном месте. Общественное место предполагает также наличие в оном третьих лиц, которые осознают нарушение общественного порядка, что, возможно, нарушает их пребывание в этом общественном месте. При этом такое наличие может быть и виртуальным (социальные сети), когда тело человека (людей) находится где угодно, но присутствие чьего-то вмешательства явно и недвусмысленно нарушает их внутренний покой, выводит из себя, нарушает привычный или просто текущий порядок развития событий.

Не все соглашаются с такой трактовкой. Например, Н. Г. Иванов считает парадоксом связывать квалификацию преступления с местом совершения преступления и наличием в нем посторонних лиц.

Особой аргументации своей позиции он не приводит, поэтому и невозможно понять, что его не устраивает.

В конце концов у нас есть п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ: «Совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий». Конечно, к квалификации содеянного это, строго говоря, отношения не имеет, но учитываться при совершении преступления, включая и хулиганство, судом будет обязательно.

В том числе и при совершении хулиганства при наличии в действиях виновного квалифицирующего обстоятельства, предусмотренного п. «в». ч. 1 ст. 213 УК РФ. Для «полноты картины», наверное, было бы целесообразно включить в ст. 213 еще один пункт, указывающий на потерпевшего.

Например, медицинский работник. Резко участились случаи беспричинного нападения на работников «скорой помощи» и на

медицинских работников непосредственно в лечебных учреждениях. Наличие такого пункта облегчит работу нашим правоприменителям при квалификации содеянного.

Возможно, позволит и остудить некоторые разгоряченные головы.

Перейдем к новому составу - ст. 267.1.

Объектом преступления, описанного в данной статье, как следует из ее расположения в Уголовном кодексе, является безопасность движения и эксплуатации транспорта. Объективная сторона выражается в совершении действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств.

Это могут быть действия, направленные на создание угрозы эксплуатации конкретного транспортного средства, что влечет за собой угрозу безопасности пассажиров и экипажа. Эти действия совершаются непосредственно на этом транспортном средстве.

Например, гражданин Н. во время прогулочного рейса на теплоходе по реке Томь, находясь в состоянии алкогольного опьянения, ходил по палубе, срывал спасательные круги, прикрепленные к бортам (сорвал два круга) и со смехом бросал их в воду. На замечания пассажиров не реагировал, а когда два члена команды попытались его урезонить, оказал им сопротивление, нанеся побои. Очевидно, что такие действия Н. (уничтожение спасательных средств и избиение членов команды) создавали угрозу безопасной эксплуатации данного транспортного средства.

Если эти действия совершаются вне транспортного средства, то ответственность может наступать по другим статьям Уголовного кодекса. Например, по ст. 267 «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения». В частности, такими действиями могут быть блокированы транспортные коммуникации, что предусмотрено диспозицией ч. 1 названной статьи.

Субъективная сторона преступления выражается в прямом умысле. Закон содержит формулировку «хулиганские побуждения», которая все чаще и чаще начинает встречаться в Уголовном кодексе. Хулиганские побуждения в теории иногда называют хулиганским мотивом. В принципе это допустимый подход, хотя формулировки разные.

«В основе хулиганских побуждений, - как пишет профессор В. Г. Павлов, - лежат извращенные потребности, стремления, которые удовлетворяются антиобщественным способом. Содержание хулиганского мотива можно выразить как стремление лица в неуважительной форме противопоставить себя обществу, проявить

пьяную удаль, а также грубую силу, буйство, жестокость, демонстративное пренебрежение к нормам морали» [2, с.614]. Схожие формулировки мы встречаем почти во всех изданиях.

Следует обратить внимание на то, что «мотив хулиганства неоднозначен, разнообразен и всегда на практике представляет определенную сложность при его установлении» [2, с.615]. Именно поэтому Верховный Суд в п. 12 постановления № 45 требует отграничивать собственно хулиганство, предусмотренное ст. 213, от других преступлений, «в том числе совершенных лицом из хулиганских побуждений, в зависимости от содержания и направленности его умысла, мотива, цели и обстоятельств совершенных им действий». При этом под деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, по мнению Верховного Суда, следует понимать «умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода» (абз. 2 п. 12).

Поскольку формулировка «хулиганские побуждения» встречается сегодня в нескольких статьях Уголовного кодекса, постольку направленность умысла виновного может быть не только на конкретного человека и его имущества, но на всех сразу, а имущество может быть общественным, государственным, кооперативным. Это не выходит за рамки понимания содержания хулиганских побуждений.

Возможна ли квалификация действий виновного одновременно по ст. 213 и 267.1 УК РФ? Конечно, возможна. Разные объекты, разная мотивационная направляющая и очень часто разные действия, составляющие объективную сторону. В случае совершения хулиганства действия виновного нарушают общественный порядок и направлены, как правило, против присутствующих граждан. Они могут быть знакомы с виновным, могут быть совершенно для него посторонними людьми. А в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 267.1, действия виновного угрожают безопасности эксплуатации транспортных средств. Так происходит тогда, когда гражданин во время полета в самолете пытается открыть дверь, ломится в кабину пилотов и совершает другие подобные действия.

Конечно, следует установить мотив такого поведения, но практика показывает, что сделать это бывает не всегда просто. В литературе неоднократно подчеркивалось, что поведение хулигана очень часто бывает откровенно бессмысленным. Такое поведение не поддается логическому объяснению ни самим хулиганом, ни другими людьми, включая специалистов. Расхожее объяснение «был пьян»

даже с добавлением «ничего не помню» нисколько не проясняет ситуацию. Наверняка при проведении очень сложных и дорогостоящих исследований ситуация может проясниться, но на квалификации это вряд ли как-то отразится.

Иными словами, безмотивных преступлений не бывает, но вопрос установления мотива бывает не всегда так прост, как может показаться.

Особенно часто и ярко это проявляется при совершении хулиганства и преступлений, совершенных из хулиганских побуждений. Именно поэтому теория и практика считают возможным ограничиваться простым указанием на хулиганские побуждения. Ничего страшного в этом нет.

Неоднократно проводимые ранее исследования мотивационного комплекса хулиганства и хулиганов выявили одно интересное обстоятельство.

Очень часто хулиганы совершают хулиганские действия из-за недостатка внимания к своей персоне. Хулиган как бы обращается к обществу: «Люди! Посмотрите на меня». Многие из них осознанно или неосознанно ищут способ обратить на себя внимание. В этой связи демонстрация в средствах массовой информации актов дебоша на воздушных судах может спровоцировать у потенциальных хулиганов акты агрессии. Мотивом таких актов будет простейший посыл: «Может, и меня покажут по телевизору, может, и обо мне напишут и расскажут». Своеобразный афферентный синтез, или обратная связь между прошлым опытом и сложившейся ситуацией.

Применительно к проявлению хулиганских побуждений во время движения транспортных средств конкретным лицом это может быть особенно заметно: замкнутое пространство, ограниченный контингент «слушателей и зрителей», желание продемонстрировать себя и свои возможности, отсутствие интеллектуальных способностей для избрания другого способа... При этом, как правило, все это стимулируется алкоголем.

Таким образом, мотив есть, но он скрыт глубоко внутри личности хулигана.

Список цитируемой литературы:

1. Голик Ю.В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex Russica. 2017. № 8. С. 162-166.
2. Энциклопедия уголовного права. Т. 21. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2013. 684 с.

Меринова А.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор
Соловьёва В.В.

Merinova A.S., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Doctor of Historical Sciences, Professor
Solovyova V.V.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПОМИЛОВАНИЯ

FOREIGN PRACTICE IN IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF PARTY

Аннотация.

Важным этапом рассмотрения поставленной проблемы является выяснение особенностей института помилования в зарубежных странах. Каждая страна развивается под влиянием индивидуально определенных факторов: социальных, политических, экономических, культурных и т.д. А потому условия существования одинаковых государственных институтов, их развитие и функционирование может иметь значительные отличия. Подтверждением тому является институт помилования осужденных, функционирующий почти во всех странах мира независимо от формы правления, государственной и правовой системы. Изученный нами опыт каждой страны будет представлен по следующим характеристиками: субъект, наделенный полномочиями помиловать осужденных, нормативно-правовое регулирование процедуры помилования, процедура помилования, особенности института помилования.

Abstract.

An important stage in the consideration of the problem posed is to clarify the features of the institute of pardon in foreign countries. Each country develops under the influence of individually determined factors:

social, political, economic, cultural, etc. Therefore, the conditions for the existence of the same state institutions, their development and functioning can have significant differences. This is confirmed by the institution of pardoning convicts, which functions in almost all countries of the world, regardless of the form of government, state and legal system. The experience of each country studied by us will be presented according to the following characteristics: the entity empowered to pardon convicts, the legal regulation of the pardon procedure, the pardon procedure, the features of the pardon institution.

Ключевые слова: институт помилования в зарубежных государствах

Key words: institution of pardon in foreign countries

Помилование осужденных во Франции осуществляет Президент Франции, эта прерогатива непосредственно унаследована им от королей Франции. Президент может освободить от наказания, сократить его срок или заменить более мягким. Президент может помиловать за деяния, наказания за которые определены Уголовным законом, как основные, так и дополнительные: тюремное заключение, штраф, общественные работы, конфискация имущества, приостановка водительских прав, а также запреты, если они соответствуют характеристикам наказание; отдельные административные взыскания. В то же время указывается, что лица не могут быть помилованы за такие действия: нарушение правил вождения (административная мера), образовательные меры, обязательства условного наказания с испытательным сроком и условно-досрочное освобождение, таможенные штрафы и налоговые штрафы (возмещение), дисциплинарные санкции, наложенные дисциплинарным органом, судом или третейским судом. Как правило, исключаются из предмета помилования дисциплинарные санкции и запреты в результате банкротства.

Для того чтобы можно было применить помилование, приговор должен вступить в законную силу. В случае, когда осужденный может обжаловать решение суда, ходатайствовать о помиловании нельзя. Не могут быть также помилованы лица, подпадающие под действие норм об амнистии, и те, кто уже уплатили штраф, потеряли лицензию или отбыли условный срок. Помилование – это не панацея от юридических ошибок, а способ индивидуализации наказания. Если возможно другое решение (приостановка наказания, реабилитация, амнистия, условно-досрочное увольнение), именно ему

необходимо отдать предпочтение, чтобы не нивелировать право президента на помилование. Подать ходатайство о помиловании может как сам осужденный, так и другое лицо, имеющее моральный или материальный интерес (члены семьи, друг, адвокат, наследник и пенитенциарные заведения). Согласно статье R-133-1 УК Франции просьбы о помиловании рассматриваются министром юстиции, а при необходимости, привлекаются другие заинтересованные министры. В ситуациях, которые оказываются достойными для помилования, дело передается министром юстиции генеральному прокурору для всестороннего расследования. В отдельных случаях прокурор может автоматически без расследования отказать. Однако просьба может быть вновь подана после отказа.

Процедура передачи дела на рассмотрение в прокуратуру приостанавливает применение уголовных санкций, кроме тюремного заключения до 3-х месяцев. Также прокуратура несет ответственность за своевременное обращение в соответствующие финансовые органы по приостановке выплаты в случае, если речь идет о штрафе. Однако процесс подачи ходатайства о помиловании не приостанавливает наказание в виде лишения свободы, которое уже начало исполняться. Что касается тюремных наказаний более 3-х месяцев, то прокуратура имеет полномочия отложить отбывание такого наказания, пока не будет решен вопрос о помиловании.

По результатам расследования прокурор представляет отчет, в котором:

- после изучения фактов и судебного дела осужденного анализирует аргументы заявителя и выражает свое мнение о желательности помилования;

- после расследования предоставляет подробную информацию о лице, поведении, семейной ситуации и ресурсах осужденного.

- включаются протокол слушания, судебные решения, обновленная финансовая отчетность, информация о поведении во время отбывания наказания. Этот отчет является конфиденциальным.

Помилование может быть предоставлено в следующих формах: полное освобождение от наказания; частичное освобождение от наказания; условное освобождение от наказания; замена пожизненного лишения свободы на определенный срок.

Особенности института помилования во Франции. В случае положительного решения о помиловании, издается указ, подписанный Президентом Республики, а также заверенный подписями Премьер-министра, Министра юстиции и, если необходимо, министров, привлекавшихся к рассмотрению ходатайства. Указ не публикуется в

официальных изданиях и не подлежит обжалованию. Решение об отказе также не подлежит обжалованию, и причины никогда не раскрываются. Заявление о помиловании является конфиденциальным и, вероятно, не будет разглашено, так как не считается официальным документом.

Указ о помиловании сообщается заинтересованному лицу лично, если оно находится на свободе или начальнику пенитенциарного заведения, в котором оно находится; заинтересованным сторонам; прокурору по месту осуждения; Министерству внутренних дел и/или префектуре; финансовым учреждениям.

В отличие от реабилитации, помилование не подвергает сомнению виновность в совершенном преступлении, а значит остается как судимость, так и гражданские последствия осуждения – необходимость возместить ущерб потерпевшему от преступления. Решение о помиловании не имеет обратной силы.

Статистический обзор: Президент Франсуа Олланд за годы президентства (2012-2017) помиловал 1 осужденного; Президент Николя Саркози (2007-2012) – 27 осужденных.

В Испании право на помилование является исключительной возможностью, за которой может обратиться сам осужденный, его родственники или любое лицо, которое является его представителем перед королем. Кроме того, суд, Верховный суд, прокурор, пенитенциарный судья может поддержать это ходатайство. Прежде, чем король решит вопрос о помиловании, ходатайство должен рассмотреть министр юстиции. Обязательно учитывается, не нарушит ли помилование осужденного права третьих лиц или потерпевших от преступления. Помилование может быть как полным – от всех наказаний, так и частичным. При любых обстоятельствах, помилование не освобождает от гражданской ответственности за преступление. В соответствии с действующим законодательством Испании существует перечень лиц, не подлежащих помилованию: приговор суда относительно которых не вступил в законную силу; не отбывающие наказание; совершивших преступление во второй раз (однако, иногда есть исключения, в случае, когда судья, вынесший приговор, считает справедливым и гуманным предоставить помилование).

Относительно пожизненно осужденных – этот вид наказания принят не так давно и ни одного случая помилования пожизненно осужденных нет. Процедуру помилования регулирует закон 1/1988 от 14 января 1988 г., изменяющий Закон от 18 июня 1870 года, который

устанавливал правила осуществления помилования. Для представления ходатайства необходимо собрать следующие документы: судебный отчет и отчет о поведении осужденного в пенитенциарном заведении. Эти документы передаются прокурору и осужденному. Судебный отчет должен включать информацию об обстоятельствах совершения преступления, возрасте и роде занятий лица, экономическом положении, социальном статусе, наличии судимостей, отягчающих или смягчающих обстоятельствах, доказательствах раскаяния, наличии потерпевших, и, может ли помилование причинять вред третьим лицам, а также любые другие данные, которые могут служить лучшему рассмотрению дела о помиловании. Суд направляет свой доклад министру юстиции с отчетом о состоянии отбывания наказания и другими документами, которые он сочтет необходимыми для обоснования фактов. В отчете от пенитенциарного заведения предоставляется такая информация, как: хорошее поведение, участие в нормальной рабочей деятельности, как в заведении, так и за его пределами, что может считаться полезным для подготовки к жизни на свободе; участия в процессах исправления и социальной реинтеграции. Решение должно быть принято в течение 1 года с момента подачи ходатайства. Испания, учитывая значительное количество обращений, начала с 2016 года собирать и анализировать статистические данные относительно помилованных лиц. Все данные лиц, обращающихся с ходатайством о помиловании, вносятся в базу и разделяются по категориям преступлений. В 2017 года поступило 1943 ходатайств о помилования, из которых было удовлетворено только 20 человек, а 1923-м – отказано. Больше всего осуществляется помилование осужденных за преступления против жизни и здоровья, хотя ходатайств больше всего поступает в пределах категории преступлений против собственности. Сумма указанных выше двух категорий составляет свыше 70% общего количества ежегодных помилований.

В Польше право осуществлять помилование принадлежит президенту в соответствии со ст. 139 Конституции и ст. 560-568 Уголовно-процессуального кодекса. Ходатайство о помиловании может быть подано осужденным и его близкими родственниками. Процедуру помилования может также инициировать генеральный прокурор. Ходатайство о помиловании подается в суд, огласивший приговор. Это должен быть не просто местный суд, а, если возможно, тот же суд (тот же судья). Суд должен рассмотреть ходатайство о помиловании в течение 2-х месяцев со дня его получения. Обстоятельствами, которые должны приниматься во внимание при

рассмотрении вопроса о помиловании судом являются: поведение осужденного во время отбывания наказания, срок отбытого наказания, состояние здоровья осужденного и его семейное положение, устранение вреда, причиненного преступлением, и чрезвычайные происшествия, произошедших после приговора суда. Суммарная оценка гуманности, справедливости и рациональности исполнения приговора является основным критерием для определения возможности помилования. Если по делу о помиловании есть приговор суда первой инстанции, то при решении вопроса о необходимости помилования привлекается только этот суд, после чего материалы направляются генеральному прокурору. Если нет оснований для предоставления помилования, суд оставляет ходатайство без рассмотрения. В случае если апелляционный суд выносит решение по делу, то суд первой инстанции, независимо от своего решения, присылает ходатайство вместе с заключением о помиловании в апелляционный суд. Если хоть один суд решит, что есть основания для помилования, генеральный прокурор подает ходатайство вместе с материалами дела по рассмотрению президенту Республики Польша. В случае отказа судами по ходатайству, новое может быть подано через год. Исключением из этого правила является право генерального прокурора, который может предоставить материалы дела сразу президенту республики. Что касается количества помилованных в Польше, то их немного. Так, помилованных в 2015 г. – семь человек, 2016 г. – 18, 2017 г. – 14. А за период 2006–2018 гг. – 80 человек.

В Чехии право помилования предоставляется президенту республики. Как и амнистия, помилование может быть предоставлено в трех формах: отмена наказания, уменьшение наказания и реабилитация. Помилование, как правило, предоставляется по запросу, но президент также может предоставить помилование по собственному желанию. Например, министр юстиции (или другие) может подать президенту предложения в отношении лиц, не подпадающих под амнистию или другие виды освобождения, однако заслуживающих помилования.

Источник правового регулирования вопроса о предоставлении амнистии и помилования (понятие помилование используется как общий термин, который включает в себя все виды помилования как в более широком, так и более узком виде, но также используется только для обозначения помилования в более узком смысле – для индивидуального помилования) – это статьи 62 g) и 63 j) Конституции Чешской Республики. Порядок подачи ходатайства о помиловании четко не установлен, поэтому этот запрос может быть подан близким

лицом, осужденным или другим лицом. Вообще, каких-то особых требований к перечню необходимых документов кроме ходатайства не закреплено, однако, как правило, прилагаются детали материалов дела, положение лица (например, находится ли оно в тюрьме), и, конечно же, причины помилования. Следующий этап процедуры зависит от того, делегированы ли полномочия по рассмотрению ходатайства о помиловании министру юстиции. Указом Президента Республики Милоша Земана №378/2013 от 29 ноября 2013 года, было делегировано право рассматривать ходатайство о помиловании, за исключением частных случаев. Это означает, что часть ходатайств для рассмотрения будут направлены в Министерство юстиции, а рассмотрение определенных ходатайств о помиловании совершает только Канцелярия Президента.

Критерии оценки ходатайств не четко определены. Наиболее общепринятыми причинами являются здоровье, социальные или гуманитарные причины. Также возможны политические причины, распространенные в 1990-х годах или попытки возместить выявленные правонарушения правоохранительных органов. На самом деле президент может помиловать любого. Результат рассмотрения может быть двусмысленным, отрицательным или положительным. При отсутствии оснований для помилования, министр юстиции отклоняет ходатайство. Вопрос состоит в том, насколько подробно министр ознакомился с отдельными файлами и приложениями, так как письменное сообщение об отказе часто подписывается представителем Министерства. Поэтому следует отметить, что прошение о помиловании не рассматривается самим министром, а скорее должностными лицами министерства. Если выявлены причины предоставления помилования, этот вопрос направляется в Канцелярию Президента Республики, которая пересмотрит дело. Окончательное решение принимается только президентом Республики, который может осуществлять помилование. Часто решение о предоставлении или не предоставлении помилования связано с политической убежденностью Президента, общественным мнением или общей атмосферой в обществе. Конечно, президент может помиловать условно, как это часто делал Вацлав Гавел – в течение нескольких лет лицо было освобождено условно, что означало оставление осужденного под наблюдением и в случае совершения нового умышленного преступления неотбытая часть присоединялась.

Решение о предоставлении помилования вступает в силу, как только его подписывает президент; в случае полного помилования будет стоять еще подпись премьер-министра, которая необходима для

достоверности и эффективности. Президент Земан помиловал всего 9 человек – последний 1 марта 2018 год.

В Израиле, в соответствии с «Основным Законом Президента Государства» «Президенту предоставляется право помиловать правонарушителей (сила помилования) и изменить наказание путем сокращения или замены на более мягкое». Согласно Закону 5741-1981, президент имеет право сокращать сроки наказания, установленные законом. Возможность помилования президентом предусмотрена только для исключительных случаев, когда существуют уникальные и необычные обстоятельства. Институт помилования не является дополнительным звеном в судебной системе и не является способом обжалование решений судов. Любое лицо вправе обратиться к президенту с просьбой о помиловании самостоятельно или через посредника (через адвоката или близких родственников). Юридический департамент при президенте отвечает за обработку запросов о помиловании, поданных президенту государства. Из-за необходимости собирать информацию, касающуюся запроса о помиловании и получении мнения от уполномоченных сторон, обработка запросов о помиловании, как правило, является длительным процессом. Согласно сложившейся политике, президент будет рассматривать прошение о помиловании только после того, как все виды судебной защиты исчерпаны. Полномочия президента о помиловании не распространяются на ходатайства об освобождении заключенных, отбывших две трети своего наказания или отбывающих наказание условно. Полномочия президента о помиловании не распространяются на дела ожидающие судебного разбирательства и дела, которые были закрыты полицией (по разным причинам, таких как: отсутствие доказательств, обстоятельства, не обосновывающие обвинительное заключение). Полномочия президента о помиловании не распространяются на дела, которые рассматривались в системе военного трибунала в районе Иудеи и Самарии. Жертвы от сексуальных преступлений и насилия имеют право подать свое мнение в письменной форме в Министерство юстиции в соответствии с Законом о жертвах преступлений 5761-2001 г. перед тем, как президент решит вопрос о помиловании.

Президент имеет следующие полномочия в сфере помилования при условии, что все виды судебной защиты исчерпаны:

1. Замена тюремного заключения: полномочия уменьшать срок тюремного заключения или заменить его иными наказаниями.

2. Коммутации по приостановке и отмене лицензий: полномочия изменять приговор суда, решением которого было отменено действие водительских удостоверений и т.д.

3. Отмена штрафов, взимаемых судами: полномочия отменять штрафы, взимаемые судами.

4. Отмена штрафных санкций за нарушение ПДД: полномочия отменять взыскиваемые штрафы лицам из-за нарушения правил дорожного движения.

5. Помилование пожизненно осужденных: полномочия заменять наказание в виде пожизненного лишения свободы лишением свободы на определенный срок. В соответствии с Законом 5761-2001 комиссия во главе с судьей дает рекомендацию президенту по помилованию пожизненно осужденного. Само дело приговоренного к пожизненному лишению свободы, не может быть подано комиссии к рассмотрению, пока лицо не отбудет 7 лет наказания, а в случае осуждения по совокупности приговоров двух или более, дело будет рассматриваться через 15 лет с момента отбывания наказания.

Само ходатайство о помиловании содержит как общую информацию, такую как: личные данные осужденного, обстоятельства преступления и копии приговоров суда, данные по предварительным запросам о помиловании, если они были поданы, так и основания для удовлетворения: медицинские, социальные, финансовое состояние, вклад в общество (военная служба, добровольная деятельность, специальные достижения и вновь открывшиеся обстоятельства с момента вынесения приговора. В зависимости от оснований ходатайства следует добавить следующие документы: рекомендации (военными командующими, работодателями и другими рекомендациями) и грамоты, награждения или другое подтверждение исключительных достижений; в случаях запросов на коммутацию отмененной лицензии – свидетельство о выдаче лицензии; в случаях, когда запрос базируется на финансовом состоянии – любой документ, подтверждающий факты, изложенные в ходатайстве; в случаях, когда запрос исходит из социальных причин, мнения, подтверждающие запрос, такие как: мнения социального работника, мнения психологов, мнения работников образования, которые заботятся о детях; в случаях, когда запрос выходит по медицинским причинам, – мнения, подтверждающие запрос, такие как медицинские заключения, подтверждение об инвалидности; справка о госпитализации.

В Австрии только президент имеет право осуществлять помилование. Помилование возможно для лиц, приговоренных к лишению свободы на срок не более 5 лет, когда до конца срока

осталось не менее 18 месяцев. В Австрии не существует процедуры помилования пожизненно осужденных – потому что имеются другие способы освобождения от этого наказания, например, условно-досрочное освобождение.

Вся процедура, подготовка материалов и их подача осуществляется путем электронного представления и заполнения бланков. Каждый год Министерство юстиции осуществляет запросы в учреждения исполнения наказаний для того, чтобы подали списки осужденных, имеющих шанс на помилование. Президент имеет право помиловать в следующих формах: освободить от отбывания наказания, уменьшить срок наказания, заменить более мягким, а также приостановить рассмотрение уголовного дела. Особенности института помилования в Австрии. Помилование не осуществляется в отношении лиц, находящихся в психиатрической больнице, в учреждениях для психически больных осужденных и в учреждениях общественно опасных осужденных, подверженных рецидиву. Также не освобождаются в результате помилования лица, к которым применены санкции административных или финансовым органов.

В Дании право на помилование в соответствии с Конституцией Дании принадлежит представителю королевской семьи – регенту. Регент решает вопрос о помиловании на основе предложений министерства юстиции отдельно для каждого конкретного случая.

В Норвегии право на помилование принадлежит королю, по представлению министерства юстиции, однако отказать в помиловании может именно министерство юстиции, поскольку это право ему было делегировано.

В Швеции право на помилование принадлежит правительству, которое выносит решение на основании индивидуального рассмотрения каждого дела.

Процедура помилования. В Дании лица, отбывающие наказание в виде пожизненного лишения свободы, согласно Уголовному кодексу Дании, могут подать ходатайство о помиловании при отбытии 12 лет от срока наказания. Все документы по помилованию готовится Службой тюрем и пробации Дании при Министерстве юстиции. В Норвегии процедура помилования несколько сложна. Институт помилования (Benådningsinstituttet) стремится предотвратить наказание, если оно необосновано и несправедливо из-за чрезвычайных обстоятельств, произошедших после осуждения или неизвестных государству. Как правило, помилование связано с невозможностью отбывания наказания по

состоянию здоровья, однако в последнее время, учитывая достаточное медицинское обеспечение, эта проблема решена. Помилование может предоставляться с испытательным сроком в 2 года. Также помилование не ставит под сомнение виновность осужденного, поэтому аргумент, что наказание является слишком строгим или лицо ошибочно осуждено, не принимается как основание. Помилование – это не право личности. Ходатайство о помиловании подвергается общей оценке, где, как правило, изучается ряд факторов, имеющих значение в зависимости от наказания. Важным моментом может служить то, что осужденный имеет такие серьезные проблемы со здоровьем, что наказание доставляет ему чрезвычайные страдания. То же касается и чрезвычайно обременительных семейных обязательств. С другой стороны, такие основания не касаются осужденных к длительному тюремному заключению за совершенное тяжкое преступление. Финансовая нетрудоспособность не считается чрезвычайным обстоятельством, которым можно оправдать помилование за штрафы. Что касается пожизненного лишения свободы, то в Норвегии его нет – максимальный срок наказания – 21 год.

В Швеции правительство может как сократить наказание, так и освободить от него. Помилование – это исключительная мера, которая может применяться в индивидуальном порядке. Виновность лица не подвергается сомнению в случае помилования – этот государственный институт не исправляет судебные ошибки. Не освобождается помилованное лицо от возмещения ущерба потерпевшим от преступления. Осужденный подает ходатайство о помиловании в Министерство юстиции. В ходатайстве указывается: имя осужденного, адрес и номер телефона; соответствующее решение: название суда, дата вынесения судебного решение и номер дела; основания, приведенные в поддержку помилования. Если ходатайство подано на иностранном языке, осужденный самостоятельно должен перевести на шведский. Ходатайство должно быть подписано заявителем. Документы, представленные в деле о помиловании, становятся официальными, то есть детали в делах о помиловании, в принципе, будут доступны для общественности.

Когда дело о помиловании готово к принятию решения, министр юстиции представляет его на рассмотрение правительства. Независимая оценка обстоятельств производится в каждом отдельном случае. Основаниями, обычно не приводящими к помилованию являются: осужденный утверждает, что он невиновен; изменение практики вынесения приговоров; осужденный ждет решения о новом

судебном разбирательстве; осужденный подал жалобу в Европейский суд по правам человека и ожидает его решения. Пребывание в стрессе от перспективы тюремного заключения или тревога относительно своего финансового состояния не являются достаточными основаниями для помилования.

Таким образом, анализ зарубежного опыта демонстрирует, что институт помилования осужденных приобрел индивидуальные черты и особенности в зависимости от исторических условий развития, формы правления отдельных государств, социальных и экономических факторов. Можно утверждать о тенденции к уменьшению количества помилованных лиц у всех изучаемых нами странах – это объясняется следующими причинами: политическими взглядами президентов и общественным мнением, согласно которому акт помилования – это вмешательство в действие органов правосудия; уменьшением количества тюремного населения – «целевой аудитории» функционирования этого государственного института; закреплением в законодательных актах формально определенных и четких процедур освобождения от отбывания наказания, что означает отход от традиции помилования в пользу более современных способов. Однако следует и признать, что институт помилования до сих пор является важным полномочием главы государства миловать и освобождать от наказания, которое может служить высшим актом милосердия, проявлением гуманизма, а в отдельных странах – способом исправить судебные ошибки.

Список цитируемой литературы:

1. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть под общей редакцией. М.: Юниформ, 2019. 446 с.
2. Конституция государств Европы: в 3-х т. Т. 2. М.: Норма, 2001. 840 с.
3. Родионова Н.С., Минасян А.К. Порядок применения акта помилования в зарубежном праве // Научный электронный журнал Меридиан. 2021. №1. С. 102-104.

Мишин Д.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Mishin D.V., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РАЗНЫЕ ВРЕМЕННЫЕ ПЕРИОДЫ

IMPLEMENTATION OF PUNISHMENTS AGAINST MILITARY PERSONNEL IN DIFFERENT PERIODS

Аннотация.

В статье рассматривается ответственность военнослужащих в разные временные периоды истории. Проводится анализ совершенствования, изменения законодательства, предусматривающих ответственность и исполнение наказаний в отношении военнослужащих

Abstract.

The article deals with the responsibility of military personnel in different time periods of history. An analysis is being made of improving, changing legislation providing for responsibility and execution of punishments for military personnel

Ключевые слова: исполнение наказаний, преступления военнослужащих, исполнение наказаний в отношении военнослужащих, исторический аспект

Keywords: execution of punishments, crimes of military personnel, execution of punishments against military personnel, historical aspect

В период правления Петра I (1682-1725 гг.) проводимые им реформы сопровождались активной законотворческой деятельностью, на которую повлияло и сближение России с Западной Европой. Были созданы сильная регулярная армия и военно-морской флот. Введенная с 1705 г. рекрутская система их комплектования охватывала население центральных «великороссийских» губерний, но не всегда давала солдат, «спаянных общностью языка, веры, обычая и родства». В том числе и поэтому было принято и новое военно-уголовное законодательство.

В соответствии с Уложением 1702 г. в систему наказаний военнослужащих входили следующие уголовно-правовые меры:

- смертная казнь - простая (которая применялась посредством повешения, отсечения головы мечом) и усиленная (путем четвертования - за измену, участие в сходках начальников вместе с подчиненными и убийство с корыстной целью). Существовала также заочная казнь, исполняемая символически, путем прибития к виселице имени преступника, после чего виновный при поимке мог быть повешен;

- членовредительские наказания: отрезание носа - за клятвопреступление и пригвождение руки ножом - за нанесение раны;

- тяжкие телесные наказания: битие кнутом (для русских) и шпицрутеном (для иностранцев, находившихся в русском войске);

- легкие телесные наказания: ношение мушкетов до 6 штук по 2 часа, с трехчасовыми перерывами, ежедневно в течение нескольких дней (до недели);

- арест под охраной караула на срок до 20 суток. (В 1707 г. Петр I учредил воинские гарнизоны и комендатуры, при них были построены гарнизонные гауптвахты1 (от нем. Hauptwache, - главный караул), которые находились в ведении коменданта гарнизона. Здесь арестованные содержались также во время расследования и в ожидании суда в крайне тяжелых условиях);

- наказания имущественного характера: конфискация имущества (за важнейшие преступления) и вычет из жалования;

- лишение чести - различные ограничения служебных прав: увольнение со службы, снижение в должности, разжалование в рядовые;

- отплата равным злом - удар за удар, т.е. причинение равного вреда.

В статье 58 Уложения 1702 г. впервые для военнослужащих упоминается новый вид наказания - ссылка на каторжные работы.

При назначении наказания состояние опьянения признавалось отягчающим вину обстоятельством. При совершении преступления целыми частями войск (сдача крепости или бегство с поля боя) одни начальники подвергались смертной казни, другие «начальные люди» и солдаты подвергались смертной казни по жребию - один из десяти. При совершении начальниками преступлений вместе с подчиненными первые подлежали более строгому наказанию и отвечали за ущерб, причиненный подчиненными. В заключительных статьях Уложения было сказано, что действие его распространяется на лиц «от полкового воеводы и до нижнего начального человека и солдата» и всех, кто состоит при войске.

К наказаниям уголовным относились следующие виды:

- смертная казнь: простая - повешение и усиленная - сожжение (за поджог, мужеложство и скотоложство) и колесование (убийство родственников, своего офицера);

- членовредительные наказания - отрезание носа и ушей (за третью кражу и кражу с взломом), отсечение пальцев (за клятвопреступление), пригвождение руки на час к виселице (за ножевое ранение);

- тяжкие телесные наказания - битие шпицрутенами;

- легкие телесные наказания - битие ботиками, ношение мушкетов;

- лишение свободы - непродолжительный арест;

- лишение чести в виде увольнения со службы и лишения должности;

- имущественные наказания - взыскание определенных денежных сумм из офицерского жалования и взыскание причиненных убытков в многократном размере.

Многие наказания устанавливались в виде «оплаты равным злом» (принцип талиона): кровь за кровь (смертная казнь за убийство), за поджог сожжение и т.п. В случае совершения преступления целой частью войск (сдача гарнизона, крепости), как и по Уложению Шереметева, смертной казни должны были подвергаться только начальники, остальные солдаты и офицеры подлежали казни через каждого десятого человека.

В развитии отечественного военно-уголовного законодательства важным является 1716 год и связано это с изданием «Воинского устава» Петра I. Источниками этого памятника законодательства, по утверждению многих историков, в том числе правоведов, были Воинские артикулы шведского короля Густова-Адольфа в редакции Карла XI (1683 г.). Кроме того, использовались

военно-уголовные законы датские, французские, английские, голландские и немецкие.

Сажать солдат не было необходимости, поскольку для них существовало более действенное наказание - розги. По своему содержанию, - писал С. Познышев, - наказание в то время было главным образом физическим мучением, при этом наиболее грубые и жестокие меры применялись к лицам низших слоев общества, низших сословий.

Изучение истории становления и развития законодательства об ответственности военнослужащих в России на различных этапах государственного строительства способствует учету и использованию накопленного опыта в наши дни и разработке предложений по совершенствованию административно-правового регулирования ответственности военнослужащих. Защита Отечества в истории России всегда была одной из важнейших функций государства, а военная служба - почетной обязанностью граждан страны [1, с. 31].

Первым документом, в котором впервые содержится упоминание о воинском преступлении, является Судебник Великого Князя Иоанна IV (1550 г.) [4, с. 1081]. Здесь установлена лишь ответственность в виде смертной казни «градского сдавца», т. с. начальника (воеводы), сдавшего крепость врагу.

Уложение о службе 1556 г. установило порядок прохождения воинской службы, согласно которым каждый феодал (вотчинник и помещик) был обязан с определенного количества земли выставлять установленное количество воинов на конях и в полном вооружении.

Петровский период характеризуется принятием большого количества законодательных актов, посвященных государственному и военном} строительств}. Кроме указов, многие правовые нормы содержались в актах общего характера (регламентах, наказах и т. п.), определявших положение тех или иных звеньев гос} дарственного аппарата. С петровских времен и до наших дней в России продолжают функционировать в качестве судов общей юрисдикции гражданские и военные суды. Законами периода Петра I была установлена предметная и персональная подсудность.

До Октябрьской революции 1917 г. в России правовым основанием ответственности за воинские преступления служил Воинский устав о наказаниях 1869 г.. С принятием в 1869 г. Дисциплинарного устава и Воинского устава о наказаниях военнослужащий мог быть подвергнут уголовным, исправительным и дисциплинарным наказаниям за совершение воинского проступка. Различия проводились по характеру и степени общественной

опасности деяния. Воинский устав о наказаниях применялся не только военными судами, но и общими. Следует также констатировать, что Военно-судебной реформой 60-70-х гг. XIX в. феодальная система доказательственного права, основанная на теории формальных доказательств, была заменена новой системой, основанной на теории «свободной оценки доказательств, по внутреннему убеждению, и совести судей». В ней были реализованы такие принципы процессуального права, как гласность, устность, непрерывность судебного заседания, равноправие и состязательность сторон в процессе, формальное право подсудимого на защиту и обжалование приговора.

Список цитируемой литературы:

1. Военно-уголовное право : учеб. / под рсд. Х. М. Ахметшина, О. К. Затслспина. М. : Военный университет : За права военнослужащих, 2018. 384 с.
2. Лопатин Д. В. Административно-правовое регулирование материальной ответственности военнослужащих в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 10 с.
3. Петухов Н. А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов России: дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2003. 460 с.
4. Сухондяева Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII - начало XX вв.) (историко-правовое исследование): автореф. дис... канд. юрид. наук. - СПб, 2006. 15 с.

Мовчан К.С., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Movchan K.S., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ ПРЕКУРСОРОВ И ИХ АНАЛОГОВ

COUNTERACTION TO ILLEGAL TRAFFICKING IN NARCOTIC PRECURSORS AND THEIR ANALOGUES

Аннотация.

В статье анализируется опыт и противодействия незаконному обороту наркотических веществ, прекурсоров и их аналогов, рассматривается метод противодействия незаконному обороту наркотических веществ и подводится вывод исследования

Abstract.

The article analyzes the experience and counteraction to illicit trafficking in narcotic substances, precursors and their analogues, considers the method of counteracting illicit trafficking in narcotic substances and summarizes the conclusion of the study

Ключевые слова: наркотические средства, противодействие обороту наркотических средств, предупреждение нарушений, незаконный оборот наркотических средств

Keywords: narcotic drugs, counteraction to the circulation of narcotic drugs, prevention of violations, illegal drug trafficking

Меры по снижению спроса на наркотики и психотропные

вещества предусматриваются комплексом мер по профилактике наркозависимости и связанных с ней уголовных преступлений, и антиобщественной деятельности. Указанный комплекс включает в себя мероприятия по выявлению и устранению причин и условий, способствующих распространению и употреблению наркотиков, особенно в подростковом возрасте.

Легкая доступность наркотиков и психоактивных веществ значительно снизила возрастные ограничения потребителей этих наркотиков, а эффект рекламы также повлиял на осведомленность людей таким образом, что сформировалось толерантное отношение к наркотикам, и часто возникает интерес попробовать и испытать на себе действие "легких" наркотиков. Проблема наркомании не решается должным образом, возможно, это политика государства по предотвращению наркомании, потому что люди, которые не заинтересованы в наркотиках, вытесняют ее из своего сознания, и люди, которые сталкиваются с этой проблемой, больше не нуждаются в предупреждении.

Эксперты отмечают повышенную толерантность к наркотикам, причиной этого является целый ряд факторов: изменение социально-экономической среды, расслоение общества, отсутствие доступа к бюджетным разделам для организации досуга подростков и др.

Эффективное формирование здорового образа жизни, доступность его поведения, творческие и общественные организации также необходимы для формирования интереса к жизни, особенно в подростковом возрасте.

Наблюдается стремительный рост подростковой преступности в сфере незаконного оборота наркотиков. Подростки привлекаются не только к ответственности за кражи, кражи со взломом и другие имущественные преступления, но и к текущим преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также сильнодействующих и ядовитых веществ (статьи 228-234 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации1). За последние три года наметилась тенденция к росту этой категории преступлений несовершеннолетних.

Формирование толерантного отношения к нетерпимым вещам недопустимо, потому что это создает терпимость. Пределы толерантности определяются международными правовыми актами, Конституцией и иными законами Российской Федерации, предусматривающими права и свободы человека и гражданина, которые не должны нарушать права и свободы других лиц. Толерантность, однако, выходит за допустимые пределы и

приобретает масштабы, которые становятся рациональными и угрожают не только правам и свободам человека и гражданина, но и обществу в целом. Сегодня " толерантность обладает мощным криминальным потенциалом."

Все меры, принимаемые для борьбы с наркопреступностью, являются низкими. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в этой сфере, была усилена, но традиционные способы решения этой проблемы не дают ожидаемых результатов. При использовании различных оценочных признаков преступления их единообразное установление на практике затруднено, зачастую из-за неправильной формулировки. Так что квалифицированный персонал, который входит в раздел "а", часть 2 ст. 228.1 УК РФ определяются места реализации наркотических средств, такие как административные здания, административные здания, здания, используемые для проведения досуга и досуга. Все эти места неоднородны и очень многочисленны в юридическом определении, а понятие "здания, используемые для развлечения или отдыха" еще не вполне закреплено законом.

Вся система криминальных методов поощрения стремления избавиться от наркотической зависимости и пройти реабилитацию в нашей стране не эффективна и недоступна большинству наркоманов, система слабо ориентирована на российскую действительность.

Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, установлена законом, но общественность не информируется об ответственности за совершение преступлений этой категории (в частности, лиц в возрасте от 14 до 15 лет).

Представляется, что при принятии решения о квалификации в любом случае необходимо установить и учесть направленность намерения виновного (распространение, передача дистрибьютору, потребителю или для личного пользования), размер перевозимого лекарственного средства (отгрузка или нет), упаковку, место нахождения (в тайнике или сумке, мешке и т. д.), наличие наркотической зависимости у перевозчика и иные обстоятельства дела, которые могут свидетельствовать о степени общественной опасности деяния. При этом главным критерием принятия решения о отнесении того или иного деяния к категории перевозки или хранения, по-видимому, должен быть тот факт, что перемещение наркотических средств или психотропных веществ является частью их распространения (оборота наркотиков), а не подготовительными действиями для личного употребления.

Существуют формы и методы разоблачения и привлечения наркопреступников во взаимодействии с правоохранительными органами, но работа по борьбе с наркотиками в отношении ранее судимых за преступления этой категории лиц остается низкой, и формальное внимание ей уделяется, хотя именно эта категория людей могла бы составить основу антикриминальных групп незаконного оборота наркотиков и психоактивных веществ [1. с. 153].

Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, установлена законом, но общественность не информируется об ответственности за совершение преступлений этой категории (в частности, лиц в возрасте от 14 до 15 лет).

Кроме того, представляется необходимым восполнить правовой пробел и отметить, что совершение преступления, связанного с употреблением наркотических средств, а также психотропных и сильнодействующих наркотических средств, является отягчающим обстоятельством (Статья 63 Уголовного кодекса Российской Федерации) [2. с. 16].

Введение новых квалификационных функций в антинаркотические статьи Уголовного кодекса Российской Федерации сопровождается также увеличением санкций и других уголовных преступлений, предусмотренных этими статьями.

В рамках внедрения системы ответственности в отношении трех элементов наркоторговли предлагается, чтобы ответственность за их незаконный оборот, а также определение количества незаконно перевозимых химических веществ на различных уровнях для борьбы с которыми является самостоятельным уголовным преступлением, возможно, была установлена.

Одной из мер принудительного медицинского характера является принудительная госпитализация. Особенно трудно найти баланс между правами пациента, чтобы быть свободным, и обязанностью государства защищать жизнь и здоровье граждан, защищать их, но в данном случае следует отметить, однако, что сами наркотики представляют угрозу для жизни и здоровья граждан, обусловленную их психическим состоянием, особенно в период голодания от наркотиков и потенциальной возможностью для людей иметь возможность на каждое преступление и преступление получать деньги для приобретения наркотиков.

Список цитируемой литературы:

1. Антонов, А.Г., Агильдин, В.В., Витовская Е.С. К вопросу о характере общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их // Всероссийский криминологический журнал. 2017. №1. С. 154-161
2. Баулин Ю.В. Криминализация незаконного оборота наркотических средств как одно из направлений уголовной политики государства // Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия наркотизации общества. 2015. С.16 - 17.
3. Юхман М. А. Совершенствование нормативно-правового регулирования отношений в сфере контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Российский следователь. 2008. № 18. С. 26-28.

Насырин А.О., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Корнев А.С.

Nasyrin A.O., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kornev A.S.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

CRIMES AFFECTING ECONOMIC SECURITY IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация.

Данная статья посвящена анализу преступлений, которые посягают на экономическую безопасность, в уголовном законодательстве зарубежных стран. В статье проанализированы особенности уголовного законодательства зарубежных стран, по противодействию преступлениям, сопряженным с банкротством.

Abstract.

This article is devoted to the analysis of crimes that encroach on economic security in the criminal legislation of foreign countries. The article analyzes the features of the criminal legislation of foreign countries, to combat crimes associated with bankruptcy.

Ключевые слова: экономическое преступление, уголовное право зарубежных стран, банкротство.

Key words: economic crime, criminal law of foreign countries, bankruptcy.

К экономическим преступлениям в общем виде относят преступления, которые отличаются своей масштабностью,

затрагивающие социальные ценности и нормы, а также могут нанести существенный ущерб как определённой группе людей, так целому государству [3, с.1]. Преступления экономической направленности, как и множество любых других преступлений не имеют государственных границ, в чём можно убедиться в главе 2 настоящего исследования.

Если рассматривать проблему обеспечения экономической безопасности через призму законодательства зарубежных стран, то Е. Дементьева в своих научных трудах ориентируясь как раз на зарубежные источники, дает следующее определение: «Это противоправная деятельность, целью которой является извлечения прибыли в рамках закона и под прикрытием законной экономической деятельности как физическим, так и юридическим лицом, тем самым посягая на экономические интересы государства в целом, а также на частную предпринимательскую деятельность и на интересы некоторых групп граждан [1]». На наш взгляд, данное определение схоже с определениями отечественных учёных-юристов, а также очень точно характеризует тот факт, что вектор любых преступлений, посягающих на экономическую безопасность, направлен в большей степени против общенациональных и государственных интересов в сфере экономики [4].

В истории уголовного права Великобритании тоже существовало понятие «хозяйственные преступления», к которому относили преступления, направленные против интересов промышленности и торговли.

К числу преступлений в этой сфере английский исследователь В. Харрис относил: преступления, связанные с банкротством и в сфере кредитно-денежных отношений, подделку торговых марок, преступления на потребительском рынке [5].

В уголовном праве европейских государств и США интерес, на наш взгляд, представляют структура нормативно-правовой базы, регламентирующая защиту прав кредиторов и потребителей, прав государства на взимание налогов и сборов, а также защиту от поступлений «грязных» денег в финансовый сектор государства от как преступлений, посягающих на экономическую безопасность.

В уголовном кодексе Франции нет норм, касаемо банкротства. Когда во Франции был принят новый Уголовный кодекс, а именно 22 июля 1992 года нормы о банкротстве можно найти в Законе о несостоятельности, в соответствии с Законом № 92-1336 от 16 декабря 1992 года.

В соответствии с ч. 6 параграфом 283 УК Германии уголовная ответственность в сфере банкротства может возникать также за неплатежеспособность, открытие производства на конкурсной основе или отказ от его открытия в связи с отсутствием конкурсной массы [8].

Если рассматривать уголовное право Финляндии, то выясняется, что данной предпосылкой может быть объявление должника несостоятельным (банкротом), что указано в параграфе 9 конкурсного устава. Следует также отметить, что банкротство по закону можно считать наступившим в момент подачи ходатайства в суд, которое и привело к открытию конкурса.

В соответствии с Уголовный кодексом Голландии ответственность за банкротство при условии, что суд должен признать должника банкротом.

Но несмотря на некоторые нестыковки в принципах привлечения к уголовной ответственности в европейских государствах и США в сфере банкротства, существует единое представление понятия злостного банкротства. Под злостным банкротством в узком смысле понимаются противоправные действия физических и (или) юридических лиц, являющимися неплатежеспособными, а именно полное или частичное умышленное сокрытие имущества, невыполнение своих имущественных обязательств, а также других противоправных мероприятий, которые приносят ущерб своим кредиторам. Исходя из определения, подобные действия очень схожи с действиями при мошенничестве, так как здесь так же происходит сознательное искажение истины, что вводят кредиторов в заблуждение.

К другим преступлениям экономической направленности в европейских государствах и США также относят и преступления в налоговой сфере. По данным преступлениям уголовная ответственность в подавляющем большинстве европейских государств, регламентируется не уголовными кодексами [6], а уже другими нормативно-правовыми актами. В Германии санкции за преступления в налоговой сфере регламентированы в Положении о налогах 1977 г., во Франции – указана в общем кодексе о налогах от 1950 года. В США же данную функцию реализует Кодекс внутренних доходов 1986 г., который относится к разделу 26 Кодекса США.

Преступлениями в этой сфере согласно законодательству большого количества зарубежных стран и США являются уклонения от уплаты таможенных платежей с их многообразием, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин на ввоз и вывоз товаров за границу и наоборот, нарушение процедуры оформления в

установленном законом порядке или отсутствия таковой такого типа товаров, производство которых установлено государственной монополией [7].

К налоговым преступлениям согласно законодательству многих европейских государств и США относят преднамеренное уничтожение, искажение, фальсификация, сокрытие бухгалтерской и иной финансовой отчётности. Например, в соответствии с п.1 ст. 1743 Общего кодекса о налогах Франции осуществление заведомо ложных записей в бухгалтерские книги о проведении каких-либо финансовых операций карается уголовной ответственностью в виде тюремного заключения сроком до 5 лет. Во Италии согласно ст. 4 Закона от 7 августа 1982 г. № 516 за сокрытие и (или) уничтожение документов бухгалтерской отчётности, ведение и сохранение которых являются обязательным, умысел которых заключался в неуплате налога, может быть назначено тюремное заключение сроком от 6 месяцев до 5 лет, а также денежный штраф. В соответствии с ч.2 ст. 1 Закона Италии ответственность за непредставление в срок документов бухгалтерской отчетности в финансовые органы без уважительных на то причин наступает в виде тюремного заключения сроком до 2 лет или денежным штрафом.

Особую категорию преступлений в налоговой сфере, которая в особой степени влияет на экономическую безопасность страны, составляют преступления в форме подделки знаков оплаты. В Германии в параграфе 148 УК ФРГ регламентированы санкции за подделку официальных знаков уплаты, в Великобритании в соответствии с п. 4 ст. 8 Закона о подлоге и подделке 1981 г. наступает ответственность за незаконное изготовление гербовых марок.

Как и в России, в налоговом уголовном законодательстве зарубежных стран реализованы нормы, освобождающие от ответственности уклоняющихся от уплаты налога лиц. Например, в Германии в соответствии с ч.2 параграфа 371 Положения освобождение от ответственности реализуется при помощи своевременного обращения лица в финансовые органы до момента уже непосредственной проверки правильности уплаты налогов.

В Испании критерием освобождения от ответственности является погашение суммы, которая незаконно утаивалась для снижения до того момента, когда финансовые органы начнут проверку правильности уплаты налогов (ч. 4 ст. 308). Основным критерием благоприятной экономической конъюнктуры является здоровая конкуренция, а также высокая конкурентоспособность товаропроизводителей. В связи с этим в уголовном законодательстве

многих европейских государств, в том числе и США важнейшую роль занимает контроль за конкурентоспособностью.

Таким образом, законодательство многих европейских государств и США хоть и по-разному подходит к реализации мер для привлечения к ответственности, но в то же время имеют и положительную динамику в этом направлении. И, на наш взгляд, данный положительный опыт должен быть хотя бы частично использоваться для совершенствования российского законодательства при условии социальной обусловленности криминализации новых деяний, критерием которых является правоприменительная практика.

Список цитируемой литературы:

1. Дементьева Е. Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США и Германии). [Электронный ресурс]. Юридическая научная библиотека. URL: http://lawlibrary.ru/disser2002159.html (дата обращения: 23.10.2021).
2. Лихачев В. А. Уголовное право в освободившихся странах (сравнительное исследование). [Электронный ресурс]. Юридическая научная библиотека. URL: http://lawlibrary.ru/izdanie3195.html (дата обращения: 23.10.2021).
3. Лихачев В. А. Уголовное право в освободившихся странах (сравнительное исследование). [Электронный ресурс]. Юридическая научная библиотека. URL: http://lawlibrary.ru/izdanie3195.html (дата обращения: 23.10.2021).
4. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. [Электронный ресурс]. Общедоступные библиотеки Санкт-Петербурга. URL: https://spblib.ru/en/catalog/ /books/11468940-ugolovnoye-pravo-i-ugolovnyy-sud-anglii (дата обращения: 25.10.2021).
5. Уголовное право Финляндии. [Электронный ресурс]. Киберленинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-finlyandii-1889-g-kak-zakonodatelstochnik-evropeyskoy-integratsii (дата обращения: 24.10.2021).
6. Arntz T. Delikte bei insovenzcn in den Jahren 1977-1980. [Электронный ресурс]. Интернет-архив. URL: https://openlibrary.org/books/OL2312011M/ (дата обращения: 26.10.2021).

Наумова О.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Брусенцева В.А.

Naumova O.V., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Brusentseva V.A.

НЕПРАВОМЕРНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СТ. 274.1 УК РФ)

ILLEGAL IMPACT ON THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION (ART. 274.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация.

На территории Российской Федерации с 1 января 2018 года действует Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

В пояснительной записке к законопроекту говорилось: «Стабильность социально-экономического развития Российской Федерации и ее безопасность, по сути, поставлены в прямую зависимость от надежности и безопасности функционирования информационно-телекоммуникационных сетей и информационных систем… Принятие законопроекта позволит создать правовую и организационную основу для эффективного функционирования системы безопасности… а также существенно снизит общественно-политические, финансовые и иные негативные последствия для Российской Федерации в случае проведения против нее компьютерных атак».

В качестве характерных примеров негативного воздействия компьютерных атак на критическую информационную инфраструктуру государства назывались: остановка центрифуг иранской атомной станции с помощью компьютерного вируса StuxNet в сентябре 2010 года и паралич работы нескольких крупных финансовых учреждений Южной Кореи в марте 2013 года.

Abstract.

Since January 1, 2018, the Federal Law of July 26, 2017 No. 187-FZ "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" has been in force on the territory of the Russian Federation.

The explanatory note to the bill stated: "The stability of the socio-economic development of the Russian Federation and its security, in fact, are directly dependent on the reliability and security of the operation of information and telecommunication networks and information systems ... The adoption of the bill will create a legal and organizational basis for the effective functioning of security systems ... and will also significantly reduce the socio-political, financial and other negative consequences for the Russian Federation in the event of computer attacks against it.

As typical examples of the negative impact of computer attacks on the critical information infrastructure of the state, the following were mentioned: stopping the centrifuges of the Iranian nuclear power plant using the StuxNet computer virus in September 2010 and paralyzing the work of several large financial institutions in South Korea in March 2013.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, информационная безопасность

Keywords: critical information infrastructure, information security

Принятие Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», по сути, является ответом государства на современные вызовы в области информационной безопасности. Обеспечение защиты объектов повышенной опасности страны или региона – дело государственной важности.

Данным Федеральным законом вводится ряд новых понятий в сфере информационной безопасности. Прежде всего это такие понятия, как «критическая информационная инфраструктура», «объекты критической информационной инфраструктуры», «значимый объект критической информационной инфраструктуры».

Критическая информационная инфраструктура включает в себя важные объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов.

Под объектами критической информационной инфраструктуры понимаются:

- информационные системы (совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств);

- информационно-телекоммуникационные сети (технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники);

- автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры (автоматизированная система управления - комплекс программных и программно-аппаратных средств, предназначенных для контроля за технологическим и (или) производственным оборудованием (исполнительными устройствами) и производимыми ими процессами, а также для управления такими оборудованием и процессами).

Закон определяет значимый объект критической информационной инфраструктуры как такой объект инфраструктуры, которому присвоена одна из категорий значимости и который включен в соответствующий реестр.

Категории значимости должны присваиваться объектам критической информационной инфраструктуры исходя из их социальной, политической, экономической, экологической, военной и иной значимости. Предполагается три категории значимости: высокая, средняя, низкая, критерии которых и порядок присвоения установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2018 года № 127 «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений».

Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» предполагает создание реестра значимых объектов критической информационной инфраструктуры, в котором должны быть прописаны меры информационной безопасности для каждого объекта инфраструктуры.

Субъектами режима информационной безопасности признаются государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели. Объекты критической информационной инфраструктуры должны принадлежать субъектам на законном основании, и они должны функционировать в наиболее значимых отраслях и областях жизни страны, например, в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, в топливно-энергетическом комплексе, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности.

В соответствии с Федеральным законом «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» в УК РФ Федеральным законом от 25 июля 2017 года № 194-ФЗ была введена ст. 274.1, вступившая в силу 1 января 2018 года.

Ознакомление со ст. 274.1 УК РФ позволяет сделать вывод, что она включает три самостоятельных состава преступления (чч.1, 2, 3), а также отягчающие ответственность обстоятельства (ч. 4 и 5).

Предметом всех предусмотренных ст. 274.1 УК РФ преступлений являются как компьютерная информация, которая содержится в критической информационной инфраструктуре, так и объекты инфраструктуры в виде информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, а также автоматизированных систем управления.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 274.1 УК РФ, выражается в создании, распространении и (или) использовании вредоносных компьютерных программ либо иной компьютерной информации. Она полностью совпадет с объективной стороной состава преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ.

С субъективной стороны оба преступления характеризуются прямым умыслом, поскольку совершаются с определенной целью. Отличие преступлений заключается в цели деяния. В статье 274.1 УК РФ цель действий виновного лица определена как неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, которое может выражаться, в том числе, в уничтожении, блокировании, модификации, копировании информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре, или нейтрализации средств защиты указанной информации. Иначе говоря, целью создания, распространения и (или) использования вредоносных программ или иной компьютерной информации применительно к ст. 274.1 УК РФ является компьютерная

атака, т. е. целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, с целью нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации.

Субъект преступления общий – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Частью 2 ст. 274.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации. Отличие от состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, заключается в признаках как объективной, так и субъективной стороны.

Объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 274.1 УК РФ, образуют: неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, которая содержится в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации. При этом не имеет значения вредоносность используемых программ или информации; последствия в виде причинения вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации. Представляется, что в качестве последствий данного преступления может быть признан факт нарушения функционирования объекта критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, сети электросвязи, используемой для организации взаимодействия объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и (или) нарушения безопасности обрабатываемой таким объектом информации; причинная связь между неправомерным доступом и последствиями в виде причинения вреда объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 274.1 УК РФ, по отношению к последствиям в виде причинения вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации может быть выражена как умыслом, так и неосторожностью.

Субъект преступления общий.

Частью 3 ст. 274.1 УК РФ устанавливается ответственность за нарушение соответствующих правил, повлекшее причинение вреда

критической информационной инфраструктуре Российской Федерации.

Объективная сторона данного состава преступления выражается:

- или в нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации;

- или в нарушении правил эксплуатации информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления, сетей электросвязи, относящихся к критической информационной инфраструктуре Российской Федерации;

- или в нарушении правил доступа к указанным информации, информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям, автоматизированным системам управления, сетям электросвязи;

- в последствиях в виде причинения вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации.

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 274.1 УК РФ, по нашему мнению, характеризуется как умыслом, так и неосторожностью по отношению к последствиям в виде причинения вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации.

Субъект данного преступления может быть как общим, так и специальным. Если на лице лежала обязанность по соблюдению специальных правил, то субъект преступления специальный. Если на лице не лежала обязанность по соблюдению специальных правил, то субъект преступления признается общим.

В части 4 ст. 274.1 УК РФ в качестве отягчающих ответственность обстоятельств указано совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения.

Частью 5 ст. 274.1 УК РФ предусмотрено особо отягчающее обстоятельство в виде тяжких последствий. Представляется, что тяжким последствием может быть признан факт прекращения функционирования объекта критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, сети электросвязи, используемой для организации взаимодействия объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и (или) нарушения безопасности обрабатываемой таким объектом информации.

Список цитируемой литературы:

1. Александрова Н. С. Преступления в сфере компьютерной информации в российском уголовном праве // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2015. № 3. С. 114-119.
2. Бегишев И. Р. Изготовление, сбыт и приобретение специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации: правовой аспект // Информация и безопасность. 2010. № 2. С. 255-258.
3. Бегишев И. Р. Создание, использование и распространение вредоносых компьютерных программ // Проблемы права. 2012. № 3. С. 219-228.

Наумова О.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Брусенцева В.А.

Naumova O.V., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Brusentseva V.A.

СОЗДАНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВРЕДОНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ (СТ. 273 УК РФ)

CREATION, USE AND DISTRIBUTION OF MALICIOUS COMPUTER PROGRAMS (ARTICLE 273 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация.

Отдельным значительным пластом в массе цифровых преступлений являются деяния, связанные с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ.

Abstract.

A separate significant layer in the mass of digital crimes are acts related to the creation, use and distribution of malicious computer programs.

Ключевые слова: вредоносные компьютерные прогрммы
Keywords: malicious computer programs

Высокая степень общественной опасности создания, использования и распространения вредоносных программ и компьютерной информации обусловливает формирование законодателем данного состава преступления как формального, когда сам факт создания компьютерного вируса либо совершения иного из указанных в ч. 1 ст. 273 «Создание, использование и распространение

вредоносных компьютерных программ» УК РФ действий, составляющих объективную сторону этого состава, является вполне достаточным для привлечения лица к уголовной ответственности. Наступление общественно опасных последствий (уничтожение, блокирование, модификация, копирование компьютерной информации или нейтрализация ее средств защиты) в данном случае значения для квалификации не имеет [4, с.286].

Наиболее распространенными видами вредоносных компьютерных программ являются компьютерные вирусы, черви, сканирующие программы, обходчики средств защиты, программы управления потоками компьютерной информации, программы-патчеры [1, с. 115].

Основными способами осуществления незаконных действий, ответственность за которые наступает по ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» УК РФ, являются использование вредоносных компьютерных программ с целью доступа к охраняемой законом компьютерной информации и хищения чужих денежных средств (64,5 %), а также распространение вредоносных компьютерных программ (25,5 %). Несколько приговоров посвящены использованию вредоносных компьютерных программ, работающих на мобильных информационно-телекоммуникационных устройствах (2 %).

Примером тому может служить дело, рассмотренное Октябрьским районным судом г. Тамбова. Из материалов дела № 1–331/10 следует, что, работая в сети Интернет, гр. Б. скопировал из указанной сети на свой персональный компьютер модифицированную программу Radmin с возможностью скрытой установки, позволяющую администрировать подключенными в единую сеть электронно-вычислительными машинами. Согласно заключению эксперта, в компьютере гр. Б. найден файл со сценариями скрытой негласной установки серверной части программы Radmin, заведомо приводящей к модификации компьютерной информации [5].

Между тем за последние 20 лет уже не раз вставал вопрос об усовершенствовании уголовного законодательства в сфере компьютерной информации. Многие ученые, занимающиеся данной проблемой, периодически предлагали различные поправки и дополнения к существующим нормам, но в основном законодатель не прислушивался к их мнению.

Некоторые спорные вопросы действительно решены, однако в связи с принятием изменений появились иные вопросы, требующие тщательных толкований и разъяснений.

В первую очередь необходимо отметить, что скорректировано название ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» УК РФ. Теперь объектами обращения вредоносных программ служат не ЭВМ, а, вероятно, компьютеры, так как в название статьи добавилось слово «компьютерных».

Слово «вредоносные», кроме названия, нигде более в статье не встречается. Видимо, законодатель предполагал под вредоносным воздействием наступление последствий, указанных в ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» УК РФ.

Законодатель, конечно же, хотел включить данные деяния в ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» УК РФ, но почему-то связал это с нейтрализацией средств защиты компьютерной информации. Нам представляется, что слово «нейтрализация» является не совсем уместным, поскольку оно не является устоявшимся понятием в русском языке и не имеет единого смыслового значения [3, с. 219].

Обычно слово «нейтрализация» ассоциируют с химическими процессами, происходящими в веществе.

Думается, что под словом «нейтрализация» применительно к рассматриваемому явлению можно понимать либо полное или частичное уничтожение средств защиты компьютерной информации без возможности их восстановления, либо иное блокирование средств защиты компьютерной информации. Все это приводит к мысли о неточном определении вредоносного воздействия, в результате которого происходит блокирование средств защиты компьютерной информации.

Нам представляется, что более удачным решением была бы замена слова «нейтрализация» на слово «нарушение». Следует отметить, что ранее нами предлагалось использование данной терминологии и, более того, установление ответственности за незаконное обращение специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации, в отдельной норме уголовного закона [2, с.258].

В редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ч. 2 ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» УК РФ появился новый квалифицирующий признак, такой как причинение крупного ущерба или совершение из корыстной заинтересованности. Причем законодатель определил, что крупным ущербом в статьях гл. 28 «Преступления в сфере

компьютерной информации» УК РФ признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

Ущерб от проникновения вируса или иной вредоносной информации в компьютер, иное техническое устройство, компьютерную сеть бывает различным: от незначительного увеличения размера исходящего трафика (если внедрен вирус, рассылающий спам) до полного отказа работы сети или потери жизненно важной информации [6, с.1320]. Применительно к ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» УК РФ мы уже говорили, что ущерб в несколько десятков или сотен тысяч рублей для граждан или субъектов малого бизнеса, вполне может иметь фатальные последствия. Размер в сто тысяч, на наш взгляд, тоже заслуживает отнесения к крупному. Либо, возможно, указанный признак следовало бы сделать оценочным.

В ч. 2 ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» УК РФ отражены единственные квалифицирующие признаки, оставшиеся без изменений по отношению к старой редакции УК РФ, а именно совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения. Несомненно, такие признаки часто встречаются на практике, и их декриминализация привела бы к негативным последствиям.

В ч. 3 ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» УК РФ установлена ответственность за деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей данной статьи, если они повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления. Причем наказание за такие деяния определено в виде лишения свободы на срок до семи лет. Видится правильным решение законодателя о введении соответствующего признака и о тяжести его наказания. Вместе с тем термин «тяжкие последствия» в статье не раскрыт даже примерно, что представляется неудачным с позиции единообразия правоприменения. Хотя бы примерный перечень был бы очень востребован.

Крупный ущерб, тяжкие последствия или угроза их наступления в анализируемом составе, как правило, выходят за границы электронной информационной среды, где совершается преступление. Они, если можно так выразиться, относятся к направленности объективной стороны деяния. Соответственно обосновывается вывод, что применительно к причинной связи оценке подлежат два вида общественно опасных последствий. Первый – несанкционированные уничтожение, блокирование, модификация, копирование

компьютерной информации или нейтрализация ее средств защиты. Он может не отвечать признакам крупного ущерба или тяжких последствий, но непосредственно связан (например, вызывает их) с последствиями второго вида (уровня), обобщенно описанными в законе как крупный ущерб, наступление или создание реальной угрозы наступления тяжких последствий [6, с.1320].

Представляется, что реализация высказанных нами предложений позволит дифференцировать ответственность за рассматриваемые преступления.

Квалифицирующие признаки преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 273 УК РФ, повторяют квалифицирующие признаки чч. 2 и 3 ст. 272 УК РФ.

Квалифицирующие признаки, предусмотренные ч. 3 ст. 273 УК РФ, аналогичны квалифицирующим признакам ч. 4 ст. 272 УК РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Александрова Н. С. Преступления в сфере компьютерной информации в российском уголовном праве // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2015. № 3. С. 114-119.
2. Бегишев И. Р. Изготовление, сбыт и приобретение специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации: правовой аспект // Информация и безопасность. 2010. № 2. С. 255-258.
3. Бегишев И. Р. Создание, использование и распространение вредоносых компьютерных программ // Проблемы права. 2012. № 3. С. 219-228.
4. Карамнов А. Ю. Ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ по действующему уголовному законодательству // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 11. С. 285-288.
5. Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 9 июля 2010 г. по уголовному делу № 1-331/2010. URL: http://sud23.tmb.sudrf.ru (дата обращения: 23.05.2021).
6. Энгельгардт А. А. Уголовно-правовая оценка создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ (информации) // Lex Russica. 2014. № 11 (т. XCVI). С. 1316-1325.

Нефёдов С.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Левашова О.В.

Nefedov S.V., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Levashova O.V.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DIFFERENTIATION OF BRIBERY FROM RELATED CRIMES

Аннотация.

Вопрос о разграничении преступлений взяточничества и смежных составов преступлений является одним из наиболее сложных, а также недостаточно разработанным теорией уголовного права. Большое количество ошибок, допущенных судами при применении уголовно-правовых норм, приходится на неправильную квалификацию преступлений. Трудности можно объяснить тем, что определенное преступление всегда имеет ряд общих признаков с другими преступлениями. Для правильной квалификации необходимо четко разграничить взяточничество и смежные преступления.

Abstract.

The issue of distinguishing between crimes of bribery and related offenses is one of the most complex, and also insufficiently developed by the theory of criminal law. A large number of errors made by the courts in the application of criminal law norms are due to the incorrect qualification of crimes. Difficulties can be explained by the fact that a certain crime always has a number of common features with other crimes. For proper qualification, it is necessary to clearly distinguish between bribery and related crimes.

Ключевые слова: взяточничество, смежные составы, посредничество.

Key words: bribery, related structures, mediation.

По своим объективным признакам к составу получения взятки наиболее близкими являются состав коммерческого подкупа и мошенничества. Рассмотрим те критерии, которые позволяют отграничить эти составы при квалификации.

Дача взятки отличается от коммерческого подкупа по объекту и субъекту совершения преступлений.

Объектом взятки являются общественные отношения, обеспечивающие работу государственного аппарата, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих, а объектом коммерческого подкупа считается реализация прав и обязанностей лица, осуществляющего управленческие функции в коммерческой и иной организации.

По субъекту – взяточничество является должностным преступлением и субъектом его совершения признаются должностные лица, каковыми в силу п.1 примечания к ст.285 УК РФ, признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»), а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях

Российской Федерации. Субъектами же незаконного получения коммерческого подкупа согласно п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ, признаются лица, выполняющее функции единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации, либо в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления либо государственным или муниципальным учреждением.

Отличаются данные составы преступлений и по объективной стороне. Так, при коммерческом подкупе предмет преступления передаётся до совершения деяния в интересах дающего, передача же взятки может быть осуществлена как до, так и после совершения действий в пользу взяткодателя или представляемых им лиц.

Степень общественной опасности получения взятки определяется нарушением установленного порядка осуществления должностными лицами своих служебных полномочий, грубым нарушением интересов государственной службы. Коммерческий подкуп представляет собой деяние, посягающее на нормальное функционирование рыночных отношений, подрывает нормальную деятельность лиц, осуществляющих управленческие функции в коммерческих организациях. Коммерческий подкуп менее общественно-опасное деяние в сравнении с преступлениями взяточничества.

Одной из наиболее актуальных проблем квалификации взяточничества, требующих теоретического осмысления, является проблема разграничения получения взятки, сопряженного с вымогательством, от мошенничества с использованием служебного положения.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 24 постановления от 9 июля 2013 г. № 24 по вопросу отграничения получения взятки от мошенничества дал следующие разъяснения: «если должностное лицо путем обмана или злоупотребления доверием получило ценности за совершение в интересах дающего или иных лиц действий (бездействие) либо за способствование таким действиям, которые оно не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения» [2].

Еще одной проблемой является отграничение посредничества во взяточничестве с общим составом, предусмотренным ст. 291 УК РФ. В современной уголовно-правовой науке применяются следующие критерии, позволяющий разграничить преступления, предусмотренные ст.291 УК РФ и ст.291.1 УК РФ. Во-первых, критерий интереса, в соответствии с которым решающим для применения в этом случае общих норм ст.291 УК РФ является личная заинтересованность субъекта преступления в совершении взяткополучателем определенного действия. Иными словами, в данном случае интерес в совершении взяткополучателем определенных действий следует рассматривать в качестве конечной цели субъекта преступления. Интерес посредника существенно отличается от интереса взяткодателя, поскольку заключается лишь в совершении представительских функций (передаче предмета взятки), в то время как интерес, связанный с реализацией договоренностей между субъектами коррупционного отношения, отсутствует. Другой критерий разграничения более конкретен и состоит в выяснении принадлежности имущества, из которого образована взятка. В соответствии с ним посредник всегда действует, используя предмет взятки, образованный из имущества взяткодателя. Субъект, действия которого могут быть квалифицированы в соответствии со ст. 290 УК РФ, использует для достижения своих преступных целей имущество, принадлежащее ему на законных основаниях либо в качестве предмета взятки, либо для оплаты предоставляемых им взяткополучателю услуг.

Третий критерий разграничения указанных составов преступления связан с оценкой объективной стороны совершения преступного деяния и предполагает учет конкретной стадии совершения преступных действий. Так, если посредник совершает действия, направленные на достижение или реализацию достигнутого между сторонами коррупционного преступления соглашения, то они могут быть квалифицированы как приготовление к даче взятки. Если посреднику не удалось реализовать свой преступный замысел по независящим от него объективным причинам, то такие действия целесообразно квалифицировать как покушение на дачу взятки [1, с. 73].

Посредничество в виде передачи, либо получения взятки в размере, который не является значительным, совершенное по согласованию с взяткодателем либо взяткополучателем, необоснованно осталось вне сферы уголовной ответственности, поэтому такое посредничество надо признать преступлением

независимо от суммы взятки, то есть это не должно быть связано с суммой взятки, то есть значительным размером

Подводя итоги рассмотрению вопросов разграничения составов получения взятки и коммерческого подкупа, а также получения взятки и мошенничества, можно сделать вывод, что оно проводится по признакам субъективной стороны в случае коммерческого подкупа и по признакам объективной стороны в случае мошенничества. Посредник в отличие от взяткодателя передает взятку, действуя от имени и за счет имущества взяткодателя.

Список цитируемой литературы:

1. Егиян А. М. Разграничение посредничества во взяточничестве от смежных составов преступлений // EUROPEAN SCIENCE. 2016. № 3(13). С. 70-75.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 27.11.2021).

Осипова А.Р., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Osipova A.R., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ОСОБЕННОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

FEATURES OF DIFFERENTIATION OF INVOLVEMENT OF A MINOR IN THE COMMISSION OF ANTISOCIAL ACTIONS WITH RELATED ELEMENTS OF CRIMES

Аннотация.

Статья посвящена рассмотрению особенности разграничения вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий со смежными составами преступлений

Abstract.

The article is devoted to the consideration of the features of the distinction between the involvement of a minor in the commission of antisocial acts with related offenses

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступления, ответственность, объективная сторона, вовлечение, антиобщественные действия, смежный состав

Keywords: minor, crimes, responsibility, objective side, involvement, antisocial actions, related composition.

В науке принято проводить разграничение состава ст. 151 по смежно уголовно наказуемым деяниям. В данной норме выделяются

составы, объектом которых являются отношения по сохранности семьи, а также обеспечению нормального взросления подростков, а именно: ст. 151 (вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий); ст. 151.1 (продажа в розницу несовершеннолетним алкогольной продукции); ст. 151.2 (вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, опасных для их жизни).

Также следует различать ответственность по ст. 150 и 151. У ст. 150 и 151 имеется схожий объект, субъект и субъективная сторона. Разграничение можно провести по объективной стороне: в первом случае осуществляется склонение ребенка к совершению уголовно наказуемых действий, во втором – к употреблению алкогольных напитков, одурманивающих веществ, а также к попрошайничеству и бродяжничеству. Перечень является закрытым, никакие преступные деяния в него не входят5

Между ст. 150 и 151.1 существенное различие состоит в том, что в первом случае фигурирует понятие потерпевшего, во второй же статье подразумевается, что подросток сам становится инициатором приобретения алкогольной продукции. Ст. 151.2 является общей для предыдущих трех. Она подразумевает ответственность за вовлечение ребенка в совершение опасных для его жизни действий, если они не являются преступными и не попадают в категорию антиобщественных.

Объективная сторона в части способов и субъект при этом схожи с аналогичными элементами состава ст. 150.

Когда преступление считается оконченным? Вовлечение несовершеннолетнего в преступление считаетя оконченным с момента, когда несовершеннолетний:

– совершил преступление;

– начал подготовку к преступлению;

– осуществил покушение на преступление.

Если, вовлекая несовершеннолетнего в преступление, злоумышленнику не удалось достичь цели, то он может понести наказание за незавершённое преступление в соответствии со ст. 30 УК РФ.

Способы вовлечения несовершеннолетних также являются основанием для разграничения вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий со смежными составами преступлений. Способы вовлечения несовершеннолетнего в преступление могут быть следующими:

– уговоры со стороны лица, вызывающего доверие;

– обещание преимуществ от совершения преступления;

– трансформация мировоззрения подростка со стороны педагога или другого авторитетного лица;

– угрозы и требования;

– причинение физического насилия;

– обман несовершеннолетнего или малолетнего.

Кроме этого, действия взрослого дополнительно могут расцениваться как подстрекательство к преступлению, что квалифицируется в качестве сообщнических действий. Обман – один из распространённых способов вовлечения, когда несовершеннолетний остаётся в неведении относительно истинных причин деяния и действует по доброй воле.

Правонарушения в адрес несовершеннолетних различаются по уголовно–правовым характеристикам, квалификации и форме наказания, хотя схожи в отношении объективных и субъективных положений. Эти виды преступлений рассматриваются отдельно. К ним относятся:

– вовлечение в потребление наркотических и психотропных средств (ст. 230 УК РФ);

– вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ).

На общем фоне преступлений против несовершеннолетних, выделяются:

– вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ);

– розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ);

– неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ).

Данные преступления схожи по объекту, но различны по субъекту преступления. Они не несут прямого умысла для совершения преступления несовершеннолетним. Однако могут этому способствовать.

Под вовлечением в контексте данной нормы необходимо понимать совершение различных действий, которые призваны побудить подростка совершить уголовно наказуемое деяние.

Казалось бы, четкое определение возрастных границ при характеристике несовершеннолетнего призвано способствовать правильной квалификации дея-ний, в которых субъектом или потерпевшим является несовершеннолетний. Однако формулировка, закрепленная в ч.1 ст. 87 УК, запутывает ситуацию, когда в качестве потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 151 УК, выступает лицо, не достигшее 14-летнего возраста. При буквальном

толковании вышеназванной нормы вовлечение такого лица в антиобщественную деятельность не будет содержать всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 151 УК, по причине отсутствия необходимого признака у потерпевшего – достижение им 14-летнего возраста. Между тем это не значит, что подобные деяния не представляют общественной опасности и их не следует наказывать в уголовно-правовом порядке. Пробел в уголовном законодательстве закрывает расширительное толкование термина «несовершеннолетний», которое позволяет относить к таковым и лиц, не достигших ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Нет необходимости доказывать то, что расширительное толкование не является панацеей для ликвидации пробелов в уголовном законодательстве. В целях правильной квалификации следует устранять сами пробелы. В рассматриваемом агучае решением вопроса был бы пересмотр характеристики потерпевшего.

В данном случае, на наш взгляд, было бы целесообразно диспозицию ст. 151 УК изложить следующим образом: «Вовлечение в совершение преступления лица, не достигшего 18-ти лет...», - как это сделано, например, в ст. 134 УК и ряде других норм, чтобы исключить возникновение проблем квалификации на практике.

Вовлечение может выражаться в уговорах, угощениях, обещании каких-либо выгод. Рассматриваемое деяние относится к категории преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий являются права несовершеннолетних на воспитание в семье, Нормальное психофизическое здоровье, а также существование в социуме. Объективная сторона данного преступления заключается в вовлечении несовершеннолетнего, взрослым в следующие виды антиобщественных действий: систематическое распитие спиртных напитков, систематическое употребление одурманивающих веществ, бродяжничества и попрошайничества. Все перечисленные антиобщественные действия негативно влияют как на физическое, так и на психическое здоровье несовершеннолетнего. В целях совершенствования уголовно-правовых средств, необходимо включение в ст. 151 УК РФ такого квалифицирующего признака как «деяние совершенное в отношение двух и более лиц».

Субъектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий всегда является вменяемое лицо, достигшее возраста восемнадцати лет и имеющее прямой умысел и желание вовлечь несовершеннолетнего в распитие спиртных напитков,

употребление одурманивающих средств, бродяжничество или попрошайничество. Это лицо осознает, наступление последствий совершаемого деяния. Серьезней наказывается данное преступление, когда субъектом является человек, на которого государством возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего, такой субъект не только не исполнил своих обязанностей, но и стал причиной - «вовлекателем» своего воспитанника в асоциальный образ жизни.

При квалификации рассмотренного преступления необходимо учитывать несколько важных особенностей: кто вовлек несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность, в какую именно деятельность, применяется ли насильственное воздействие или угроза его применения и являлось ли данное вовлечение систематичным.

Для отграничения вовлечении несовершеннолетнего в употребление одурманивающих веществ, необходимо, посредством экспертизы установить вещество и убедиться, что оно не является наркотическим, чтобы правильно квалифицировать содеянное.

Анализируя правоприменительную практику по преступлениям, предусмотренным ст. 151 УК РФ, становится явным, что большинство преступлений предусмотренных данной статьей совершается лицами в чьи обязанности входит воспитание несовершеннолетнего, а именно родителями.

Данный факт неизбежно наталкивает на мысль о том, что законодателю необходимо ужесточить наказание по данной квалификации преступления, для более явного дисциплинирования названных лиц и привлечения их к более суровому наказанию, для предупреждения возникновения новых эпизодов по данному виду преступления.

А также необходимо исключить возможность примирения сторон, с последующим прекращением уголовного дела, дабы совершивший преступление в виде вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, не мог уйти от уголовной ответственности.

Список цитируемой литературы:

1. Довбня О. Н. Уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления // Студенческий. 2020. № 15-3 (101). С. 29-35.

2. Исаева М.Р. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Проблемы совершенствования законодательства. Сборник научных статей студентов юридического факультета. Махачкала, 2020. С. 127-129
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 144 с.
4.Трофимова Г.А. Уголовная ответственность родителей: оптимизация действующих норм // Адвокат. 2017. № 3. С.13.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник под ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаева. КОНТРАКТ. 2017. 256 с.

Полозова А.Н., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Polozova A.N., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ-ПОСЕЛЕНИЕ РАЗНОВИДНОСТЬ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

CORRECTIONAL COLONY-SETTLEMENT IS A TYPE OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Аннотация.

В статье автор проводит анализ колонии-поселении и исправительными центрами, реализующими наказание в виде принудительных работ.

Автор отмечает, что между колониями-поселениями и исправительными центрами много общего, но они различаются по характеру принуждения. Отрицается необходимость упразднения колоний-поселений, так как они являются разновидностью открытого исправительного учреждения. Такие учреждения предусмотрены нормами международного права и существуют во многих развитых странах.

Abstract.

In the article, the author analyzes the colony-settlement and correctional centers that implement punishment in the form of forced labor.

The author notes that there is a lot in common between colony-settlements and correctional centers, but they differ in the nature of coercion. The necessity of abolishing colonies-settlements is denied, since they are a kind of open correctional institution. Such institutions are

provided for by the norms of international law and exist in many developed countries.

Ключевые слова: колония-поселение; ограниченная изоляция осужденных; исправительные центры; открытые исправительные колонии; надзор за осужденными; принудительные работы; место лишения свободы.

Keywords: colony-settlement; limited isolation of convicts; correctional centers; open correctional colonies; supervision of convicts; forced labor; place of imprisonment.

По мировому стандарту исправительные учреждения России подразделяются на три вида: открытые (колонии-поселения), полуоткрытые (воспитательные колонии, колонии общего, строгого и особого режима) и закрытые (тюрьмы).

Анализ уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует о том, что возрастание карательного элемента в лишении свободы говорит о большей степени изоляции осужденного, которая определяется не только видом исправительного учреждения, но и видом режима исправительной колонии, соответствующими условиями отбывания наказания, а также отношением осужденного к отбыванию наказания (при положительном поведении она ослабевает, например при переводе в колонию-поселение, при отрицательном - усиливается, например при водворении в ШИЗО).

Действительно, у колоний-поселений и исправительных центров, в которых в соответствии с действующим законодательством должны отбывать наказание осужденные к принудительным работам (ст. 60.1 УИК РФ), много общего. Исправительные центры, как и лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении, Р. С. Маковик относит к типичной (стандартной) изоляции личности [3, с. 94]. Главное, что их объединяет, это нахождение осужденных в данных учреждениях без охраны, но под надзором.

Принудительные работы, хотя и стоят в лестнице наказаний на три ступени выше лишения свободы (ст. 44 УК РФ), но по правовому статусу находятся в одном ряду, например, в случае определения сроков наказаний при их сложении (одному дню лишения свободы соответствует один день принудительных работ - ст. 71 УК РФ) или исчислении сроков наказаний и зачета наказания (ст. 72 УК РФ).

Однако, несмотря на конкуренцию колоний-поселений и исправительных центров, появляющуюся на законодательном уровне, при назначении наказания и в процессе его исполнения законодатель

все-таки не стремится избавиться от колоний-поселений как разновидности места лишения свободы. Во-первых, открытые исправительных учреждений, к которым относится колония-поселение, рекомендуется международными нормативными актами, в частности Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными (ч. 2 ст. 63). Во-вторых, правовые последствия отбытия наказания в колониях-поселениях существенно разнятся с последствиями отбытия принудительных работ в исправительных центрах.

Например, сроки погашения судимости у осужденных, отбывших лишение свободы, более длительные (ч. 2 ст. 86 УК РФ); после отбытия наказания в колонии-поселении за умышленное преступление при совершении нового умышленного преступления в пределах срока течения судимости лицо будет считаться совершившим преступление при рецидиве (опасном рецидиве), и ему может быть назначена для отбывания наказания колония строгого, а не общего режима (п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ) и пр.

В-третьих, осужденные в колониях-поселениях изолируются от общества, но в гораздо меньшей степени, чем в закрытых исправительных учреждениях. Они могут свободно передвигаться, но в пределах колонии-поселения. Согласно Положению о колониях-поселениях границы этого учреждения утверждаются начальниками территориальных органов уголовно-исполнительной системы по согласованию с местными органами самоуправления и должны быть расположены не далее 5 км от центра дислокации колонии [4, с. 465].

Осужденные к лишению свободы в колониях-поселениях содержатся без охраны, но под надзором (п. «а» ч. 1 ст. 129 УИК РФ). Поэтому изоляция обеспечивается изнутри, путем выполнения администрацией мероприятий.

В-четвертых, на изоляцию осужденных в колонии-поселении указывает тот факт, что для них установлены ограничения в приобретении и хранении вещей, предметов, продуктов питания, а также получении их в посылках, передачах, бандеролях, указанных в Приложении № 1 к Правилам внутреннего распорядка исправительного учреждения. С целью их обнаружения могут проводиться обыски осужденных и общежитий, досмотры посылок, передач и бандеролей.

В-пятых, жилые помещения, в которых проживают осужденные, могут посещаться в любое время представителями администрации колонии-поселения (п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ), в том

числе и помещения, в которых проживают осужденные со своими семьями на арендованной ими жилой площади.

В-шестых, для осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях, предусмотрены выезды за пределы колонии на тех же основаниях, что и для осужденных, находящихся в закрытых исправительных учреждениях (ст. 97 УИК РФ). Это свидетельствует о том, что произвольно покинуть колонию они не могут, что указывает на их изоляцию от общества. Кроме того, у осужденных при нахождении их в колонии-поселении отбирается паспорт и взамен выдается документ, удостоверяющий личность.

В-седьмых, в соответствии с гл. 9 Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения в колониях-поселениях так же, как и в закрытых исправительных учреждениях, не менее двух раз в сутки осуществляются проверки наличия осужденных, а для осужденных, проживающих с семьями, - регистрация у оперативного дежурного до четырех раз в месяц.

Как известно, изоляция осужденного от общества как признак лишения свободы на определенный срок законодателем выражена двояко: а) как заключение и содержание осужденного в исправительном учреждении под охраной; б) как нахождение осужденного под надзором. Последнее возможно в колониях-поселениях, при освобождении из-под стражи в колониях общего режима за шесть месяцев до освобождения, проживании женщин за пределами исправительных учреждений с семьей или детьми, предоставлении права передвижения без конвоя, переводе осужденных в воспитательных колониях на льготные условия с правом проживания в общежитиях за пределами колонии. Во всех этих случаях они не перестают быть осужденными к лишению свободы на определенный срок, то есть они так же изолируются от общества, как и осужденные, находящиеся внутри исправительных учреждений. Только эта изоляция более ослабленная, она обеспечивается как бы изнутри путем проведения надзорных мероприятий.

Таким образом, вышеизложенное указывает на наличие признаков изоляции в открытых условиях отбывания лишения свободы, в том числе и в колониях-поселениях. Это говорит о том, что изоляция имеет степени, которые проявляются по-разному в том или ином виде исправительных учреждений, в тех или иных условиях отбывания наказания. Если смягчаются условия отбывания наказания, то смягчается и степень изоляции осужденных. При этом условия отбывания наказания первичны, а степень изоляции вторична.

Условия отбывания наказания предопределяются тяжестью совершенного преступления, прошлой судимостью, поведением во время отбывания наказания и пр. В зависимости от того, какие условия отбывания наказания определены законом и судом, в частности виды исправительных учреждений, зависит соответствующий уровень изоляции. В колониях-поселениях главная роль в обеспечении режима отводится надзору, включающему в себя контроль и наблюдение за осужденными.

Действительно, изоляция осужденных - это один из карательных элементов лишения свободы, но она, на наш взгляд, не является одним из условий отбывания наказания. Примерно то же самое утверждают В. И. Брызгалов и Н. Е. Макагон, считая, что обязательная изоляция осужденных и постоянный надзор за ними - это то, что определяет режим отбывания наказания, который связывается с ограничениями и принудительным содержанием осужденных в исправительных учреждениях [1, с. 19].

Интересную мысль высказал Р. С. Маковик. Он отмечал, что изоляция осужденных приводит к принудительному временному ограничению выбора места жительства, рода занятий, свободного передвижения, ведения индивидуального образа жизни [2, с. 15]. С этим утверждением можно согласиться, но вызывает недоумение, когда осужденные, как и все граждане, имеют полный объем прав, реализация которых приостанавливается режимом изоляции. Выходит, что все права ограничиваются в связи с тем, что осужденные изолируются от общества. Ограничение прав и свобод осужденного - самостоятельный элемент наказания, и это прямо вытекает из определения, данного законодателем в ч. 1 ст. 43 УК РФ.

Подводя итог, отметим, что сама изоляция, ее роль в механизме реализации наказания и ее соотношение с режимом понимаются в научных работах по-разному:

а) как составная часть условий отбывания наказания;

б) имеющая специфическое содержание и не связанная с условиями отбывания наказания;

в) одно из требований режима содержания осужденных, то есть элемент его содержания;

г) часть наказания, которая дополняется режимом как способом воплощения кары;

д) набор принудительных элементов лишения свободы, составной частью которого является режим.

Таким образом, изоляция личности в исправительном учреждении является самостоятельным элементом лишения свободы и не включает в себя все содержание этого вида наказания.

Правоограничения в виде карательных условий отбывания наказания не выражают собой ее изоляцию. Например, ограничение осужденных в посылках, свиданиях, расходовании денег и т. п. не характеризует изоляцию, оно лишь косвенно с ней связано (в связи с изоляцией осужденный не может выбрать вид работы и профессиональной деятельности и пр.). Подобные ограничения выступают как следствие изоляции, но не выражают ее. Так, например, осужденный, находясь в колонии-поселении, изолирован от общества, но пользуется свободой при приобретении продуктов питания, получении посылок, предоставлении свиданий и т. д. Данные ограничительные элементы лишения свободы ни в коем случае не определяют условия отбывания наказания, они выражают лишь отдельные аспекты их внешней изоляции от общества. Условия отбывания наказания в колониях-поселениях определены в ст. 129 УИК: осужденные содержатся без охраны, но под надзором, проживают, как правило, в общежитиях; имеют документ установленного образца, удостоверяющий личность; осужденным запрещается использовать и хранить на территории колонии-поселения и на объектах, где выполняются работы, предметы и вещества, перечень которых установлен Правилами внутреннего распорядка исправительного учреждения; и пр.

В научной литературе эти правоограничения именуют полусвободным режимом отбывания наказания в виде лишения свободы.

Большинство ограничений, которые свойственны изоляции осужденных в колониях-поселениях, неполные, в совокупности характеризуют пограничный этап пенитенциарной стадии изоляции личности.

Содержание осужденных в колониях-поселениях под надзором, на наш взгляд, относится к стадии предизоляции, так как осужденные не испытывают те ограничения, которые предусмотрены в типичной изоляции. По мнению Р. С. Маковика, это особый этап правовой изоляции личности. Он пишет, что «в колонии-поселении установлены и реализуются правоограничения, касающиеся в основном свободы физического передвижения; только в связи с этим существуют ограничения выбора трудовой деятельности и личного образа жизни. Это свидетельствует об особом этапе стадии правовой изоляции личности.

Реализация многих конституционных прав свидетельствует о том, что это не лишение, а определенное ограничение личной свободы. Это «облегченная» изоляция личности» [3, с. 124]. Но в данном случае «всевозможные маленькие свободы не заменят наиболее жизненное право - Свободу с большой буквы».

Обращает на себя внимание классификация изоляции, данная Р. С. Маковиком. Если отсечь допреступную и постпреступную изоляцию личности (квазиизоляцию), то изоляция личности, связанная с лишением свободы, имеет, по мнению автора, три стадии: 1) предизоляция (выступает в форме одной и более, но не из всех элементов изоляции; 2) стандартная (типичная) изоляция личности (проявляется при исполнении наказания в различных видах исправительных колоний и степени ограничения); 3) суперизоляция (характеризуется особой строгостью реализации правоограничений уже изолированной личности внутри места изоляции - ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, карцер и т. п.).

Список цитируемой литературы:

1. Брызгалов В. И., Макагон Н. Е. Режим в местах лишения свободы. Киев, 1976. 83 с.
2. Маковик Р. С. Государственно-правовой статус осужденного к лишению свободы: лекция. Рязань, 1979. 40 с.
3. Маковик Р. С. Стадийность изоляции личности: моногр. Рязань, 2009. 155 с.
4. Уголовно-исполнительное право: Особенная часть: учеб. / под общ. ред. Г. А. Корниенко. Рязань, 2013. С. 465.

Полозова А.Н., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Polozova A.N., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В КОЛОНИЯХ-ПОСЕЛЕНИЯХ

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THOSE SERVING SENTENCES IN COLONIES-SETTLEMENTS

Аннотация.

Статья посвящена проблемам реализации правового положения осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в колониях-поселениях. В ней определены такие основные проблемы, как контроль за поведением осужденных, применение мер взыскания к ним, основания для предоставления права проживать за пределами колонии-поселения. Проанализированы проблемы правоприменительной практики изменения осужденным вида исправительного учреждения.

Abstract.

The article is devoted to the problems of the implementation of the legal status of persons sentenced to imprisonment serving sentences in colonies-settlements. It defines such basic problems as control over the behavior of convicts, the application of penalties to them, the grounds for granting the right to reside outside the colony-settlement. The problems of law enforcement practice of changing the type of correctional institution by convicts are analyzed.

Ключевые слова: осужденный к лишению свободы, колонии-поселения, правовое положение осужденных, ресоциализация, исправительные учреждения.

Keywords: sentenced to imprisonment, penal colonies, legal status of convicts, re-socialization, correctional institutions.

Реформирование уголовно-исполнительной системы и реализация новой уголовно-исполнительной политики государства активизируют необходимость исследования институтов уголовно-исполнительного права в их новом воплощении.

Исправительные учреждения, выполняя важные государственные задачи - исправление осужденных и предупреждение их от совершения новых преступлений, в своей практической деятельности применяют средства воздействия, которые должны стимулировать социально полезную деятельность осужденных и способствовать формированию позитивных качеств и свойств. Одним из таких средств воздействия на личность является изменение осужденным вида исправительного учреждения и, в частности, перевод из исправительных колоний общего и строгого режимов в колонию-поселение.

Следует отметить, что тенденции перевода в колонию-поселение положительно характеризующихся осужденных из исправительных учреждений общего и строгого режимов в разное время оценивались по-разному. В части 3 ст. 113 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК РФ) (в ред. от 29 марта 2010 г.) «Меры поощрения, применяемые к осужденным к лишению свободы» данный перевод оценивался как мера поощрения за хорошее поведение. В этом случае осужденный уже проходил ряд этапов применения к нему мер воспитательного воздействия в условиях разных режимов отбывания наказания и доказывал своим поведением, что они достигли результатов.

Современное развитие и состояние уголовно-исполнительного законодательства, следуя принципам имплементации международных стандартов, перевод положительно характеризующихся осужденных в колонию-поселение закрепляет уже как меру социальной адаптации и реабилитации осужденного в местах лишения свободы. Отбывание наказания в наиболее льготных условиях открытого исправительного учреждения становится важным инструментом формирования у осужденного мотивации к правопослушному поведению и исправлению. При освобождении у осужденного должна быть

сформирована «не только готовность, но и способность подчиняться законодательству и обеспечивать свое существование».

Исходя из этих положений, актуальность изменения положительно характеризующимся осужденным вида исправительного учреждения путем перевода в колонию-поселение состоит в следующем.

Во-первых, происходит переход осужденных от лишения свободы к жизни в условиях открытого учреждения, при этом исправительное уголовно-правовое воздействие продолжается.

Во-вторых, у осужденных появляется возможность изменить и улучшить свое правовое положение. У администрации исправительного учреждения, в свою очередь, появляется возможность стимулировать законопослушное поведение как самого осужденного, «твердо вставшего на путь исправления» [4, с. 105], так и других осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях других видов режима.

В-третьих, при переводе создаются необходимые условия для «нейтрализации негативных последствий длительной изоляции осужденного от общества и закрепляются ранее достигнутые результаты исправления» [5, с. 8]. Проведенный в 2016 г. опрос сотрудников исправительных учреждений УФСИН России по Омской области показал, что 97 % из них считают наиболее эффективным для положительно характеризующихся осужденных в целях их исправления перевод из колоний общего и строгого режимов в колонию-поселение. Эффективность переводов в колонию-поселение подтверждается увеличением количества положительно характеризующихся осужденных, которым предоставляется право на данный перевод. Так, в УФСИН России по Омской области за последние пять лет в 2,3 раза увеличилось число осужденных, переведенных из исправительных колоний в колонию-поселение и изолированные участки, функционирующие как колонии-поселения, предусмотренные Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в статью 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

Уровень рецидивной преступности освободившихся условно-досрочно из колонии-поселения и изолированных участков, функционирующих как колонии-поселения при исправительных учреждениях УФСИН России по Омской области, в среднем составляет всего 2,6 % при 15 % освободившихся условно-досрочно из других исправительных колоний, что также свидетельствует об

эффективности ресоциализационного потенциала данного исправительного учреждения.

Необходимо отметить тот факт, что осужденные, изначально отбывающие наказание по приговору суда в колониях-поселениях, отличаются от осужденных, переведенных в нее в порядке ст. 78 УИК РФ.

Во-первых, направление в колонию-поселение по приговору суда рассматривается как непосредственное наказание виновного лица за совершенное преступление. Осужденный только находится на начальной стадии применения к нему государством мер исправительного воздействия, в то время как переведенные в колонию-поселение уже прошли несколько этапов этого воздействия и своим поведением доказали, что находятся на пути к исправлению.

Во-вторых, осужденные, переведенные в колонию-поселение из других исправительных учреждений, отличаются большей степенью криминализации, так как у таких осужденных уже имеется опыт отбытия наказания в исправительных колониях общего или строгого режимов, а преступления, совершенные ими до осуждения, относятся к различной степени тяжести и умышленной направленности.

Вместе с тем, по мнению А. Е. Федяева, данная криминализация является достаточно условной, так как проведенные исследования показывают, что количество злостных нарушителей режима отбывания наказания практически в шесть раз меньше среди осужденных, переведенных в колонию-поселение из исправительных колоний общего и строгого режимов, чем среди отбывающих наказание в них по приговору суда [6, с. 45]. А. Е. Федяев на основании данных исследований отмечает, что осужденные, ранее содержавшиеся в «более жестких режимных условиях, которые присущи исправительным колониям «классического типа», в большей степени ценят предоставленную им возможность отбытия оставшегося срока наказания в колонии полуоткрытого типа, которыми и являются колонии-поселения. Лица же, не испытавшие суровости условий отбывания наказания в исправительных колониях иного, чем колония-поселение, вида режима, напротив, чаще становятся нарушителями режима и впоследствии оказываются переведенными, как правило, в исправительные колонии общего режима».

В-третьих, исполнение наказания в отношении осужденных, отбывающих его в колонии-поселении по приговору суда, регламентируется нормами как уголовного, так и уголовно-исполнительного права. В отношении положительно характеризующихся осужденных, переведенных в колонию-поселение

в соответствии со ст. 78 УИК РФ, исполнение наказания регламентируется нормами только уголовно-исполнительного права. Следующей особенностью для осужденных, переведенных в колонию-поселение в соответствии со ст. 78 УИК РФ, выступает возможность самого осужденного участвовать в процессе исправления и достигать определенной степени исправления. Этот же путь является постепенной адаптацией осужденного к жизни на свободе, включающей значительное расширение его специфических прав, обязанностей и законных интересов [3, с. 201].

Объединяющим критерием для всех категорий осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении, служат одинаковые для всех условия отбытия наказания, максимально приближенные к жизни на свободе. В связи с этим возникают вопросы о правомерности создания одинаковых условий содержания в колониях-поселениях для разных категорий осужденных, в частности, для осужденных, переведенных в колонии-поселения из колоний общего и строгого режимов, лиц, осужденных за преступления по неосторожности, а также осужденных за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавших лишения свободы. Эти условия исключают дифференцированный подход, разграничивающий режимные требования в зависимости от уголовно-правовых признаков ранее совершенного преступления и личности осужденного.

Особенности правового положения осужденных и условия их содержания в колониях-поселениях определены в ст. 129 УИК РФ. В этой норме закреплено, что в колониях-поселениях осужденные к лишению свободы содержатся без охраны, «но под надзором администрации колонии-поселения». В часы подъема и до отбоя осужденным предоставлено право свободного передвижения в пределах границ колонии-поселения.

С разрешения администрации осужденные могут передвигаться без надзора и за пределами колонии, но в черте территории муниципального образования, где расположена колония-поселение, «если это необходимо по характеру выполняемой ими работы или в связи с обучением». Следует отметить, что открытость колоний-поселений предполагает обязательное соблюдение ряда режимных требований, которые имеют более специфичную форму, характерную только для данного вида исправительного учреждения.

Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений5 не ограничивают осужденных колоний-поселений в установлении знакомств и посещении квартир частных лиц, решении

вопросов бытового характера и трудоустройства в учреждениях и организациях. Возможность свободного общения с гражданским населением за пределами учреждения обусловлена необходимостью более успешной социальной адаптации и является основным ресоциализирующим фактором возвращения к жизни на свободе.

Следует отметить, что такие изъятия и исключения из Правил внутреннего распорядка хотя существенно и расширяют права осужденных, облегчая условия содержания, но и являются причиной постоянных противоречий общих и специальных норм, регламентирующих деятельность исправительных учреждений. Необходимо выделение самостоятельных, объемных норм, регулирующих деятельность данного вида исправительных учреждений. Это позволит более эффективно использовать колонии-поселения в процессе реализации целей наказания. По общему правилу осужденные в колонии-поселении проживают в общежитиях, расположенных на территории жилой зоны, вместе с тем главной особенностью колоний-поселений является разрешение положительно характеризующимся осужденным, отбывшим не менее половины срока наказания, назначенного судом, проживать с их семьями за пределами границ учреждения, на собственной или арендуемой жилой площади. Осужденные, проживающие с семьей, имеют иной правовой статус, значительно отличающийся от статуса остальных осужденных, что вызывает необходимость взаимодействия системы исполнения наказаний с институтом семьи, которые определены в п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ. С одной стороны, семейные осужденные имеют возможность сохранить (восстановить) социально-позитивные связи и эффективнее адаптироваться в обществе, используя «ресоциализационный потенциал семьи» [7, с. 67]. С другой стороны, сложно отделить права и обязанности таких осужденных от прав и обязанностей членов их семей в нерабочее или особенно ночное время, так как жилые помещения, в которых проживают семейные осужденные, могут посещаться в любое время сотрудниками администрации колонии-поселения. Спорным, на наш взгляд, является то, что посещение семей осужденных может происходить в любое время суток. По сути, это нарушение частной жизни граждан.

В связи с этим предлагается из п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ исключить фразу «в любое время» и изложить ее в следующей редакции: «Жилые помещения, в которых проживают осужденные, могут посещаться представителями администрации колонии-поселения, за исключением ночного времени».

Надзор за осужденными в ночное и нерабочее время предлагается осуществлять дистанционно, с использованием технологий GPS, ГЛОНАСС, средств телефонии, Интернета, специальных приемопередающих радиоустройств и индивидуальных средств идентификации лиц, успешно применяемых УФСИН России с 2010 г. [1, с. 124]. Другим проблемным моментом, на наш взгляд, является толкование понятия «семья осужденного». Пункт 180 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений включает в это понятие только законных супругов и их детей, в том числе и совершеннолетних, от которых требуется согласие на совместное проживание с осужденным. Вместе с тем Семейный кодекс Российской Федерации, регулируя общественные отношения в сфере семьи, к ее членам относит и родителей.

По мнению В. Н. Гуляихина, именно родители еще на ранних этапах развития своего ребенка оказывают влияние на его психосоциальную эволюцию.

Это влияние продолжается на протяжении всей жизни человека, являясь «носителем определенного нравственного, ценностно-смыслового и правового комплекса, с помощью которого проводится правовое воспитание и обучение, а также определяются его общественные функции и соответствующий им статус» [2, с. 56].

Кроме того, возможность проживания родителей вместе с осужденным позволит расширить категорию осужденных, которым может быть разрешено проживание за пределами колонии-поселения на собственных или арендуемых жилых площадях. С экономической точки зрения это уменьшит затраты на содержание определенного числа осужденных, уменьшит количество сил и средств, привлекаемых администрацией для надзора за этой категорией, а также даст возможность заботиться осужденным о своих родителях, если речь идет о престарелых, больных людях и инвалидах.

Расширение круга субъектов института семьи осужденного может только способствовать его скорейшей адаптации и ресоциализации, поэтому предлагается в п. 180 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений внести изменения, изложив его в следующей редакции: «Указанное право осужденному предоставляется по его заявлению, к которому приобщаются согласие супруга (супруги), родителей, совершеннолетних детей на совместное проживание с осужденным, документы, подтверждающие право пользования жилым помещением (договор найма (аренды) жилого помещения, договор социального найма, свидетельство о праве собственности, выписка из домовой книги)».

Следующей проблемой является применение взыскания в виде водворения в штрафной изолятор в отношении осужденных, отбывающих наказание в изолированных участках исправительной колонии, функционирующих в качестве колонии-поселения. При водворении злостного нарушителя режима отбывания наказания происходит его этапирование в колонию-поселение, расположенную в пределах территориальной близости к исправительной колонии, поскольку непосредственно в указанных участках штрафные изоляторы не предусмотрены. На наш взгляд, порядок данного перевода вызывает определенные трудности, так как часто требует немедленного принятия решения в целях пресечения противоправных действий осужденного и привлечения незапланированных сил и средств для его конвоирования и этапирования.

Для оптимизации данного процесса предлагается водворение злостного нарушителя порядка отбывания наказания производить непосредственно в штрафной изолятор исправительной колонии, при которой организован изолированный участок колонии-поселения, с обязательным выполнением условий о раздельном содержании осужденных, отбывающих наказание в данной исправительной колонии, от осужденных, переведенных на условия колонии-поселения. Это сократит сроки наступления неотвратимости и своевременности наказания виновного, тем более что суд может изменить вид исправительного учреждения осужденному и он из участка будет переведен обратно в исправительную колонию.

Воспитательный процесс, в который включен осужденный, будет непрерывным, поскольку он остается в исправительном учреждении. С экономической точки зрения это не потребует затрат на строительство штрафных изоляторов в участках исправительных колоний, используемых в качестве колоний-поселений. В заключение необходимо отметить, что для устранения различного рода правовых коллизий, регулирующих исполнение наказания в колониях-поселениях, в результате которых возникают постоянные противоречия между общими и специальными нормами, регламентирующими деятельность исправительных учреждений, необходимо выделить самостоятельные, специальные нормы, регулирующие деятельность колоний-поселений.

Список цитируемой литературы:

1. Габараев А. Ш., Новиков А. В. Особенности применения электронных средств контроля и надзора при исполнении наказаний,

альтернативных лишению свободы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. 283 с.
2. Гуляихин В. Н. Семья как субъект ранней правовой социализации // Юридические исследования. 2013. № 7. С. 56-66.
3. Рябинин А. А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: моногр. Домодедово: ВИПК МВД России, 2000. 355 с.
4. Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Зерцало, 1997. 237 с.
5. Чатаджян А. Г. Колония-поселение как вид исправительного учреждения (уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 29 с.
6. Федяев А. Е. Меры взыскания, применяемые к осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 205 с.
7. Финаева А. Г. Ресоциализационный потенциал семьи осужденного: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2012. 150 с.

Попова Ж.А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Popova Zh.A., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

PROBLEMS OF ENSURING EQUALITY OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация.

Автор рассматривает проблемы возникающие в процессе доказывания у сторон в рамках уголовного процесса. Определяются конкретные проблемы правового обеспечения равенства в уголовном процессе, которые негативно сказываются на судебной практике.

Abstract.

The author considers the problems arising in the process of proving the parties in the framework of the criminal process. Specific problems of legal provision of equality in the criminal process, which have a negative impact on judicial practice, are identified.

Ключевые слова: равенство сторон, доказывание, следствие, дознание, судебное разбирательство, потерпевшие, состязательность.

Keywords: equality of the parties, proof, investigation, inquiry, trial, victims, competitiveness.

Актуальность изучаемой темы заключается в комплексном анализе особенностей положения сторон уголовного процесса, возникающих у них в процессе доказывания тех или иных обстоятельств, имеющих отношение к уголовному делу. Доказывание

– это один из наиболее важных этапов в уголовном процессе, в рамках которого собираются, проверяются и оцениваются сведения о фактах, полученных в ходе расследования уголовного дела, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие преступности в деянии.

Равенство сторон в уголовном процессе при доказывании должно обеспечиваться законодательно. Все участники уголовного процесса, наделяются определенными правами и обязанностями, которые реализуются и в процессе доказывания вины или невиновности сторон. Несмотря на установленное равноправие сторон, сторона защиты и сторона обвинения имеют разные права в процессе доказывания. В соответствии со ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ [6] о презумпции невиновности, подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. В свою очередь, сторона защиты, на которой реализует свою профессиональную деятельность адвокат, в соответствии со ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» [5] обязан честно и добросовестно отстаивать права и интересы доверителя, но не несет обязанности доказывания обстоятельств дела, при этом фактически у стороны обвинения больше возможностей, в силу должностного положения. Несмотря на это, сторона защиты вправе собирать доказательства невиновности подзащитного и получать их путем сбора показаний, сведений и предметов, относящихся к преступной деятельности, а также адвокатского запроса, получения официальных документов, ответов и писем от физических лиц, организаций и органов государственной власти.

Следует отметить, наличие у обвиняемого или подозреваемого определенных гарантий, которые законодательно закреплены. Помимо презумпции невиновности, которая учитывается в процессе доказывания, подозреваемым или обвиняемым гарантируется разъяснение имеющихся у него прав, информацию в каком преступлении он обвиняется или подозревается, а также то, что имеет право на квалифицированную юридическую помощь и право хранить молчание. Данные права можно назвать центральными, и они имеют значение для доказывания. Основная форма доказывания подозреваемым, обвиняемым своей невиновности, меньшей виновности, смягчающих обстоятельств и пр. – дача показаний, сопровождающаяся изложением системы аргументов, с помощью которых подозреваемый, обвиняемый объясняют те обстоятельства,

которые обусловили возникшее подозрение или предъявленное им обвинения.

Специфика уголовно-процессуального доказывания по уголовному делу в отличие от других видов познания, прежде всего научного, заключается в: наличии уголовно-процессуальных сроков (сроков предварительного расследования и судебного разбирательства и др.); противодействии установлению истины некоторыми участниками уголовного процесса; производстве доказывания управомоченными уголовно-процессуальным законом органами и должностными лицами; использовании указанных в уголовно-процессуальном законе средств доказывания; производстве доказывания в порядке и формах, установленных уголовно-процессуальным законом; необходимости принятия итогового уголовно-процессуального решения. [4, с.1] При этом в ходе уголовного процесса стороны сталкиваются с рядом проблем, большинство проблем касается стороны защиты, обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления. Процесс доказывания, это всегда спор, но одна из сторон спора обладает преимуществами, что игнорируется судом.

Суд в процессе рассмотрения уголовных дел зачастую не соблюдает принцип равенства сторон. Это проявляется в момент, когда суд пренебрежительно относится к рассмотрению ходатайств и жалоб, которые заявляются и подаются представителями сторон в ходе рассмотрения того или иного уголовного дела. Наиболее часто это выражается либо в отсутствии требования суда обосновать заявляемое ходатайство, либо в немотивированных постановлениях. [1, с. 140] Следует отметить, что и сторона обвинения может столкнуться с подобной ситуацией, но в соответствии с данными судебной статистики, обвиняемые и подозреваемые чаще сталкиваются с ущемлением их прав в процессе доказывания.

Так, адвокат сталкивается с трудностями при сборе доказательств. Во-первых, те сведения, документы и предметы, которые предоставляются адвокатом не являются доказательствами, ими они становятся только после определенных процессуальных процедур; во-вторых, такой способ сбора сведений, как адвокатский запрос, на практике очень часто не работает, поскольку должностные лица органов, которым назначается запрос, либо игнорируют запрос вовсе, либо ссылаются на государственную или иную, охраняемую законом тайну. [2, с. 38] В дальнейшем, сторона защиты сталкивается и с проблемой опровержения установленных доказательств, т.к. адвокаты не обладают необходимыми властными полномочиями.

Далеко не многие граждане идут на контакт с адвокатами в процессе их опроса, утаивая необходимую информацию. Но даже полученная адвокатом информация, может отклоняться судом, зачастую по формальным основаниям. Сторона обвинения использует чаще всего такие причины для отклонения: является попыткой смягчить наказание обвиняемого, сведения представлены заинтересованной стороной, сведения имеют поверхностный характер. В свою очередь суды, принимают подобные причины в качестве обоснованных и отклоняют, тем самым формируя почву для издания приговора с ошибкой.

При проверке и оценке доказательств стороны обвинения судам не следует отказываться от информации, представленной стороной защиты, исключительно по формальным основаниям, а принимать ее во внимание и давать ей оценку с содержательных позиций ее относимости и достоверности. С точки зрения этих стандартов, в частности судами, не может априори отвергаться доказательственное значение адвокатского опроса – такая информация должна выступать поводом для всесторонней проверки судом соответствующих обстоятельств по делу. [3, с. 22]

Также, при исследовании имеющихся доказательств суду непозволительно опираться на уровень взаимоотношений с участниками судебного разбирательства. Кроме того, суд не должен выступать ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, а, напротив, обязан осуществлять свою деятельность лишь в пределах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом и исключительно в целях установления истины по тому или иному уголовному делу.

Хотим отметить, что на сегодняшний день положение защитника в процессе доказывания имеет и свои преимущества, т.к. адвокаты знакомятся с материалами дела и могут добиться исключения тех или иных доказательств, которые получены стороной обвинения с нарушением установленных уголовным законодательством правил и принципов. Защитник также оспаривает обвинение путем грамотного юридического анализа, расследуемого и рассматриваемого судом события. В процессе доказывания, сторона защиты преимущественно опирается на свои профессиональные умения и ведение дискуссии, установления незначительных проблем и недостатков в работе стороны обвинения. Доказательственная деятельность защитника не противоречит задачам предварительного расследования или судебного разбирательства. Предметы и документы, собираемые защитником, способствуют более полному и всестороннему исследованию обстоятельств дела, обеспечивают

стороне защиты возможность противостоять стороне обвинения, поэтому в теории не отрицается право стороны защиты представлять эти предметы и документы. Процедура собирания представляемых стороной защиты доказательств отличается от их собирания органами расследования лишь свободной, не связанной процессуальными предписаниями, формой.

Таким образом, в процессе доказывания, сторона защиты, обвиняемый или подозреваемый сталкиваются с рядом проблем, которые сформировались на протяжении длительного времени. В последнее время положение защиты значительно улучшилось, но ключевые проблемы, касающиеся сбора и анализа доказательств по уголовному делу.

Список цитируемой литературы:

1. Вершенко В. Ю. Проблемы доказывания в судебном производстве по уголовным делам // Правовые, социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности. 2019. С. 137-141.
2. Воронина Е.С. Реализация принципа состязательности и равенства сторон уголовного процесса // Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития. 2016. С. 34-40.
3. Закотянский А. С. Принципы равенства сторон и права на защиту как гарантии нравственных основ уголовного процесса: декларация или реальность // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 15-23.
4. Нагоева М. А. Доказывание как способ установления объективной истины в уголовном процессе // Вестник научных конференций. 2016. № 3. С. 79-82.
5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Прилепин Д.О., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Prilepin D.O., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ОРГАНЫ И ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ВОПРОСАМИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

A HEART SHUTTERED IN MYSTERIES ACHES IN CAPTURE, WOUNDED BEAST IN BLOOD

Аннотация.

Настоящая статья посвящена исследованию вопросов национальной безопасности страны и ее регионов. В статье отмечается, что в современных условиях национальная безопасность напрямую зависит от уровня информационного обеспечения и от существующих условий информационной безопасности. Информационная безопасность играет ключевую роль в обеспечении жизненно важных интересов Российской Федерации и ее регионов. Революция в сфере информационных технологий (появление глобальной сети Интернет, мобильных средств и коммуникаций и т.п.) качественно расширила технические возможности специалистов в области информационной безопасности. Информационная безопасность во многом зависит от защищенности технических структур (компьютерных систем управления, баз данных и т.п.), вывод из строя которых способен привести к нарушению работы комплексной системы безопасности.

Abstract.

This article is devoted to the study of national security issues of the country and its regions. The article notes that in modern conditions, national security directly depends on the level of information support and on the existing conditions of information security. Information security plays a key role in ensuring the vital interests of the Russian Federation and its regions. The revolution in the field of information technology (the emergence of the global Internet, mobile tools and communications, etc.) has qualitatively expanded the technical capabilities of specialists in the field of information security. Information security largely depends on the security of technical structures (computer control systems, databases, etc.), the failure of which can lead to disruption of the integrated security system.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационные технологии, субъекты Российской Федерации, затраты, киберприступность

Keywords: information security, information technologies, constituent entities of the Russian Federation, costs, cyberattack

Одним из центральных органов, занимающихся вопросами пресечения преступлений является Министерство Внутренних Дел РФ, поскольку уголовно-наказуемые преступления входят в сферу компетенции именно данного органа.

Однако в составе МВД существует специальное управление, на сегодняшний день называющееся «Управление «К» МВД РФ», основным направлением работы которого является борьба с киберпреступностью на территории РФ.

Из истории данного подразделения следует то, что еще в 1986 году, для обеспечения безопасности органов внутренних дел, так же для борьбы с различными радиопомехами, выявления и работы со специальными устройствами (созданными, запрограммированными и приспособленными) для неправомерного получения информации, а так же для предотвращения попыток проникнуть в информационные сети в системе Министерства Внутренних Дел Советского Союза была организована работа службы РЭБ, Управления радиоэлектронной борьбы, или широко известное под именем «Управление-Р».

В то время, в компетенции данного управления входили не оперативно-розыскные, но исключительно оперативные задачи. В связи с действующим на тот момент законодательством преступлений в компьютерной сфере не существовало совсем. В соответствии с законодательством их еще не существовало, но на деле по данным с сайта Министерства Внутренних Дел РФ, они уже совершались на

протяжении нескольких лет. Одно из первых преступлений с применением компьютера было зафиксировано Международной Полицией «Интерпол», данное деяние было зафиксировано на территории г. Вильнюс в 1979 году. Тогда, оператор почтовой связи с помощью программно технического комплекса, совершал мошеннические действия с «двойной» бухгалтерией, присваивая себе остатки денег, долгое время оставаясь безнаказанным.

Позже уже в 1997 с принятием упомянутого в диссертационном исследовании 28 раздела Уголовного Кодекса Российской Федерации, данному управлению был назначен статус специализированного органа дознания- оперативно розыскного подразделения.

Однако численность и техническое обеспечение данного подразделения на тот момент, не позволяли в полной мере решать задачи, возросшие с приобретением нового статуса. Более того, данная ситуация усугубилась когда в новую редакцию уголовного кодекса РФ от 1997 года и , в еще действовавший, до 2001 года, старый формат уголовно процессуального кодекса РСФСР от 1964 года, были внесены значительные изменения и поправки.

Данные поправки возложили на Управление Р, дополнительные обязанности по обеспечению функционирования, дейстующей на сетях электросвязи с 1994 года, системы оперативно розыскных мероприятий. Учитывая данную ситуацию и возникшие сложности, в 1998 данное управление было расширено до Управления по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий. Кроме этого, в его составе выделились три отдельных подразделения:

1. Отдел по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации;

2. Отдел по борьбе с преступлениями в сфере телекоммуникаций;

3. Отдел по борьбе с незаконным оборотом радиоэлектронных (РЭС) и специальных технических средств (СТС).

Более того, в 81(восьмидесяти одном) субъекте РФ, на различных уровнях управления Министерства Внутренних Дел , вскоре были созданы похожие подразделения и отделы по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий. Поначалу, штат данных подразделений составляли сотрудники с техническим образованием, что отрицательно отражалось на процессуальных вопросах и качестве расследования преступлений. Лишь к 2000, когда подразделения укомплектовались сотрудниками с юридическим образованием, ситуация изменилась к лучшему.

Кроме этого в 1999 году согласно Распоряжению Правительства РФ под номером 1701 от 22.10.99 Об усилении борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий, бюджетные средства, выделенные на содержание правоохранительные органы были перераспределены на противодействие преступности в рамках указанной программы. Данные средства были перенаправлены «на усиление борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации, правонарушениями с использованием ЭВМ, сетей и систем».

Кроме этого в соответствии с указанным распоряжением, также, были проведены различного рода семинары и встречи международного уровня, по вопросам борьбы с компьютерной преступностью, созданы контакты с специальными службами в зарубежных странах, занимающихся данными правонарушениями. В итоге, после проведения всех мероприятий был достигнут качественный перелом в уровне противодействия преступлениям в компьютерных системах, как на территории РФ, так и на международном уровне.

В 2002 году, данное управление было сокращено и переведено в материально техническом и штатном плане в Бюро Специльных и Технических мероприятий, работающее при Министерстве Внутренних Дел РФ. На сегодняшний день, данные подразделения называются «Отделы К (компьютерные престпления)» В их структуре сохранились так же профильные подразделения, отвечающие за конкретную сферу, перечисленные ранее в диссертационном исследовании.

Помимо подразделений «К» в структуре управления МВД РФ по Борьбе с экономическими преступлениями еще в 1997 году в субъектах федерации были созданы Отделы по борьбе с преступлениями в сфере экономики и компьютерной информации. Данные отделы , тоже являются специальными органами дознания, и в соответствии с действующим законодательством, занимаются выявлением, расследованием и пресечением хищений и мошенничества с использованием электронных докмуентов, данных, объектов авторского права, которые хранятся на информационных носителях.

Так же в 1997 году при Следственном Комитете МВД Российской Федерации, были созданы специальные следственные отделы по расследованию преступлений в сфере экономики и компьютерной информации. Следователи этих отделов, тесно

взаимодействуют между собой с органами дознания – Отделами ОБЭП и «К».

В феврале 1998 в соответствии с указанием Главного управления кадров, состоялся первый выпуск специалистов подготовленных по программе «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации», в рамках государственного стандарта по повышению квалификации в Волгоградской академии Министерства Внутренних Дел Российской Федерации.

Хочется так же отметить основные направления работы Управления «К» при Министерстве Внутренних Дел Российской Федерации:

1)Первой целью является борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации, которая осуществляется посредством: выявления и пресечения неправомерного использования информации, получения доступа к ней; борьба с изготовлением использованием и распространением вредоносного ПО; пресечение мошенничества в сфере электронных платежных систем; борьба с распространением детской порнографии через Интернет;

2) Второй целью Управления «К» является пресечение преступных действий в информационных сетях включая интернет, которое реализуется через: выявление и пресечение неправомерного доступа к коммерческим, государственным и частным каналам связи; выявление и предупреждение преступлений совершенных с использованием проводной и сотовой связи; противодействие мошенничеству через информационные сети и интернет;

3) Кроме этого, в цели Управления «К» МВД РФ входит противодействие незаконному обороту специальных технических и радиоэлектронных средств, применяющихся при совершении преступлений;

4)Расследование и предотвращение, пресечение фактов нарушения авторских, а так же смежных прав;

5) Обеспечение международного сотрудничества и взаимодействии в этой области.

Помимо законодательства и официальных государственных органов, работающих по направлению противодействия киберпреступности на территории РФ, действуют так же и негосударственные компанию в сферу исследований которых входят вопросы обеспечения кибербезопасности и защищенности информации.

Ярким примером такой организации является Лаборатория Касперского, международная компания, работающая в сфере

информационной безопасности еще с конца двадцатого века. Многолетний опыт работы компании и специалистов в сочетании с высоким профессионализмом позволили создать одну из самых перспективных организаций по защите в сфере информационных систем, а так же проводить значительные исследования и инициативы в области кибербезопасности. На сегодняшний технологии разработанные в компании обеспечивают защиту более 400 миллионов человек по всему миру, а так же около 270 тысяч организаций, являющихся корпоративными клиентами Касперского. Уже упоминавшийся в исследовании Глобальный Индекс Кибербезопасности, составленный Международным Союзом Электросвязи, в своем отчете приводит пример Информационные Бюллетени Лаборатории Касперского, отражающие индекс безопасности информации на определенном ареале(среди корпоративных и индивидуальных клиентов), как один из немногих, на основании которого можно делать выводы о совокупном потенциале кибербезопасности в мире.

Кроме этого, частично информация, представленная в Упомянутых Бюллетенях, легла в основу текущего диссертационного исследования, в вопросах отражения статистики и динамики киберугроз на международном и национальном уровне.

Список цитируемой литературы:

1. Военно-уголовное право : учеб. / под рсд. Х. М. Ахметшина, О. К. Затслспина. М.: Военный университет: За права военнослужащих, 2018. 384 с.

2. Лопатин Д. В. Административно-правовое регулирование материальной ответственности военнослужащих в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 10 с.

3. Петухов Н. А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов России: дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2003. 460 с.

4. Сухондяева Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII - начало XX вв.) (историко-правовое исследование): автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб, 2006. С. 15.

Репина И.М., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Repina I.M., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AS AN INSTITUTION OF CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT AND LEGAL NATURE

Аннотация.

В статье раскрыты понятие и правовая природа освобождения от уголовной ответственности как института уголовного права.

Abstract.

The article reveals the concept and legal nature of exemption from criminal liability as an institution of criminal law.

Ключевые слова: уголовное наказание, освобождение от уголовной ответственности, уголовное преследование, прекращение уголовного преследования, меры уголовного наказания.

Keywords: criminal punishment, exemption from criminal liability, humanistic function, practical function, compensatory function.

Среди современных направлений развития уголовного законодательства одним из наиболее обсуждаемых среди профессионального юридического сообщества является

совершенствование института освобождения от уголовной ответственности. В законопроектной практике сегодня существует множество инициатив, направленных на повышение эффективности данного института. Однако, как считают эксперты, имеющиеся инициативы недостаточно систематизированы и не привязаны в достаточной степени к конституционно-правовым началам и недостаточно связаны с другими отраслями права.

Современный институт освобождения от уголовной ответственности представляет собой отказ государства от осуждения лица, совершившего то или иное преступление, в связи с чем меры уголовной ответственности к нему не применяются. Данный институт имеет следующие особенности:

1) освобождение от уголовной ответственности может применяться не ко всем лицам, а только к тем, в отношении которых оно применяется на основе законодательства;

2) может применяться только при наличии невысокой степени общественной опасности содеянного и соответствующего поведения преступника (например, при освобождении от уголовной ответственности учитывается, раскаялся ли он в содеянном, возместил ли он нанесенный потерпевшему своими действиями ущерб, погасил ли судебные штрафы, истек ли срок давности и т.д.);

3) для того, чтобы освободить преступника от уголовной ответственности, судом должны быть тщательно проверены особенности дела;

4) специальные виды освобождения лица от уголовной ответственности предусмотрены Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации и должны касаться только определенных составов преступлений [2, с. 124].

Освобождение от уголовной ответственности имеет социальную сущность и основано на принципе социальной справедливости. Оно положительно влияет на состояние преступности, а также оптимизирует работу суда в отношении применении мер уголовного наказания. Пудовочкин Ю.Е. считает, что лицо, которое впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, отбывая наказание, которое назначено судом по всей строгости уголовного закона, может в дальнейшем получить психологическую травму в процессе нахождения в местах лишения свободы и, вынужденно общаясь с преступным контингентом, порой не может после отбытия наказания вернуться к полноценной жизни в обществе. В связи с этим суд нередко принимает решение об освобождении от уголовной ответственности за преступления, если они не относятся к тяжким и

особо тяжким, а также если лицо, получив наказание, ведет себя законопослушно и не представляет опасности для общества, либо примирилось с пострадавшим, возместило причиненный им ущерб и погасило штрафы, назначенные судом. Любой человек может оступиться на протяжении своего жизненного пути, и совершение им преступления (особенно если оно совершено впервые) может потом отразиться на всей его жизни, если наказание за него будет строгим. Поэтому если он докажет то, что он раскаялся в содеянном преступлении и исправился, Уголовный кодекс Российской Федерации предоставляет возможность для таких лиц получить освобождение от уголовного преследования и от назначения соответствующих мер уголовной ответственности [6, с. 586].

Пленум Верховного суда РФ за последние 20 лет более 50 раз обращался к вопросам назначения наказания и избрания мер пресечения. Это касалось и института уголовной ответственности. В течение всего периода существования действующего Уголовного кодекса РФ осуществлялось совершенствование процессуальных аспектов назначения наказания, в результате чего численность лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исправительной системы, сократилась более чем в 2 раза (с 1060 000 лиц (по состоянию на 1 января 1999 г.) до 493 300 человек (по состоянию на 31 декабря 2020 г.). С 1 января 2021 г. по 30 сентября 2021 г. их численность сократилась на 30 600 чел. (на 6%). За последние 10 лет количество осужденных к реальному лишению свободы сократилось на 114 100 человек (на 40%) с 289 000 человек в 2009 г.). При этом 67% осужденных к лишению свободы имели неснятые и непогашенные судимости. С 2001 года, когда прокурорами могла быть избрана мера наказания в виде заключения под стражу, численность граждан, к которым она применялась, сократилась в 4 раза в 2019 году (с 366 000 до 94 600 человек). Из них 69 400 человек обвинялись в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а 54 900 человек (58%) имели судимости [4].

Важным направлением совершенствования правосудия является гуманизация уголовного судопроизводства. Поэтому в рамках концепции гуманизации на уровне законодательной инициативы было предложено ввести институт уголовного проступка, что позволит дифференцировать уголовную ответственность в отношении лиц, совершивших преступление в первый раз в жизни. Кроме того, при отнесении деяния к уголовному проступку оно должно быть тщательно изучено со стороны объективных и субъективных признаков. При этом большое значение должно быть уделено не

только видимым обстоятельствам дела, но и криминологической характеристике преступника. Введение института уголовного проступка позволит снизить уровень уголовных репрессий и позволит обвиняемым быстро вернуться к нормальной жизни, что также является отражением принципа гуманизма, изложенного в статье 7 Уголовного кодекса РФ. Среди современных ученых за введение института уголовного проступка выступает, в частности, Кибальник А.Г. [3, с. 65].

Предложения по введению института уголовного проступка обрели больше положительных отзывов, однако, есть и противники данной инновации. В частности, профессор Л.В. Головко считает, что не все преступления, даже если они не относятся к тяжким или особо тяжким, либо совершены преступником впервые, должны переходить в данную категорию. Например, мошенничество с использованием банковских карт (ч. 159.3 Уголовного кодекса РФ), которое он приводит в пример, отнесенное к категории уголовных проступков, если оно будет соответствовать условиям такого отнесения, будет ущемлять права пострадавших лиц, и их не удовлетворит тот факт, что лицо будет освобождено от уголовной ответственности [1, с. 128].

Кроме того, прогнозировать, совершит ли рецидив освобожденное от уголовной ответственности лицо, очень сложно. Оно может также совершить впервые любое другое преступление. И в этом заключается проблема освобождения от уголовной ответственности с гуманистической стороны. В результате введения категории уголовных проступков, изменятся сроки давности уголовного преследования и сроки обвинительного приговора суда, которые составят 1 год. Изменения коснутся продолжительности срока, по отбытии которого возможно условно-досрочное освобождение от наказания, теперь они будут составлять 1/4 срока наказания за уголовный проступок [7, с. 208].

К преимуществам введения института уголовного проступка относится:

1) соответствие таким направлениям уголовной политики России, как гуманизация и либерализация;

2) более глубокая дифференциация уголовных проступков в зависимости от характера общественной опасности;

3) совершенствование механизмов, которые позволят индивидуально оценить личность преступника и выносить наказание по справедливости;

4) снижение нагрузки с пенитенциарной системы за счет сокращения количества лиц, отбывающих наказание в условиях тюремного заключения;

5) сокращение репрессивности уголовно-правовой реакции на «мелкую преступность» [3, с. 65].

Таким образом, совершенствование института освобождения от уголовной ответственности составляет важный компонент общей работы по оптимизации уголовного законодательства. В основе его следует иметь внутренне непротиворечивую, конституционно обоснованную и согласованную в межотраслевых аспектах теоретическую концепцию. К настоящему времени отечественная наука не только накопила значительный опыт доктринального осмысления института освобождения от уголовной ответственности, но и обосновала ряд выводов, которые можно расценивать в качестве консенсуального решения фундаментальных основ этого института. К числу таких выводов, составляющих каркас заявленной концепции, можно отнести следующие тезисы:

– освобождение от уголовной ответственности не должно восприниматься исключительно как прерогатива суда; напротив, баланс интересов поддержания правопорядка и процессуальной экономии требует более широкого использования института освобождения от уголовной ответственности на досудебных стадиях уголовного процесса;

– теоретически оправданно и практически целесообразно развивать два варианта досудебного решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности — посредством традиционного института прекращения уголовного дела (преследования) и за счет адаптации для этих целей возможностей института отказа в возбуждении уголовного дела;

– важно активизировать предупредительный и гуманистический потенциал уголовного закона за счет более широкого внедрения конструкций условного освобождения от уголовной ответственности, наряду с существующим порядком безусловного освобождения;

– следует признать недопустимым априорный запрет на повторное освобождение от ответственности лиц, к которым ранее была применена данная мера;

– необходимо обеспечить оптимальное соотношение диспозитивного и императивного порядка освобождения от уголовной ответственности, в частности за счет установления обязанности освободить лицо от ответственности в случае примирения с потерпевшим по делам о преступлениях, которыми причиняется вред

исключительно его частным интересам, а также в случае, когда возмещение вреда со стороны лица, совершившего преступление, полностью нивелирует общественную опасность содеянного;

– теоретически допустимая дифференциация оснований и условий освобождения от ответственности в зависимости от вида совершенного преступления должна строиться на разумной основе, с соблюдением принципа равенства граждан перед законом и основных требований юридической техники.

Только целостное и системное восприятие института освобождения от ответственности позволит оптимальным образом вписать его в систему уголовного права в интересах соблюдения должного баланса между потребностью общества в безопасности и гуманным отношением к лицам, совершившим преступления.

Список цитируемой литературы:

1. Головко Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127-136.
2. Дубровин В.В. Соотношение освобождения от уголовной ответственности и от наказания // Юридическая наука. 2021. №7. С. 124-126.
3. Кибальник А.Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65-68.
4. Осуждению не подлежит. Глава Верховного суда России Вячеслав Лебедев: Предлагаем внести в закон понятие «уголовный проступок» [Электронный ресурс]. Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/29295 (дата обращения: 15.12.2021).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. от 29 ноября 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
6. Пудовочкин Ю.Е. Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной // Вестник СПбГУ. Право. 2021. №3. С. 584-603.
7. Расторопов, С.В. Введение уголовного проступка в России: за и против // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №6. С. 207-210.
8. Саркисов В. Освобождение от уголовной ответственности: правовые основания [Электронный ресурс]. Портал правовой информации «Закон.ру». URL: https://zakon.ru (дата обращения: 14.11.2021).

Севостьянов А.Д., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор Соловьёва В.В.

Sevostyanov A.D., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Doctor of Historical Sciences, Professor Solovyova V.V.

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СТ. 159.1 УК РФ «МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ»

PROBLEMS OF APPOINTMENT OF PUNISHMENT UNDER ART. 159.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION "FRAUD IN THE SPHERE OF LENDING"

Аннотация.

Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» был введен новый состав преступления ст. 159.1 УК РФ - мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. В статье предусмотрены квалифицированные признаки состава: 1) деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору (ч. 2); 2) с использованием служебного положения, а равно в крупном размере (ч. 3); 3) совершенные организованной группой или в особо крупном размере (ч. 4).

Abstract.

Federal Law No. 207-FZ of November 29, 2012 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” introduced a new offense of Art. 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation - fraud in the field of lending, that is, the theft of funds by a borrower by presenting knowingly false and (or) inaccurate information to a bank or other creditor. The article provides for

qualified signs of composition: 1) an act committed by a group of persons by prior agreement (part 2); 2) using one's official position, as well as on a large scale (Part 3); 3) committed by an organized group or on an especially large scale (part 4).

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования
Keywords: credit fraud

Введение новых статей в УК РФ свидетельствует о том, что законодатель пошел по пути криминализации отдельных видов мошенничества как самостоятельных преступлений. Необходимость внесенных изменений и дополнений объясняется развитием в стране экономических отношений, модернизацией банковского сектора, развитием отрасли страхования, инвестиционной деятельности, информационных и промышленных технологий и предоставлением новых видов услуг, которые неизбежно порождают новые схемы, способы хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество.

Разъяснения по поводу квалификации таких видов мошенничества, которые были даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [2] и, казалось, сняли наиболее сложные вопросы применения ст. 159 УК РФ, этой цели не достигли.

Статья 159.1 УК РФ часто подвергается критике. В частности глава думского комитета по госстроительству В. Плигин считает, что необходимо банк прежде всего ориентировать на использование услуг квалифицированных юристов для проверки клиентов. Однако добросовестные сотрудники банка могут не замечать признаки мошенничества в сфере кредитования, потому что в настоящее время банки ориентированы на сокращение срока проверки документов заемщика в целях не потерять клиента.

До сих пор идет спор о выделении состава мошенничества в сфере кредитования в качестве квалифицирующего признака общей нормы мошенничества.

Изучая судебную практику можно констатировать проблемы реализации уголовно-правовой нормы о мошенничестве в сфере кредитования. Среди них следует выделить прежде всего проблемы конкуренции уголовно-правовых норм, отграничения от смежных составов преступлений, проблему дифференциации уголовного наказания за различные виды мошенничества.

В первую очередь возникает проблема разграничения специального вида мошенничества в сфере кредитования с общим составом мошенничества, предусмотренным ст. 159 УК РФ. На первый взгляд эта проблема должна решаться по правилу конкуренции общей и специальной норм, которое предусмотрено ч. 3 ст. 17 УК РФ. В соответствии с ч.3 ст. 17 УК РФ если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. В результате неудачной редакции нового состава мошенничества в сфере кредитования не всегда позволяет сделать такой однозначный вывод. Если у лица при получении кредита изначально возникает намерение не вернуть его, и при этом предоставляются подлинные и достоверные сведения, мошенничество совершается путем молчаливого обмана. По сути, такое мошенничество должно подпадать под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, так как является мошенничеством в сфере кредитования. Однако квалифицировать его придется по ст. 159 УК РФ, так как в ст. 159.1 УК РФ такой способ совершения преступления не предусмотрен. Получается, что вопрос о конкуренции уголовно-правовых норм решен в пользу общей нормы [3, с. 45].

При анализе диспозиций и санкций всех частей ст. 159.1 УК РФ встает проблема дифференциации уголовного наказания за мошенничество в сфере кредитования, являющейся специальной нормой по отношению к ст. 159 УК РФ. За мошенничество в сфере кредитования законом предусмотрены неодинаковые денежные суммы, составляющие содержание крупного и особо крупного размеров ущерба, по отношению к общей норме мошенничества ст. 159 УК РФ. Крупный размер и особо крупный размер применительно к мошенничеству как преступлению, предусмотренному ст. 159 УК РФ и мошенничеству в сфере кредитования, предусмотренному ст. 159.1 УК РФ, различаются принципиальным образом. В первом случае он определяется как превышающий 250 000 руб. и 1000 000 руб., а во втором - как превышающий 1500 000 руб. и 6 000 000 руб.

При дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества в зависимости от его стоимости необходимо учитывать общественную опасность деяния и наступивших последствий. В качестве максимального наказания в прежней редакции Федерального закона РФ от 29.11.2012 по ч. 3 ст. 159.1 УК РФ за деяние, предусмотренные ч.1 и ч.2 статьи 159.1 УК РФ, совершенные лицом с использованием своего служебного положения,

а равно в крупном размере было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. В качестве максимального наказания по ч. 3 ст. 159 УК РФ за мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет. Преступление в силу ст. 15 УК РФ, предусмотренное ч.3 ст. 159.1 УК РФ, относилось к категории преступлений средней тяжести, а преступление, предусмотренное общей нормой ч.3 ст. 159 УК РФ, - к категории тяжких преступлений, при том, что размер ущерба в первом случае превышает в 6 раз. Отнесение ч. 3 ст. 159.1 УК РФ к категории преступлений средней тяжести создавало преференции для применения к лицам, признанными виновными, соответствующих институтов Уголовного кодекса РФ, например примирение сторон, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и др. На основании изложенного думаю, именно с этим связаны изменения, внесенные в ч.3 ст. 159.1 Уголовный кодекс РФ в части наказания. В соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 1 Федерального Закона РФ от 3.07.2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в абзац второй части 3 статьи 159.1 УК РФ слова «лишением свободы на срок до пяти лет» заменены словами «лишением свободы на срок до шести лет» [1].

В соответствии с ч. 1 ст. 159.1 УК РФ штраф является самостоятельным альтернативным наказанием, размер которого при причинении ущерба преступлением до 1 500 000 руб. может быть несопоставимо меньшим по сравнению с размером хищения. В соответствии с ч.1 ст. 159.1 УК РФ мошенничество в сфере кредитования наказывается штрафом в размере до 120 000 руб. Санкция ч.1 ст. 159.1 УК РФ не предусматривает в качестве наказания лишение свободы на определенный срок, что относит данное преступление к категории небольшой тяжести при хищении до 1 500 000 руб. Таким образом, нарушены принципы равноправия и соразмерности наказания, предусмотренные Конституцией РФ.

Считаем, данная система наказания несовершенна и нуждается в модернизации. По моему мнению, исчисление размера штрафа должно проводится исходя из суммы причиненного конкретным противоправным деянием ущерба, и должно быть соразмерно ему. Данное средство профилактики будет работать тогда, когда сумма штрафа будет кратно в разы превышать сумму хищения денежных средств заемщиком. Введение новой вышеназванной системы штрафов

должно доказывать любому потенциальному заемщику, что кредит выгодно получить законно.

Вышеперечисленные проблемы являются препятствием для достижения целей уголовного закона в части, касающейся защиты отношений собственности, имущественных интересов банков и иных кредиторов от недобросовестных заемщиков и обеспечения нормального функционирования сферы кредитования.

Список цитируемой литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 3.07.2016 г. № 325-ФЗ // Российская газета. № 7017(149). 8.07.2016.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2007 года № 51 // Российская газета. № 4. 12.01.2008.
3. Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2. С. 45-67.

Синельникова С.Г., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Sinelnikova S.G., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

A HEART SHUTTERED IN MYSTERIES ACHES IN CAPTURE, WOUNDED BEAST IN BLOOD

Аннотация.

В данной статье рассматриваются основные аспекты уголовно-правового содержания такой категории преступления как убийство матерью новорожденного ребенка.

Abstract.

This article discusses the main aspects of the criminal legal content of such a category of crime as the murder of a newborn child by a mother.

Ключевые слова: Убийство, новорожденный ребенок, преступление, убийство матерью новорожденного ребенка.

Keywords: Murder, newborn baby, crime, murder by the mother of a newborn baby.

В Российской Федерации наиболее опасные и тяжкие преступления — это посягательства на человеческую жизнь, а в особенности в отношении ребенка. Насилие в отношении детей можно считать одной из серьезных проблем нашего общества. Следственная и судебная практика на протяжении всего времени своего существования показала, что проблема уголовно-правовой оценки убийства матерью новорожденного ребенка не решена и является актуальной по

сегодняшний день. По мнению ученых, суть проблемы заключается в неоднозначности понимания преступных посягательств, связанных с причинением смерти новорожденным.

В современном уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за убийство матерью своего новорожденного ребенка. Данный вид убийства содержится в ст. 106 УК РФ и является привилегированным составом. Привилегированность в данном случае заключается в наличии одного из смягчающих обстоятельств – условия психотравмирующей ситуации, или состояние психического расстройства. Если необходимость существования ответственности за данный вид преступления не вызывает сомнений, то в вопросе квалификации таких действий в качестве привилегированного состава преступления среди ученых и юристов существует масса разных взглядов и неоднозначных позиций. Некоторые считают, что данный вид преступления должен обязательно рассматриваться в рамках наличия смягчающих обстоятельств, поскольку женщина в процессе родов не может рассматриваться как полностью отдающая себе отчет в своих действиях, полностью владеть собой, тем более, что ее психическое расстройство может длительное время сохраняться и в послеродовой обстановки. Анализ данной нормы указывает на три ситуации, при которых ответственность наступает по статье 106 УК РФ, а именно: убийство матерью новорожденного ребенка вовремя или сразу после родов, в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Важно определить, что в первом случае преступление совершается в указанный временной период, а именно вовремя или сразу после родов. Поэтому в данной ситуации наличие особого психического состояния у матери не является обязательным. На квалификацию это никак не повлияет, даже если женщина заранее планировала убийство. Смягчение ответственности происходит потому что после родов женщина не всегда в состоянии воспринимать рождаемого человека как самостоятельное живое существо, а продолжает ощущать его как источник боли и страдания.

При убийстве матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации законодатель не связывает ответственность со столь коротким промежутком времени, так как она может возникнуть до родов, вовремя и некоторое время спустя. Она должна иметь непосредственную связь с беременностью, родами, социальными факторами, а также судьбой матери и ребенка. Смягчающую роль в совершении преступления здесь будет играть не сколько сама ситуация, а та психическая травма, которую она

непосредственно причиняет. В случае психического расстройства, которые не исключают вменяемости, лицо не может в полной мере отдавать отчет в своих действиях (бездействии) либо не в полной мере может руководить своим поведением. А обстоятельства, которые привели к состоянию расстройства, не исключающего вменяемости, могут возникнуть независимо от беременности и родов и, в отличие от психотравмирующей ситуации, имеют не социальную, а биологическую природу. Данное преступное деяние, согласно уголовному законодательству, наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Объектом преступления является жизнь новорожденного ребенка в период до одного месяца. Убийство ребенка более старшего возраста квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Объективная сторона этого преступления выражается в причинении смерти новорожденному ребенку путем действия (например, удушения или нанесения ран и ушибов) или бездействия — оставления новорожденного без помощи и кормления.

Нужно заметить, что в данном составе субъект преступления является специальным. В качестве такого субъекта может выступать только мать потерпевшего ребенка, достигшая возраста шестнадцати лет. Совершение убийства другим лицом, даже по просьбе матери, привлекается по общим основаниям.

Следует отметить, что в группу риска могут входить все женщины, что обусловлено биологическим фактором. Но, в соответствии с опубликованными Академией Следственного комитета РФ результатами исследований, наиболее типичными субъектами данных преступлений в настоящее время являются женщины, не состоящие в законном браке, не работающие, раннее судимые, страдающие алкогольной и наркотической зависимостью, ведущие асоциальный образ жизни.

Наиболее распространенными причинами совершения убийств матерью новорожденного ребенка являются отсутствие возможности у женщины воспитывать ребенка одной, а также низкий социальный и материальный уровень семей.

Следует также отметить, что процесс квалификации данного деяния может быть затруднителен. Все дело в том, что диспозиция ст. 106 УК РФ содержит в себе целый комплекс не до конца раскрытых терминов. К примеру, в законодательстве РФ легальное понятие «новорожденный» отсутствует. Существует несколько научных подходов к исследованию данного явления. Самой распространенной,

является точка зрения, что период новорожденности — это время с первых секунд рождения человека и до того момента, пока организм ребенка не адаптируется к обычным условиям внешней среды.

В среднем он длится 28-30 дней. В акушерстве данный срок обусловлен одной неделей, а в судебной медицине период новорожденности определен одним днем. Также проблемой применения данной статьи служит и то, что норма не закрепляет конкретный промежуток времени, в течение которого мог быть убит ребенок. Поэтому целесообразно будет установить точное время, а именно: «убийство во время родов или же сразу после них, то есть в течение 24 часов». Таким образом, данный вопрос продолжает являться дискуссионным, так как единые критерии, как в юридической, так и в медицинской науке все еще не определены. Теоретики выделяют еще одну существенную проблему, которая содержится в данной норме. Как уже было отмечено, в некоторых случаях анализируемое преступление может совершаться с заранее обдуманным умыслом, в нормальном состоянии, а не вследствие психических изменений. Данное обстоятельство не будет влиять на квалификацию деяния. Можно сказать, что такая регламентация нормы противоречит общепринятым моральным принципам. Эту точку зрения подтверждает то, что такие убийства, как правило, совершены хладнокровно, с особым цинизмом. Большинство женщин, совершивших убийство новорожденных детей, не вставали на учет по беременности, скрывали беременность от окружающих вплоть до родов, самостоятельно роды разрешаются в домашних (бытовых) условиях, после родов и самого убийства предпринимают меры по сокрытию трупа новорожденного ребенка. Поэтому при расследовании уголовных дел важное внимание должно уделяться времени возникновения умысла. На мой взгляд, нести ответственность по ст. 106 УК РФ может лишь мать новорожденного ребенка, у которой умысел на убийство возник внезапно и при наличии психоэмоционального или психотравмирующего состояния. В иных случаях деяние должно квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В завершение, необходимо отметить значительный рост числа убийств рассматриваемой категории. Это свидетельствует о том, что данная норма не выполняет своего предназначения по общей превенции, а также о необходимости более глубокого исследования проблем борьбы с данными преступлениями. Помимо ужесточения закона, целесообразно проводить работу в целях предупреждения преступления. Необходимо улучшить социальные гарантии по поддержке семей и одиноких женщин, решивших стать матерями,

реализовать программы по работе с семьями из группы риска, обеспечить мерами по оказанию специализированной медицинской помощи (в том числе и психологической) женщине в период беременности, во время и после родов.

Список цитируемой литературы:

1. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // LexRussica. 2018. №3 (136). С. 94-114.
2. Алехин В. П. К вопросу о целесообразности отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к привилегированному составу // Полиматис. 2017. №5. С. 8-17.
3. Бабичев А. Г. Усиление наказания за убийство матерью новорожденного ребенка // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2019. С. 41-43.
4. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. 511 с.
5. Изаксон Р. А. Проблемы современной регламентации ответственности за убийство матерь новорожденного ребенка в России // Сибирский юридический вестник. 2018. №3. С. 61-66.

Сосницкий В.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Sosnitsky V.V., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ

PROBLEMS OF QUALIFYING CRIMES AGAINST LIFE

Аннотация.

В статье определяется последовательность действий при квалификации деяния в качестве преступления против жизни. Основные этапы этого процесса составляет решение вопросов разграничения деяний против жизни, предусмотренных главой 16 и иными главами Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации; причиняющих смерть другому лицу и побуждающих его к совершению самоубийства; предполагающих умысел и неосторожную форму вины, содержащих признаки основного или квалифицированного либо привилегированного состава преступления. Определение статьи, ее части, предусматривающей ответственность за инкриминируемое деяние, можно считать завершением первого этапа уголовно-правовой квалификации. Целью второго этапа квалификации преступлений против жизни является определение признаков состава преступления, сформулированных в статьях Общей части уголовного закона.

Abstract.

The article defines the sequence of actions when qualifying an act as a crime against life. The main stages of this process are the resolution of issues of delimitation of acts against life, provided for in Chapter 16 and other chapters of the Special Part of the Criminal Code of the Russian

Federation; causing death to another person and inciting him to commit suicide; suggesting intent and negligent form of guilt, containing signs of the main or qualified or privileged corpus delicti. The definition of the article, its part, providing for responsibility for the incriminated act, can be considered the completion of the first stage of criminal law qualification. The purpose of the second stage of qualification of crimes against life is to determine the elements of a crime formulated in the articles of the General Part of the Criminal Law.

Ключевые слова: уголовно-правовая квалификация / преступления против жизни / доведение до самоубийства / причинение смерти по неосторожности / простое убийство / квалифицированное убийство / убийство со смягчающими обстоятельствами.

Keywords: criminal law qualification / crimes against life / driving to suicide / causing death by negligence / simple murder / qualified murder / murder with extenuating circumstances.

Жизнь - одно из наиболее сложных понятий, в каком бы смысле - естественнонаучном (биологическом), философском, социальном или ином - оно не использовалось. Оперируя такими категориями, как зарождение жизни на земле, способ бытия, формы проявления жизни, смысл жизни, качество жизни и т.д., представители разных наук уже давно пытаются выработать единое, общепризнанное определение данного понятия. Предпочитая ориентироваться на общетеоретические представления о понятии жизни, уголовное право, как отрасль законодательства или науки никогда не претендовало и по очевидным причинам не может претендовать на создание своего определения данного явления.

Однако столь же бесспорным является то, что уголовное право предполагает свой собственный аспект изучения жизни, в соответствии с которым оно относит ее к естественным, нематериальным, прирожденным, неотчуждаемым человеческим благам и характеризует его с позиций одного из важнейших объектов, нуждающихся в охране с помощью уголовно-правовых средств. Не затрагивая всего множества вопросов, возникающих в связи с этим перед уголовно-правовой

наукой, можно с уверенностью утверждать, что часть из них непосредственно относится к разработке алгоритма принятия решения об уголовно-правовой квалификации деяния в качестве преступления против жизни, т.е. к определению последовательности и содержания

взаимосвязанных между собой действий (набора конкретных инструкций), которые нужно выполнить, чтобы решить такую задачу.

В их числе следует указать и вопросы о том, в каком качестве жизнь должна рассматриваться в связи с совершением преступления против жизни. В юридической литературе часто признают жизнь в качестве объекта этих преступлений, оставляя открытым вопрос о том, что в таком случае может или должно восприниматься как предмет преступления. Некоторые авторы предпочитают называть объектом преступлений не саму по себе жизнь, а общественные отношения, возникающие по поводу нее, охраняющие ее и т.д. Исходя из того, что объектом любого преступления выступает тот, в отношении кого оно совершается, автор данной статьи видит в предмете преступления материальное или нематериальное благо, незаконное обращение с которым причиняет или создает угрозу причинения вреда его обладателю, выступающего в качестве объекта преступления. Полагая, что под уголовно-правовую охрану ставится то благо, которое способно удовлетворять какую-либо потребность его обладателя и которое в преступлении играет роль его предмета, жизнь можно рассматривать как предмет посягательства и одновременно объекта уголовно-правовой охраны. Во избежание недоразумений автор данной статьи отдает предпочтение обозначению жизни в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Актуальность первого этапа обусловлена, в частности, тем, что жизнь нередко выступает объектом уголовно-правовой охраны не только в главе 16 УК РФ, но и в других главах Особенной части УК РФ: в главе 34, например, это подразумевается в ст. 357 (геноцид); в главе 32 - в ст. 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа); в главе 31 - в ст. 295 (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование); в главе 29, в ст. 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля) и т.д. Подразумевая наличие в других главах Особенной части УК РФ названных (обозначим их как «непрофильных») статей, в теории уголовного права обычно утверждается, что в них жизнь выступает не основным, как в главе 16 УК РФ, а дополнительным или факультативным объектом, и именно в силу двухобъектности они предусматривают повышенную ответственность за посягательство на жизнь в указанных случаях. Поддерживая такое мнение, при уголовно-правовой квалификации содеянного важно одновременно дать ответ и на вопрос о том, почему законодатель в «непрофильных» статьях основным объектом уголовно-правовой охраны признает не жизнь, а что-то иное.

Определяясь с тем, почему одним объектам законодатель отводит роль основного, а другому - неосновного (дополнительного или факультативного) объекта уголовно-правовой охраны состава преступления, следует обращать внимание не столько на их сравнительную ценность, сколько на то, является или не является причинение или попытка причинения вреда одному объекту способом посягательства на другой объект. По подсчетам некоторых ученых, из 288 статей Особенной части УК РФ свыше 230 так или иначе в большей или меньшей степени подразумевают посягательство на жизнь или здоровье. Это, скорее всего, не учитывают авторы, усматривающие в данном случае «разногласие между положениями ст. 2 Конституции РФ о том, что человек - это высшая ценность, и УК РФ» и предлагающие исключить из УК РФ статьи 277, 295 и 317 УК РФ в силу того, что для охраны лиц, осуществляющих правосудие и государственное управление, достаточно п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В вышеперечисленных «непрофильных» статьях УК РФ, а также в иных статьях, в том числе в ст. 277 УК РФ, в которой речь идет о посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля, лишение жизни другого человека - не самоцель, а способ воздействия на такие объекты уголовно-правовой охраны, посягательство на которые позволяет рассматривать деяние, как совершенное в отношении многих лиц. К числу таких деяний следует относить и случаи, когда в результате совершенного деяния непосредственно причиняется или может быть причинен вред многим лицам (например, создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (ст. 209 УК РФ), нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215 УК РФ), нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ).

На первом этапе уголовно-правовой квалификации деяния в качестве преступления против жизни изначальной (первичной) должна быть такая стадия, на которой решается вопрос о том, является или не является посягательство на жизнь человека способом совершения преступления в отношении многих лиц. Положительный ответ на этот вопрос, с одной стороны, исключает возможность вменения таких статей Особенной части УК РФ, в которых посягательство на жизнь рассматривается как преступление, совершаемое в отношении отдельных лиц, а с другой - в этом случае становится востребованным алгоритм квалификации деяний, являющихся преступлениями, совершаемыми в отношении многих лиц и перечисленными в разделах

Если же на поставленный вопрос о том, является ли посягательство на жизнь человека способом совершения преступления в отношении многих лиц, дается отрицательный ответ, то, напротив, тем самым исключается возможность квалификации деяний по разделам IX-XII УК РФ и в последующем предполагается использование другого алгоритма - квалификации деяний в качестве преступлений, совершаемых в отношении отдельных лиц.

При решении данного вопроса о том, что является наиболее важным для характеристики данного алгоритма, следует исходить из ст. 150 ГК РФ, согласно которой к числу нематериальных благ должны относиться жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемые и непередаваемые иным способом.

Это касается и государственной собственности, в отношении которой могут осуществлять права определенные органы и лица (ст. 125 ГК РФ) или государственные предприятия и учреждения, за которыми было закреплено имущество, находящееся в государственной собственности (ст.ст. 294, 296 ГК РФ). Согласно ст. 124 ГК РФ Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами. К таким субъектам гражданского права применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов.

С этой точки зрения не должно признаваться нематериальным благо, которое может отчуждаться или передаваться иным образом. При посягательстве на такие блага, речь уже может идти о принадлежащих отдельным лицам материальных благах, уголовно-правовая охрана которых предусмотрена разделами VIII УК РФ и, как следствие, о разграничении преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ), преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) и преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ). Посягательство же на

нематериальное благо, определяемое ст. 150 ГК РФ как принадлежащее гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемое и непередаваемое иным способом благо, означает, что инкриминируемое деяние может подпадать под признаки какой-либо статьи, содержащейся в разделе VII УК РФ.

Поскольку в системе особенной части УК РФ все предусмотренные данным разделом преступления распределены по пяти его главам, то возникает необходимость выделения в уголовно-правовой квалификации стадий, на которых с учетом различий между этими главами осуществляется определение той из них, в которой может содержаться статья, предусматривающая ответственность за конкретно совершенное деяние. При этом необходимо руководствоваться следующим:

1) интересующие нас в данном случае преступления (перечисленные в гл. 16 УК РФ) отличаются от преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина не тем, что первые не предполагают, а вторые предполагают нарушение предусмотренных Конституцией РФ прав и свобод, а тем, что в последнем случае под уголовно-правовую защиту ставятся блага, принадлежащие гражданину в силу закона, а не от рождения, как это предусмотрено во всех других главах раздела VII, в том числе в гл. 16 УК РФ;

2) ставя под уголовно-правовую защиту в данном разделе особенной части, и в частности в гл. 16 УК РФ, принадлежащие от рождения блага, обладателями которых способны быть любые физические лица, вне зависимости, в том числе, от их возраста и семейного положения, законодатель впервые в УК РФ обособил гл. 20,

в которой под уголовно-правовую охрану поставлено то, что может принадлежать не любому физическому лицу, а только несовершеннолетнему или (и) члену семьи (право на надлежащее воспитание, материальное содержание и т.д.);

3) глава 16 УК РФ отличается от всех других глав раздела VII УК РФ, в том числе от глав 17 и 19, специфическим характером благ, поставленных под уголовно-правовую охрану (связанностью с состоянием биологического организма человека).

На практике обычно не возникает сложностей с отграничением преступлений, предусмотренных гл. 16, от иных преступлений против личности. Это, однако, не дает основания не включать в алгоритм квалификации деяния в качестве преступлений против жизни решение вопросов о том, прирожденным или приобретенным является нематериальное благо, на которое посягает преступление, зависит или

не зависит возможность обладания данным благом от возраста и семейного положения посягающего, связано или не связано оно непосредственно с его физическим, психическим и психофизическим состоянием.

Лишь после того, как получены ответы на все данные вопросы, в процессе уголовно-правовой квалификации возникает необходимость определения дальнейшей последовательности действий применительно к выбранной конкретной главе раздела VII УК РФ, а в данном случае - к гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья». Характеристика последовательности действий применительно к этой главе осложняется тем, что в юридической литературе не сложилось единство мнений относительно того, сколько видов (групп) преступлений здесь обособляется. Признавая предпочтительной позицию авторов, придерживающихся двухчленного деления и различающих лишь преступления против жизни и преступления против здоровья, на данной стадии уголовно-правовой квалификации следует сразу же поставить и решить вопрос о том, на какое именно благо - на жизнь или на здоровье - посягает квалифицируемое деяние. Более обоснованное мнение отстаивается сторонниками трехчленного деления, при котором, помимо двух указанных видов, выделяются еще так называемые преступления, «ставящие в опасность жизнь или здоровье». Более корректным представляется именовать эти преступления как поставление в опасное для жизни или здоровья состояние либо оставление в таком состоянии.

Характеризуя преступления против жизни применительно к УК РФ, их обычно подразделяют в зависимости от формы вины на убийства и иные преступления против жизни. Безусловно, такая классификация имеет смысл, но при разработке алгоритма уголовно-правовой квалификации на данной стадии должен решаться вопрос не о том, является или не является содеянное убийством, а для начала о том, что именно послужило или могло послужить непосредственной причиной смерти:

Преступления против жизни и преступления против здоровья отличаются от преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье, в частности тем, что в первом случае жизнь и здоровье ставятся под уголовно-правовую охрану отдельно друг от друга, безальтернативно; во втором случае — альтернативно в рамках одного состава преступления. Однако при уголовно-правовой квалификации больший интерес представляет специфика последствий деяния, которые могут выражаться в одном случае в причинении или создании

угрозы причинения вреда жизни или здоровью, а в другом — в создании опасности причинения вреда.

В случаях, когда смерть или покушение на лишение жизни были следствием действий самого потерпевшего, необходимо говорить не о причинении смерти другому человеку, а о суициде, при котором уголовная ответственность для другого лица наступает в трех случаях: 1) при доведении потерпевшего до самоубийства, предполагающем угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего (ст. 110 УК РФ); 2) при склонении к совершению самоубийства, осуществляемом путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства, т.е. при угрозах, жестоком обращении и систематическом унижении человеческого достоинства (ст. 110.1 УК РФ); 3) при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Если имеет место или предполагается не суицид, а совершение деяния, результатом которого являлось непосредственное причинение или угроза причинения смерти другому лицу, то подразумевается стадия уголовно-правовой квалификации, на которой должен быть решен вопрос о наличии умысла на причинение смерти другому лицу. При этом необходимо руководствоваться ст. 25 УК РФ. Она не дает общего определения данной формы вины, но, различая прямой и косвенный умысел, формулирует их обязательные признаки.

Отсутствие данных признаков означает отсутствие умысла, что служит основанием для выяснения причинения смерти другому лицу с другой формой вины - по неосторожности (ст. 26 УК РФ). В данном случае отсутствие неосторожности - это отсутствие вины, а, следовательно, и состава преступления, что позволяет завершить процесс уголовно-правовой квалификации с соответствующим выводом. Если констатируется наличие неосторожности, то в определенной последовательности подлежат решению вопросы о возможности вменения ст. 109 УК РФ. При этом: а) первоначально выясняется наличие оснований для квалификации деяния по ч. 3 данной статьи, т.е. как причинение смерти по неосторожности двум или более лицам; б) при отсутствии таких оснований устанавливается наличие или отсутствие оснований для признания деяния причинением смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2) и в) только потом, при отсутствии и этих оснований решаются вопросы о возможности

квалификации деяния по ч. 1 ст. 109 УК РФ, т.е. как причинение смерти по неосторожности.

В случаях, когда исключается вменение квалифицированного вида убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ), подлежит решению вопрос о возможности квалификации деяния по ч. 1 ст. 105 УК РФ, т.е. как так называемого простого убийства. Раскрывая его признаки, законодатель ограничивается указанием на то, что таковым нужно признавать умышленное причинение смерти другому человеку. Недостатками этой формулировки является не только то, что она должна быть дополнена признаком противоправности, но и то, что игнорирует различия между общим понятием убийства и понятием простого убийства. Умышленное причинение смерти другому человеку подразумевается при любом виде убийства, и с этой точки зрения данная формулировка есть определение общего понятия убийства. Будучи разновидностью убийства, простое убийство должно включать в себя не только что-то общеобязательное, но и что-то дополнительное, отличительное.

Простое убийство - это убийство, совершенное, в частности, одним лицом (без признаков группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группой), в отношении одного потерпевшего (без признаков двух или более лиц), способом, лишенным признаков общеопасности и жестокости, при обстоятельствах, не связанных с состоянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, и т.д. На практике в качестве простого убийства квалифицируются случаи лишения жизни, совершенные в драке, ссоре, на дуэли, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти. Простое убийство нередко вменяется также при детоубийстве, ритуальном убийстве и убийстве, осуществляемом с согласия или по просьбе потерпевшего, в том числе медицинскими работниками.

Определение статьи, ее части, предусматривающей ответственность за инкриминируемое деяние, можно считать завершением первого этапа уголовно-правовой квалификации. Это служит, помимо прочего, обязательной предпосылкой для решения вопросов на втором этапе уголовно-правовой квалификации. одна часть таких вопросов, сравнительно небольшая, может быть связана с выяснением наличия признаков состава преступления, формулируемых непосредственно в статьях Общей части УК РФ (например, относительно минимального возраста привлечения к уголовной ответственности по конкретной статье Особенной части УК РФ), другая – с установлением возможности применения ряда

институтов Общей части УК РФ, и прежде всего института соучастия, предполагающего ссылку на ст. 33 УК РФ в случаях, когда деяние лица квалифицируется как организация, подстрекательство или

пособничество совершению преступления. В соответствии со ст. 29 Ук РФ и при квалификации деяния в качестве неоконченного преступления должна быть ссылка, но уже на ст. 30 Ук РФ. Иногда возникает необходимость в определении возможности применения других институтов общей части: обстоятельств, исключающих преступность деяния, множественности преступлений и т.д. Во всех этих случаях должны использоваться свои алгоритмы и стадии уголовно-правовой квалификации.

Список цитируемой литературы:

1. Винокуров В.Н. Жизнь человека как объект преступления: система Особенной части Уголовного кодекса РФ и квалификация деяний // Современное право. 2016. № 12. С. 114-121.
2. Российское уголовное право: учебник: в 2 т. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 11-12.
3. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник / отв. ред. Л.Л. Кругликов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 14.

Сундеева Д.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Шауро И.Г.

Sundeeva D.V., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Shauro I.G.

ПРИЧИНЫ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ФАКТОРЫ, ЕЕ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ

THE CAUSES OF FEMALE CRIME AND THE FACTORS DETERMINING IT

Аннотация.

В статье рассматриваются общие вопросы женской преступности в Российской Федерации, дается анализ причин существования и роста женской преступности, рассматриваемое позволяет понять, что представляет собой в настоящее время, проблема преступности российских женщин, определить общие закономерности и процессы, происходящие в современной женской преступности, особенности изменения ее структуры и динамики, некоторые пути ее предупреждения.

Abstract.

The article examines the general issues of women's crime in the Russian Federation, analyzes the causes of the existence and growth of women's crime, the considered allows us to understand what is currently the problem of crime of Russian women, to determine the general patterns and processes occurring in modern women's crime, the peculiarities of changes in its structure and dynamics, some ways to prevent it.

Ключевые слова: женская преступность, насильственное преступление, причины преступности, корыстная преступность.

Key words: female crime, violent crime, causes of crime, mercenary crime.

Преступность - явление социальное, что позволяет сделать вывод, что причины ее социальны по своему характеру [2, с. 101].Также формулируется определение причин преступности как системы негативных социально - психологических явлений, связанных с противоречиями общества и государства, которые порождают преступность.

По сей день в научных кругах ведутся обсуждения по поводу природы причин женской преступности, в том числе, насильственной. Споры возникают относительно вопроса, является ли женская преступность вызываемой внешними причинами, то есть экзогенной, или же возникающей и развивающийся вследствие внутренних причин – эндогенной.

Часть авторов считает, что причины преступности определяются психологическим, субъективным моментом, дефектами сознания. Такая позиция наиболее четко и последовательно проводится Н.Ф. Кузнецовой, суть этой позиции в том, что ее сторонники единственной причиной преступности и преступлений признают пороки психологии отдельных лиц и социальных общностей, возникающие в результате действия различных объективных, объективно-субъективных социальных факторов, выступающих в качестве условий преступности [2, с. 62]. Данная концепция частично находит отражение в российском законодательстве, которое признает преступным лишь то деяние, которое совершено под контролем сознания, поскольку таковым, по нашему законодательству, признается лишь деяние, совершенное под контролем сознания. И в этом плане дефекты психологии личности можно признать ближайшей (непосредственной) причиной совершенного преступления.

Кроме того, один из основополагающих авторов науки криминологии, Ч. Ломброзо, высказал мнение о психической предрасположенности всех женщин к совершению преступлений. Так, даже случайные преступницы, по его мнению, «обнаруживают, благодаря жизненным условиям, ту долю нравственной извращенности, которая свойственна каждой женщине, которая находится в ней в обыкновенных условиях в скрытом состоянии» [3, с. 193].

В целом женская преступность производится благодаря не просто общим причинами, порождающими всю преступность, но и их преломлением через конкретную среду функционирования и комбинирования особых региональных различий экономического, социального, демографического, психологического развития региона. А.И. Долговой, считает: «Не существует какой-то общей, основной, главной

причины, которая бы исчерпывающе объясняла происхождение преступности в конкретных условиях во всем ее разнообразии» [5, с. 180].

В литературе выделяются примерные перечни обстоятельств, способствующих зарождению и росту женской преступности. Например, профессор Антонян Ю.М. в своей книге «Преступность среди женщин» [1, с. 47] выделил следующие явления:

1) активное участие женщин в общественном производстве;

2) ослабление социальных институтов, и в первую очередь семьи;

3) возросшая напряженность в обществе, возникновение в нем конфликтов и враждебности;

4) рост антиобщественных явлений, таких как наркомания, алкоголизм, проституция, бродяжничество и попрошайничество.

Такие же факторы перечислены в работах В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова, М.М. Гитиновой также сформулирован примерный перечень процессов, происходящих в обществе и оказывающих влияния на женское преступное поведение. Такие процессы, как: вытеснение их из сферы общественного производства и недостатки правового регулирования женского труда; невостребованность на рынке труда молодежи, особенно лиц женского пола; ослабление роли семьи, расслоение общества по материальным, культурным и другим показателям; резкое разрушение стереотипов образа жизни, смена жизненных ориентиров и ценностей; повышенная криминогенность культуры, навязываемая средствами массовой информации; возросшая в обществе напряженность, неуверенность в завтрашнем дне, враждебность, конфликтность; рост антиобщественных явлений (алкоголизм, наркотизм, проституция, бродяжничество среди женщин).

Совершение женщинами преступлений, особенно насильственных, почти всегда по существу чрезвычайное событие, и окружающими они гораздо чаще и более сурово осуждаются за такие антиобщественные поступки, нежели мужчины. Речь идет о подходе С.М. Иншакова о том, что женщина практически не совершает преступлений в нормальных условиях и в условиях, которые можно определить, как незначительное отклонение от нормы. Женщина часто удерживается от скатывания на преступный путь в ситуациях средней степени сложности. Лишь драматическое стечение обстоятельств в большинстве случаев толкает женщину на преступление - при таком стечении жизненных трудностей мужчина падает еще быстрее и еще ниже. Суть данной идеи часто находит свое обоснованное отображение в реальном мире. Виновные преступницы как бы выталкиваются из среды, отвергаются ею, и приобретенное клеймо будет существовать очень долго, а иногда и всю жизнь на ней.

В свою очередь, условия жизни в нашей стране за последнее время нельзя охарактеризовать относительной стабильностью, безопасностью и благоустройством. Такие тяжело переживаемые периоды, как экономический и политический кризис, достаточно негативно сказываются на жизни населения, и это в свою очередь негативно влияет на формирование нравственности отдельных людей, на их моральное состояние и, соответственно, не гарантируют правомерных и положительных реакций на складывающиеся жизненные ситуации и конфликты.

Изменения в государственной и мировой обстановке порождают повышение напряженности в обществе, тревожности людей, а особенно женщин, как наиболее восприимчивых особ. Именно эти явления способны вызвать агрессию со стороны женщин, которая приобретает форму защиты от возможного нападения, внешней угрозы. Вся совокупность этих кризисных явлений, наблюдаемых в нашем мире, в частности, государстве, стимулирует женщин к противоправным поступкам.

Кроме того, состояние общественной безопасности оказывает пагубное влияние на современное состояние нравственности населения, в том числе и женской его части. Напряженность между людьми вызывается конфликтными, нетерпимыми отношениями между людьми. Причиной тому, безусловно, как недостаточный уровень материального состояния населения, так и скудность моральных ценностей, недостаток духовного развития. Наше общество оказалось не готовым к резкому расслоению общества по объему и качеству материального обеспечения и услуг. Что касается материальных благ, одним из основных факторов, обусловливающих женскую преступность, является безработица.

Исключение человека из сферы занятости является потрясением, которое нарушает привычный уклад жизни. Отсутствие заработка не позволяет удовлетворить базовые потребности человека в еде, одежде и т.д. Однако материальная проблема не единственная, с которой сталкиваются безработные. Потеря работы - это стресс. Состояние нестабильности порождает чувство незащищённости, тревожности, которые возрастают по мере того, как долго человек не может трудоустроиться. Всё чаще встречается оскорбительное неуважение женщин мужчинами, ошибочно принимаемое последними за проявление равноправия полов. Такая нравственная деградация оставляет отпечаток в сознании женщины, что как следствие может привести к искажению восприятия ею собственной роли в обществе. Переняв на себя мужские качества, женщина склонна неадекватно переосмыслять свое поведение, стирая из сознания некоторые духовные ценности. Переживания вроде чувства вины, стыда за содеянное, осмысление своих поступков перестают существовать в жизни женщины.

Ей становится трудно осознать, где грань между дозволенным и недозволенным, достойным и недостойным, присущим нравственно обогащенной женщине или постыдным для нее.

Женщина перестает считать чуждым агрессивное применение силы и власти по отношению к другим лицам. Более того, обыкновением является формирование женщины-преступницы в связи с тесным общением с мужчинами-преступниками и подпадание под их негативное влияние. Результатом такого общения становится криминогенное заражение женщин, особенно молодых, усвоение ими негативных установок и стереотипов, приобщение к асоциальному образу жизни и в последствии ведение длительной преступной деятельности.

Современное состояние общественных моральных ценностей, а так же восприятие обществом женщины таким образом, как это подобает цивилизованному развитому обществу, несомненно оказывает огромное влияние на зарождение и рост женской насильственной преступности. Кроме этого, факторами, способствующими росту преступности среди женщин, являются недостатки в сфере организации досуга, низкий культурный, общеобразовательный и профессиональный уровни. Значительное число женщин-преступниц больны наркоманией и алкоголизмом, для многих характерна утрата семейно-родственных связей.

Отсюда следует, что вторым, немаловажным явлением, влияющим на женскую насильственную преступность, является ослабление социальных институтов, и в первую очередь семьи. Тяжелое положение женщины зачастую складывается в связи с необходимостью совмещать свою профессиональную деятельность с исполнением семейных и материнских обязанностей.

Неизбежны такие проблемы, как оказание недостаточное внимание воспитанию детей, отсутствие бытовых услуг государственных предприятий, ограниченный досуг, накопленная усталость по причине постоянного исполнения бытовых обязанностей по дому. Особенно актуальны данные обстоятельства для матерей-одиночек. В результате женщина все время работает с перегрузками, постоянно испытывает нервное напряжение. При длительном протекании жизни в подобных условиях неотвратимо образование у женщины психической травмы, проявляющееся в высокой тревожности, состоянии дезадаптации, утеря ценностей. Женщина перестает сохранять спокойствие и уравновешенность, проявляет агрессию и негативное отношение к окружающему миру, перестает дорожить семьей, работой, начинает вести антиобщественный образ жизни.

Имеет место и обратная сторона данного обстоятельства. Поддаваясь слабостям психики, женщины наиболее остро реагируют на

любые неблагоприятные процессы, угрожающие семье и особенно детям. Стремясь оградить себя и своих близких от физической угрозы, женщина способна совершить насильственное преступление. Довольно часто в судебной практике встречается случай переоценки женщиной серьезности напряженной ситуации по причине высокой восприимчивости и уязвимости. Женщины особенно чувствительны ко всякого рода угрозам, попыткам снизить их социальный статус, мнимым или действительным обидам, более пугливы, чаще и легче поддаются страху и тревоге. Особенно типично совершение убийства женщиной мужа или сожителя, проявляющего враждебность и злость или угрожающего жизни женщины или ее ребенка, нередко на систематической основе и в состоянии алкогольного опьянения. Женщина, которой овладела тревога, совершает насильственное преступление и тем самым, осуществляет ни что иное, как неправомерную форму защиты.

Специфические причины женской преступности лежат в первую очередь в искаженной морально-волевой установке личности женщин. Для них типичны определенные свойства личности и потребности: повышенная чувствительность в межличностных отношениях, стремление к совершенству, демонстративность; предрасположенность к психопатии и неврастении, снижение проявления волевых качеств в опасных условиях; стремление к комфорту в быту, к обладанию предметами личного обихода, особо модной одеждой и тому подобное.

Перечисленные свойства личности и потребности женщин часто приводят к искаженному самосознанию; существенному ослаблению влияния на них таких социальных институтов, как семья, культура, образование; к чрезмерному и неестественному проявлению агрессии со стороны женщин; к особому восприятию ими возросшей напряженности в обществе; к росту женского алкоголизма, наркомании, проституции. Все эти факторы оказывают отрицательное криминогенное воздействие на поведение женщин.

Подводя общий итог о причинах преступности женщин, нужно сказать, что в их основе лежит социальный характер, а также отличительные черты женской психики. Причины преступности тесно связаны с противоречиями общественного развития, с уровнем нравственности населения и благоприятных для жизни условий в целом.

Список цитируемой литературы:

1. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М.: Рос. право, 1992. 252 с.
2. Криминология. Учебник / под ред. В.В. Орехова. СПб.: Издательство С.Петербургского университета,1992. 216 с.

3. Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. Ставрополь, 1991. 223 с.
4. Курс советской криминологии / под ред. В.Н. Кудрявцева и др. М.: Юридическая литература,1985. 416 с.
5. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 368 с.

Талалина Ю.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Talalina Y.V., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

RESPONSIBILITY FOR EVASION FROM SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT

Аннотация.

В статье поднимается проблема правовой регламентации уголовной ответственности за уклонение от отбывания такого вида наказания, как ограничение свободы. Указывается на недопустимость решения одних и тех же ситуаций различными способами, что свидетельствует о нарушении идеи справедливости при отправлении правосудия. На этом основании предлагается собственное видение решения проблемы, что находит соответствующее подтверждение в выводах, сформулированных по итогам проведенного исследования.

Abstract.

The article raises the problem of legal regulation of criminal liability for evasion from serving such a type of punishment as restriction of freedom. It is pointed out that it is unacceptable to solve the same situations in different ways, which indicates a violation of the idea of justice in the administration of justice. On this basis, we propose our own vision of solving the problem, which finds appropriate confirmation in the conclusions formulated based on the results of the study.

Ключевые слова: ограничение свободы, наказание, лишение свободы, уклонение, замена, совокупность приговоров.

Keywords: restriction of freedom, punishment, deprivation of liberty, evasion, substitution, set of sentences.

На сегодняшний день в Уголовном кодексе Российской Федерации устанавливается ответственность за уклонение от двух видов наказаний. В ст. 314 УК РФ речь идет об ограничении и лишении свободы, при этом законодатель не считает общественно опасным уклонение от иных видов наказаний, установленных в ст. 44 УК РФ.

Дело в том, что до 2012 г. ст. 314 УК РФ состояла из одной части, в рамках которой регламентировалась ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы.

Сам факт существования ст. 314 УК РФ в ее прежнем виде не вызывал каких-либо сомнений в силу отсутствия даже теоретической возможности замены наказания в виде лишения свободы на определенный срок другим средством воздействия на уже осужденное лицо. В этой связи появление в статье ограничения свободы, которое может выступать согласно ч. 2 ст. 45 УК РФ как в качестве основного, так и дополнительного наказания, не может не вызывать вполне обоснованных вопросов. При этом установленный в примечании к ст. 314 УК РФ статус данного наказания как дополнительного не только не позволяет дать на них ответы, но и, наоборот, провоцирует возникновение новых проблем. В частности, сложно согласиться с тем, что один и тот же вид наказания, но в различных статусах (основной или дополнительный) может служить причиной принципиально различных правовых последствий для лица, который виноват по сути в одном и том же - уклонении от отбывания наказания в виде ограничения свободы [2, с. 33].

В таких случаях происходит назначение нового наказания и его сложение в порядке ст. 70 УК РФ, что обусловлено действующим на момент принятия решения ранее вынесенного обвинительного приговора суда. С учетом того, что на момент реализации ограничения свободы лицо уже должно частично или полностью отбыть наказание в виде лишения свободы, то злостное уклонение от его исполнения повлечет за собой сложение (в случае частично отбытого лишения свободы), а не замену. Либо ситуация при полностью отбытом наказании в виде лишения свободы или принудительных работ повлечет за собой самостоятельное наказание опять же указанных

видов, которые в порядке ч. 4 ст. 69 УК РФ должны будут складываться.

Применение положений ст. ст. 69, 70 УК РФ всегда влечет за собой ухудшение положения лица, совершившего преступление, причем ухудшение обусловленное именно сложением нескольких видов наказаний, а не заменой одного на другое.

Однако вряд ли в нашем случае можно вести речь о какой-либо повышенной опасности лица, уклоняющегося от дополнительного наказания в виде ограничения свободы, по сравнению с такими же действиями, но применительно к этому же наказанию уже в статусе дополнительного. В то же время у правоприменителя практически не остается выбора кроме как применять заведомо более жесткие правила, указанные в рамках ст. 70 УК РФ. Между тем именно такое формулирование законодательного предписания, направленного на решение данного вопроса, применительно к рассматриваемому случаю позволяет подойти к его практической реализации максимально неоднозначно, когда одна и та же фактическая ситуация будет решена принципиально различным образом.

Таким образом, в одном случае будут применяться правила сложения, а в другом -назначаться новое наказание (как правило, в виде лишения свободы) как за вновь совершенное преступление без учета оставшейся не отбытой части наказания. При этом в третьем случае, когда уклонение происходит от ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида, может произойти только замена (а не назначение) одного наказания на другое.

В то же время судам не остается ничего другого кроме как действовать в рамках тех возможностей, которые ему даны на законодательном уровне, что находит соответствующее подтверждение и в конкретных решениях.

Таким образом, складывается довольно парадоксальная ситуация, когда принимаемые судами решения при безусловном их соответствии началу законности явно не отвечают требованиям справедливости и целесообразности.

Решение проблемы, как представляется, лежит в плоскости деятельности законодателя, способного вмешаться в существующее положение вещей и уравновесить идеи законности и справедливости в ходе применения ст. 314 УК РФ. Для этого требуется исключение на официальном уровне самой возможности тройного отношения к уклонению от отбывания ограничения свободы как к виду наказания и двойного отношения к нему, когда оно применяется в статусе

дополнительного. В целях реализации такого подхода необходима трансформация ст. 314 УК РФ, влекущая за собой исключение из ее содержания ч. 1 и, соответственно, возврат к предыдущей редакции нормы [1].

Криминализации таким образом подлежит лишь уклонение от лишения свободы как наиболее строгий вид наказания, замена которого на другой вид по сути невозможна. Собственно, исключительность в этом плане лишения свободы на определенный срок и послужила основанием для установления самостоятельной уголовной ответственности за уклонение от данного наказания. Все остальные меры карательного воздействия вполне могут быть заменены как раз лишением свободы (либо иным, более строгим по отношению к тому виду наказания, от которого происходит уклонение), что, собственно, и демонстрируется законодателем в соответствующих статьях Уголовного кодекса.

В свою очередь исключение самостоятельной ответственности за уклонение от ограничения свободы (как дополнительного наказания) автоматически его уравновесит с другими средствами воздействия, уклонение от которых традиционно влечет за собой замену одного вида на другой - более строгий вид наказания. Декриминализация ч. 1 ст. 314 УК РФ должна повлечь за собой и трансформацию ч. 5 ст. 53 УК РФ в части правовой регламентации ответственности за уклонение от ограничения свободы, назначенного как в качестве основного, так и дополнительного наказания [1].

Полагаю, равнозначный подход к данному виду наказания вне зависимости от его статуса, а также формальное закрепление принципиально единой позиции относительно ответственности за уклонение от отбывания того или иного наказания необходимы для обеспечения идеи справедливости, соблюдение которой требуется в ходе применения уголовного закона.

При этом различия в деталях реализации ответственности за уклонение, безусловно, должны сохраняться. Вопрос необходимо ставить о формировании единого подхода, которому должна соответствовать реакция правоприменителя при решении вопроса о пределах ответственности за такое общественно опасное деяние, как уклонение от исполнения ранее назначенного наказания.

Список цитируемой литературы:

1. Архив Сыровского городского суда Нижегородской области за 2015 г. Уголовное дело № 1-106/15.

2. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001. 38 с.

Талалина Ю.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Talalina Y.V., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

PROBLEMS OF INVESTIGATION OF CRIMES FOR EVASION FROM SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT

Аннотация.

Рассматриваются вопросы, связанные с исследованием практики исполнения уголовных наказаний без изоляции осужденных от общества. Особое внимание отводится анализу проблем определения злостного уклонения от отбывания наказания. Делается вывод о несоответствии уголовного закона в этой части принципам уголовного и уголовно-исполнительного права. Выявлены общие критерии злостного уклонения от отбывания наказания, сформулирована точка зрения о необходимости исключения из уголовного и уголовно-исполнительного законодательства понятия «злостное уклонение», сохранения понятия «уклонение от отбывания наказания» и закрепления в Уголовном кодексе его признаков. Предлагается криминализировать случаи уклонения от отбывания наказания как самостоятельного состава преступления с назначением нового наказания.

Abstract.

The issues related to the study of the practice of execution of criminal penalties without isolation of convicts from society are considered.

Special attention is paid to the analysis of the problems of determining malicious evasion from serving a sentence. The conclusion is made about the inconsistency of the criminal law in this part with the principles of criminal and penal enforcement law. The general criteria of malicious evasion from serving a sentence are revealed, the point of view is formulated on the need to exclude the concept of "malicious evasion" from criminal and penal enforcement legislation, to preserve the concept of "evasion from serving a sentence" and to consolidate its features in the Criminal Code. It is proposed to criminalize cases of evasion from serving a sentence as an independent corpus delicti with the appointment of a new punishment.

Ключевые слова: уголовное наказание, уклонение от отбывания наказания, срок наказания, кара, исправительное воздействие.

Keywords: criminal punishment, evasion from serving a sentence, term of punishment, punishment, corrective action.

Практика деятельности уголовно-исполнительных инспекций показывает, что назначенное судом наказание не исполняется осужденным ввиду ряда обстоятельств, к которым необходимо отнести и неэффективную работу должностных лиц, и отсутствие результативных нормативно закрепленных регуляторов поведения лиц, отбывающих наказание, и нежелание осужденного исполнять возложенные на него ограничения. Решить эти проблемы только уголовно-правовыми средствами невозможно, однако они, по нашему мнению, являются отправной точкой для построений эффективной системы государственного реагирования на все случаи неисполнения приговора. Следует согласиться с позицией С. И. Ивановой, отмечающей, что такие нормативные предписания служат необходимым атрибутом самообеспечения уголовного законодательства, без которого выносимые судами обвинительные приговоры превратились бы в «пустое сотрясение воздуха» [1, с.12].

Уклонение от отбывания наказания - весьма серьезное посткриминальное правонарушение, которое вызвано новым конфликтом лица, отбывающего уголовное наказание, с законом [3, с. 570]. Ряд авторов отмечают, что уклонение от отбывания уголовного наказания несет высокую общественную опасность, которая «заключается в его вредоносности, т. е. в способности причинять вред интересам правосудия, а именно в том, что виновный стремится избежать кары, а также в прецедентности, состоящей в возможности

повторений подобного рода деяний как самим виновным, так и иными лицами. Суммарный эффект вредоносности и прецедентности уклонения от отбывания уголовного наказания состоит в том, что не реализуется уголовная ответственность». Добавим еще и то, что причиняется вред не только интересам правосудия, но и обществу в целом, так как неправомерное поведение осужденного порождает неверие граждан в эффективность исполнения уголовных наказаний, что ведет к снижению авторитета правоохранительных органов и судебной системы, а также подрывает принцип неотвратимости уголовной ответственности, который не имеет нормативного закрепления, но следует из ч. 1 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) и хорошо известен судебной практике и науке уголовного права.

Для государства в лице правоохранительных органов такое неправомерное поведение является сигналом, что цели наказания не достигнуты и не будут достигнуты, осужденный не сделал соответствующих выводов, и в результате у него возникает чувство безнаказанности [5, с.74].

Относительно юридической природы уклонения от отбывания наказания у ученых-правоведов нет единой позиции.

Большинство из них придерживаются позиции, что ответственность за уклонение от наказания зависит от вида уголовного наказания и квалифицируется в УК РФ как преступление либо проступок (уголовное правонарушение). В первом случае речь идет о побеге из места лишения свободы (ст. 313 УК РФ), а также уклонении от отбывания наказания (ч. 2 ст. 314 УК РФ), которые признаются самостоятельными преступлениями (гл. 31 УК РФ) со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами: необходимостью возбуждения уголовного дела, судебного рассмотрения, постановления приговора суда, обеспечения права обвиняемому на защиту. Во втором - это злостное уклонение от отбывания обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы (как основной вид наказания), за которые привлекаются к ответственности в упрощенном (регламентированном в Общей части УК РФ (ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53)) порядке в виде замены первоначального наказания на более строгое [5, с. 74].

При этом уклонение от отбывания наказания рассматривается как правонарушение, имеющее свои объективные и субъективные признаки. Необходимо согласиться с позицией В. М. Степашина, утверждающего, что практически всеми авторами не проводится

разграничение между «злостным уклонением» и «уклонением» от отбывания наказания.

Действительно, деления на «злостное уклонение» и «уклонение» не проводится, что, на наш взгляд, имеет принципиальное значение для определения юридической сущности исследуемого института. В соответствии с логикой «злостное уклонение» несет повышенную общественную опасность по сравнению с «уклонением» от отбывания наказания. Но в уголовном законодательстве демонстрируется противоположная позиция.

Злостное уклонение осужденного от наказания, не связанного с изоляцией от общества, понимается как уголовный проступок, а уклонение от отбывания лишения свободы - как преступление, при этом в первом и во втором определениях имеются как объективные, так и субъективные признаки уголовного правонарушения. В данном случае отсутствует какая-либо логика.

Отметим, что ни уголовное законодательство, ни уголовно-исполнительное законодательство не устанавливают признаки злостного уклонения от отбывания наказания, а только определяют ответственность осужденного за данное уголовно-правовое правонарушение.

Следующим актуальным моментом, связанным с уклонением от отбывания наказаний без изоляции осужденного от общества, является разграничение понятий «нарушение порядка и условий отбывания наказания» и «уклонение от отбывания наказания». Какое из этих понятий относится к уголовному праву, а какое к уголовно-исполнительному?

Предметом уголовно-исполнительного права является регулирование общественных отношений, возникающих при исполнении и отбывании всех видов уголовного наказания [4, с. 11]. Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде дисциплинарных взысканий.

В юридической литературе предлагается выделять две группы мер взыскания в зависимости от степени тяжести правонарушений. К первой относятся взыскания, применяемые к осужденным, как правило, за единичные проступки. Они не влекут длительного изменения правового положения осужденного и выражается лишь в единовременном лишении какого-то права. Взыскания, относящиеся ко второй группе, связаны с изменениями условий отбывания наказания осужденных от лучшего к худшему [6, с.21]. Взыскания

первой группы налагаются администрацией органа, исполняющего наказания, а взыскания второй группы - по решению суда.

В предмет уголовного права входят общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступления, а также отношения по поводу назначения виновным наказаний. Уголовный кодекс устанавливает, какие деяния признаются преступлениями.

Именно Уголовный кодекс формулирует, что уклонение от отбывания наказания есть преступление (ст. 314 УК РФ), а Уголовно-исполнительный кодекс определяет, что является нарушением порядка и условий отбывания наказания и устанавливает дисциплинарную ответственность за данные нарушения (ст. 58 УИК РФ).

Наиболее четко данная позиция прослеживается при регулировании исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы.

В частях 1 и 2 ст. 116 УИК РФ закрепляется, что является злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания, а в ч. 3 этой же статьи определяется порядок признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания лишения свободы. Статья 115 УИК РФ устанавливает меры взыскания, применяемые к осужденным к лишению свободы, определяя при этом, что перевод в помещения камерного типа и в единые помещения камерного типа применяется только к осужденным, признанным злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, остальные же взыскания могут применяться ко всем осужденным. Меры взыскания, определенные в данной статье, относятся к взысканиям первой группы.

Взыскания второй группы, которые применяются только к злостным нарушителям, определены в ч. 4 ст. 78 УИК РФ и связаны с изменением вида исправительного учреждения.

В рассмотренных статьях уголовно-исполнительное законодательство четко определило, какие действия признаются злостными нарушениями установленного порядка отбывания наказания, кто признается злостным нарушителем, а также меру ответственности за данные правонарушения.

Уголовное законодательство констатирует, что невозвращение осужденного, которому был разрешен выезд за пределы исправительного учреждения (ч. 2 ст. 314 УК РФ), а также побег из мест лишения свободы (ст. 313 УК РФ) являются пенитенциарными преступлениями, и в этих случаях осужденные привлекаются к уголовной ответственности с применением ст.ст. 18 и 70 УК РФ, т. е. неотбытый срок наказания увеличивается, а также может быть

изменен вид исправительного учреждения, в котором осужденный отбывал наказание в момент совершения данных деяний.

При исполнении уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества законодатель четко не разграничил «нарушение порядка и условий отбывания наказания» и «уклонение от отбывания наказания».

В части 1 ст. 46 УИК РФ определено, что является нарушением порядка и условий отбывания наказания, а в ч. 2 устанавливается ответственность за данные правонарушения. Именно данная норма вызывает критику, так как в ней указано, что за нарушение порядка и условий отбывания исправительных работ уголовно-исполнительная инспекция может предупредить осужденного в письменной форме о замене исправительных работ другим видом наказания, а также обязать его до двух раз в месяц являться в уголовно-исполнительную инспекцию. В части 3 ст. 46 УИК РФ установлено, что злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный, допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме.

Признаки признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания недостаточно ясны. Предположим, что осужденный «Х» в течение первого месяца отбывания наказания нарушил порядок и условия отбывания наказания и был предупрежден в письменной форме. Повторное нарушение он допустил через один год и два месяца. Можно признать его злостно уклоняющимся от отбывания наказания или нет? С формальной точки зрения - можно, это определено в ч. 3 ст. 46 УИК РФ, но исходя из аналогии исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы - нет, так как злостно уклоняющимся от отбывания ограничения свободы признается осужденный, повторно допустивший нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предупреждения (п. а ч. 4 ст. 58 УИК РФ).

Необходимо отметить, что в уголовно-исполнительном законодательстве очень узко представлены меры взысканий за нарушение порядка и условий отбывания уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества. Складывается парадоксальная ситуация: должностное лицо, несущее ответственность за исполнение того или иного судебного решения, порой не имеет возможности применить меры воздействия к нарушителю порядка и условий отбывания наказания ввиду их отсутствия.

В юридической литературе отмечается отсутствие действенного механизма привлечения к ответственности осужденных, нарушающих порядок отбывания уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества, утверждается, что основной причиной этого является несовершенство действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующего основания и порядок привлечения к ответственности указанной категории лиц [7, с. 261].

Выходом из сложившейся ситуации может быть привлечение осужденных, нарушивших порядок и условия отбывания уголовных наказаний без изоляции от общества, к административной ответственности (например, в виде административного ареста). Другим вариантом решения проблемы может выступать возложение на них обязательных или исправительных работ, дополнительных ограничений (обязанностей), таких, например, как при исполнении наказания в виде ограничения свободы.

Понятие злостного уклонения от отбывания наказаний без изоляции от общества необходимо исключить из уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, оставить только уклонение от отбывания наказания и закрепить в Уголовном кодексе его признаки.

Позволим себе высказать авторскую позицию по поводу признаков уклонения от отбывания наказаний без изоляции осужденного от общества. К таким признакам необходимо отнести:

- отказ осужденного от отбывания наказания;
- убытие с места жительства осужденного без уведомления органа, исполняющего наказания;
- отказ осужденного от использования в отношении него технических средств надзора и контроля;
- совершение повторного нарушения злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания.

Указанные признаки должны быть закреплены в статье Особенной части Уголовного кодекса, именно эти признаки указывают на то, что осужденный совершает новое посткриминальное деяние, которое несет высокую общественную опасность, заключающуюся в его вредоносности, т. е. в способности причинять вред интересам правосудия, а именно в том, что виновный стремится избежать кары за совершенное преступление.

Уклонение от отбывания наказаний без изоляции осужденного от общества необходимо рассматривать как преступление, имеющее свои субъективные и объективные признаки, наличие которых

позволит государству в лице правоохранительных органов и суда привлечь осужденного, не желающего выполнить возложенные судом ограничения, связанные с уголовным наказанием, к ответственности.

Рассмотрим данные признаки.

Родовой объект - общественные отношения, обеспечивающие нормальную реализацию интересов правосудия, т. е. тот же объект, который охраняется нормами гл. 31 УК РФ; непосредственный - общественные отношения, обеспечивающие интересы правосудия, которые состоят в неисполнении судебного решения в виде уголовного наказания без изоляции осужденного от общества.

Объективная сторона - деяние в форме действия или бездействия, выразившиеся в невыполнении требований закона. Таким образом, по признаку объективной стороны все данные правонарушения являются материальными составами.

Субъект преступления - специальный. Это осужденный, т. е. лицо, признанное виновным в совершении преступления приговором суда, которому назначено уголовное наказание без изоляции его от общества.

Субъективная сторона характеризируется виной в форме прямого умысла. Виновный осознает, что не исполняет требования приговора, т. е. общественную опасность своих действий, предвидит наступление последствий в виде неисполненного приговора и желает их наступления.

Разделение двух институтов регулирования исполнения уголовных наказаний и отнесение их к различным отраслям права («нарушение порядка и условий отбывания наказания» - к уголовно-исполнительному праву; «уклонение от отбывания наказания» - к уголовному праву) позволит повысить эффективность применения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, исключит излишнюю криминализацию деяний и увеличит предупреждающее воздействие уголовно-правовых положений. Помимо этого, будет просматриваться усиление нравственного воздействия уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, дальнейшая их гуманизация, появится возможность применения мер предупредительно-профилактического характера через привлечение осужденных к административной ответственности, а также снижение социально-негативных личностных качеств в связи с отбыванием наказаний в местах лишения свободы.

Список цитируемой литературы:

1. Иванова С. И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 12.
2. Степашин В. М. Понятие и признаки злостного уклонения от отбывания наказания как основания замены наказания более строгим // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (41). С. 200.
3. Тарханов И. А. Уклонение от наказания как вид уголовного правонарушения: дискуссионные вопросы юридической природы // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы. 2018. С. 570.
4. Уголовно-исполнительное право : учеб. для юрид. вузов / А. С. Михлин [и др.]; под ред. В. И. Селиверстова. 2-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. С. 11.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. В. В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. Омск: ОмА МВД России, 2016. С. 74.
6. Федяев А.Е. Меры взыскания, применяемые в исправительных учреждениях: учеб. пособие. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2018. С. 21.
7. Шевелева С. В., Байбарин А. А. Интроспекция наказания в виде обязательных работ через призму уголовно-правового принуждения // Модернизация в России. 2012. С. 261.
8. Шихвердиев В. А. Сущность уклонения от отбывания наказания // Уголовное право. 2006. № 3. С. 88.

Татарина А.М., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Tatarina A.M., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ. ЦЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ

CRIMINAL LIABILITY OF MINORS. OBJECTIVES AND POSSIBILITIES OF RELEASE FROM PUNISHMENT

Аннотация.

В данной статье проанализированы нормы, регулирующие виды и особенности уголовной ответственности несовершеннолетних. Установлены правовые аспекты уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Проанализирована возможность, когда несовершеннолетний может быть освобожден от наказания

Abstract.

This article analyzes the norms governing the types and features of criminal liability of minors. The legal aspects of criminal liability and punishment of minors are established. The possibility is analyzed when a minor can be released from punishment

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, уголовная ответственность несовершеннолетних, освобождение от наказания, освобождение от наказания несовершеннолетних

Keywords: juvenile delinquency, criminal liability of minors, release from punishment, release from punishment of minors

Уголовно - правовая политика России базируется на основе специализированного подхода к реализации уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, совершивших преступления.

На протяжении всего исторического пути Россия сталкивалась с проблемой детской и подростковой преступности, а также с беспризорностью и безнадзорностью, которые выступали детерминантами преступности несовершеннолетних. В связи с этим на современном этапе очень важно показать гуманную государственную политику в сфере уголовной ответственности несовершеннолетних и назначения им наказаний.

Прежде чем рассматривать специфику уголовной ответственности несовершеннолетних, необходимо обратиться к общему понятию уголовной ответственности, ее сущности и содержанию.

Под уголовной ответственностью следует понимать основанное на уголовно-правовых нормах осуждение лица, совершившего преступление, содержащееся в приговоре суда и выражающееся в лишениях и ограничениях правового статуса личности.

Среди ученых, изучающих вопрос уголовной ответственности в целом и особенностей уголовной несовершеннолетних в частности, существовало и по сей день существует довольно большое количество теорий относительно происхождения и содержания понятия «уголовная ответственность». Так, существует позиция, согласно которой уголовная ответственность понимается, как некая обязанность лица, совершившего преступление.

Целями реализации уголовной ответственности несовершеннолетних должны быть их исправление и воспитание, защита от негативного влияния со стороны взрослых лиц. Реакция государства на преступление несовершеннолетнего должна быть выражена не столько в карательном воздействии на него, сколько в коррекции социального окружения и устранении последствий его недостаточной социализации.

К числу целей уголовной ответственности относят предупреждение преступлений - то есть попытку удержать лицо, совершившее преступление ранее, от совершения преступлений в будущем путем применения к нему специальных средств, а также охрану общественных отношений - согласно ст. 2 УК РФ наиболее ценные общественные отношения становятся объектом уголовно-

правовой охраны, в связи с чем обеспечиваются строгими мерами. Данные цели неотделимы друг от друга, являются взаимосвязанными.

Целями уголовной ответственности являются восстановление нарушенной преступлением социальной справедливости, исправление осужденного и предупредительное воздействие на лиц, совершивших или способных совершить преступные деяния. Такое представление об уголовной ответственности позволяет рассматривать ее в двух аспектах - как предусмотренную в законе специальную меру уголовно-правового характера и как акт правоприменительной деятельности суда.

По общему правилу условием наступления уголовной ответственности физического лица является достижение им установленного законом возраста. Закрепление уголовным законом возрастных признаков призвано обеспечить привлечение к уголовной ответственности только тех лиц, которые по уровню своего развития в состоянии осознать недопустимость под страхом уголовного наказания совершать общественно опасные деяния. Возраст уголовной ответственности устанавливается на момент совершения преступления, а не на момент привлечения лица к уголовной ответственности. Таким образом, недостижение установленного законом возраста к моменту совершения преступления полностью исключает уголовную ответственность [4 с. 48].

Между тем в юридической литературе указывается, что целостного учения о возрасте в науке не сложилось, хотя научная и практическая потребность, в том числе для целей уголовного права, подчеркивается. Теория уголовного права также не выработала единого понимания такого признака состава преступления, как возраст. Понятие «возраст» в уголовном праве базируется на общем понимании возраста и на теоретических разработках психологии и социологии [5 с. 5].

Р. И. Михеев сформулировал наиболее емкое понятие возраста, определяемого в широком и узком смыслах. В широком смысле он определяет возраст «как календарный период, прошедший от рождения и до любого хронологического момента в жизни человека; в узком смысле — как такой календарный период психофизиологического состояния в жизни человека, с которым связаны специфические медико-биологические, социально-психологические и правовые изменения».

Что касается юриспруденции, то в действующем законодательстве различается возраст гражданской дееспособности и деликтоспособности, возраст уголовной и административной

ответственности, брачный, трудовой, пенсионный, призывной и др. Это связано с тем, что при установлении возрастных границ в той или иной отрасли права учитываются такие критерии, как характер регулируемых общественных отношений и уровень социализации личности [2 с. 26].

Интересно отметить, что в зарубежных странах также проводится дифференциация объема уголовной ответственности в зависимости от возраста, основанная на исторических и культурных традициях. Так, британская судебная практика и доктрина всегда исходили из того, что ребенок в возрасте от 10 до 14 лет может быть обвинен в совершении преступления только в том случае, когда обвинение без всяких разумных сомнений докажет, что в его действиях присутствуют оба элемента преступления.

Несовершеннолетние рассматриваемого возрастного периода обладают рядом психофизических особенностей, к числу которых относят повышенную эмоциональность, неустойчивость поведения, незрелость мышления как результат недостаточного опыта и знаний, склонность к подражанию и фантазии, самовнушение и др.[3 с. 71]

Итак, на основании вышеизложенного приходим к выводу, что общий возраст наступления уголовной ответственности с 16 лет является достаточным, так как к этому возрасту несовершеннолетний достигает того уровня психофизического развития, который позволяет осознавать в полной мере не только общественно опасный характер своих действий, но и последствия таких действий.

Список цитируемой литературы:

1. Быстров В. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних в России и за рубежом // Молодой ученый. 2016. № 8.1. С. 3-5.
2. Комарницкий А. В. Уголовный закон и несовершеннолетние: монография. СПб., 2012. С. 87.
3. Лукьянчиков Е. Д. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних. Киев, 1990. С. 4.
4. Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 17.
5. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. СПб., 2018. С. 388.

Телегин М.К., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Telegin M.K., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ ТРАНСПОРТА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

INSURANCE FRAUD: QUALIFICATION PROBLEMS

Аннотация.

В данной статье рассматриваются основные аспекты уголовно-правового содержания такой категории преступления как мошенничество в сфере страхования.

Abstract.

This article discusses the main aspects of the criminal legal content of such a category of crime as fraud in the insurance industry.

Ключевые слова: Мошенничество, страхование, страхователь, страховщик, страховая компания, хищение.

Keywords: Fraud, insurance, policyholder, insurer, insurance company, embezzlement.

Мошенничество возглавляет рейтинг преступлений в страховой сфере, поскольку предполагает посягательство не только на отношения собственности, но и страховые отношения, в основе которых находится имущество. Страховое мошенничество может совершаться как при заключении, так и в процессе выполнения договоров об обязательном или добровольном страховании транспортных средств. Мошеннические действия в сфере страхования могут совершаться всеми субъектами страховых отношений: и

руководителями страховых компаний, и страхователями, и страховыми агентами. Так же активно обсуждаются вопросы, связанные с мошенничеством в страховании транспортных средств.

На современном этапе развития рыночной экономики в Российской Федерации проблема правовой регламентации обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств является крайне важной. Обязательное страхование транспорта становится самым крупным и динамично развивающимся сектором рынка страхования физических лиц. Его суть заключается в том, что страховщик обязуется возмещать ущерб, причиненный жизни, здоровью или имуществу граждан транспортным средством страхователя.

Как показывает практика, количество противоправных деяний, связанных с мошенничеством в сфере страхования транспортных средств, стабильно увеличивается на фоне роста общего числа зарегистрированных преступлений в финансово-кредитной сфере. Кроме того, нельзя не отметить постоянного совершенствования способов данного вида преступных посягательств, для которых характерно определенное территориальное распределение в зависимости от уровня развития системы страхования и количества потенциальных страхователей в конкретном регионе. Особо следует подчеркнуть высокий уровень латентности рассматриваемых противоправных деяний.

Мошенничество в сфере обязательного страхования транспортных средств, как правило, совершается при наличии ряда квалифицирующих признаков. В связи с этим возникает проблема квалификации рассматриваемых противоправных деяний. Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] в Уголовный кодекс РФ введен ряд статей, предусматривающих ответственность за совершение мошеннических действий, в том числе ст. 159.5 УК РФ. Введение в действие данной статьи было вызвано необходимостью разграничить состав преступления, предусмотренный ст. 159 УК РФ «Мошенничество», от других видов мошенничества за совершение которых предусмотрено более мягкое наказание.

В соответствии с ч. 2–4 ст. 159.5 УК РФ квалифицирующими признаками страхового мошенничества является его совершение:

– группой лиц по предварительному сговору;

– с причинением значительного ущерба гражданину;

– лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере;

– организованной группой либо в особо крупном размере [4].

Содержание каждого из квалифицирующих признаков страхового мошенничества достаточно подробно рассмотрено в специальной литературе. Поскольку отношения в страховой сфере являются разновидностью публичных отношений, им в полной мере присущи специфические признаки гражданско-правового характера. Одним из таких признаков является договорный характер данных правоотношений, состоящий в обязательности определения сторон договора – страхователя и страховщика. В связи с этим необходимо разграничивать мошенничество в сфере страхования с другими видами гражданско-правовых отношений по объективным и субъективным признакам [1, с. 68]. Прежде всего это касается злоупотребления правом на страховую выплату.

Если страховщик заключает договор страхования, условия которого заведомо не соответствуют закону, то на основании ст. 10 ГК РФ единственной целью заключения такого договора можно считать причинение вреда другому лицу [2]. При наступлении страхового случая указанные условия делают невозможным осуществление страховой выплаты. В данной ситуации умысел страховщика завладеть страховой премией без реального исполнения обязательств по договору страхования является очевидным, а его действия квалифицируются по ст. 159 УК РФ как мошенничество. Правоприменительной практике известны также случаи, когда правом на страховую выплату злоупотребляет страхователь, совершая одновременное страхование гражданской ответственности в нескольких страховых компаниях. В таких случаях страховщик не отвечает за последствия, наступившие из-за недобросовестных действий страхователя, квалифицируемых по ст. 159.5 УК РФ. Исковые требования страхователя о взыскании со страховщика процентов за пользование чужими денежными средствами и компенсации морального вреда удовлетворению не подлежат. Таким образом, с целью разграничения уголовно наказуемого деяния и гражданско-правового деликта, а именно злоупотребления правом на страховую выплату, необходимо в каждом конкретном случае устанавливать наличие всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159 или 159.5 УК РФ.

Для квалификации противоправного деяния в сфере страхования по ст. 159.5 УК РФ большое значение имеют такие признаки, как объект и предмет мошенничества. Объектом

мошенничества в сфере страхования следует считать правомочия страховщиков по владению, пользованию и распоряжению имуществом, принадлежащим им по праву собственности, а предметом мошенничества в данной сфере является имущество страховщика, выплачиваемое в качестве страхового возмещения. Например, действия лица, получающего страховую выплату за другое лицо по подложным документам, нельзя считать мошенничеством в сфере страхования, поскольку материальный ущерб несет не страховая компания, а физическое лицо. В данном случае противоправное деяние необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ.

Мошеннические действия, в том числе и в сфере страхования, как правило, осуществляются с использованием подложных документов. В рассматриваемых случаях это документы на незаконное получение страховой выплаты. Противоправные деяния, совершенные с использованием подложных документов, квалифицируются по совокупности ст. 159 и ст. 327 УК РФ. Подделка документов сама по себе не является видом мошенничества, поскольку для совершения хищения путем мошенничества необходим обман и злоупотребление доверием. Особый интерес представляют действия страхователя и страховщика, совершенные в соучастии. В случаях, когда указанные лица являются организаторами, подстрекателями либо пособниками, их действия следует квалифицировать по чч. 3–5 ст. 33 УК РФ и по соответствующим пунктам ст. 160 УК РФ.

В заключении можно сделать вывод, что своевременное выявление и пресечение преступлений в страховой сфере в значительной степени зависит от грамотной работы субъектов страхования на всех этапах заключения и исполнения договоров при обязательном взаимодействии со страховой экспертизой, контрольно-ревизионными службами, подразделениями по защите информации и безопасности страховой деятельности.

Список цитируемой литературы:

1. Вершитская Г.В. Особенности правовой квалификации мошенничества в страховой сфере // Вестник Поволжского института управления. 2019. №2. С. 66-71.
2. Гражданского кодекса Российской Федерации. Часть первая: федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 08 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207 // Справочно-правовая система «Консультант». URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 02.02.2022).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Фед. Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 г. (в ред. от 7 апреля 2020 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Толчеев Н.С., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Tolcheev N.S., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

CRIMES AGAINST TRAFFIC SAFETY AND OPERATION OF TRANSPORT

Аннотация.

В статье автор анализирует общественно-опасные деяния, совершаемые при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В публикации содержится ряд научно обоснованных предложений по квалификации данных преступных посягательств, рассматривается специфика составов.

Abstract.

In the article, the author analyzes socially dangerous acts committed in violation of traffic rules and operation of vehicles. The publication contains a number of scientifically sound proposals for the qualification of these criminal assaults, the specifics of the compositions are considered.

Ключевые слова: нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; причинение смерти или вреда здоровью; автомобильный, водный, воздушный, железнодорожный транспорт.

Keywords: violations of the rules of traffic and operation of vehicles; causing death or injury to health; automobile, water, air, rail transport.

Автомобильный транспорт играет важную роль в профессиональной, общественной и личной жизни каждого человека в нашей стране и во всем мире в целом. Нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств довольно часто сопровождаются причинением смерти или вреда здоровью одновременно большому количеству людей, как это происходит на водном, воздушном или железнодорожном транспорте. Однако необходимо учитывать, что по распространенности, тяжести последствий и тенденции ежегодного увеличения их числа дорожно-транспортные происшествия занимают лидирующую позицию. Последние десять лет для Российской Федерации характеризуются крайне высоким уровнем жертв на дорогах: более 300 тыс. Человек погибли и около 2 млн ранены. В процессе дорожного движения в России ежедневно участвуют около 27 млн автомобилей, автобусов, мотоциклов. По уровню автомобилизации (количеству автотранспортных средств на 1 тыс. жителей) Россия значительно отстает от развитых в экономическом отношении стран, а по числу погибших в расчете на10 тыс. транспортных средств значительно опережает их: например, Финляндию - более чем в 5 раз, Швецию - в 7 раз, Японию почти в 6 раз. Ежегодно в России происходит несколько сотен тысяч дорожно-транспортных происшествий, вследствие которых лишаются жизни более 30 тыс. человек и еще большему количеству лиц причиняется вред различной степени тяжести.

Заместитель начальника Департамента обеспечения безопасности дорожного движения МВД РФ Владимир Кузин представил самые последние данные по дорожно транспортным происшествиям с января по май этого года, а также привел статистику по ДТП с 2004 по 2010 г. Благодаря реализации федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 2012 годах» наблюдается устойчивая динамика снижения количества жертв автокатастроф. Несмотря на это, статистика погибших и раненых в авариях остается непомерно высокой. Если в 2004 г. на российских дорогах погибло 34506 человек, то в прошлом году - 27659 участников дорожного движения. Согласно данным Департамента ОБДД МВД России, за первые пять месяцев этого года произошло 63554 ДТП. По сравнению с аналогичным периодом за прошлый год показатель снизился на 3,9 %. Количество погибших с января по май 2010 г. составило 7350 человек (-15,1 %), травмы различной степени тяжести получили 79758 (-3,5 %). В этот же

период произошло 2181 ДТП с участием детей, что на 4,8 % меньше, чем за первые пять месяцев прошлого года. С января по май текущего года количество жертв автокатастроф среди несовершеннолетних (106 человек) по сравнению с аналогичным периодом прошлого года снизилось на 15,2 %. Владимир Кузин подчеркнул, что нарушение правил перевозки людей в автомобилях - одна из главных причин высокого уровня детского травматизма в условиях российского дорожного движения. «В Швеции использование ремней безопасности при перевозке детей стало абсолютно повсеместным еще 10 лет назад. В результате чего уровень детской смертности снизился до 1 %» .Нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств законодателем выделены в отдельную норму уголовного кодекса. Данная норма охраняет два объекта: безопасность движения и эксплуатации на транспорте и жизнь и здоровье человека. Безопасность дорожного движения федеральным законом определяется как состояние данного процесса, отражающее степень защищенности участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий. При разрешении этой категории уголовных дел необходимо иметь ввиду, что на обеспечение порядка и безопасности дорожного движения направлены: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», содержащий как основные принципы обеспечения безопасности дорожного движения, к которым законодатель в первую очередь относит приоритет жизни и здоровья граждан, участвующих в дорожном движении, над экономическими результатами хозяйственной деятельности, приоритет ответственности государства за обеспечение безопасности дорожного движения над ответственностью граждан, участвующих в дорожном движении, так и права и обязанности участников дорожного движения; постановление Совета Министров - Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения».Нарушение правил дорожного движения может заключаться в превышении разрешенной скорости движения, нарушений правил обгона и разъезда, нарушение правил остановки и стоянки, проезда перекрестков, железнодорожных переездов, неправильном маневрировании на дороге.Нарушение правил эксплуатации транспортных средств может выразиться в эксплуатации технически неисправных транспортных средств, в нарушении правил перевозки людей и грузов.

Рассматривая такие уголовные дела, необходимо помнить о сложной форме вины по данным преступлениям. Диспозиция данной нормы уголовного закона говорит о прямом умысле виновного лица на

нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее указанные в статье последствия. На практике имеют место ошибки, связанные с установлением такого умысла. Для зарубежного законодательства характерно в ряде случаев наличие таких уголовных составов, как езда, которая может быть оценена как «общественно опасная езда», что само по себе образует состав (нарушения). И если это является результатом действительно пренебрежения правилами движения, причем пренебрежения, для которого характерен циничный вызов или злостное пренебрежение, и в результате этого целенаправленного, осознаваемого злостного пренебрежения наступает гибель людей. В нашем же законодательстве такая статья отсутствует, что говорит о неполной и недостаточной разработке законодателем гл. 27 уголовного кодекса РФ. Так как для российских автомобилистов подобный стиль вождения является вполне обыденным и стал чуть ли не нормой поведения водителей на отечественных дорогах. Именно по этой причине уровень дорожно-транспортных происшествий в нашей стране остается очень высоким и приводит к большому количеству жертв и пострадавших на дорогах. Появление подобной статьи в российском уголовном законодательстве будет являться стимулирующим фактором для соблюдения общепринятых норм вождения и способствовать улучшению ситуации на дорогах.В редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. в ст. 264 УК РФ были внесены дополнения, устанавливающие уголовную ответственность за деяния, совершенные в состоянии алкогольного опьянения.

1. Нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет или без такового (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ).

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, - наказывается лишением свободы на срок до трех лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет.

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет.

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека, наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет.

5. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, - наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет.

6. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, - наказывается лишением свободы на срок до девяти лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет .

Однако, к сожалению, это не является достаточной мерой наказания за подобные преступления. На наш взгляд, необходимо введение отдельной статьи, предусматривающей уголовную ответственность за сам факт управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, дабы пресечь наступление общественно опасных последствий этого правонарушения. Подобная статья существует в УК ФРГ. Из нее следует, что если водитель находится в состоянии алкогольного опьянения или под воздействием другого одурманивающего средства, то он подвергается уголовному наказанию не только за создание угрозы жизни или здоровью другого человека или чужой вещи, имеющей значительную стоимость, но и за сам факт управления транспортным средством в таком состоянии. Наказание достаточно жесткое - оно связано с реальным лишением свободы. Верховный суд Российской Федерации 9 декабря 2008 г. постановил, что уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст, 264 УК РФ, может иметь место лишь при условии наступления последствий, указанных в этой статье, и если эти последствия находятся в причинной связи с допущенными лицом нарушениями правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, является достигшее 16-летнего возраста лицо, управлявшее автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством, предназначенным для перевозки по дорогам

людей, грузов или оборудования, установленного на нем (п. 1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, далее - Правила). Им признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления указанным видом транспортного средства и получивший соответствующее удостоверение, но и любое другое лицо, управлявшее транспортным средством. В том числе лицо, у которого указанный документ был изъят в установленном законом порядке за ранее допущенное нарушение пунктов Правил, лицо, не имевшее либо лишение права управления соответствующим видом транспортного средства, а также лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением.

Список цитируемой литературы:

1. Алтухов С.А. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: монография. РостовнаДону, 2017. 240 с.
2. Аюпова Г.Ш. О толковании понятия транспортного средства, используемо в статье 264 УК РФ // Правоохранительные органы: теория и практика. 2016. № 1. С. 49-52.
3. Грачева Ю.В. Дополнительные уголовно-правовые меры обеспечения безопасности автотранспорта // Уголовное право. 2015. № 3. С. 10–15.
4. Косарев М.Н. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: состав преступления и вопросы его квалификации (ст. 264 УК РФ): учеб. Пособие. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2016. 92 с.

Угольков И.А., студент
Россия, Московский Государственный Областной
Университет имени Н.К. Крупской, Фрязино

Ugolkov I.A., bachelor student
Russia, Moscow State Regional
University named after N.K. Krupskoy, Fryazino

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

STATE-LEGAL REGULATION OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация.

Статья рассказывает про правовое обеспечение безопасности. Цель определить роль государства в обеспечении национальной безопасности. Уровень безопасности государства должен быть на высоком уровне.

Abstract.

The article tells about legal security. The goal is to determine the role of the state in ensuring national security. The security level of the state should be at a high level.

Ключевые слова: Безопасность, Конституция РФ, государство, Совет безопасности РФ, стратегия.

Keywords: Security, Constitution of the Russian Federation, state, Security Council of the Russian Federation, strategy.

Обеспечение национальной безопасности главная задача России [2, с. 89]. Национальная безопасность влияет на целостность и независимость государства [3, с. 8].

Актуальность темы обусловлена тем, что от национальной безопасности зависит жизнь государства и будущее страны.

Термин «национальная безопасность» придумал Т. Рузвельт в 1904 году. В 20 веке под национальной безопасностью понимали защиту государства от посторонних угроз [2, с. 76]. В США с 1986 года Президент ежегодно обращается к Конгрессу. Была разработана «Стратегия национальной безопасности». Стратегия национальной безопасности РФ - это основной документ, определяющий

национальные интересы и приоритеты РФ [3, с. 54]. Стратегия ставит цели, задачи внутренней и внешней политики [3, с. 13].

Национальная безопасность – это направление ситуации в обществе и его нормальное развитие [3, с. 76]. Данный термин выражается в способности общества предотвращать угрозы [4, с. 87]. В основу национальной безопасности положено три субъекта личность, общество, государство [3, с. 43]. На национальную безопасность влияют географические, исторические, религиозные, психологические, политические, культурные, информационные, этнические факторы [2. с. 76].

Виды национальной безопасности: Военная, Космическая, инновационная, интеллектуальная, психологическая, демографическая, моральная, религиозная, технологическая, природная, интернет-безопасность [3, с. 87]. Национальная безопасность направлена на защиту страны и охватывает все виды безопасности [4. с. 67].

Главный вид государственной безопасности военная [2, с. 87]. Военная безопасность направлена на защиту государственных интересов [4, с. 78]. Под военной безопасностью понимается предотвращение угроз [3. с. 43]. От обеспечения военной безопасности зависит благополучие государства. Военная безопасность включает в себя сохранение военного потенциала [4, с. 65]. Главная задача по обеспечению военной безопасности лежит на Вооруженных силах РФ и на органах безопасности [3. с. 76].

В 90 годы 20 века были приняты нормативно-правовые акты, регулирующие национальную безопасность [2, с. 78]. Было принято больше 30 законов, направленных на успешное функционирование безопасности [4, с. 76]. В 90 годы 20 века термин «национальная безопасность» вошла в российское законодательство [3, с. 76]. Впервые понятие «национальная безопасность» было применено в ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995 года №24 [4, с. 76]. Правое положение национальной безопасности включает в себя правовые документы, содержавшие правовые нормы, которые регулируют отношения в сфере безопасности. 31.12. 2015 года был издан Указ Президента РФ № 683 «О стратегии национальной безопасности РФ [2, с. 43].

Государство должно выработать четкую стратегию национальной безопасности и выделить национальную безопасность в отдельный, и особый вид государственной деятельности [3, с. 78]. Государство гарант безопасности личности [4, с. 65]. Огромную роль в обеспечении безопасности играют правоохранительные органы, потому что на правоохранительных структурах лежит задача по борьбе

с преступностью, терроризмом, коррупцией, защита прав граждан, Укрепление международно-правового сотрудничества [4, с. 87]. В Генеральной Прокуратуре РФ существует Главное Управление по Международно-Правовому сотрудничеству [3, с. 76]. У РФ заключены договоры о выдачи лиц совершивших преступления [3, с. 1].

Стратегия национальной безопасности выдвигает принцип обеспечение безопасности, через установки устойчивого общественного развития. Национальная безопасность приоритет внутренней политики государства и зависит от геополитических факторов глобализации, регионализации, сепаратизма и от географического расположения [4, с. 78]. Реализация национально-политических интересов меняет геополитическую обстановку в стране. Национально-политические интересы государства составляют основу политики национальной безопасности [3, с. 87].

Государство должно быть заинтересовано в обеспечение национальной безопасности [2, с. 78]. Национально-безопасная политика должна все время совершенствоваться. Для этого необходимо 1) Принять геополитическую концепцию развития РФ, отражающую интересы личности, общества, государства [4, с. 78]. Государство должно предвидеть источники и факторы внешних потенциальных угроз [3, с. 7]. 2) Укреплять государственно-правовую базу национальной безопасности. [2, с. 90] 3) Контролировать решения, принимаемые органами власти по совершенству национально-безопасной политики. 4) Постоянный контроль и совершенство Вооруженных сил РФ [3, с. 89].

Угрозы 21 века потребовали изменить стратегию национальной безопасности [3, с. 87]. В течении 10-15 лет сложилась новая система национальной безопасности [4, с. 87]. Усовершенствовалась нормативно-правовая документация национальной безопасности, которая отразилась в ФКЗ РФ [1, с. 78].

В 1992 году вышел Закон «О безопасности». Благодаря закону сформировалась правовая стратегия национальной безопасности. Закон трактует безопасность следующим образом: Безопасность – это состояние защищенности социально-значимых интересов личности, государства, общества [2, с. 87]. Под жизненно важными интересами понимается желания и потребности, удовлетворяющие состояние социальных элементов [4. С. 87]. В законе нету термина «национальная безопасность, но существуют основные признаки [3, с. 87]. Национальная безопасность включает в себя устойчивое развитие общества.

В Конституции РФ говорится про государственную безопасность в статьях ч. 5 статья 13, статья 55 говорит о безопасности государства, ч. 1 статьи 82 о безопасности государственной целостности, Статья 56 Конституции РФ говорит о безопасности граждан [2, с. 98]. В соответствии со статьей 56 Конституции РФ при чрезвычайном положении для защиты конституционного строя и для безопасности граждан могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием срока действия [4, с. 87]. Не могут быть ограничены права на жизнь, на судебную защиту, на честь и достоинство [1, с. 74]. Режим чрезвычайного положения регулируется ФКЗ РФ. Статья 73 Конституции РФ закрепляет термин экологическая безопасность, которая направлена на сохранение растительного и животного мира [2, с. 8]. Статья 71 Конституции РФ устанавливает, что оборона, безопасность, защита границы воздушного пространства, экономической зоны, континентального шельфа находятся в ведении РФ [4, с. 89]. В ведении РФ и субъектов РФ находится борьба с катастрофами, и с чрезвычайными ситуациями, защита этнических общностей и среды обитания [2, с. 98].

Основная задача по обеспечению национальной безопасности лежит на ФСБ РФ, МЧС РФ, МВД РФ, Рос гвардии и на Совете Безопасности РФ, на Федеральном собрании РФ, на органах государственной власти РФ и субъектов, а также на органах местного самоуправления [2, с. 89]. Председателем Совета безопасности является Президент РФ положение о Совете безопасности утверждено федеральным законом [3, с. 87]. Задачи Совета безопасности 1) Проведение государственной политики в области безопасности и контроль, 2) Выявление угроз, 3) Координация органов исполнительной власти субъектов РФ и федеральных органов исполнительной власти по реализации мер по безопасности, 4) Оценка работы исполнительной власти по укреплению безопасности [4. с. 87]. Совет Безопасности РФ организует военное строительство, оборонное производство, военно-техническое взаимодействие РФ с другими странами и развитие международных связей [1, с. 8]. Совет Безопасности играет существенную роль в безопасности страны [4, с. 8]. Совет Безопасности орган стратегического планирования. Органы безопасности играют важную роль в обеспечение национальной безопасности [2, с. 76].

Принципы национальной безопасности РФ: 1) Защита прав граждан, 2) Законность, 3)Применение мер, направленных на обеспечение национальной безопасности [2, с. 7]. Президент РФ определяет основные направления политики безопасности [2, с. 7].

Векторы национальной безопасности 1) Незыблемость конституционного строя, 2) Территориальная целостность защита суверенитета РФ, налаживание стратегических контактов с другими странами, 3) Повышение конкурентоспособности и усиление экономики, 4) Совершенство демократии и гражданского общества, также можно отнести к политической безопасности [4, с. 6].

Основное условие для обеспечения национальной безопасности охрана государственной границы РФ [4, с. 7]. Достижение данной цели происходит путем усиления и увеличения пограничных войск [3, с. 8]. Усиленная пограничная охрана работает на границах с Казахстаном, Украиной, Грузией, Азербайджаном. Наиболее усиленно охраняется Арктическая зона РФ Дальний Восток и Каспий [1, с. 7].

Система национальной безопасности имеет множество взаимосвязанных частей [2, с. 7]. Государство является основным источником обеспечения национальной безопасности [3, с. 7]. Национальная безопасность России поделена на три системы безопасность личности, общественная безопасность, государственная безопасность [4, с. 7]. Существует региональные системы безопасности например безопасность Владимирской, Нижегородской области [4, с. 7]. В структуру безопасности субъектов РФ входят части безопасности муниципальных образований, безопасность городов [1, с. 8]. Устройство национальной безопасности зависит от административно-территориального устройства.

В завершении можно сделать следующий вывод, что национальная безопасность приоритет государственной политики и государственно-значимая и общественная ценность.

Список цитируемой литературы:

1. Кушников В.А. Модель для оценки состояния национальной безопасности России на основе теории системной динамики. М.: Синергия, 2017. 976 с.

2. Никитина Л.К. Законодательное обеспечение национальной безопасности современной России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4. С. 88-89.

3. О военном положении: федеральный конституционный закон от 30 января 2002г. №1-ФКЗ // Российская газета. №105. 02.06.2001г.

4. Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: автореферат дис. на соискание ученой степени доктора юридических наук: М., 2020. 34 с.

Фарафонова О.В.,студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Farafonova O.V., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕТОУБИЙСТВО В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

A HEART SHUTTERED IN MYSTERIES ACHES IN CAPTURE, WOUNDED BEAST IN BLOOD

Аннотация.

Статья посвящена актуальным проблемам установления уголовной ответственности за детоубийство в Англии и Канаде, а также отдельных юрисдикциях США. В статье рассматриваются основные подходы к установлению правовых и этических критериев выделения детоубийства как привилегированного состава преступления против жизни, выработанные в названных уголовно-правовых системах, проводится исторический анализ формирования детоубийства, анализируются сложные вопросы квалификации и разграничения детоубийства со смежными составами преступлений, а также возможные пути реформирования данного преступления.

Abstract.

The modern criminal science knows different basis for the crime of infanticide — some of them are mostly sexiest, others basically medical. The article outlines the elements of infanticide and examines the legislative history from English History of XVII century to its adoption in Canada. It also discusses contemporary discourses on infanticide with particular focus on the application of modern medical science. According to the article the current offence has two issues — requirement of the “disturbed mind” of

the accused and the lack of the casual connection between the disturbed mind and the offence. Reforming of these issues would improve the liability for infanticide.

Ключевые слова: детоубийство, уголовно-правовая система общего права, новорожденный, послеродовое расстройство психики, уголовное право Канады, уголовное право Англии, преступления против жизни, роды.

Keywords: infanticide, Canadian criminal law, newly born, postpartum disorders, English criminal law, homicide, childbirth, lactation.

Детоубийство infanticide) как самостоятельный состав убийства всегда вызывает немало вопросов у юристов, принадлежащих к разным уголовно-правовым системам, которые в первую очередь связа ны с основанием его выделения в привилегированное преступление.

Несмотря на разные законодательные конструкции состава детоубийства, в западных правовых традициях сформировалась четкая тенденция для выделения убийства матерью новорожденного ребенка в самостоятельный состав убийства, за совершение которого предусмотрено более мягкое наказание вопреки, как правило, негативному отношению общественности к подобному законодательному шагу и возложению стигмата морального осуждения на женщин, лишающих жизни своих новорожденных младенцев.

Изучение истории возникновения и развития состава детоубийства позволяет выделить два рациональных основания для его самостоятельного существования — медицинское и социальное. Современные законодательные конструкции детоубийства в английском и канадском уголовном праве исходят из медицинской презумпции, что рождение ребенка и лактация оказывают столь сильное воздействие на психику женщины, что она не может в полной мере осознавать характер совершаемого ею или руководить своим поведением.

Как отметила Х. Аллен, логика медицинской модели женской преступности заключается в том, что «преступное поведение женщины обусловлено ее гормональным статусом. А поскольку контролировать его невозможно, наказывать женщину за такое поведение просто несправедливо».

В Англии Закон о детоубийстве был принят в 1938 г. вместо ранее действовавшего Закона 1922 г. с аналогичным названием. К

сожалению, вместе с названием Закон унаследовал и все те проблемы, которые были связаны с его применением. Примечательно, что во время обсуждения законопроекта в Палате лордов, прозвучало высказывание, что «рассматриваемый вопрос принадлежит одновременно к области права и медицины и в некоторой степени несет в себе сложности, с которыми обе эти сферы связаны».

Однако в том виде, в котором сформулирована норма Закона, устанавливающая уголовную ответственность за детоубийство, медицинского содержания в ней мало, во всяком случае что касается используемой терминологии. Помимо неудачной законодательной конструкции, которую считают существенным недостатком закона, критике подвергается сама концепция смягчения ответственности.

Под детоубийством в уголовном праве Англии и Канады понимают намеренное действие или бездействие женщины, направленное на причинение смерти ее новорожденному ребенку, если в момент совершения преступления она страдала от временного психического расстройства, вызванного родами или кормлением ребенка грудью.

К новорожденному при этом относят ребенка, не достигшего к моменту совершения преступления однолетнего возраста. Привилегированный характер детоубийства, обусловленный особой психотравмирующей обстановкой родов или грудного кормления, проявляется не только в более мягком наказании, предусмотренном за его совершение — незначительный срок лишения свободы, не превышающий 5 лет, общественный приказ, принудительное психиатрическое лечение, но и в процессуальных особенностях уголовного преследования — существует презумпция нахождения женщины в состоянии психического расстройства, бремя опровержения которой лежит на стороне обвинения.

Под детоубийством в уголовном праве Англии и Канады пониюмают намеренное действие или бездействие женщины, направленное на причинение смерти ее новорожденному ребенку, если в момент совершения преступления она страдала от временного психического расстройства, вызванного родами или кормлением ребенка грудью.

К новорожденному при этом относят ребенка, не достигшего к моменту совершения преступления однолетнего возраста. Привилегированный характер детоубийства, обусловленный особой психотравмирующей обстановкой родов или грудного кормления, проявляется не только в более мягком наказании, предусмотренном за его совершение — незначительный срок лишения свободы, не

превышающий 5 лет, общественный приказ, принудительное психиатрическое лечение, но и в процессуальных особенностях уголовного преследования — существует презумпция нахождения женщины в состоянии психического расстройства, бремя опровержения которой лежит на стороне обвинения.

Наряду с детоубийством законодательство исследуемых нами стран предусматривает ряд других преступлений, связанных с умерщвлением плода до или во время родов. Граница между ними и детоубийством проводится по моменту начала жизни, который и в Англии, и в Канаде связывается с полным отделением плода от тела матери.

Умерщвление плода до наступления начала жизни к детоубийству не относится, но в силу подробной законодательной регламентации плод получает должную уголовно-правовую защиту на протяжении всего этапа своего внутриутробного развития — от зачатия и до начала физиологических родов.

Североамериканская уголовно-правовая традиция, как правило, не выделяет детоубийство в качестве самостоятельного привилегированного состава убийства. Как исключение можно привести норму УК штата Миссури, но, как видно из содержания статьи, она не носит привилегированный характер.

Вместе с тем дискуссия о необходимости создания такого привилегированного состава убийства остается открытой для законодателя. Либо, можно предположить, будет сформулировано новое специальное основание защиты. На практике представить себе случаи, которые подпадали бы под действие нормы о детоубийстве, возможно и в настоящее время. Если будет установлено, что в момент совершения преступления женщина страдала определенным психическим расстройством, то в зависимости от тяжести такого расстройства можно будет поставить вопрос либо о ее невменяемости, либо о защите ссылкой на провокацию, которая в уголовном праве США понимается достаточно широко.

Список цитируемой литературы:

1. Allen H. Justice Unbalanced: Gender, Psychiatry and Judicial Decisions. Milton Keynes, 1987.
2. Anand S. Rationalizing Infanticide: A Medico-Legal Assessment of the Criminal Code’s Child Homicide Offence // Alta. L. Rev. 2010. Vol. 47. N 3.

3. A New Homicide Act for England and Wales?: The Law Commission Consultation Paper N 177. L., 2005.
4. Kendall R.E., Chalmers J.C., Platz C. Epidemiology of Puerperal Psychoses // Brit. J. Psychiatry. 1987. Vol. 150. N 5.
5. Maier-Katkin D., Ogle R. A Rationale for Infanticide Laws // Crim. L. Rev. 1993. N 12.
6. Oberman M. Mothers Who Kill: Coming to Terms with Modern American Infanticide // DePaul J. Health Care L. 2004–2005. Vol. 8. N 1.
7. Osborne J. The Crime of Infanticide: Throwing Out the Baby With the Bathwater // Can. J. Fam. L. 1987. Vol. 6.
8. Showalter E. The Female Malady: Women, Madness and English Culture 1830–1980. N.Y., 1985.
9. Spinelli M.G. Maternal Infanticide Associated with Mental Illness: Prevention and the Promise of Saved Lives // Amer. J. Psychiatry. 2004. Vol. 161. N 9.
10. Walker N. Crime and Insanity in England. Vol. 1: The Historical Perspective. Edinburgh, 1968.

Федотов А.Р., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.
Fedotov A.R., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

DIRECTIONS AND FEATURES OF COUNTERING EXTREMIST CRIMES

Аннотация.

В данной статье рассматриваются основные направления деятельности по противодействию преступлений экстремистской деятельности. Предлагаются основные направления профилактических мероприятий по предупреждению преступлений экстремистской деятельности.

Abstract.

This article discusses the main areas of activity for countering crimes of extremist activity. The main directions of preventive measures for the prevention of crimes of extremist activity are proposed.

Ключевые слова: преступность, экстремизм, предупреждение, преступления экстремистской направленности.

Key words: crime, extremism, prevention, crimes of extremist orientation.

Возбуждение ненависти либо вражды по признаку расовой, половой, национальной принадлежности, отношению к религии, либо принадлежности к какой-либо социальной группе – это серьезная угроза для общества и конституционного строя РФ. Примечательными

являются статистически данные, где динамика преступлений прослеживается то в сторону снижения, то в сторону повышения.

Понятие «экстремизм» является многообъектным, поскольку покушается на различные сфере общественных отношений личности, общества и государства, поэтому уголовно-правовое явление экстремизма изучается в различных отраслях права. В большинстве случае экстремизм связан с социально-экономическим состоянием государства.

Превентивные методы предупреждения преступных посягательств экстремистского характера играют ключевую роль в систематизации деятельности государства, направленной на реагирование и выработку государственной политики, регулирующей состояние преступности в сфере экстремистских проявлений.

Главнейший регулирующий орган, которые вырабатывает действенные способы для противодействия преступности экстремистского характера занимается осуществлением необходимой для этого защита общества [4, с. 269].

Хотя, по мнению Б.В. Ястребова, состояние противодействия на современном этапе в целом не способно защитить государство от внешних угроз. Одной из причин стал развал существовавшей ранее действенной системы предупреждений преступности, которая ранее существовала в Советском Союзе [8, с. 24].

Превентивные меры по борьбе с экстремизмом содержат в себе некоторые способы, которые могут воздействовать на неустойчивых лиц. Они сдерживают таких лиц от совершения преступных посягательств экстремистского характера, хотя, безусловно, превенция не является абсолютным методом воздействия, который мог бы снизить процент преступлений. Всё складывается из духовных и морально-нравственных аспектов общества, где происходит развитие человека, особенно лиц молодого возраста, которые по объективные причинам незаконченного процесса социализации и созревания психики, более подвержены совершению преступных посягательств. Предупреждение преступлений направлено на снижение преступности, а также является отдельным элементом социальной профилактики.

В научных трудах говорят о двух направлениях превенции экстремистский посягательств. К примеру, С.Н. Поминов указывает, что противодействие экстремизму нужно понимать в широком и узком смысле. В широком смысле противодействие понимают как систему мер, которые направлены на преодоление субъективных и объективных предпосылок возникновения экстремизма, которые

реализуются целенаправленной деятельностью по устранению или уменьшению факторов, которые способствуют его существованию. В узком смысле – это деятельность, которая направлена на искоренение экстремизма путем выявления и уничтожения причин преступных посягательств экстремистского характера, а также условий, которые способствую совершению такого рода посягательств [5, с. 13].

Указанные определения превенции, разумеется, заслуживают отдельного внимания, но, в субъективные признаки следовало бы записать не только причины и личность преступника, а также и жертву преступного посягательства, ее характеристики, что вкупе даст общие методы по предупреждению преступных посягательств экстремистского характера.

Повышенное внимание следует уделять общесоциальному и специальному предупреждению.

Общесоциальное предупреждений преступности в современной криминологической литературе рассматривается как меры политических, идеологических, экономических и правовых видов, которые ставят перед с тобой специальные задачи по борьбе с преступностью и предупреждение преступных посягательств и проступков, но прежде всего направлены на то, чтобы создать благоприятные условия для развития общества [3, с. 98].

Исходя из вышерассмотренных определений, такой вид говорит об общесоциальных причинах, которые находят отражение в каждой сфере жизнедеятельности человека [6, с.28]. Такие причины являются ключевыми в преступных проявлениях, в том числе и проявлениях экстремистского характера.

Следует отметить, что необходимость государства поддерживать неустойчивых лиц, которые могут стать экстремистами, а также жертвами преступных посягательств экстремистского характера, сомнения не вызывает. При этом поддержка должна быть со всех возможных сфер: быт, образование, занятость, которые не зависят от национальности, расы, либо отношению к религии.

Самый эффективный способ пропаганды позитивных проявлений – это инструмент средств массовой информации. В настоящее время СМИ серьезно могут конкурировать только с глобальной сетью «Интернет». СМИ и сеть интернет рассчитаны на широкий круг людей, и очень быстро и активно доносят информацию для адресата. Представляется важным расширение прав сотрудников Роскомнадзора, МВД и силовых структур для регулирования и фильтрации информации, находящейся в сети интернет. В частности, обязательный запрет необходим на использование сетевого протокола

«TOR», позволяющие получить доступ к неправомерной информации, где структура сайта отличается от обычной в контексте «название_сайта.ru», а кодируется в специальную ссылку с доменом «.onion», куда можно получить доступ со специальным программным обеспечением и только умышленно, исключая случайность.

Соглашаемся с точкой зрения Ю.Д. Денисова, который говорит об упрощения на законодательном уровне процедуры по ограничению доступа к ресурсам с противоправной информацией [2, с. 3].

Поэтому нейтрализация криминогенных факторов с помощью социально-экономических мер будет достаточной эффективной, поскольку население не будет остро нуждаться в материальных ценностях для удовлетворения своих базовых потребностей. Соответственно будет больше свободного времени, которое можно уделить для самореализации и самоидентификации молодого поколения, что приведет в сокращению преступных посягательства экстремистского характера.

Реализация патриотического воспитания также относится к одному из превентивных способов, прививание молодому поколению толерантности, уважения и любви к родине, а также к людям, живущим в нашем многонациональном государстве.

Для успешной борьбы с проявлениями экстремизма нужно проводить активный мониторинг такого явления (анализ состояния, структуры и динамики), изучение причин и условий, которые способствуют совершению посягательств экстремистского характера, разработку мер предупреждения и профилактики, а также изучение личности преступника и жертвы преступлений [7, с. 29].

Все это предполагает анализ целенаправленной деятельности органов государственного управления, различных социальных институтов, отдельных граждан, деятельность которых направлена на выявление, ослабление, нейтрализацию и устранение факторов, которые порождают и способствуют распространению и росту степени общественной опасности отдельных проявлений экстремизма[1, с. 333].

В итоге можно сказать, что профилактические меры покажут свою эффективность, только если превентивные меры будут применяться комплексно. В целом, успех противодействия экстремистским проявлениям напрямую зависит от уровня благосостояниях наших граждан. А государство, в контексте общесоциальной и специальной профилактики, как раз и должно на это направить все свои усилия.

Список цитируемой литературы:

1. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. … д.ю.н. Москва, 2006. 469 с.
2. Денисов Ю.Д. Противодействие экстремизму в сети Интернет // Законность. 2009. № 6. С. 3-5.
3. Маркова Ю.В. Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: дис. … к.ю.н. Нижний Новгород, 2008. 208 с.
4. Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: дис. … д.ф.н. Душанбе, 2009. 347 с.
5. Поминов С.В. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: автореф. дис. …к.ю.н. Москва, 2017. 22 с.
6. Старков О.В. Предупреждение преступлений: учебное пособие. Москва, 2005. 288 с.
7. Фридинский С.Н. Противодействие осуществлению экстремистской деятельности // Законность. 2008. № 6. С. 28-31.
8. Ястребов Б.В. Шаги на пути возрождения системы предупреждения преступлений // Российский криминологический взгляд. 2012. № 3. С. 24-27.

Фролов Д.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Frolov D.Y., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ КАК СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ
EDUCATION AND VOCATIONAL TRAINING OF PRISONED PRISONERS AS A MEANS OF CORRECTION AND RESOCIALIZATION

Аннотация.

Данная статья посвящена изучению организации воспитательной работы с осужденными в процессе их ресоциализации. В работе проанализированы особенности профессиональной подготовки и профессионального образования осужденных.

Abstract.

This article is devoted to the study of the organization of educational work with convicts in the process of their resocialization. The paper analyzes the features of vocational training and vocational education of convicts.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, средства исправления, исправление, воспитательная работа, ресоциализация, профессиональная подготовка, профессиональное образование.

Key words: penitentiary system, means of correction, correction, educational work, resocialization, vocational training, vocational education.

Забота о повышении образовательного уровня и профессиональной подготовке каждого человека - одна из основных задач государства. Осужденные не являются исключением. Изречение о том, что «учиться - все равно, что плыть против течения, остановился - и тебя отнесло назад», отражает особое значение образования для лиц, лишенных свободы.

В соответствии со ст. 7 УИК РФ получение общего образования и профессиональная подготовка, наряду с режимом, воспитательной работой, общественно полезным трудом и общественным воздействием являются основными средствами исправления осуждённых.

Осуждённые старше тридцати лет и осуждённые, являющиеся инвалидами первой и второй группы, могут получить основное общее или среднее (полное) образование по их желанию. Лица пенсионного возраста и инвалиды первой и второй групп по их желанию могут получить и профессиональную подготовку. Осуждённые, отбывающие пожизненное лишение свободы к общему образованию не привлекаются, однако и им создаются условия для самообразования, не противоречащие порядку отбывания наказания (ст. ст. 108, 112 УИК РФ) [4, с. 26].

Отношение осужденных к образованию, профессиональной подготовке учитываются при решении вопроса о степени их становления на путь исправления (ч. 3 ст. 108, ч. 4 ст. 112 УИК РФ).

В соответствии со ст. 5 Федерального закона «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса РФ» от 25 декабря 1996 г. и ст. 4 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса РФ» наказание в виде ареста будет применяться по мере создания необходимых условий для его исполнения, но не позднее 2001 г.

Обязанности обучающихся определяются уставом школы с учетом порядка и условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Обучающиеся, успешно выполняющие учебный план, на период сдачи выпускных и переводных экзаменов должны быть освобождены от работы с сохранением заработной платы по месту работы, в дни занятий их не должны привлекать к сверхурочным работам, связанным с отрывом от учебных занятий.

Нормативными актами, регламентирующими учебный процесс в исправительных учреждениях, установлен порядок его организации и проведения на основе общеобразовательных учебных планов и программ. Ограничения права осужденных на образование в местах лишения свободы прямые. Они выражаются главным образом в том,

что учебный процесс осуществляется с учетом требований режима содержания осужденных. Педагогический персонал учреждения также обязан подчиняться Правилам внутреннего распорядка соответствующего учреждения.

В современный период на более, по сравнению со взрослыми, высоком уровне организован процесс обучения осужденных в воспитательных колониях для несовершеннолетних. Исправительные учреждения, так же как и многие государственные образовательные учреждения, испытывают проблемы экономического характера, нехватки средств на приобретение необходимого оборудования, а также кадровые проблемы. Вместе с тем в исправительных учреждениях ведется учет осужденных, подлежащих обязательному обучению, а также лиц, желающих повысить свой общеобразовательный уровень, создаются условия для самообразования [1, с. 17].

При исправительных учреждениях имеются библиотеки. Осужденным разрешается без ограничения подписываться на газеты и журналы за счет собственных средств, получать в посылках, передачах и бандеролях письменные принадлежности, необходимую литературу, приобретать их по безналичному расчету через торговую сеть исправительного учреждения.

Профессиональное обучение и профессиональная подготовка осужденных к лишению свободы осуществляются в порядке, установленном Министерством юстиции РФ по согласованию с Министерством образования РФ. С учетом имеющихся возможностей администрация исправительного учреждения должна оказывать содействие осужденным в получении среднего (полного) общего образования и высшего профессионального образования (ч,4 ст. 108 УЖ РФ).

Организуется профессиональное обучение осужденных непосредственно на производстве исправительного учреждения, а также в школах при нем. Основными формами профессионального обучения являются: индивидуальное, бригадное и курсовое обучение. Для изучения обязательных курсов специальных, общетехнических и других дисциплин одной или родственных специальностей осужденные, обучаемые бригадным или индивидуальным методом, объединяются в учебные группы.

Осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы, профессиональную подготовку получают непосредственно на производстве колонии (ч. 5 ст. 108 УИК РФ).

Принимая во внимание необходимость охраны здоровья осужденных, в исправительных учреждениях созданы специальные службы, ведущие отбор и учет осужденных, которым предстоит профессиональное обучение, и производящие их медицинский осмотр на предмет соответствия их физиологии занятиям соответствующей профессией [3, с. 11].

Представляется целесообразным решение вопросов о профессионально-техническом обучении осужденных строго дифференцированно и индивидуально еще до направления их в соответствующее исправительное учреждение, за исключением лиц, которым назначено отбывание лишения свободы в тюрьме.

Действующим законодательством лицам, отбывающим наказание в колониях-поселениях, разрешается заочное обучение в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального обучения, расположенных только в пределах соответствующего административно-территориального образования (ч. 4 ст. 129 УИК РФ).

Таким образом, осужденные ограничены в выборе профессии местом дислокации исправительного учреждения. Такое ограничение в какой-то мере оправданно в отношении лиц, переведенных в колонии-поселения из колоний общего и строгого режимов в порядке поощрения и вряд ли приемлемо в отношении лиц, совершивших преступление по неосторожности.

Идея о предоставлении осужденным возможности получения высшего образования обсуждалась в 1998 г. в ЮНЕСКО, куда обратились преподаватели нескольких российских вузов с предложением о совместном создании программы «тюремных университетов». В подобных случаях одновременно решается и задача подготовки осужденных к жизни на свободе2.

Представляется, что за этой идеей будущее исправительных учреждений страны. Пока высшее образование заключённые получают в порядке экспериментов. Законодательство не регламентирует правила получения высшего образования. Однако в концепции реформирования уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ предусмотрена система норм о возможности получения заключенными высшего образования.

В местах лишения свободы осужденные в свободные от работы часы могут заниматься каким-либо мастерством, творческой деятельностью. Ограничения прав осуждённых в творчестве связаны с требованиями режима, запретами на пользование специальными видами инвентаря и технологий, используемых при осуществлении

такой деятельности. Осужденным прямо запрещено иметь при себе для поделок, производимых в свободное от основной работы время без соответствующего надзора, колюще-режущие предметы, различного рода химические составы, огонь и. т. п. Перечень предметов, запрещенных к использованию, содержится в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений. Однако работники исправительной системы часто идут на отступления от установленных правил, предоставляя осуждённым запрещенные предметы, необходимые для творческой деятельности. Ремеслом, связанным с использованием опасных веществ и материалов осуждённые могут заниматься в условиях строгою надзора и контроля, с соблюдением требований режима отбывания наказания [2, с. 69].

Сегодня к работе с осужденными привлекаются и деятели культуры: приезжают известные артисты, эстрадные группы и пр. Осужденные занимаются и научной деятельностью. Они вносят рационализаторские предложения по совершенствованию производства, им гарантировано право авторства на изобретения и открытия.

В уголовно-исполнительном законодательстве нет специальных норм, регламентирующих творческую деятельность осуждённых. Это связано с тем, что занятие творчеством - это право осуждённых, состояние души конкретного лица, а законодательство ориентировано на всех осуждённых. Однако наличие подобных норм, обязывающей администрацию исправительного учреждения и самодеятельные организации осужденных, в рамках решения одной из основных их задач: оказания осужденным помощи в духовном развитии, создавать необходимые условия для поддержания творческой инициативы осуждённых. Место такой нормы — в главе 15 УИК РФ «Воспитательное воздействие на осуждённых к лишению свободы» ст. ст. 109-111.

Основная задача деятельности исправительных учреждений заключается не в том, чтобы посадить виновных в преступлениях лиц и ограничивать их в гражданских правах, а в том, чтобы создать максимум возможностей для искупления ими вины, освобождения и возвращения к нормальной жизни.

Решение этой задачи зависит в большей степени от самих осуждённых, однако необходимы законы, помогающие им, и повсеместная реализация этих законов.

Список цитируемой литературы:

1. Алферов Ю. А., Байдаков Г. П. и др. Воспитательное воздействие общеобразовательного обучения на осужденных: учебное пособие / под общ. ред. А.В. Шамиса. М.: Просвещение, 2016. 63 с.
2. Гуцал Н. И. Проблемы обеспечения трудовой занятости осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2017. № 1(56). С. 69-73.
3. Тюгаева Н. А. Образование осужденных к лишению свободы: автореф. диссертации докт. пед. наук. М., 1998. 54 с.
4. Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 2010 г. / под ред. А.С. Михлина. 2011.464 с.

Фролов Д.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Frolov D.Y., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Egorov V.A.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

THE EFFICIENCY OF VOCATIONAL EDUCATION OF PRISONERS

Аннотация.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с профессиональным образованием и профессиональной подготовкой осужденных. Предложенная модель окупаемости бюджетных средств, инвестируемых государством в данное направление, позволяет выявить факторы и условия обеспечения экономической эффективности системы профессионального образования лиц, отбывающих наказания в исправительных учреждениях.

Abstract.

The article deals with issues related to vocational education and training of convicts. The proposed model of recoupment of budgetary funds invested by the state in this area makes it possible to identify factors and conditions for ensuring the economic efficiency of the system of vocational education for persons serving sentences in correctional institutions.

Ключевые слова: профессия, образование, осужденный, труд, занятость, безработица, окупаемость, эффективность.

Key words: profession, education, convict, labor, employment, unemployment, payback, efficiency.

Отличительной особенностью современных социально-экономических процессов, происходящих в обществе, является его озабоченность проблемами отечественного образования: от масштабной ЕГЭи-зации и перевода высшей школы на двухуровневую профессиональную подготовку специалистов до усиления коммерциализации образования и привнесения в эту сферу рыночных механизмов регулирования.

Подобные реформы, затрагивающие роль образования в системе народнохозяйственных приоритетов, в нынешних условиях, скорее всего, неизбежны. Образовательная отрасль из важнейшей социальной функции государства усилиями реформаторов целенаправленно превращается в сферу коммерческих услуг, а потому становится сугубо частным делом конкретного гражданина, покупающего или не покупающего на соответствующем рынке образовательные услуги.

Между тем в отечественной системе профессионального образования остается небольшой, но весьма специфический ее сегмент, который вряд ли может быть подвержен принципиальным в полном значении этого слова организационным трансформациям. Речь идет о начальном профессиональном образовании и профессиональной подготовке лиц, отбывающих наказание в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (УИС) страны. Для обучения лиц, отбывающих наказание, рабочим профессиям в УИС функционируют 339 профессиональных училищ и 219 их филиалов с общей штатной численностью обучающего гражданского персонала 6 157 чел. Несмотря на то, что в силу повальной неграмотности осужденных места исполнения наказаний все чаще сталкиваются с проблемами воссоздания в них средней и даже начальной школы, обучение рабочим профессиям и специальностям в профессиональных образовательных заведениях при исправительных учреждениях по-прежнему является одним из важнейших направлений деятельности.

Система профессионального образования и профессиональной подготовки отбывающих срок преступников по решению суда всегда была имманентна пенитенциарному ведомству вне зависимости от его принадлежности конкретному министерству, организационной структуры, социально-правового предназначения или же общественно-политического устройства самого государства. Однако если в советский период профессионально-техническое обучение и профессиональная подготовка осужденных были направлены на первоочередное удовлетворение потребностей предприятий исправительно-трудовых учреждений в рабочей силе и обязательное

выполнение ими плановых производственных заданий, то ныне все больше говорится о социальной составляющей образовательного процесса. Социальная значимость возлагаемой на пенитенциарную систему как федеральную госструктуру подобной функции представляется абсолютной и, по-видимому, не подлежащей сомнению. Тезис об огромном созидательном, исправительном и ресоциализирующем потенциале профессионального образования содержащихся в местах лишения свободы преступников является аксиомой не только для ученых психолого-педагогической или социальной направленности, но и для большинства практических работников и руководителей УИС [2, с. 34].

Именно образованию они отводят весьма существенную роль в формировании у заключенного навыков правопослушного поведения, локализации социальных рисков, связанных с его положением после освобождения, освоении морально-этических ценностей и норм, и в конечном итоге - создании предпосылок для возвращения в число полноправных членов социума. Думается, в условиях реформы системы исполнения наказаний вопросы, касающиеся совершенствования организации профессионального образования и профессиональной подготовки осужденных по рабочим профессиям, не могли не найти соответствующего отражения в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее - Концепция). Этот документ обязывает развивать систему начального профессионального образования и профессиональной подготовки осужденных, перепрофилировать и создавать новые образовательные учреждения, реализующие все формы организации образовательного процесса с различным объемом обязательных занятий. В Концепции также говорится о необходимости осуществления профессионального обучения и профессиональной подготовки этих лиц с учетом результатов мониторинга прогнозных потребностей в рабочих кадрах учреждений УИС и региональных рынков труда, в том числе по дефицитным рабочим специальностям, для создания надежных гарантий трудоустройства и возвращения в общество законопослушных граждан.

Между тем фиксируемые ведомственной статистикой показатели данной сферы деятельности УИС вряд ли относятся к числу передовых. Расходы федерального бюджета на систему начального профессионального образования и профессионального обучения осужденных за редким исключением слабо сочетаются с конкурентоспособностью получаемых ими профессий и уровнем квалификации, состоянием трудовой занятости и технологическим

обеспечением производства в исправительных учреждениях, номенклатурой и качеством выпускаемой продукции. Далеко не однозначное (если не сказать негативное) отношение к бывшим заключенным как к потенциальным труженикам наблюдается и в самом обществе, в настоящее время сильно подверженном неуправляемым миграционным процессам. В результате наблюдается практически полное отсутствие их представительства даже на периферии региональных рынков труда.

Например, учет органами занятости таких показателей, как «доля освободившихся из учреждений УИС граждан в совокупной численности официально зарегистрированных в регионе безработных, дифференцированных по полу, возрасту, сроку отбытого наказания, полученному образованию или имеющейся специальности», «время пребывания их в данном статусе» или «скорость заполнения ими наличных вакансий» практически не ведется. Не отслеживается и продолжительность трудовых отношений бывших осужденных с гражданскими работодателями. Отсутствует в отношении УИС и обратная связь гражданских структур, отделов внутренних дел, предприятий, отражающая более или менее реальное положение дел, касающееся трудоустройства лиц, которые отбыли срок наказания [3, с. 89].

Наряду с ожиданием специалистами снижения дефицита бюджетного финансирования профессиональных училищ при исправительных учреждениях и усиления со стороны государства финансовых обязательств по реализации УИС образовательной функции всегда возникает вопрос, насколько осуществляемые в данном направлении расходы рациональны и экономически оправданны. Поскольку тезис о необходимости повышения эффективности бюджетных ассигнований на образование и в обществе, и в министерских кругах давно стал догмой, то постановка подобного вопроса относительно образовательной сферы осужденных также представляется вполне своевременной и неоспоримой.

Какие факторы определяют экономическую эффективность профессионального образования и профессиональной подготовки лиц, отбывающих наказание? С чем связывается эффективность материальных вложений в систему профессионального обучения отбывающих лишение свободы не только на макроуровне, но и на уровне их индивидуальной отдачи? Эти вопросы не новы. В советские годы ответы на них преимущественно вытекали из сопоставления темпов роста культурно-образовательного уровня рабочих и национального дохода страны, а в рамках промышленных

предприятий (включая предприятия исправительно-трудовых учреждений) - из анализа динамики производительности труда повысившего квалификацию персонала (в последнем случае - осужденных).

Следует признать, что в нынешних условиях уделять значительное внимание выявлению подобных корреляций, особенно в рамках производственного сектора УИС, вряд ли уместно. Ведь, с одной стороны, ни объемные показатели производства, ни показатели вывода осужденных на оплачиваемые работы, не говоря уже о продуктивности их труда и количестве выполняющих нормы выработки, никак не могут сравниться с теми из них, которые характеризовали итоговые результаты экономической и хозяйственной деятельности УИС в советский период.

А с другой стороны, все то, что связано с оценкой эффективности функционирования любой системы профессионального образования и профессиональной подготовки, следует рассматривать в настоящее время через призму концепции человеческого капитала [1, с. 128]. Будучи важнейшей составляющей современной экономики труда она рассматривает природные способности человека, накопленные им в процессе образования, воспитания и трудовой деятельности знания и навыки, в том числе поведенческие, как самостоятельные нематериальные активы (активы человеческого капитала), способные приносить ему экономическую выгоду в форме более высоких и устойчивых заработков. Введя в русло экономического анализа многие социальные и общественные институты, обосновывая с экономических позиций содержание направлений их деятельности, теория занятых на оплачиваемых работах, и среднего дневного их заработка) уже не применяются при оценке состояния трудовой адаптации и профессионального образования осужденных в подразделениях УИС.

Следовательно, экономический подход к имеющимся в УИС социальным проблемам, заключающимся в повышении эффективности профессионального образования лиц, отбывающих наказание, не только возможен, но и, по убеждению автора, необходим.

Наиболее распространенная идеология упомянутой концепции, как известно, вращается вокруг математических выкладок, раскрывающих связь инвестиций в образование и доходов вне зависимости от того, кто выступает в роли инвестора и получателей инвестиций: сам индивид, работодатель или государство.

В данном случае инвестиции в систему начального профессионального образования и профессиональной подготовки

осужденных трактуются в виде вложений государства в их человеческий капитал (как неординарно это ни звучало для практиков), следствием чего выгодоприобретателями от подобных государственных решений призваны стать и осужденные, и непосредственно государство-инвестор. Первые, согласно теории, в силу полученного образования, рабочей специальности и, значит, возросшей продуктивности (как реальной, так и потенциальной) получают возможность иметь более весомый заработок не только на производстве в исправительных учреждениях, но и у стороннего работодателя после окончания срока приговора. Государство также вправе рассчитывать на удовлетворение собственного экономического интереса, т. е. на получение дохода в виде производных от заработка осужденных налоговых поступлений в федеральный бюджет и обязательных со стороны их работодателей отчислений во внебюджетные фонды. Сопоставление получаемых доходов, точнее - возвращаемых государству расходов с суммами инвестируемых им средств и установление срока их окупаемости - суть количественной оценки эффективности государственных ассигнований в сферу профессионального образования и профессиональной подготовки осужденных. Исследуя вопросы, касающиеся эффективности инвестиций в образование на макроуровне, некоторые авторы полагают целесообразным усматривать в ней как внутреннюю, так и внешнюю эффективность. По их мнению, внутренняя эффективность связана с распределением ресурсов среди учебных заведений и потребителей образовательных услуг, стимулами к добросовестной работе у преподавателей и учащихся, а внешняя - с реализацией ими полученного образовательного потенциала в различных секторах экономики [4, с. 41].

Следуя такой классификации, в нашем случае говорится о внешней, возможно, более важной, стороне эффективности инвестиций. Ведь ключевым условием для ее оценки выступает трудоустройство в различных секторах экономики получивших профессиональную подготовку граждан с начислением им соответствующего заработка, часть которого, о чем упоминалось ранее, в виде налогов и обязательных платежей возвращается государству.

Итак, совокупные инвестиции в профессиональное образование отбывающего наказание человека за весь период его учебы в профессиональном училище при исправительном учреждении складываются из расходов государства в течение нескольких

предусмотренных учебной программой по специальности временных периодов, взятых за единицу (например, месяцев, полугодий, лет).

Следствием этого, согласно теории, произойдет снижение у бывшего осужденного объема его человеческого капитала, а в перспективе - физический износ последнего. Иными словами, приобретенные заключенным профессиональные знания рискуют окончательно потерять свою покупательную способность за время его длительной безработицы после освобождения Тб либо по окончании профессионального обучения в учебном заведении при исправительном учреждении. Ведь период Тб также характерен для тех отбывающих наказание лиц, которые, получив профессию (специальность) в учреждении УИС, остались в нем нетрудоустроенными, а после выхода на свободу потерялись на рынке труда.

Следовательно, реализация приведенного в Концепции и упоминавшегося ранее тезиса о профессиональном обучении осужденных на основе мониторинга прогнозных потребностей в рабочих кадрах исправительных учреждений и хозяйственных региональных структур может стать весьма затруднительной либо вовсе неисполнимой.

Не трансформируясь во благо длительного пользования, чем, собственно, и является образование для любого человека, оно, если речь идет об осужденном, особенно в условиях, когда он безработный как в исправительном учреждении, так и после выхода на свободу, неминуемо теряет свою социальную, общественную, экономическую и иные функции, побуждая его, таким образом, к возвращению в уголовно-преступную среду.

Во-вторых, повышение эффективности системы профессионального образования и профессиональной подготовки осужденных невозможно вне поля деятельности федеральных органов власти по оживлению промышленного производства УИС, с одной стороны, и преодолению социальных и экономических диспропорций в развитии территорий и регионов - с другой. Источниками роста заработной платы лиц, отбывающих наказание, выступают масштабы и технологичность производства в исправительном учреждении (как следствие, его доходность), определяющие размеры той добавленной стоимости, которая создается их трудом. Обусловленная этим потребность в квалифицированной рабочей силе «персонала по приговору» отражает тесноту связи между эффективностью профессионального образования заключенных и совершенствованием производственно-хозяйственных отношений в УИС. Что касается

отбывших уголовное наказание граждан, то преодоление ими собственной безработицы наиболее вероятно связывать как с подъемом и эффективностью деятельности региональных объектов экономики, так и со специальными федеральными социально-экономическими программами распределения и регулирования труда данных лиц в тех же регионах (включая обязательное и предусмотренное Концепцией создание службы пробации).

В-третьих, обеспечение осужденных не столько учебным, сколько рентабельным трудом в материальном производстве в соответствии с полученными ими в учреждении профессионального образования профессией и квалификацией при прочих равных условиях экономически целесообразно в отношении лиц, имеющих длительные сроки приговора по решению суда. В такой ситуации затраты на их профессиональное образование окупятся значительно быстрее, нежели в случае, когда завершение обучения в профессиональном училище практически совпадет с освобождением из-под стражи.

Поэтому учить и трудоустраивать на оплачиваемых работах в учреждениях УИС наиболее предпочтительно тех лиц, кто имеет большие сроки лишения свободы. Тогда экономическая эффективность бюджетных инвестиций в их профобразование и профессиональную подготовку с позиций рассмотренной модели может стать действительно реальной.

Список цитируемой литературы:

1. Дятлов С. А. Основы теории человеческого капитала. СПб: СПбГУЭФ, 1994. 160 с.
2. Паничева Л. А. Взаимодействие подведомственных подразделений ФСИН России в организации системы начального профессионального образования и профессиональной подготовки осужденных по рабочим профессиям для производства уголовно-исполнительной системы и рынка труда // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 7. С. 34-36.
3. Паничева Л. А. Профессиональное образование и труд как средство ресоциализации осужденных в несовершеннолетнем возрасте // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 6. С. 83-89.
4. Соболева И., Ломоносова С. Рыночные и нерыночные механизмы регулирования образования // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 6. С. 41-45.

Харламова О.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Kharlamova O.I., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ

PUBLIC CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES IMPLEMENTING CRIMINAL PUNISHMENTS

Аннотация.

Анализ исторического опыта функционирования и развития общественного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, показал, что эта форма контроля доказала свой положительный эффект для совершенствования данной деятельности в направлении обеспечения большей «открытости» отечественной пенитенциарной системы, развития в ней демократических начал, что способствует повышению эффективности исправительного процесса в отношении лиц, лишенных свободы, и в целом интеграции России в мировое сообщество. В статье изложены особенности реализации данного контроля в разные исторические периоды развития российской государственности.

Abstract.

An analysis of the historical experience of the functioning and development of public control over the activities of institutions and bodies executing criminal penalties showed that this form of control has proved its positive effect for improving this activity in the direction of ensuring greater “openness” of the domestic penitentiary system, developing democratic

principles in it, which contributes to improving the effectiveness of the correctional process in relation to persons deprived of their liberty, and, in general, Russia's integration into the world community. The article describes the features of the implementation of this control in different historical periods of the development of Russian statehood.

Ключевые слова: история России, история уголовно-исполнительной системы, уголовно-исполнительная система, общественный контроль, исправление осужденных.

Keywords: history of Russia, history of the penitentiary system, penitentiary system, public control, correction of convicts.

Одним из показателей эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы как «социального института ограждения общества от влияния лиц, совершивших правонарушения, и возвращения их к нормальному, то есть соответствующему нормам поведению» является рецидивная преступность [2, с. 10]. В России за три года рецидивная преступность выросла на 12.5% (49.6% от всех совершенных преступлений в 2013 г.); во Франции за этот же период она выросла на 10.3% и достигла 38%; в США рецидивная преступность составляет 52%; в Германии - 26.7%; в Швеции в 2013 г. из 1390 тыс. преступлений 64% были совершены осужденными, вышедшими на свободу в течение трех предыдущих лет.

Несмотря на активное внедрение мер гуманизации уголовного законодательства, улучшения условий отбывания наказания, совершенствования методов психолого-исправительной работы с осужденными, все большее распространение получает, как говорят в Швеции, «уголовный образ жизни» (crime prevention study), образ «привычного преступника» (habitual criminal) в Англии и Германии. В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых еще в 1955 г. на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и одобренных в мае 1977 г., определяется, что «целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является в конечном счете защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование».

Одним из механизмов достижения данной цели является социальный контроль деятельности государственных учреждений исполнения наказаний. Он позволяет сравнить фактически достигнутые результаты с поставленными целями, определить степень и факторы отклонения. Несмотря на близость понятий «социальный» и «общественный», традиционным для отечественных исследований является выделение в социальном контроле общественной и государственной форм. Однако, несмотря на теоретически обоснованное разделение общественного и государственного контроля, в современной практике организации контроля учреждений уголовно-исполнительной системы субъекты общественного контроля часто дублируют методы и сферы осуществления государственного контроля [1, с. 67]. Члены российских общественных организаций проверяют соблюдение норм права так же, как и органы прокуратуры, но не обращают внимания на некоторые аспекты, которые принято контролировать в странах ЕС и США

Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы (УИС) имеет большое социально-правовое значение.

Первым опытом участия общества в деятельности тюремных учреждений стали созданные в первой половине XVI века губные органы, на которых возлагались обязанности устраивать тюремные заведения и организовывать их охрану своими силами.

Деятельность Общества значительно отразилась на гуманизации исполнения наказания. Так, по требованию членов Петербургского комитета в 1820 г..

Революционные события 1917 года ознаменовали новый этап в истории организации и функционирования общественного контроля за пенитенциарной системой. Временная инструкция Наркомата юстиции РСФСР от 23.07.1918 «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового» предусмотрела создание взамен Общества попечительного о тюрьмах нового специального органа общественного контроля - распределительных комиссий, на которые помимо распределения осужденных по разрядам возлагалась задача по контролю за состоянием дел в учреждениях [3, с. 98].

Таким образом, в советский период развития российской государственности существовали две основные формы участия общественности в деятельности ИТУ - распределительные и наблюдательные комиссии. Однако можно утверждать, что они лишь номинально являлись общественными объединениями.

В начале 2000-х гг. руководство страны осознало серьезность проблемы доведения до широкого круга населения достоверной информации о ситуации в УИС и предприняло определенные шаги по созданию нормативно-правовой основы участия широких слоев общественности в обеспечении «прозрачности» деятельности уголовно-исполнительной системы и осуществлении контроля за состоянием и условиями содержания лиц в местах принудительного содержания.

Таким образом, общественный контроль за деятельностью УИС имеет богатую историю, в ходе которой он постоянно совершенствовался. Полагаем, что с учетом этого изложенная в настоящей статье информация позволит определить наиболее перспективные пути его дальнейшего развития в настоящее время.

Список цитируемой литературы:

1. Баханова Е.В. Гуманизация пенитенциарной системы: социологический аспект. М.: Изд-во СГУ, 2013. 107 с.
2. Потоцкий Н.К. Уголовно-исполнительная система в реализации функций российского государства // Правовая инициатива. 2014. №1. 20 с.
3. Реент Я.Ю. Организация и правовое регулирование общественного контроля за обеспечением прав, свобод и законных интересов лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы России: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2018. 226 с.

Харламова О.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А

Kharlamova O.I., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

PUBLIC CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM IN MODERN RUSSIA

Аннотация.

В статье анализируются отчеты общественно-наблюдательных комиссий, проблемы при осуществлении медицинской деятельности исправительных учреждений в разных регионах страны.

Abstract.

The article analyzes the reports of public monitoring commissions, problems in the implementation of the medical activities of correctional institutions in different regions of the country.

Ключевые слова: общественный контроль, толкование норм права, общественно-наблюдательные комиссии, медицинская помощь, охрана здоровья, пенитенциарная система.

Keywords: public control, interpretation of the law, public monitoring commissions, medical care, health protection, penitentiary system.

Основным правовым актом, регламентирующим реализацию общественного контроля за деятельностью учреждений, исполняющих

наказания, является Конституция Российской Федерации. В ст. 3 данного документа закреплено, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Общество выступает основным сувереном во всех областях жизни и самостоятельно определяет, как ему организовать свою власть.

Кроме Конституции РФ, которая регламентирует общественный контроль за деятельностью учреждений, исполняющих уголовные наказания, существует ряд других нормативных и отраслевых правовых актов.

Например, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) содержится отдельная глава, которая посвящена учреждениям и органам, исполняющим наказание, и контролю за их деятельностью. Так, в ст. 23 УИК РФ кроме государственных органов власти, органов местного самоуправления и общественных объединений, осуществляющих контроль за уголовно-исполнительной системой, возможен и общественный контроль.

В УИК РФ также существует норма, позволяющая осуществлять общественный контроль за деятельностью учреждений, исполняющих уголовные наказания: в ст. 24 УИК РФ перечисляются лица, имеющие право посещать учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, без специального на то разрешения. К ним относятся главы органов местного самоуправления и члены общественных наблюдательных комиссий. Представителям средств массовой информации законодатель разрешает посещать учреждения, исполняющие уголовные наказания, только при наличии специального разрешения администрации этих учреждений либо вышестоящих органов.

Таким образом, анализ гл. 3 УИК РФ, посвященной учреждениям и органам, исполняющим наказание, и контролю за их деятельностью, позволяет нам сделать вывод о том, что общественные объединения, органы местного самоуправления и средства массовой информации осуществляют контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы, так как осужденные являются такими же работающими гражданами, как и граждане, работающие по аналогичной профессии в условиях свободы [2, с. 15].

Следующий нормативно-правовой акт, в котором закреплено положение о том, что органы местного самоуправления, общественные организации контролируют деятельность учреждений, исполняющих уголовные наказания, а также деятельность следственных изоляторов в пределах и порядке, установленных законодательством Российской

Федерации, - Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ст. 38).

Наряду с актами, которые содержат нормы, регулирующие общественный контроль за деятельностью УИС, существуют и иные нормативные документы, при толковании которых их отдельные положения можно отнести к правовым основам общественного контроля за деятельностью УИС.

Во-первых, это Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», где в ст. 27 перечислены права общественных объединений:

- право на участие в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований;
- право учреждать средства массовой информации и осуществлять издательскую деятельность;
- право представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов и участников, а также других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных объединениях;
- право выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти.

Следует согласиться с мнением В. В. Федорова, который считает, что «хоть из указанных полномочий отсутствуют прямые контрольные функции общества за деятельностью правоохранительных органов, но, принимая во внимание наличие широкого и узкого смыслового значения понятий общественного контроля за государством, при помощи герменевтического анализа, достаточно обоснованно можно заявить, что, осуществляя данные полномочия, общественные объединения взаимодействуют с государством и тем самым контролируют его функционирование» [4, с. 112].

Во-вторых, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» граждане РФ имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные

учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам. Считается, что данное право может быть реализовано и в отношении уголовно-исполнительной системы.

В-третьих, в ст. 25 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» содержится запрет на воспрепятствование распространению продукции средств массовой информации со стороны граждан, объединений граждан, должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций, государственных органов.

Средства массовой информации часто привлекают внимание к наиболее острым и ярким темам пенитенциарной системы, тем самым выполняя контрольную функцию за деятельностью уголовно-исполнительной системы. Так, одним из направлений корректировки и противодействия негативным последствиям межкультурных отношений является разработка мероприятий, направленных на формирование этнической толерантности с использованием кросс-культурных ассимиляторов, дискуссий, встреч [1, с. 142].

В-четвертых, это Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации».

Целью создания Общественной палаты является обеспечение независимой экспертизы важнейших нормативных актов, непосредственно затрагивающих интересы граждан.

На федеральном уровне Общественная палата Российской Федерации выступает интегрирующим центром системы общественного контроля. В структуру Общественной палаты входит специальный комитет по контролю за правоохранительными органами, в том числе за деятельностью уголовно-исполнительной системы. Следует отметить, что на современном этапе развития общества вопросы взаимоотношения правовых и моральных норм наиболее полно и всесторонне нашли свое отражение в уголовно-правовой сфере, поскольку именно здесь происходит единение этих двух феноменов [5, с. 1577].

Анализируя изложенное, стоит согласиться с В. В. Федоровым о том, что нормативная основа осуществления общественного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений противоречива. Нормы, регламентирующие общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы, указанные в упомянутых нормативных актах «распылены», а их объем, пределы и порядок реализации на законодательном уровне не урегулированы, поэтому

данный вид контроля носит произвольный и ситуативный характер, что ставит под сомнение системность его реализации.

Таким образом, необходимо было принять федеральный закон, который регулировал бы основы, порядок и пределы общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы. Им стал Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее - ФЗ № 76-ФЗ).

Предметом регулирования данного Закона являются правовые основы участия общественных объединений в общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, в том числе в создании условий для их адаптации к жизни в обществе (ст. 1).

Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы осуществляют общественные наблюдательные комиссии (далее -ОНК) и члены ОНК, которые назначаются Общественной палатой Российской Федерации (ст. 5, 10 ФЗ № 76-ФЗ).

Основными формами деятельности ОНК являются:

- посещение мест принудительного содержания;
- рассмотрение предложений, заявлений и жалоб лиц, находящихся в местах принудительного содержания;
- подготовка решений по результатам проведения общественного контроля;
- направление материалов по итогам осуществления общественного контроля Уполномоченному по правам человека в РФ и в субъекте РФ, в Общественную палату РФ и в субъекте РФ, в общественные объединения, средства массовой информации, федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, а также в иные компетентные государственные органы;
- взаимодействие с государственными органами РФ и органами субъектов РФ;
- участие в работе комиссий исправительных учреждений при решении вопросов о переводе осужденных из одних условий отбывания наказания в другие и др.

Основные полномочия ОНК закреплены в ст. 16 ФЗ № 76-ФЗ.

Абсолютным новшеством ФЗ № 76-ФЗ было принятие в 2011 г. ст. 16.1, посвященной общественному контролю за обеспечением прав

лиц, находящихся в местах принудительного содержания, на охрану здоровья. Согласно указанной статье члены ОНК осуществляют контроль за обеспечением права лиц, находящихся в местах принудительного содержания, на охрану здоровья при их нахождении в местах принудительного содержания, при временном помещении их в медицинские учреждения, а также в стационарных (конечных либо промежуточных) пунктах перемещения таких лиц.

Кроме того, члены ОНК вправе с согласия этого лица или его законного представителя знакомиться с медицинской документацией, отражающей состояние его здоровья, беседовать по вопросам оказания медицинской помощи с лицами, находящимися в местах принудительного содержания, медицинских учреждениях.

Данное нововведение незамедлительно нашло свое отражение в проверках ОНК медицинских учреждений уголовно-исполнительной системы. Из 95 материалов на осужденных, представленных в суд для рассмотрения вопроса о досрочном освобождении по основному заболеванию, 39 человек были освобождены, остальным - отказано, некоторым неоднократно. Мотивы отказов остаются прежние: большая неотбытая часть наказания, тяжесть совершенного преступления, отсутствие социальных связей. Обращается внимание на сокращение смертности в местах принудительного содержания: 61 человек в сравнении со 102 в 2012 г. Уменьшается и количество суицидов: 11 человек против 19 в 2012 г.

Приведенная статистика, как отмечают председатели ОНК, свидетельствует о недостаточно эффективной системе медицинского обеспечения лиц, временно изолированных от общества, что оказывает негативное влияние на состояние здоровья граждан в местах лишения свободы в целом.

В настоящее время в 85 субъекте Российской Федерации созданы и функционируют общественные наблюдательные комиссии общей численностью 1096 человек.

За рубежом система контроля за качеством медицинского обслуживания в пенитенциарных учреждениях представлена намного шире. В США большое значение придается общественному контролю, который в отличие от нашего носит профессиональный характер: проверяющий имеет соответствующую специальность и аккредитацию [3, с. 15]. Все изложенное заставляет задуматься о совершенствовании медико-санитарного обеспечения УИС в ближайшее время.

Список цитируемой литературы:

1. Васильева С. А. О необходимости формирования культуры межнациональной и межконфессиональной коммуникации как профессионального качества сотрудника УИС // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 139-144.
2. Воробьев С. М. К вопросу о контрольной функции учреждений и органов УИС за процессом возмещения вреда потерпевшим от преступлений // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 1. С. 15-19.
3. Пономарев С., Туленков А., Половникова А. За рубежом и у нас // Преступление и наказание. 2018. № 4. С. 15.
4. Федоров В. В. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 171 с.
5. Хорошко И. В. Трансформация религиозных (христианских) норм в отечественное уголовное законодательство // Человек: преступление и наказание. 2018. № 3. С. 157-161.

Хофизов М.Х., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Khofizov M.Kh, bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

ILLEGAL DRUG TRAFFIC ON THE INTERNET

Аннотация.

В настоящее время в преступлениях всё чаще фигурирует использование сети Интернет. Незаконный оборот наркотических средств в сети Интернет становится все популярнее среди преступлений, что требует дополнительного внимание со стороны законодателя. В статье рассматривается детальнее незаконный оборот наркотических средств в сети интернет.

Abstract.

Currently, the use of the Internet is increasingly involved in crimes. Illicit drug trafficking on the Internet is becoming more and more popular among crimes, which requires additional attention from the legislator. The article discusses in more detail the illegal circulation of narcotic drugs on the Internet

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, преступление в сети Интернет, противодействие обороту наркотиков, вовлечение

Keywords: незаконный оборот наркотических средств, преступление в сети Интернет, противодействие обороту наркотиков, вовлечение

В настоящее время преступники все чаще используют бесконтактный способ распространения наркотиков через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, что позволяет им существенно расширять сеть сбыта наркотических средств. На специализированных форумах обсуждаются способы производства, приема наркотических средств, места их приобретения и т.д. Передача наркотиков производится через системы тайников («закладок»), оплата - посредством различных электронных платежных систем, что позволяет исключить личную встречу участников сделки. При таких условиях к уголовной ответственности удается привлечь только рядовых участников преступных групп - курьеров и «закладчиков», а установить организаторов достаточно сложно. Исключение составляют случаи, когда организатор лично производит «закладки».

Примером может служить приговор Свердловского районного суда г. Белгорода от 15 февраля 2018 года. Так, К., являясь организатором и руководителем организованной группы, выполнял следующие функции: осуществлял планирование и подготовку преступлений; распределял обязанности между участниками; обеспечивал приискание необходимого количества наркотического средства и организацию его доставки, фасовки; распределял наркотики между «закладчиками», рекламировал созданный интернет-магазин по сбыту наркотических средств, устанавливал цены на сбываемый наркотик, обеспечивал меры конспирации среди участников организованной группы; контролировал получение денег и оплату деятельности участников организованной группы. В качестве «диспетчера» давал указания «закладчикам» о помещении наркотиков в тайники («закладки»), сообщал покупателям номера счетов для оплаты и местонахождение «закладок». Однако К. был задержан сотрудниками полиции в момент помещения наркотического средства в тайник, расположенный в щитке электропроводки на 5 этаже жилого дома [1].

Преступные связи между участниками преступной группы иногда также устанавливаются через Интернет. Так, Л.А.В. путем электронной переписки на сайте продаж Star Wars и обмена мгновенными сообщениями в Telegram с неизвестным лицом, использующим сетевое имя (никнейм), договорились о совместном распространении наркотических средств, тем самым вступив в совместный преступный сговор [2].

Алгоритм преступной деятельности обычно заключается в следующем: сбытчики размещают в Интернете объявления о продаже наркотиков; приобретатель, заинтересовавшись предложением,

связывается с продавцом, уточняет детали сделки, производит оплату через электронные платежные системы; после этого продавец направляет смс-сообщение приобретателю о произведенной «закладке» наркотика. Так, Л.Е.А. с помощью сотового телефона, программ Jabber и ICQ в сети Интернет связался с неустановленным следствием лицом, использующим никнейм Silent Shop Penza, с которым вступил в преступный сговор, направленный на незаконный сбыт наркотических средств группой лиц, дав при этом свое согласие выступить в роли «закладчика». Л.Е.А., получая в сети Интернет от неустановленного лица информацию о местонахождении оптовых «закладок» с наркотическими средствами, уже заранее расфасованными по отдельным пакетам, должен был их забирать, раскладывать в различных районах г. Пензы и сообщать о точном местонахождении «закладок» через интернет-приложение Jabber вышеуказанному лицу. Согласно достигнутой договоренности в качестве вознаграждения за исполнение вышеперечисленных преступных действий Silent Shop Penza перечислял Л.Е.А. денежные средства за каждую осуществленную им розничную «закладку» наркотического средства на счет ООО «QIWI Кошелек» [3].

На первоначальном этапе расследования обычно производится обыск по месту жительства либо работы подозреваемого. Прибыв на место производства следственного действия, необходимо принять меры, направленные на обеспечение сохранности информации, находящейся на изымаемых жестких дисках компьютеров, которая будет иметь доказательственное значение. Если доступ к информации оказывается затруднен (например, подозреваемый не согласен сотрудничать), то получить ее можно у владельцев сайта. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 23 Конституции РФ ограничение права граждан на тайну «иных сообщений» возможно только по решению суда. В настоящее время п. 7 ст. 185 Уголовно-процессуального кодекса РФ [5] предусматривает, что при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка. Это вызывает определенные трудности, в частности, заинтересованные лица могут удалять искомую информацию до вынесения со-ответсвующего решения, а у владельцев сайта могут отсутствовать технические возможности ее получения. При этом изъятие и осмотр электронного носителя информации производятся с участием специалиста, что нашло свое отражение в нормах УПК РФ (п.п. 9.1 ст. 182, п.п. 3.1 ст. 183). Это

позволяет специалисту копировать информацию на иные электронные носители, а также грамотно осуществлять выемку электронных носителей информации и обеспечивать их должное хранение.

В ходе анализа статистических данных, а также результатов опроса среди сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних ОВД и сотрудников оперативных подразделений по контролю за оборотом наркотиков нами было установлено, что в настоящее время наблюдается тенденция активного вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков посредством сети Интернет и становления их как активных участников наркобизнеса.

В качестве ярких примеров вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков посредством использования сети Интернет можно привести следующие. В октябре 2017 года в г. Екатеринбурге задержали несовершеннолетнюю С., которая в ходе прогулок со своим трехлетним братом раскладывала по местам доставки синтетические наркотики. В дальнейшем, в ходе проведения обыска в квартире, где проживает несовершеннолетняя С., сотрудники правоохранительных органов обнаружили и изъяли синтетические наркотики в размере 6,2 г. Несовершеннолетняя С. пояснила, что распространяла наркотические средства с целью получения денежных средств, чтобы не находиться в зависимости от родителей. Кроме того, С. указала, что, осознав противоправность своих действия, хотела отказаться от их дальнейшего совершения, но преступные лица, контролирующие ее действия, посредством угроз принудили С. распространять наркотики дальше.

В Курской области сотрудники правоохранительных органов задержали несовершеннолетнего, распространяющего «дизайнерские» наркотики («спайсы», «соли»). В момент задержания подросток раскладывал в места доставки 10 свертков с наркотическими средствами, а при личном досмотре у него было изъято еще 20 свертков. В квартире, где проживает несовершеннолетний, было изъято 450 г синтетических наркотиков. Со слов несовершеннолетнего, он распространял наркотические средства с целью заработка карманных денег. Работу он нашел в сети Интернет, где ему было предложено создавать тайники — закладки с наркотическими средствами на территории Курской области.

Сравнительная доступность аптечных и «дизайнерских» наркотических средств, в том числе и в финансовом плане, прямым образом влияет на длительность ремиссий лиц, имеющих диагноз «наркомания», после проведения лечебно-реабилитационных

мероприятий, процент которых остается на достаточно низком уровне. К примеру, ранее лицо, употребляющее наркотические средства за время прохождения курса реабилитации, как правило, теряло свои связи в среде потребителей наркотиков и после ее завершения это осложняло ему поиск и приобретение наркотических средств, что в результате предопределяло длительную ремиссию. К сожалению, в настоящее время после прохождения реабилитационного лечения лицо, употребляющее наркотики, может с легкостью посредством использования сети Интернет приобрести наркотические средства, поддерживать общение с наркопотребителями на интернет -площадках либо, используя фармацевтические и химические препараты, по инструкции само изготовить наркотическое средство.

Список цитируемой литературы:

1. Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода от 15 февраля. 2018 г. по делу № 1-25/2018. [Электронный ресурс].URL: http://sudact.ru/regular/doc/ OpJQLZ5iO41r/ (дата обращения: 01.02.2022).
2. Приговор Вологодского городского суда от 19 февраля 2018 г. по делу № 1-170/2018. [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/Vj8SoSfptRlu/ (дата обращения: 01.02.2022).
3. Приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 12 февррaля 2016 г. по делу № 1-20/2016. [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/ FCywtCDiAIWl/ (дата обращения: 01.02.2022).

Чеботарев Д.Д., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Кузнецова Н.Н.

Chebotarev D.D., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Kuznetsova N.N.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ, КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

IMPACT ON CRIME AS ONE OF THE WAYS TO COMBAT CRIME

Аннотация.
Данная статья посвящена анализу такого способа борьбы с преступностью, как воздействие на преступность. Рассматривается историко-правовая составляющая и предлагается законодательная инициатива.

Abstract.
This article is devoted to the analysis of such a way of combating crime as the impact on crime. The historical and legal component is considered and a legislative initiative is proposed.

Ключевые слова. Преступность, воздействие, борьба, способ, уголовное право, право.
Keywords. Crime, impact, struggle, method, criminal law, law.

Исходя из исторического анализа такого способа борьбы с преступностью, как воздействие на нее, стоит отметить, что выделяют пять видов воздействия на преступность:

1. Воспитание.
2. Изоляция общественно-опасных элементов.
3. Защита объекта преступного посягательства.
4. Социальный контроль.

5. Обеспечение удовлетворенности людей. [1, с. 42]

Рассмотрим каждый из этих элементов подробнее.

Под воспитанием имеется в виду процесс управляемой социализации (процесс передачи социального опыта и организации личного опыта). Социальными инструментами воспитания выступают семья, школа, община, религия, идеология, культура, право (установление и реализация ответственности), средства массовой информации, исправительные структуры для правонарушителей и центры коррекции для лиц, имеющих психофизиологические аномалии.

Обеспечение удовлетворенности граждан достигается, с одной стороны, формированием низких стандартов материального потребления и стереотипов высокой духовности, с другой — повышением уровня удовлетворения материальных и духовных потребностей. Мировая история показывает, что наибольшую неудовлетворенность людей вызывает социальное неравенство и несправедливость, поэтому уже в древности справедливое государственное устройство и сглаживание социальных противоречий стало рассматриваться как один из основных способов обеспечения удовлетворенности населения. Практика социального реформаторства и социальных революций выступает инструментом решения этой проблемы (если реформы шли слишком медленно либо в неверном направлении, это обычно сначала вызывало рост преступности, а затем — социальный взрыв).

Социальный контроль, будучи одной из форм воспитания, одновременно выступает методом пресечения антисоциального поведения и отправным пунктом привлечения правонарушителей к ответственности. Социальный контроль осуществляется самыми разными субъектами: семьей, воспитательными учреждениями, общиной, правоохранительными органами и т.д. [2, с. 19]

Изоляция лиц, признанных общественно опасными в связи совершением тем преступления (и даже их физическое устранение), выполняет одновременно функции угрозы и лишения возможности причинять вред обществу. Будучи наиболее критикуемым, этот метод стал неотъемлемым атрибутом практики воздействия на преступность любой социальной системы. Отмечая значительное несовершенство, нельзя не признать его социальной значимости. По мнению американского криминолога А. Найера, главная ценность тюремного заключения состоит в том, что оно позволяет изолировать лицо от общества в момент его наибольшей возрастной криминальной активности. С возрастом тяга к преступлениям ослабевает. По его

данным, 84% арестованных за тяжкие преступления - это люди в возрасте до 29 лет, 89, 1% — до 34 лет, 92% — до 39 лет. [3, с. 94] Поэтому, если человек «пересидит» опасный возраст в тюрьме, вероятность дальнейшей преступной деятельности с его стороны уменьшается. Заключенные исправляются потому, что становятся старше. Примерно на основе таких же рассуждений социологи Вильсон и Боланд пришли к выводу о том, что увеличение количества арестов за преступления на 10% может повлечь снижение общего количества преступлений на 5%. При этом все больше и больше сторонников завоевывает теория стигмы, в соответствии с которой не следует злоупотреблять краткосрочными лишениями свободы: отрицательные последствия такой меры могут превзойти ее положительный эффект. Сегодня все более популярной становится концепция английского криминалиста XIX века Грифитса: «Необходимо разделить преступников на две большие категории: тех, которые никогда не должны бы были входить в тюрьму, и тех, которые никогда не должны бы были выходить из нее». [4, с. 212]

Практика самозащиты наиболее ярко иллюстрирует путь развития по спирали. Мы можем констатировать, что человечество сделало первый виток в развитии процесса воздействия на преступность: он начинался с самозащиты, основанной на инстинкте самосохранения. Самозащита (уже на качественно новом уровне) сегодня вновь приобрела особую актуальность. Несколько десятилетий назад появилась новая область знаний, обслуживающая этот метод, - виктимология. Учение о потенциальной жертве преступления стало основой для выработки рекомендаций по такой оптимизации поведения, при которой вероятность стать жертвой преступления значительно снижается. [5, с. 185]

Воспрепятствование наступлению тяжких последствий в результате нарушения правил безопасности - одно из наиболее перспективных направлений предупреждения неосторожных преступлений. Главной составляющей этого направления является совершенствование технических средств, оказывающихся источником повышенной опасности.

Как видно из вышеприведенного анализа, данные виды воздействия на преступность как по отдельности, так и в своей совокупности позволяют достаточно эффективно воздействовать на преступность.

Кроме того, при более подробном анализе этих видов можно наблюдать некую структурированную последовательность. Так, на первом месте среди них будет воспитание. Конечно же, даже не

заглядывая в статистику, можно с уверенностью констатировать, что большинство преступлений как среди несовершеннолетних, так и среди взрослых людей совершают лица, детство которых проходило в неблагополучных семьях, то есть в семьях, где воспитания либо не было совсем, либо оно было на очень низком уровне.

Далее идет социальная удовлетворенность общества. К вышесказанному стоит добавить, что даже при хорошем воспитании в обществе, где отсутствует социально-культурная область, либо же ей уделяется очень мало внимания, процент преступности значительно выше. Это объясняется тем, что молодым людям нечем заняться, отчего вместо полезных занятий они начинают совершать противоправные действия, что и приводит к росту уровня преступности.

Логически продолжая данную цепочку, 3 уровнем идет социальный контроль. Те лица, которые планируют совершать противоправные действия, должны понимать, что за это им грозит не только ответственность (начиная от административной и заканчивая уголовной), но и жесткое социальное порицание, как то-проблемы при приеме на работу, общественное осуждение и т.д. Все это будет возможно только при развитом социальном контроле.

Последним уровнем будет изоляция соответствующих социально-опасных элементов, то есть их временное(постоянное) исключение из жизни общества с целью их исправления и защита объектов посягательства. В целях оптимизации воздействии на элементы криминально-криминогенного феномена (частные объекты) необходимо осуществить рациональный выбор:

— методов воздействия и форм их реализации;

— оптимальной комбинации способов одновременного воздействия и замены одних мер другими в процессе длительного воздействия. Меры воздействия можно разделить на несколько групп:

— меры, принятие которых могло бы избавить общество от преступности;

— меры, которые позволяют значительно ограничить криминальный феномен на основе оптимального использования доступных социуму возможностей;

— нерациональные меры.

Нерациональными следует считать меры, затраты на которые превышают их эффект, а также меры, не ориентированные на рациональное использование антикриминальных потенций социума.

Рассмотрев данный способ борьбы с преступностью, мы столкнулись с тем, что в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. №

182-ФЗ "Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации" не были закреплены понятия:

1) Воздействие на преступность

2) Воспитание, как мера борьбы с преступностью.

3) Социальная удовлетворенность, как мера борьбы с преступностью.

4) Социальный контроль, как мера борьбы с преступностью.

5) Защита объектов посягательства.

Таким образом, предлагаем в статью 2 данного ФЗ внести соответствующие понятия:

1) Воздействие на преступность- деятельность как соответствующих органов государственной власти, так и всех граждан государства, направленная на воспитание, повышение социальной удовлетворенности, контроля и защиту объектов посягательства.

2) Воспитание, как мера борьбы с преступностью- процесс управляемой социализации, направленный на внушение ребенку верных ориентиров.

3) Социальная удовлетворенность, как мера борьбы с преступностью-, формирование низких стандартов материального потребления и стереотипов высокой духовности и повышение уровня удовлетворения материальных и духовных потребностей

4) Социальный контроль, как мера борьбы с преступностью- метод пресечения антисоциального поведения и отправной пункт привлечения правонарушителей к ответственности.

5) Защита объектов посягательства- совершенствование технических средств, оказывающихся источником повышенной опасности.

По нашему мнению, совершенствование данного Федерального закона поможет наиболее четко воздействовать на зачатки преступности, начиная с рождения человека, и заканчивая его выходом в самостоятельную жизнь.

Как видим, методов не так уж много -велико число форм и способов их реализации. В умении оптимально сочетать эти методы, использовать различные способы их реализации заключается искусство политика. Суть оптимальной стратегии - в своевременном изменении акцентов при использовании всей гаммы методов: интенсифицируя одни виды воздействия и ослабляя другие в зависимости от параметров изменяемого объекта.

Список цитируемой литературы:

1. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Наука, 2020. 811 с.
2. Любичева С.Ф. Борьба с преступностью // Уголовное право. 2021. № 3. С. 18-21.
3. Свило С.М. Предупреждение преступлений. М.: Амалфея, 2019. 562 с.
4. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. 711 с.
5. Серебрякова В.А. Особенности преступности и ее предупреждение. Методическое пособие. М.: НОРМА-М, 2019. 460 с.

Черешнев Д.Н., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Брусенцева В.А.

Chereshnev D.N., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Brusentseva V.A.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ACTUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MULTIPLE CRIMES

Аннотация.

Нормативная регламентация, юридическая квалификация и теоретический анализ социально-правового феномена множественности преступлений порождает целый ряд сложных вопросов. В этой связи теоретическая разработка конструкции множественности преступлений и ее аргументация в контексте системных взаимосвязей с иными уголовно-правовыми институтами может стать частью поиска современных путей совершенствования уголовного права и уголовной политики.

Abstract.

Regulatory regulation, legal qualification and theoretical analysis of the socio-legal phenomenon of multiple crimes generates a number of complex issues. In this regard, the theoretical development of the construction of the multiplicity of crimes and its argumentation in the context of systemic relationships with other criminal law institutions can become part of the search for modern ways to improve criminal law and criminal policy.

Ключевые слова: множественность преступлений, совокупность преступлений, реальная совокупность, идеальная совокупность.

Key words: the multiplicity of crimes, the totality of crimes, the real totality, the ideal totality.

Множественность преступлений – один из наиболее сложных институтов уголовного права не только в плане его теоретической интерпретации, но и с позиций практики правоприменения.

В самом уголовном законе это положение (хотя и не в полной мере) отражено в ч. 1 ст. 17 УК РФ, согласно которой «совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание».

Совокупность преступлений (и множественность в целом) должна исключаться в любой ситуации, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено Особенной частью УК РФ в качестве самостоятельного преступления, а не только в случаях, когда это обстоятельство влечет более строгое наказание.

Анализируя вопросы отграничения множественности от единичного преступления, состоит в необходимости предельно четкого и однозначного понимания такого, на первый взгляд, простого обстоятельства, что множественность в уголовном праве образуют только и исключительно преступления.

Высшим судебным инстанциям приходится регулярно исправлять квалификационные ошибки при разграничении единичных сложных преступлений и совокупности преступлений. Законодатель предусмотрел квалифицирующие признаки в качестве неких условий, которые отягчают наказание виновного лица. Придерживаемся мнения, что деяния, содержащие такие квалифицирующие признаки, не должны рассматриваться как совокупность преступлений, поскольку, конструируя норму уголовного закона, законодатель уже предусмотрел в соответствующей ее части санкцию, отражающую справедливое наказание применительно к тем деяниям, которые совершает виновное лицо. Например, пп. «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ устанавливают квалифицирующие признаки сопряженности убийства с преступлениями, предусмотренными другой нормой уголовного закона: ст. 162 (разбой), ст. 163 (вымогательство), ст. 209 (бандитизм) и ст. 131 (изнасилование).

Приведенные ранее рассуждения В.К. Дуюнова и А.Г. Хлебушкина, как представляется, не учитывают этого требования. Между тем, еще Б.А. Куринов предельно четко сформулировал мысль о том, что «преступление не может быть признано повторным, если виновный в первый раз совершил такие действия, которые формально и подпадают под признаки статьи Особенной части УК, но в силу явной малозначительности относятся к категории административных, дисциплинарных или иных антиобщественных проступков. Для наличия повторности необходимо, чтобы, по крайней мере, два деяния были признаны преступлениями» [4, с. 161].

В этой связи обратим внимание, что в ситуациях, описанных в статьях 116.1, 151.1, 154, 157, 158.1, 180, 212.1, 215.4, 264.1, 284.1, 314 УК РФ, мы встречаем не множественность преступлений и не случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено в статье Особенной части в качестве обстоятельства, влекущее более строгое наказание.

Учитывая, что законодатель отказался от конструкции неоднократности, возникает вопрос о целесообразности возврата к ней в новых условиях.

Основной массив случаев, когда «совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание», связан с квалифицированными составами преступлений.

Согласно действующей редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден [5, с. 26].

Это решение весьма неоднозначно воспринято отечественной наукой. Критикуя его, Е.В. Благов отмечает, что «отказ от неоднократности преступлений повлек изменения в регламентации только совокупности преступлений»; «стало быть, признак совершения преступления в отношении двух или более лиц желательно раскрывать в настоящее время также, как и раньше» [1, с. 96].

Оптимальный вывод из создавшейся ситуации видится, конечно, в корректировке законодательства об ответственности за убийство. Т.А. Плаксина, на наш взгляд, совершенно права, когда

пишет: «Состав убийства двух или более лиц сконструирован законодателем как характеризующийся тождественной многообъектностью сложный состав, объединяющий неопределенное множество тождественных преступлений. Однако социальная потребность в уголовно-правовой охране совокупности основных объектов убийства, каждому из которых причиняется вред, материализующийся в виде смерти потерпевшего, в силу ряда причин не способна получить юридическое выражение в квалифицирующем убийство обстоятельстве, а может быть реализована лишь через институт совокупности преступлений» [6, с. 8].

Обстоятельством, исключающим совокупность, следует признавать не сам по себе факт наличия нескольких потерпевших и квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц», а характеристику субъективной стороны совершенного деяния: единство умысла и единство мотива на совершение преступлений в отношении двух или более лиц. Отчасти подтверждается сказанное и позицией самого Верховного Суда РФ, высказанной по делу Останина, в соответствии с которой вовлечение нескольких несовершеннолетних в совершение одного преступления не образует совокупности преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, несмотря на то, что данный состав преступления не содержит квалифицирующего признака «вовлечение двух или более несовершеннолетних в совершение преступления» [2, с. 432].

Равным образом, в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 18 июня 2008 г. № 163-П08 по делу С. указано, что действия виновного, связанные с посягательством на жизнь нескольких сотрудников милиции, совершенные с одной целью, в одном месте и без разрыва во времени, образуют единое преступление и подлежат квалификации по одной статье (ст. 317 УК РФ) [5, с. 24].

Еще одна группа теоретико-прикладных проблем при квалификации множественности преступлений связана с рассмотрением преступной деятельности виновного лица как некоего процесса, имеющего протяжение во времени и в пространстве.

Когда в целях создания условий для совершения какого-либо преступления лицо незаконно приобретает оружие. Важные правила на этот счет разработаны судебной практикой. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5от 12 марта 2002 г. «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [3, с. 20] указывается: «В случаях хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов,

взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также их ношения, хранения, приобретения и изготовления с целью совершения другого преступления содеянное должно квалифицироваться как совокупность оконченного хищения либо вымогательства оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, незаконного их ношения, хранения, приобретения или изготовления и приготовления к совершению иного преступления, если ответственность за это предусмотрена законом».

В ситуации когда в процессе совершения преступления лицо меняет первоначальные параметры умысла и совершает иное преступление широко представлена в судебной практике и, как правило, характеризуется в науке с использованием термина «перерастание» менее тяжкого преступления в более тяжкое. Общий подход к ее разрешению представлен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Согласно этому документу, «если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия–как разбой».

В тоже время Е.В. Благов пишет, что «о единстве умысла в точном смысле слова здесь говорить сложно, а действия предусмотрены двумя статьями уголовного закона», в связи с чем сложившаяся практика квалификации «перерастающих» преступлений представляется ему сомнительной.

Например, ч. 3 ст. 150 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенное с применением насилия.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определило, что хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, квалифицируется как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ и соответствующей частью статьи 159 УК РФ.

Хрестоматийным примером здесь может служить умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, которое образует состав единого составного преступления. Однако, как и в предыдущем случае, более опасное преступление-последствие не может быть частью целого преступления.

В судебной практике такие ситуации встречаются применительно к различным преступным посягательствам. По ряду из них имеется внятная позиция высшей судебной инстанции.

Так, к примеру, глумление над трупом, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 декабря 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)», само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, глумление над трупом по окончании убийства следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших.

Правильная квалификация преступления будет иметь место только в том случае, если правоприменителем будут качественно восприняты господствующие теоретические положения уголовного права, наполняющие содержанием соответствующие нормы уголовного закона. В противном случае ошибки при квалификации преступных деяний неизбежны.

В равной степени это можно отнести и к вопросам правильного подхода к квалификации множественности преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М.: Юрист, 2009. 188 с.
2. Досаева Г.С. Проблемы квалификации преступления с учетом его динамики // Полицейская деятельность. 2014. № 5. С. 432-440.
3. Климов А.С., Хорьяков С.Н. Особенности установления рецидива преступлений и его правовые последствия по действующему уголовному законодательству // Мировой судья. 2018. № 9. С. 20-26.
4. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М. Юр. Лит., 1976. 181 с.

5. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л., Жарких Е.А. Дифференциация уголовной ответственности при рецидиве преступлений: соотношение законодательных подходов в нормах Общей и Особенной части УК РФ // Российский следователь. 2018. № 6. С. 23-26.
6. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автор. дисс… д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 48 с.

Шальнев Н., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Shalnev N., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ШТРАФА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ, НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ

PUNISHMENT IN THE FORM OF A FINE: PROBLEMS OF LEGISLATION, APPOINTMENT AND ENFORCEMENT

Аннотация.

Данная статья посвящена штрафу как форме наказания. Кроме того, в статье выделены основные проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения штрафа как вида наказания.

Abstract.

This article is devoted to the fine as a form of punishment. In addition, the article highlights the main problems of legislative consolidation, appointment and execution of a fine as a type of punishment.

Ключевые слова: штраф, исполнительное производство, мера наказания, злостное уклонение, преступление.

Keywords: fine, enforcement proceedings, punishment, malicious evasion, crime.

Специфика контроля порядка исполнения штрафа, которые выносятся в виде наказательных мер за преступное деяние определяются необходимостью интеграции задач и целей исполнительного производства с целями и задачами назначения и исполнения уголовного наказания.

Штрафом называется степень наказания, включающая в себя лишение осужденного всевозможных материальных ценностей, ранее принадлежащих ему. Данная мера наказания характеризуется как имущественная. При установлении размера штрафа суд учитывает степень тяжести совершенного преступления, имущественного статуса осужденного и его семьи, а также вероятность получения осужденным заработной платы либо других доходов. Суть штрафа заключается в ущемлении имущественных интересов лица, фигурирующего в совершении преступного деяния.

Размер штрафа устанавливается в двух формах:

- в определенном денежном эквиваленте;
- в качестве заработной платы либо другого дохода осужденного за определенное время.

В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ [3] штраф накладывается в размере от 5 000 до 1 000 000 рублей либо же в размере заработной платы или другого дохода осужденного за промежуток от 2 недель до 5 лет. Определение штрафа может происходить исходя из кратной стоимости предприятия или суммы коммерческого подкупа или взятки. В случае тяжкого или особо тяжкого преступления штраф устанавливается в размере от 500 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше 3 лет. Это учитывается в статьях Особенной части Уголовного кодекса. К исключениям относятся случаи установления штрафа в зависимости от величины, кратной сумме сумме размера подкупа или взятки. Штраф, который устанавливается в зависимости от величины, кратной сумме сумме размера подкупа или взятки накладывается в размере до стократной суммы подкупа или взятки, но он не может быть меньше суммы 25 000 рублей и больше 500 000 000 рублей.

На данный момент имеется множество проблем законодательного закрепления, назначения и исполнения уголовного наказания в качестве наложения штрафов. Штраф является одним из щадящих мер уголовного наказания, предусмотренных в ст. 44 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Спорным остается вопрос о мягкости данного наказания, так как он назначается в твердой денежной сумме. При установлении уголовного наказания в форме штрафа суд должен учитывать имущественный статус осужденного и членов его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода, это необходимо для гарантии реального исполнения штрафа. Вышесказанное является самым важным фактором, так как без данного фактора установление штрафа бессмысленно.

Одним из препятствий является норма закона, которая указана в части 2 статьи 88 Уголовного Кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой взыскать штраф, определенный по решению суда несовершеннолетнему лицу возможно только с родителей либо с других законных представителей, однако с их согласия. Исходя из этого, суд обязан осуществить проверку по поводу согласия данных лиц об оплате, назначенных судом несовершеннолетнему осужденному штрафа. После того как суд убедился о наличии согласия родителей или других законных представителей он обязан объяснить последствия при неисполнении обязанностей по уплате штрафа. Данная позиция сомнительна, так как штрафные наказания нужно применять к лицу, которое было признано виновным в совершении преступного деяния и наказание должно происходить в лишении или ограничении прав и свобод исключительно этого лица, а не кого-то другого. Установление социальной справедливости, исправление виновного и предупреждение совершения новых преступлений являются целями наказания. Исходя из вышесказанного, уголовное наказание становится менее эффективным и значимым при взимании штрафа с родителей или законных представителей, а не с несовершеннолетнего осужденного.

Одной из проблем исполнения штрафа является решение вопроса его замены. В соответствии с частью 5 статьи 46 Уголовного Кодекса Российской Федерации в случае уклонения осужденного от уплаты штрафа, определенное в виде основного наказания, кроме случаев определения штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, в таком случае штраф заменяется другим наказанием, но не лишение свободы.

В случае злостного уклонения осужденного от уплаты назначенного штрафа в размере, который исчисляется исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, возможен вариант замены наказания в рамках штрафной санкции, указанной в соответствующей статье Особенной части, однако данное наказание не может быть условным[2].

Злостное уклонение от уплаты штрафа — это отсутствие уплаты назначенного штрафа осужденным на протяжении 60 дней. В данном случае судебный пристав-исполнитель по отношению к такому осужденному, которому был назначен штраф в качестве основного наказания не раннее 10, но не позднее 30 дней со дня истечения

предельного срока уплаты направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания.

При рассмотрении вопроса о замене наказания в форме штрафа иным наказанием суду необходимо принять к сведению ограничения, установленные для определенных форм наказания статьями общей части УК РФ. Это значит, что при рассмотрении вопроса о замене данного вида наказания как штраф, нужно учитывать осуждено ли лицо за преступление, обусловленное коммерческим подкупом и взяткой либо нет. В последнем варианте возможна замена штрафа на лишение свободы и данный вариант исполнения приговора является предпочтительным, по причине того, что осужденный, уклоняющийся от уплаты штрафа, уже не будет исполнять какое-либо иное наказание.

Сегодня большая половина приговоров с определением наказания в форме штрафа остаются до сих пор неисполненными. Во время определения штрафа суд исходит из данных о субъекте, его имущественном статусе. Но тем не менее после того, как вынесен приговор об установлении штрафа ситуация внезапно может поменяться. Например, осужденного могут сократить на работе или осужденный может заболеть и уже не сможет выполнять свои рабочие обязанности [1, с. 293].

Невозможно учесть все варианты развития событий. У судьи нет обязанностей это совершать. Немаловажным объективным условием, сдерживающее исполнение судебного штрафа о штрафе может быть недостаток законодательства о данном виде наказания. Качество практики назначения и исполнения штрафа напрямую связано с качеством закона. Огромное количество приговоров с определением наказания в виде штрафа остаются неисполненными, следовательно можно утверждать о том, что в УК РФ неоправданно увеличены рамки использования штрафа. В заключении хотелось бы подчеркнуть о том, что штраф является наиболее щадящим наказанием, предусмотренное в Уголовном Кодексе Российской Федерации. В большинстве случаев наказание в виде штрафа применяется в отношении лиц, совершившие преступления небольшой тяжести и в отношении лиц, которые совершают преступления средней тяжести и тяжкие, но только при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных УК РФ.

Для увеличения эффективности штрафов, а также для решения вышеперечисленных проблем необходимо:

1. Установить ответственность за злостное уклонение от уплаты штрафа.

2. Осуществлять качественный анализ имущественного положения, осужденного;

3. По отношению к несовершеннолетним осужденным нет необходимости назначать штраф, нужно заменять на обязательные работы для того, чтобы виновное лицо почувствовало на себе бремя наказания.

Список цитируемой литературы:

1. Кузьмин К.А., Мурзин А.Е. Проблемы назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 8 (16). С. 291-294.
2. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 08.10.2007. № 41. Ст. 4849.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 16.10.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Шацких С.М., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Shatskikh S.M., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ХИЩЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINALIZATION OF THEFT OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Аннотация.

Ключевым критерием криминализации деяний является социальная обусловленность уголовно-правового запрета, которая отражает потребность в охране соответствующих общественных отношений. В рамках настоящей статьи рассматривается категория социальной обусловленности как необходимой предпосылки применения наиболее жестких правовых репрессий, которые характеризуют уголовное законодательство в области наркопреступности.

Abstract.

The key criterion for criminalizing acts is the social conditionality of the criminal law prohibition, which reflects the need to protect the relevant public relations. Within the framework of this article, the category of social conditionality is considered as a necessary prerequisite for the application of the most severe legal repressions that characterize criminal legislation in the field of drug crime.

Ключевые слова: социальная обусловленность; общественная опасность; незаконный оборот наркотиков; наркопреступность, криминализация преступлений.

Key words: social conditionality; public danger; drug trafficking; drug crime, criminalization of crimes.

Криминализация деяния означает легальное определение того или иного действия в качестве преступления. Ключевым фактором для признания определенного акта человеческого поведения преступным является способность деяния причинить вред либо создавать угрозу причинения вреда общественным отношениям, т.е. представлять общественную опасность. Именно общественная опасность деяния обусловливает необходимость уголовно-правовой охраны конкретных общественных отношений.

Общественная опасность является материальным признаком (внутренним свойством) преступного деяния, раскрывающим его социальную сущность. Общественная опасность означает то, что преступлениями являются такие деяния, которые способны причинить существенный вред важнейшим общественным отношениям. Деяния, не причинившие вред важнейшим общественным отношениям или причинившие им незначительный вред, преступлениями не признаются даже в случае, если они формально предусмотрены уголовным законом (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Однако отметим, что вопрос об общественной опасности как сущностном свойстве преступления в науке уголовного права является дискуссионным. Одни ученые считают общественную опасность свойством только преступления. Другие признают ее свойством не только преступления, но и правонарушения; по мнению последних, преступление обладает достаточно высокой степенью общественной опасности, чем и отличается от правонарушения.

Содержание общественной опасности хищения наркотических средств или психотропных веществ также раскрывается через его вредоносность и прецедентность. Вредоносность этого хищения составляет угроза безопасности здоровью населения от немедицинского потребления наркотических средств или психотропных веществ. Причинение вреда безопасности имеет несколько аспектов, связанных с негативными последствиями для здоровья населения. Медицинский аспект состоит в том, что хищения наркотических средств или психотропных веществ поддерживают наркотизацию населения. Это приводит к заболеванию значительной части населения наркоманией, влекущей утрату физического и психического здоровья, рождение нездоро¬вого потомства. Многие

наркоманы страдают инфекционными заболеваниями, которые получают в том числе посредством внутривенного введения наркотических препаратов[1, с. 6]. Согласно некоторым исследованиям, 46,6% ВИЧ-инфицированных заразились инфекцией через употребление инъекционных наркотиков. Число умерших от потребления наркотических средств или психотропных веществ в Российской Федерации в 2020 г. составило 4 445 человек [2]. Отметим, что даже эпизодическое употребление некоторых наркотических средств (например, марихуаны), хотя и не приводит к стойкой зависимости от них, однако сказывается на здоровье их потребителей (развитие болезней головного мозга, сердечнососудистой системы).

В социальной сфере хищения наркотических средств или психотропных веществ способствуют расширению социально-негативной среды, в которой осуществляется немедицинское потребление этих предметов, наркопотребители вынуждены поддерживать связи с лицами, изначально их вовлекшими в потребление наркотических средств, отчуждению личности от социально полезной деятельности, основных сфер позитивной социализации (семьи, труда и т.д.). По информации отдельных исследователей, среди осужденных за наркопреступления только 19% находились в зарегистрированном браке, 3,5% - в гражданском браке. Это обусловлено как опасностью деятельности, связанной с наркобизнесом, так и тем, что значительная часть преступников больны наркоманией, при которой создание или сохранение семьи практически невозможно [3, с. 37]. Причем лица, потребляющие наркотики, преимущественно находятся в репродуктивном трудоспособном возрасте от 15 до 35 лет. В психической сфере хищения наркотических средств или психотропных веществ, как и другие наркопреступления, приводят к дезадаптации личности в социуме и в конечном счете к ее распаду. Больное воображение наркомана воспринимает реальность искаженно. Находясь под воздействием наркотических средств или психотропных веществ, он не может адекватно оценить ситуацию. Это предопределяет общественно опасное поведение наркомана, совершение им агрессивных и насильственных преступлений.

В экономической сфере хищения наркотических средств или психотропных веществ приводят к расходам, связанным на борьбу с этим преступлением, необходимости усиления контроля за законным оборотом наркотических средств или психотропных веществ. В настоящее время существует целая структура государственных и международных органов - правоохранительные и медицинские учреждения, общественные и иные организации, которые включены в борьбу с наркоманией, наркопреступностью и их последствиями. Государствами затрачиваются колоссальные ресурсы на противодействие незаконному обороту предметов

наркопреступлений. Средства необходимы как для лечения наркозависимых, так и на содержание государственных и негосударственных учреждений, обучение врачей, специалистов. Дороговизна борьбы с наркоманией неоднократно озвучивалась исследователями и руководителями правоохранительных ведомств. Ситуация с распространением и немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ обостряется с каждым годом. Отечественные правоохранительные органы ежегодно привлекают к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, около 200 000 человек. При этом затраты на то, чтобы найти таких людей, расследовать дела, назначать и исполнять наказания, осуществлять медицинское лечение составляют 96 млрд рублей ежегодно.

Содержание общественной опасности хищений наркотических средств или психотропных веществ в аспекте его прецедентности состоит в том, что такие хищения являются не единичными актами человеческого поведения. Об этом свидетельствует статистика зарегистрированных преступлений. Так, по данным МВД РФ, в 2010 г. таких хищений зарегистрировано 212, в 2011 г. - 103, в 2012 г. - 94, в 2013 г. - 100, в 2014 г. - 93, в 2015 г. - 57, в 2016 г. - 66, в 2017 г. - 78, в 2018 г. - 109, в 2019 г. - 2603. Приведенные данные не в полной мере отражают реальное состояние таких преступлений, которые обладаю высокой латентностью, во-первых, в силу того, что большая часть наркотических средств или психотропных веществ похищается из незаконного оборота, поэтому владельцы этих предметов не являются потерпевшими в правовом смысле и не заявляют в правоохранительные органы о фактах хищения у них наркотических средств. Во-вторых, при похищении наркотических средств или психотропных веществ из аптек, медицинских учреждений, производящих их предприятий, совершенных их работниками, руководство зачастую не заинтересовано о сообщении таких фактов в правоохранительные органы. Эти сообщения в силу высокой общественной опасности таких хищений могут повлечь негативные последствия для руководителей, вплоть до уголовной ответственности, и для их престижа в целом.

В связи с изложенным вновь отметим, что общественную опасность анализируемого преступления следует рассматривать в совокупности двух ее аспектов: вредоносности и прецедентности. Это означает, что для криминализации изучаемого хищения не требуется такая его прецедентность, как, например, для кражи, предусмотренной ст. 158 УК РФ, ибо вредоносность этого хищения значительно выше, чем обычной кражи.

Представляется, что уголовно-правовой запрет на хищение наркотических средств или психотропных веществ соответствует принципу соразмерности, так как издержки, связанные с уголовно-правовым противодействием этому виду преступлений, вполне оправданы охраной важнейшей социальной ценности в виде безопасности здоровья населения от немедицинского потребления наркотических средств или психотропных веществ, а при насильственном хищении в зависимости от его характера - в виде телесной и психической неприкосновенности, безопасности жизни и здоровья конкретного человека. Реализация наказания за это хищение, прежде всего в виде лишения свободы, лишает осужденного возможности на определенный период совершать подобные хищения, создает предпосылки для его исправления, порождает у него, а также у лиц, склонных к совершению таких хищений, чувство страха перед наказанием. Тем самым снижается количество хищений наркотических средств или психотропных веществ и, как следствие, уровень угрозы безопасности здоровью населения от немедицинского их потребления. Кроме того, положительные последствия криминализации хищения, предусмотренного ст. 229 УК РФ, состоят в том, что уголовно-правовой охране подлежит владение указанными предметами в тех случаях, когда оно основано на законе.

Особенно важной является защита владения, осуществляемого лечебными учреждениями, оказывающими медицинские услуги, аптеками, реализующими такие средства и вещества, медицинские препараты в лечебных целях. Нередко хищение наркотических средств из законного владения сопряжено с посягательством на работников медицинских учреждений, которым эти предметы вверены для оказания медицинской помощи.

Уголовно-правовой запрет на рассматриваемое хищение в полной мере соответствует требованию конституционной и уголовно-политической адекватности криминализации этого деяния. Уголовная ответственность за такое хищение соответствует требованию конституционной адекватности, так как в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ указано, что в Российской Федерации охраняется здоровье людей, а в ч. 1 ст. 41 Конституции РФ - что каждый имеет право на охрану здоровья. Это означает, что здоровье людей является важнейшим объектом правовой, в том числе уголовно-правовой, охраны. Об этом свидетельствует наличие в УК РФ главы 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», включающей ст. 229 УК РФ, предусматривающую наказуемость указанного хищения. Соответствие рассматриваемого уголовно-правового запрета требованию уголовно-политической адекватности криминализации деяния в значительной мере соответствует реализуемой государственной

антинаркотической политике Российской Федерации. Важнейшая роль в противодействии незаконному обороту наркотических средств или психотропных веществ отводится недопущению наркопреступлений, совершенствованию российского уголовного законодательства в этой части.

Условие международно-правовой необходимости и допустимости криминализации хищения наркотических средств и психотропных веществ заключается в том, что Российская Федерация выполняет международные обязательства по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что в основе криминализации хищения, предусмотренного ст. 229 УК РФ, лежит его общественная опасность, обусловленная особенностями предмета этого преступления, которые состоят в его пагубном влиянии на человеческий организм при немедицинском употреблении. Введение в незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ в результате их хищения создает угрозу безопасности здоровью населения от немедицинского их потребления. Наличие ст. 229 УК РФ соответствует разработанным в науке уголовного права условиям криминализации деяний.

Список цитируемой литературы:

1. Можайская Л.А. Социально-правовые проблемы профилактики ВИЧ-инфекций (СПИДа). Уголовно-правовые и медицинские аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 24 с.
2. Статистика ВИЧ, СПИДа в России: [Электронный ресурс]. URL: https://spid-vich-zppp.ru/statistika/ofitsialnaya-statistika-vich-spid-rf 2016.html (дата обращения: 11.10.2021).
3. Шеслер А.В., Жалыбин В.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: монография. Тюмень: ООО «РГ «Проспект», 2016. 143 с.

Ширяева О.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Дмитриев А.Л.

Shiryaeva O.V., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Dmitriev A.L.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

CRIMINAL LIABILITY FOR COMMITTING CRIMES IN THE INFORMATION SPHERE

Аннотация.

В статье рассматриваются: уголовная ответственность граждан за совершение преступлений в информационной сфере, основные статьи Уголовного кодекса Российской Федерации и виды наказаний за такие деяния.

Abstract.

The article deals with: the criminal liability of citizens for committing crimes in the information sphere, the main articles of the Criminal Code of the Russian Federation and the types of punishments for such acts.

Ключевые слова: уголовное наказание, уголовная ответственность, преступления, информационная сфера.

Key words: criminal punishment, criminal liability, crimes, information sphere.

В настоящее время важную роль играет информационная сфера. Она оказывает влияние на такие аспекты безопасности государства, как экономика, оборона страны и политика. Жизнь существенно облегчается благодаря информационным технологиям,

однако с их развитием растёт и преступность. Злоумышленникам удалось активно развить в своей незаконной деятельности компьютерную технику и внедрить достижения науки в области кибернетики. Таким образом, информационный прогресс привёл не только к огромным достижениям, но ещё и к возникновению нового вида злодеяний -компьютерным преступлениям. Преступления в области компьютерной информации - это опасные для общества деяния, осуществляемые по злому умыслу или по неосторожности, угрожающие безопасности компьютерной информации и способные причинить вред благам, охраняемым законом (правам личности, отношениям собственности и т. д.) [2, с. 57]. Впервые уголовное законодательство РФ предусмотрело данный вид преступлений в 1996 году. В УК РФ они объединились в 28-ую главу, которая содержит 3 статьи: «Незаконный доступ к компьютерной информации (ст. 272), «Создание, применение и распространение вредоносных компьютерных программ» (ст. 273), «Нарушение норм эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации» (ст. 274) [5, с. 14].

Опасность таких преступлений состоит в том, что компьютерная безопасность общества и пользователей ЭВМ подвергается угрозе со стороны правонарушителей.

Следует отметить, что факт совершения преступления будет признан в момент наступления общественно опасных материальных последствий, таких как: блокирование, уничтожение, копирование, модификация информации; создание, распространения или использование компьютерной программы или информации. В таких преступлениях субъектами преступных деяний будут признаваться вменяемые физические лица, которые достигли 16-летнего возраста.

Деяния, совершённых по ст. 272-273 УК РФ, характеризуется наличием умысла, но существуют случаи, когда преступление по ст. 274 УК РФ может произойти и по неосторожности.

В таком случае меры ответственности будут зависеть от статьи, в соответствии с которой рассматривается данное преступление.

На основании ст. 272 УК РФ виды наказаний за совершение преступлений в области компьютерной информации будут следующие: если произведён неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, то наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного

дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок [1, с. 68].

Если деяние совершено группой лиц по предварительному сговору или служебным лицом, то варианты наказания могут быть следующие: штраф от 500 до 800 минимальных зарплат или в размере дохода, осуждённого за период от 5 до 8 месяцев; исправительная трудовая деятельность на срок от 1 года до 2 лет; арест на срок от 3 до 6 месяцев; лишение свободы сроком до 5 лет.

По ст. 273 УК РФ виды наказаний будут - лишение свободы до 3 лет и штраф в размере от 200 до 500 минимальных зарплат; штраф в сумме дохода, осуждённого за период от 2 до 5 месяцев; лишение свободы сроком до 7 лет (если деяния повлекли по неосторожности тяжкие последствия).

И по ст. 274 УК РФ: лишение права заниматься определёнными видами трудовой деятельности и занимать служебные посты на срок до 5 лет; обязательные работы на срок от 180 до 240 часов; ограничение свободы на срок до 2 лет или до 4 лет при тяжёлых последствиях.

Понятия «преступления в сфере компьютерной информации» и «компьютерные преступления» различны, именно это не позволяет использовать их как синонимы. В юридической литературе отмечается, что различие между этими преступлениями следует проводить по объекту преступного деяния.

Если таковым выступают, допустим, отношения собственности (кража компьютера), то деяние подлежит квалификации по соответствующей ст. 158 гл. 21 УК РФ, если объектом являются отношения по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина (нарушение неприкосновенности частной жизни), то деяние квалифицируется по ст. 139 гл. 19 УК РФ и т. п. И только если таковым выступают отношения в сфере нормального оборота компьютерной информации, то деяние подлежит, квалификации в соответствии со статьями гл. 28 УК РФ. Развитие законодательства в сфере ответственности за преступления компьютерной информации как направление правового обеспечения инновационных процессов в России можно разделить на два этапа [3, с. 775]. На первом этапе оно регламентировалось теми же нормативно-правовыми актами, что и информационное обеспечение инновационной деятельности. Основополагающими являются положения Конституции РФ, в

которых закреплено право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ).

Также в Конституции РФ содержится комплекс статей, направленных на защиту права граждан, организаций и государства на тайну (ст. ст. 23, 24, 56). Поэтому законодателю в каждом конкретном случае приходится находить баланс между обеспечением тайны и обеспечением права на информацию. Информационное обеспечение инновационной деятельности в правовом аспекте реализовывалось на основе Федеральных законов, принятых в феврале 1995 г.: «О связи» и «Об информации, информатизации и защите информации».

В статье 2 данного закона было дано определение «информация — сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, независимо от формы их представления». Эти законы регулировали правовые отношения в сфере информационного обмена и обработки информации с использованием средств новых информационных технологий. Они давали юридическое определение основных компонентов информационной технологии как объектов правовой охраны, определяли категории доступа определенных субъектов к конкретным видам информации, устанавливали и определяли права и обязанности собственника на объекты правовой охраны. С позиции законодательства большое значение для построения общей целостной государственной системы мер борьбы с компьютерной преступностью имел Указ Президента РФ «О мерах по соблюдению законности в области разработки, производства, реализации и эксплуатации шифровальных средств, а также предоставления услуг в области шифрования информации» № 334 от 3 апреля 1995 г., направленный на усиление борьбы с организованной преступностью и повышение защищенности информационно-телекоммуникационных систем органов государственной власти, российских кредитно-финансовых структур, предприятии и организаций. Во исполнение данного Указа Президента РФ, принимается Постановление Правительства РФ № 608 от 26 июня 1995 г. «О сертификации средств защиты информации», обязывающее соответствующие министерства и правительственные ведомства разработать и ввести в действие собственные положения, которые будут определять системы сертификации, перечни средств зашиты информации, подлежащие лицензированию в конкретной системе, порядок производства средств, порядок оплаты услуг по их разработке, установке и эксплуатации и т.д.

Международному сотрудничеству Российской Федерации в области обеспечения информационной безопасности тоже было уделено большое внимание, в том числе и противодействию несанкционированному доступу к компьютерной информации и информационным сетям [4, с. 975]. В международной сфере можно выделить Федеральный закон РФ «Об участии в международном информационном обмене» принятый 4 июля 1996 г., устанавливавший ответственность за распространение недостоверной, ложной иностранной документированной информации, полученной в результате международного обмена (ст. 14) и устанавливавший гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность за противоправные действия при осуществлении международного информационного обмена на территории Российской Федерации (ст. 20). Однако, признавая достоинства первых нормативно-правовых актов, нельзя не отметить, что до 1997 г. в России не была создана эффективная правовая система защиты компьютерной информации, так как отсутствовала ее важная составляющая часть - уголовно-правовые средства защиты [4, с. 976].

Следующий этап развития законодательства начинается с введения в Уголовный кодекс 1996г.

Главы 28, которая регулирует преступления в сфере компьютерной информации и включает 3 уголовные статьи: общими для всех трех составов объектом преступления являются общественные отношения, связанные с использованием компьютерной информации. 9 сентября 2000 г. Президентом РФ была утверждена «Доктрина Информационной Безопасности Российской Федерации», которая устанавливает национальные интересы РФ в информационной сфере и их обеспечение; виды и источники угроз информационной безопасности РФ; методы обеспечения информационной безопасности РФ в различных сферах общественной жизни; основные положения государственной политики обеспечения информационной безопасности РФ и первоочередные мероприятия по ее реализации; организационные основы системы обеспечения информационной безопасности РФ.

Затрагивая проблему несанкционированного доступа к компьютерной информации, в Доктрине говорится, что четвёртая составляющая часть национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя защиту информационных ресурсов от неправомерного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развёрнутых, так и тех, которые только создаются на территории РФ. Вместе с появлением

глобальных информационных систем, преступления в сфере компьютерной информации по своему содержанию распространяются на все сферы общественных отношений, которые регламентируют федеральные законы, например, «Об электронной цифровой подписи», «О противодействии экстремистской деятельности», «О государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» и др. Последние изменения связаны с выходом Нового Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так, в статье 272 появился отдельный квалифицирующий признак - совершение неправомерного доступа к компьютерной информации из корыстной заинтересованности. В ч. 3 ст. 273 вводится уголовная ответственность за использование или создание компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации при этом квалифицированный состав данной статьи охватывает неосторожное причинение тяжких последствий, за которые предусмотрено самое тяжкое из всех наказание до семи лет лишения свободы.

Таким образом, законодательство Российской Федерации о преступлениях в сфере компьютерной информации начало формироваться с 1991 г. Но на начальном этапе не была создана эффективная правовая система защиты компьютерной информации. Именно поэтому ключевым моментом в борьбе с данным видом преступлений стало принятие 24 мая 1996г. Уголовного кодекса РФ, криминализировавшего основные из общественно опасных деяний в данной сфере, необходимость борьбы с которыми была к тому времени осознана. Существующая в действующем УК РФ система преступлений в сфере компьютерной информации является, с одной стороны, основополагающей для отечественного правоприменителя в силу ее прагматичности, с другой стороны - требует дальнейшего развития путем совершенствования юридических конструкций и признаков имеющихся составов преступлений, а также включения новых преступлений, отражающих современные потребности уголовно-правовой охраны компьютерной информации.

Кроме того, отечественному законодателю, а также специалистам в области уголовного права и криминологии, необходимо находиться в постоянной динамике, чутко реагируя на любые изменения в сфере компьютерных преступлений и

преступлений в сфере высоких технологий, как в России, так и за рубежом.

Список цитируемой литературы:

1. Ландик С.А., Шарыпова Т.Н. Компьютерные преступления и мероприятия по защите электронных данных // НАУКА СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ. 2018. С. 68-70.
2. Севастьянов Р.С., Шарыпова Т.Н. Анализ эффективности и защищенности экономических информационных систем при внедрении инновационных технологий // Управление экономическими системами. 2011. № 9 (33). С. 57.
3. Шарыпова Т.Н., Мунаева У.Д. Юридическая ответственность за информационные правонарушения // Аллея науки. 2019. № 1 (28). С. 775-778.
4. Шарыпова Т.Н., Сиваков В.Н. Киберпреступления. Цели, последствия и методы защиты // Аллея науки. 2019. № 1 (28). С. 975-978.
5. Шарыпова Т.Н., Чакирян Р.А. Защита информации в сети интернет // Аллея науки. 2019. № 1 (28). С. 14-18.

Ширяева О.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Дмитриев А.Л.

Shiryaeva O.V., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Dmitriev A.L.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION IN RUSSIA AND FOREIGN STATES

Аннотация.

В статье рассматривается уголовное законодательство СНГ относительно преступлений в сфере компьютерной информации. Анализируются и выделяются общие черты в регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации.

Abstract.

The article deals with the criminal legislation of the CIS regarding crimes in the field of computer information. Common features in the regulation of criminal liability for crimes in the field of computer information are analyzed and highlighted.

Ключевые слова: зарубежное законодательство, уголовное право, преступления в сфере компьютерной информации, несанкционированный доступ.

Key words: foreign legislation, criminal law, crimes in the field of computer information, unauthorized access.

Законодательство об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации в различных государствах мира существенно отличается. На наш взгляд, первый шаг в направлении защиты компьютерной информации был сделан в Швеции 4 апреля 1973 года, когда был принят «Закон о данных», который ввёл в традиционное законодательство новое понятие — «злоупотребление при помощи компьютера» [3].

В США впервые правовая защита компьютерной информации получила отражение в принятом законодательными собраниями американских штатов Аризона и Флорида законе «Computer crime act of 1978», устанавливающем уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Согласно этому закону, преступлением признавались противоправные действия, сопряженные с уничтожением, нарушением целостности, несанкционированным доступом, изъятием содержащихся на компьютере данных, программ, и наказывались пятью годами лишения свободы, либо денежным штрафом в размере 5000 долларов, либо тем и другим одновременно в зависимости от тяжести причиненного потерпевшему ущерба. Те же деяния, но совершенные с целью хищения какого-либо имущества, наказывались пятнадцатью годами лишения свободы, либо штрафом в размере 10 000 долларов, либо этими мерами совокупно. Вскоре во всех штатах США были приняты аналогичные законы и иные нормативно-правовые акты. В федеральном «Законе о компьютерном мошенничестве» 1984 года вводится серьезная уголовная ответственность за совершение не - санкционированного доступа к федеральным компьютерным сетям.

Например, наказание наступает для лиц, которые путем неправо -мерного доступа к компьютерной информации:

1) получают информацию ограниченного пользования правительства США с намерением или осознанием того факта, что данная информация может быть использована во вред Соединенным Штатам Америки либо на пользу иностранному государству;

2) получают информацию финансового учреждения США или информации о клиентах данного финансового учреждения;

3) осознанно копируют, модифицируют или уничтожают данные на определенных компьютерах.

Компьютерные преступления в России уже давно перестали быть редкостью. С каждым годом незаконных действий с использованием компьютерного оборудования становится все больше и больше.

Такие преступления тесно связаны с нарушением авторских прав. Каждая программа, созданная для той или иной модели ЭВМ (антивирус, драйверы) – продукт автора, владельца. Копирование и продажа дисков с этими программами, взлом защиты с целью завладеть идентификационным ключом – действия незаконные. С пиратством борются во всем мире, не является исключением и законодательство России.

Во многих случаях киберпреступники взламывают чужие страницы социальных сетей, такие действия являются нарушением частных прав: на личную жизнь, переписку и т.д. Часто потерпевший по таким делам может находиться в одном регионе РФ, а преступник – в другом, в том числе и за границей. Уголовный закон предусматривает ответственность за такие деяния по ст. 137, 138 УК РФ. В последнее время значительно возросло число случаев мошенничества с использованием сети «Интернет».

В России впервые закон о правовой охране программ для электронно-вычислительных машин и баз данный быт принят в 1992 г. В ст. 128 Гражданского кодекса РФ, принятого 25 октября 1994 года, информация определялась как особый объект гражданских прав, наряду с вещами, иным имуществом и интеллектуальной собственностью. 20 февраля 1995 года быт принят закон «Об информации, информатизации и защите информации». Этот нормативный акт регулировал правовые отношения в сфере обмена и обработки информации с использованием технических средств. Под информацией в нем подразумевались «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, независимо от формы их представления».

Продолжением развития отечественного законодательства стала разработка в проекте Уголовного кодекса РФ в 1996 г. группы статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Первые попытки составления статей, предусматривающих уголовную ответственность за компьютерные преступления в отечественной научной литературе, были ориентированы на выработку необходимых рекомендаций по совершенствованию ранее действующего уголовного законодательства в этой области. Ю.М. Батурин и А.М. Жодзишский в своем исследовании, посвященном компьютерным посягательствам, выделили среди преступлений в сфере компьютерной информации два основных вида - связанные с вмешательством в работу компьютера и предполагающие его использование в качестве необходимого технического средства [2, с. 230]. К первому авторы отнесли:

1) несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютере;

2) ввод в программное обеспечение «логической бомбы», активирующейся при определенных условиях и частично или целиком выходящей из строя компьютерную систему;

3) разработку и распространение компьютерных программ разрушительного характера - вирусов;

4) некачественную разработку, изготовление и использование программно-вычислительного комплекса, проводящую к тяжким последствия;

5) подмену компьютерной информации;

6) хищение информации, содержащейся на компьютерных носителях.

Такие пробелы законодательства способствуют безнаказанному созданию и распространению программ-вирусов. Отсутствие центров по отслеживанию неправомерного доступа по международным компьютерным сетям в еще большей степени способствует совершению указанный преступлений. Вредны с расширением сети Интернет и других международный компьютерный сетей число пользователей растет как показательная функция и в равной степени растет опасность компьютерный преступлений, следовательно, необходимо совершенствовать и меры безопасности.

Анализ отечественного и зарубежного законодательства в области компьютерной информации приводит к выводу о необходимости детального изучения составов преступлений в сфере компьютерной информации в целях их правильной квалификации и повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с ними. Кроме того, на наш взгляд, необходима унификация уголовного законодательства различных государств, в том числе и Российской Федерации, предусматривающего уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Также нам представляется необходимой имплементация антикриминального международного уголовного права в Уголовный кодекс Российской Федерации в той части, где разработчиками предусмотрена ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, если преступления совершены с помощью ЭВМ, систем ЭВМ или их сетей.

Отечественное законодательство предусматривает за преступления данного вида наказание: от штрафа 500000 рублей, до лишения свободы сроком на 5 лет.

В статье 274.1 УК РФ объединены различные формы совершения компьютерных преступлений: неправомерный доступ, создание вредоносных программ и т.д., с той разницей, что все эти действия совершаются относительно критической информационной инфраструктуры страны. Поскольку данный состав преступления подразумевает угрозу безопасности государства и населения, расследованием таких дел занимаются сотрудники ФСБ. Наказание может достигать 10 лет лишения свободы [1, с. 101].

Список цитируемой литературы:

1. Смирнова Т.Г. Уголовно-правовая борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 161 с.
2. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. /отв. ред. проф. И.Я. Козаченко, проф. З. А. Незнамова, доц. Г. П. Новоселов. М.: НОРМА, 2019. 857 с.
3. Эмм Д. Киберпреступность и закон [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http:// cybercrime.zp.ua/ viewtopic.php?f=3&t=4776 (дата обращения: 10.11.2021).

Щербаков А.Е., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Shcherbakov A.E., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ ГРУЗОВ ПРИ ПЕРЕВОЗКЕ

FEATURES OF QUALIFICATION OF CARGO THEFT DURING TRANSPORTATION

Аннотация.

В статье автор анализирует общие положения о хищении, существующие в современном уголовном законодательстве, а также особенности квалификации хищений грузов при перевозке. Особое внимание уделяется возможным направлениям развития уголовного законодательства в данной сфере.

Abstract.

In the article, the author analyzes the general provisions on theft that exist in modern criminal law, as well as the features of qualification of theft of goods during transportation. Particular attention is paid to possible directions for the development of criminal legislation in this area.

Ключевые слова: хищения, грузоперевозки, логистика, мошенничество, крупный ущерб, денежные средства, товар.

Keywords: theft, transportation, logistics, fraud, major damage, money, goods.

В современном обществе активно используются грузоперевозки, что не редко используют и мошенники. Грузоперевозки стали частью современного бизнеса, позволяют

переместить товар с одного в другой пункт, тем самым расширяя зону бизнеса. Как правило, отгрузка товара производится на крупные суммы, поэтому похищение одного или двух грузов приводит к причинению крупного, а порой и особо крупного ущерба. Актуальность данной темы заключается в том, что на сегодняшний день, исходя из практики судов, хищение грузов при перевозках является одним из частых явлений, характеризующееся крупными суммами ущерба.

Хищение представляет собой совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Основными признаками хищения в теории уголовного права называют: противоправность; безвозмездность; корыстность; изъятие направленно на чужое имущество; обращение в пользу виновного или иного лица. В соответствии с современным Уголовным кодексом РФ, к формам хищения относятся: кража, мошенничество, грабеж, разбой, присвоение или растрата [5].

Непосредственным объектом хищения следует признать общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие и защиту отношений собственности. Итак, объектом посягательства в этом случае необходимо считать: чужое имущество, принадлежащее человеку на праве собственности, которое может относиться как к движимому, так и недвижимому имуществу, денежные средства и ценные бумаги. Объективная сторона выражается в активных действиях, направленных на завладение чужим имуществом. При таких формах хищения, как присвоение и растрата, хищение имущества происходит без его изъятия, поскольку предмет преступления уже находился во владении виновного и был вверен ему по различным основаниям (для хранения, управления, транспортировки и т.п.).

На наш взгляд, хищения грузов при перевозке, чаще всего совершается в форме мошенничества, разбой, а также присвоения. Мошеннические действия и разбойные нападения характерны для преступлений, совершаемых лицами «из вне», а то время как присвоение совершается лицами, причастными к грузоперевозкам. Следует отметить, что каждое преступление, в том числе и хищение груза на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, имеет свои индивидуальные особенности, характеризующие его как отдельное явление.

Для исследуемой нами категории преступлений первостепенное значение имеет обстановка совершения преступления, а точнее, место его совершения – транспорт и транспортная инфраструктура. Именно транспорт и общественные отношения в сфере транспорта предопределяют способы совершения хищений грузов, личностные характеристики субъектов, используемые ими орудия и средства совершения преступлений, комплекс характерных следов, возникающих в процессе совершения противоправных действий с грузами при перемещении их различными видами транспорта. [1, с. 15]

Объектами настоящего исследования выступают виды транспорта, отнесенные к ведению специализированных подразделений - органов внутренних дел на транспорте - железнодорожный, воздушный и водный транспорт. Расследование преступлений, совершаемых на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, прежде всего, связано с непосредственным знанием технологических процессов работы транспорта, что является одной из характерных особенностей в деятельности лиц, производящих расследование в линейных подразделениях полиции.

Итак, проблема совершения мошенничества в отношении грузов, связана с использованием поддельных документов. При использовании поддельных документов, а также номеров машин, крайне сложно установить в каком месте находится груз. В качестве поддельных документов используют водительские удостоверения, товарные накладные, регистрационные документы организации, как отправляющей груз, так и принимающей. Не редко хищения происходят еще до прибытия груза на склад. В этом случае может «исчезнуть» не только сам груз, но и транспорт перевозящий его [3, 14]. В современных условиях активно развивается и киберпреступность, которая пробует свои силы и в хищении грузов. Аферисты взламывают аккаунты транспортных компаний в брокерской системе и принимают от их лица заказы на перевозку. По поддельным документам они получают доступ к грузам, вместе с которыми и скрываются в неизвестном направлении.

Еще одной проблемой является использование поддельных компаний, которые являются участниками рынка. Какое-то время такая компания обслуживает клиентов, перевозит товары и отчитывается перед налоговой. В определенный момент фирма набирает большое количество высоколиквидных грузов и исчезает вместе с ними. Иногда используют бренд уже существующей компании, как правило, хорошо зарекомендовавшей себя на рынке, но

не вышедшей на многомиллионные обороты. Преступники незначительно видоизменяют название или логотип, выдавая себя за надежного подрядчика, а после получения груза исчезают.

Такие действия крайне сложно установить, в связи с тем, что используются новые документы. Лица, фигурирующие в документах, как правило, «подставные», поэтому выявить настоящих мошенников практически невозможно. В рамках кибермошенничества, еще сложнее выявить откуда появились те или иные преступники, т.к. они могут руководить из другой страны. Современные способы мошенничества, связанные с хищением грузов с каждым годом, совершенствуются, несмотря на проводимые работу в отношении предотвращения данных преступлений.

Еще одним видом хищения, которое зачастую совершается при грузоперевозках, это разбойные нападения. Безусловно, сегодня процент разбоя на дорогах сократился. в сравнении с началом нового тысячелетия, но в отношении грузоперевозок он продолжает активно использоваться. Чаще всего, такое преступление совершается в отношении грузоперевозок на автомобильном транспорте. В пути следования, особенно на неоживленных трасах неустановленные лица останавливают автомашину, «выкидывают» водителя из машины и с грузом похищают автомашину. Соответственно, не сразу удается определить место и время совершения преступления. Как следствие не удается провести следственные и оперативно-розыскные мероприятия «по горячим следам». Кроме того, в связи с территориальным принципом деятельности ОВД, без точного установления места совершения преступления начинается «пересылка материалов» [4, с. 103]. Несмотря на то, что сегодня активно используются камеры и автомобильные регистраторы, установить точное время и место совершения преступления крайне сложно.

Присвоение как форма хищения, также имеет место быть при перевозках груза. Лица, имеющие отношение к грузу, будь то водитель, экспедитор или приемщик товара, могут присвоить груз себе. Зачастую используется схема со сменой адреса отгрузки товара. Не редко в таких схемах используются коррупционные связи с правоохранительными органами. в частности государственной автодорожной инспекцией. На наш взгляд, данный вид хищения проще выявить нежели мошенничество или разбой, т.к. при устройстве на работу, такие кандидаты, зачастую, предоставляют оригиналы своих документов.

В пути следования груза могут совершаться и иные преступления. Например, кражи части перевозимого груза. Данное

преступление быстро выявляется при доставке груза. Зачастую основными фигурантами таких уголовных дел являются сами водители, похитившие груз и избравшие такой способ защиты.

Хотим отметить, что на сегодняшний день нет состава предусматривающего повышенную ответственность за хищение грузов при перевозках, и лица отвечают по соответствующим нормам действующего УК РФ, при установлении причиненного ущерба. В современной судебной статистике отсутствует категория данных видов преступлений, что на наш взгляд, является ошибочным. Существующая латентность указанных преступлений, связана и с непроработанной статистикой по указанной категории дел.

Список цитируемой литературы:

1. Бушин Г. В. Основные способы хищений в структуре перевозки грузов автомобильным транспортом // 100 лет уголовному розыску России: история, современность, перспективы. 2018. С. 14-18.
2. Коваль Т. Хищения и мошенничество с грузами: главные проблемы и пути их решения // Логистика. 2019. № 4(149). С. 12-14.
3. Монин А. Г. Наиболее распространенные способы замаскированных хищений грузов и характеристика следов, выявляемых на ЗПУ // Вопросы экспертной практики. 2016. № 1. С. 13-17.
4. Опрышко Н. В. Особенности криминалистической характеристики хищений грузов на объектах транспорта // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5(108). С. 100-104.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Эртель А.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Ertel A.A., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific adviser: Senior lecturer
Shagunova V.A.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

DEFINITION AND COMPOSITION OF CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY AND SEXUAL FREEDOM OF THE PERSON

Аннотация.

В статье анализируется состав преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, определяются актуальные проблемы и предлагаются пути их решения

Abstract.

The article analyzes the composition of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual, identifies current problems and suggests ways to solve them

Ключевые слова: половая неприкосновенность, половая свобода личности, преступление, состав преступления, уголовное право

Keywords: sexual integrity, sexual freedom of the individual, crime, corpus delicti, criminal law

Все государства, которые относят себя к правовым, обязаны охранять права и законные интересы своих граждан. Жизнь, здоровье, достоинство и неприкосновенность личности должны защищаться, невзирая на политическую обстановку в стране.

Органы государственной власти должны делать все, чтобы права человека действительно имели высшую ценность, создавать такие условия, при которых все, кто посягает на личность человека, несли ответственность, установленную законом.

Современное состояние криминогенной обстановки в Российской Федерации отражает внутреннее неблагополучие нашего общества. Наиболее тяжело определить влияние на общее состояние преступности преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, так как на основе статистических данных очень нелегко выявить действительный уровень преступности на сексуальной почве ввиду того, что большое количество таких деяний остается вне поля зрения правоохранительных органов. При этом даже относительно небольшое количество подобных преступлений не может не вызывать тревоги в силу повышенной общественной опасности и необратимости последствий физических, моральных и психологических травм.

В соответствии с п. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность», в том числе на такие ее неотъемлемые элементы, как половая свобода и половая неприкосновенность. Посягательства на данную сферу являются противоправными и относятся Уголовным кодексом Российской Федерации к преступлениям против личности.

В уголовном законодательстве Российской Федерации не закреплено понятие «половые преступления», однако различные дефиниции данного явления предлагаются отдельными авторами. В настоящее время существуют различные определения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

В настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации четко очерчены границы половых преступлений, выделенных в отдельную 18-ю главу УК РФ. В соответствии с этим современные ученые склонны придерживаться приведенных выше определений. При этом нам представляется целесообразным дополнить их указанием на то, что они также учитывают умышленные действия, направленные против половой неприкосновенности и нормального физического, умственного и морального развития лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Таким образом, обобщая мнения указанных выше авторов, можно сделать вывод, что половые преступления - это общественно опасные и умышленные деяния против охраняемых законом половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также действия,

направленные против нравственного и физического развития лиц, не достигших совершеннолетия.

Видовой объект половых преступлений - половая неприкосновенность и половая свобода личности. При этом важно отметить, что общим для всех половых преступлений является то, что их объективная сторона выражается в активных действиях, посредством которых причиняется вред либо создается угроза его причинения половым интересам личности. Субъектом половых преступлений могут быть вменяемые лица, достигшие в зависимости от состава 14, 16 или 18 лет. Наиболее важно то, что все половые преступления совершаются только с прямым умыслом.

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что сексуальный мотив не является для половых преступлений обязательным признаком, так как изнасилование возможно, например, из хулиганских побуждений, из мести, а также с целью добиться согласия потерпевшей на вступление в брак.

Систему данных преступлений составляют следующие противоправные действия: изнасилование; насильственные действия сексуального характера; понуждение к действиям сексуального характера; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста; развратные действия [6].

Проанализируем преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности для того, чтобы в дальнейшем лучше понять роль жертвы в них.

Изнасилование - это одно из наиболее тяжких преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Данное преступление в частях первой - второй ст. 131 УК РФ относится к категории тяжких, а в частях третьей - пятой ст. 131 УК РФ - к категории особо тяжких.

Объективная сторона изнасилования состоит в половом сношении с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Объектом изнасилования может выступать только женщина.

В настоящее время в следственной и судебной практике существуют сложности при решении вопроса о том, имело ли место беспомощное состояние потерпевшей и воспользовался ли виновный таким состоянием жертвы при совершении изнасилования. При этом важным моментом является то, что не имеет значения, привел ли сам виновный потерпевшую в такое состояние или же воспользовался тем,

что она сама находилась в данном состоянии независимо от его действий.

Насильственные действия сексуального характера - это деяние, посягающее на половую свободу не только женщин, но и мужчин. Новая редакция ст. 132 УК РФ предусматривает ответственность за мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей).

Как мы видим, данная норма УК РФ способствует равной защите половой свободы как мужчин, так и женщин, поскольку потерпевшими могут быть лица обоего пола.

Понуждение к действиям сексуального характера посягает не только на половую свободу женщины или мужчины, но и на честь и достоинство личности. Важно отметить, что характер угрозы отличается тем, что при понуждении к осуществлению угрозы возможно в будущем и исключается насилие или угроза его применения и жертва вступает в половую связь вынужденно, находясь под давлением. Можно сделать вывод, что подобная ситуация затрудняет избирательность поведения, однако не лишает жертву такового.

При этом от понуждения к действиям сексуального характера необходимо отличать ситуацию, когда человека соблазняют на совершение сексуальных действий посредством обещания определенных материальных и нематериальных благ. В таком случае согласие на вступление в интимную близость будет основываться на личном выборе человека, который при таких обстоятельствах потерпевшим считаться не может.

Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, также интересно с юридической стороны тем, что потерпевшие должны понимать характер и значение совершаемых с ними действий. При этом важно, что при разграничении изнасилования потерпевшей, не достигшей четырнадцати лет, или несовершеннолетней и полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, необходимо установить, могла ли потерпевшая в силу своего возраста и психического развития понимать характер и значение совершаемых с нею действий.

Таким образом, объективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется совершением общественно опасного

деяния, которое чаще выражается в форме активного поведения - действия, однако, на наш взгляд, возможны ситуации совершения отдельных посягательств путем бездействия. Основные составы всех половых преступлений по конструкции являются формальными, то есть считаются оконченными с момента совершения общественно опасного деяния.

Однако стоит отметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации категория преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности представлена весьма полно и последовательно.

Также важно сказать, что на теоретическом уровне в настоящее время существует несколько видов классификаций преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Список цитируемой литературы:

1. Буранов Г. К. Новеллы в квалификации преступлений против половой неприкосновенности и свободы личности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). С. 31-35.
2. Горбатова М. А. Особенности квалификации группового изнасилования // Проблемы права. 2016. № 1 (55). С. 161-167.
3. Исаев Н. А. Сексуальные преступления как объект криминологии М.: Юридический центр Пресс, 2007. 486 с.
4. Крылова А. Б. Личность потерпевшей от изнасилования // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты: сборник статей по материалам международной студенческой научно-практической конференции / под ред. С.А. Полякова, М.А. Михайлова, Е.А. Ануфриевой, Т.В. Омельченко. 2017. С. 129-132.
5. Нуркаева Т. С. О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 83 - 85.
6. Российское уголовное право: В 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: Проспект, 2010. 688 с.

Научное издание

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Сборник трудов участников

Заочная международная научно-практическая конференция

(4 февраля 2022 г.)

Электронный сборник
Липецкий филиал РАНХиГС
г. Липецк,
ул. Интернациональная